

В Е С Т Н И К

**НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

№ 1 (25)

**САРАНСК
2013**

У ч р е д и т е л и:

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

*Ученый совет Научно-исследовательского института гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

Основан в 2006 году

Главный редактор

В. А. Юрчёнков

Заместитель главного редактора

Г. А. Куршева

Ответственный секретарь

О. В. Зарубина

Р е д к о л л е г и я:

Ф. А. Айзатов, И. В. Бахлов, Е. Н. Бикейкин, С. П. Бурланков,
Т. М. Гусева, И. В. Зубов, В. А. Каланов, А. М. Каторова, А. Н. Келина,
В. А. Ломшин, Л. И. Никонова, О. Е. Поляков, Е. Г. Скворцова, В. В. Ставицкий,
А. Н. Чекушкин, А. В. Чернов, А. М. Шаронов, Н. Г. Юрчёнкова

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

А д р е с р е д а к ц и и:

430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3, каб. 304

© НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

Скворцова М. А., Сарайкина Ю. В. Статистическое моделирование жилищных условий населения как основного фактора социальной комфортности проживания в регионе	7
Артёмьева С. С., Тиньгаев А. М. Инвестиционная привлекательность кластера Республики Мордовия «Энергоэффективная светотехника и интеллектуальные системы управления освещением»	13
Щербаков А. В. Организация процессов разработки и продвижения новых промышленных товаров	17

ИСТОРИЯ

Кузьмичева О. В. Развитие околоривской крепости и городка Шишкилёва Галичского уезда в XVI в.: экономический и политический аспекты	26
Ногманов А. И. Соборное уложение 1649 г. о правовом положении татарского населения Поволжья	37
Юрчёнков В. А. Финно-угорские народы России в творческом наследии Г. В. Вернадского	46
Бикейкин Е. Н. Тенденции и противоречия в развитии сельскохозяйственного производства в 1980-е гг. (По материалам Марийской, Мордовской и Чувашской АССР)	59
Минеева И. Н. Среднее профессиональное образование Республики Мордовия: состояние, проблемы и перспективы развития (1990-е — начало 2000-х гг.)	71

ПОЛИТОЛОГИЯ

Пузаков А. В. Деволуция и региональное неравенство	82
Рожкин Е. Н. Мусульманская община в Республике Коми (XX — начало XXI в.)	89
Бахлова О. В., Курлевский И. В. Национальные образования в составе Российской Федерации и проблема асимметрии: эволюция политических оценок в ходе избирательных кампаний 1999 — 2003 гг.	97
Шапошников Е. Л. Понятие и формы международного сотрудничества в области предупреждения преступности	108

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Коваль Е. С.</i> Сравнительные конструкции в коми и мордовских языках	114
<i>Каторова А. М.</i> Основные направления развития мордовской литературы в начале XXI в.	122
<i>Чушникова Н. В.</i> Модель мира в контексте стилевых исканий современных писателей Мордовии	131

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Широкова В. В.</i> Нравы русского офицерства второй половины XIX в.	138
<i>Мочалов Е. В., Емелькина И. В.</i> Менталитет мордовского народа в системе российского менталитета	147
<i>Мухамедзянова И. А.</i> Язык в картине мира как отображение менталитета народа	154
<i>Исаев Д. И.</i> Влияние религиозных ценностей на развитие представлений об ответственной экономической деятельности (На примере христианской традиции)	162
<i>Ломшин А. В.</i> Состояние системы образования в мордовском крае в 1910 — 1920 гг.	166

НАШИ ПРОЕКТЫ

«Мифология мордвы». Буква К	172
-----------------------------------	-----

СОБЫТИЯ. ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ

Научная деятельность НИИГН в 2012 г.	226
Отчет о работе аспирантуры НИИГН за 2012 г.	232
Многообразие культур в полиэтническом пространстве Мордовии	234

РЕЦЕНЗИИ	239
-----------------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	243
----------------------------------	-----

СОКРАЩЕНИЯ	249
-------------------------	-----

CONTENTS

ECONOMICS

<i>Skvortsova M. A., Saraykina Yu. V.</i> Statistical Modelling of Housing Conditions of the Population as a Basic Factor of Social Housing Comfort in the Region	7
<i>Artemyeva S. S., Tingaev A. M.</i> Investment Appeal of «Energy Efficiency of Lighting Engineering and Intellectual Systems of Lighting Control» Cluster of the Republic of Mordovia	13
<i>Scherbakov A. V.</i> Organization of Processes of Development and Promotion of New Industrial Products	17

HISTORY

<i>Kuzmicheva O. V.</i> The Development of Okologriivskaya Fortress and Shishkilev Town of the Galich Uyezd in the XVI Century: Economic and Political Aspects	26
<i>Nogmanov A. I.</i> The Code of Law of 1649 About the Legal Status of the Tatar Population of the Volga Region	37
<i>Yurchenkov V. A.</i> Finno-Ugric Peoples of Russia in G. V. Vernadsky's Artistic Heritage	46
<i>Bikeykin E. N.</i> Tendencies and Controversy in the Development of Agricultural Production in the 1980s. (According to materials of the Mari, Mordovia and Chuvashia ASSRs)	59
<i>Mineeva I. N.</i> Secondary Vocational Education of the Republic of Mordovia: State, Problems and Prospects of Development (the 1990s — the Early 2000s)	71

POLITICAL SCIENCE

<i>Puzakov A. V.</i> Devolution and Regional Disparities	82
<i>Rozhkin E. N.</i> The Muslim Community in the Republic of Komi (the XX — the Early XXI Century)	89
<i>Bakhlova O. V., Kurlevsky I. V.</i> National Formations as Parts of the Russian Federation and the Problem of Asymmetry: the Evolution of Political Assessments in the Course of Election Campaigns of 1999 — 2003	97
<i>Shaposhnikov E. L.</i> Concept and Forms of International Cooperation in the Sphere of Prevention of Crimes	108

PHILOLOGY

<i>Koval E. S.</i> Comparative Constructions in the Komi and Mordovian Languages	114
<i>Katorova A. M.</i> Main Directions of the Development of Mordovian Literature in the Early XXI Century	122
<i>Chushnikova N. V.</i> Model of the World in the Context of Style Searching of Modern Writers of Mordovia	131

CULTURAL THEORY AND HISTORY

<i>Shirokova V. V.</i> Morals of the Russian Officer Corps of the Second Half of the XIX Century	138
<i>Mochalov E. V., Emelkina I. V.</i> Mentality of the Mordovian People in the System of Russian Mentality	147
<i>Mukhamedzyanova I. A.</i> Language in the Picture of the World as the Representation of the People's Mentality	154
<i>Isaev D. I.</i> Influence of Religious Values on the Development of Idea of Responsible Economic Activity (On the Example of Christian Tradition)	162
<i>Lomshin A. V.</i> The System of Education in the Mordovian Region during the 1910s — the 1920s	166

OUR PROJECTS

«The Mythology of the Mordvins». Part K	172
---	-----

EVENTS. FACTS. COMMENTARY

Scientific Activity of NIIGN in 2012	226
The Report on the Work of Postgraduate School of NIIGN in 2012	232
Cultural Diversity in a Multitethnic Area of Mordovia	234

REVIEWS	239
----------------------	-----

INFORMATION ABOUT AUTHORS	246
--	-----

ABBREVIATIONS	249
----------------------------	-----

ЭКОНОМИКА

УДК 332.81

М. А. Скворцова, Ю. В. Сарайкина
M. A. Skvortsova, Yu. V. Saraykina

СТАТИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ НАСЕЛЕНИЯ КАК ОСНОВНОГО ФАКТОРА СОЦИАЛЬНОЙ КОМФОРТНОСТИ ПРОЖИВАНИЯ В РЕГИОНЕ

STATISTICAL MODELLING OF HOUSING CONDITIONS OF THE POPULATION AS A BASIC FACTOR OF SOCIAL HOUSING COMFORT IN THE REGION

Ключевые слова: комфортность, жилищные условия, фактор, кластеризация, региональная дифференциация, регрессия, моделирование, стандартизованные коэффициенты.

В статье методом кластеризации выявляется дифференциация регионов Приволжского федерального округа по основным составляющим жилищных условий населения как основного фактора социальной комфортности проживания в регионах; построены регрессионные модели зависимости жилищных условий населения от величины общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя, и индекса цен на первичном рынке жилья.

Key words: comfort, housing conditions, a factor, clustering, regional differentiation, regression, modeling, standardized coefficients.

Differentiation of the regions of the Volga Federal District in the main components of housing conditions of the population as a key factor of social comfort of living there is revealed in the paper with the help of the method of clustering; regression models of housing conditions of the population dependence on the size of total living space, accounted for a resident on average, and the price index in the initial housing market are built.

На современном этапе жилищная проблема в России является одной из наиболее актуальных. Это прежде всего связано с тем, что российское общество характеризуется, во-первых, кризисом жилищной сферы и, во-вторых, таким состоянием, при котором трудоспособный, законопослушный гражданин не имеет возможности заработать средства на приобретение и содержание достойного гигиенического жилища. Лишь с недавнего времени приоритетной задачей социальной сферы в современной России стало обеспечение граждан жильем. Одним из основополагающих факторов социальной комфортности проживания населения является собственное жилье.

Мониторинг социальной комфортности проживания населения в Республике Мордовия позволяет определить уровень социально-экономического развития

общества и дать оценку проводимой государственной политики, ключевым социальным приоритетом которой становится создание комфортных условий проживания человека, способствующих всестороннему развитию личности. Социологическое исследование, проведенное в регионе в 2010 г., позволило определить удовлетворенность населения социальными условиями жизни и установить значимость тех или иных факторов в формировании социальной комфортности проживания населения (табл. 1).

Таблица 1

Удовлетворенность населения Республики Мордовия социальными условиями жизни по результатам социологического исследования 2010 г.

Фактор социальной комфортности	Значение субъективной оценки фактора социальной комфортности		Значение важности фактора социальной комфортности
	до кризиса 2008 г.	в 2010 г.	
Жилищные условия	8,32	8,08	8,57
Качество образования	8,39	7,69	7,63
Состояние здравоохранения	4,69	3,95	7,68
Культурный отдых, досуг	6,92	6,96	6,82
Общественная безопасность	5,31	5,00	7,18
Обеспеченность объектами инфраструктуры	4,86	4,97	7,09
Социальная патология общества	1,85	1,26	6,40
Организация труда	3,95	2,27	7,11
Социально-демографические условия	4,48	4,27	5,82
Социальная справедливость	0,01	0,08	6,68

Результаты исследования, представленные в табл. 1, подтверждают высокую значимость жилищных условий среди факторов, влияющих на социальную комфортность проживания населения. Жилищные условия населения — это интегральное свойство, совмещающее в себе основные показатели, характеризующие обеспеченность жильем, условия проживания населения, степень благоустройства жилья и т. п. При этом показатели жилищных условий могут быть как объективными измеряемыми, так и субъективными оценочными.

Основными составляющими жилищных условий населения в регионах являются общая площадь жилого помещения, приходящаяся в среднем на одного жителя; среднемесячный размер субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг на семью, руб.; удельный вес расходов домашних хозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг, %; индекс цен на первичном рынке жилья.

Выявление региональной дифференциации — важное звено в формировании жилищной политики и программ развития регионов. Для этого по вышеперечисленным показателям¹ регионы Приволжского федерального округа (ПФО) методом кластерного анализа были разбиты на три группы. Результаты классификации представлены на рисунке. Сравнение средних значений показателей жилищных условий в регионе в каждой из групп свидетельствует о существенной дифференциации данного фактора социальной комфортности проживания населения.

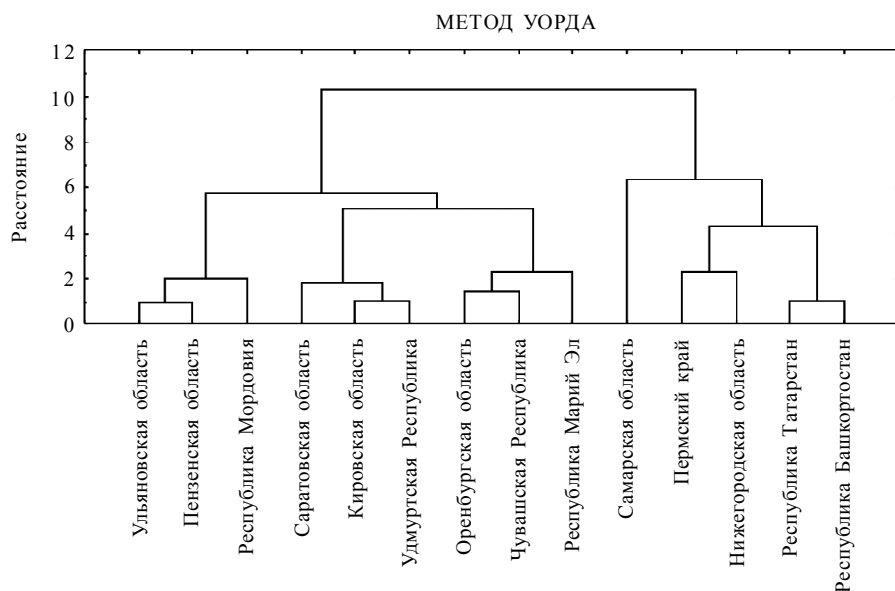

Рисунок. Кластеризация регионов Приволжского федерального округа по показателям, характеризующим жилищные условия населения методом Уорда

Регионы первого кластера (Ульяновская область, Пензенская область и Республика Мордовия) характеризуются высокими значениями общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя; удельного веса расходов домашних хозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг; значительным среднемесячным размером субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг на семью и самыми низкими индексами цен на первичном рынке жилья среди регионов ПФО. Второму кластеру (Саратовская, Кировская, Оренбургская области, республики Удмуртская, Чувашская и Марий Эл) свойственны средние значения вышеназванных показателей. Что касается третьего кластера (Самарская и Нижегородская области, Пермский край, республики Татарстан и Башкортостан), то в вошедших в него регионах отмечены среднее значение общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя; высокий удельный вес расходов домашних хозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг; высокий среднемесячный размер субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг на семью и самые высокие индексы цен на первичном рынке жилья среди регионов ПФО.

Для исследования взаимосвязи показателей, характеризующих рассматриваемый фактор социальной комфортности проживания населения в регионах, по каждому выделенному кластеру были построены регрессионные модели степени влияния семи выбранных показателей на общую площадь жилых помещений, приходящуюся в среднем на одного жителя, и индекс цен на первичном рынке жилья. Модели построены на основе соответствующих данных регионов ПФО, входящих в выделенные кластеры, за 2007 — 2011 гг.² Это в свою очередь

потребовало построения регрессионных моделей зависимости жилищных условий населения от двух составляющих: величины общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя, и индекса цен на первичном рынке жилья, что позволит проследить формирование и изменение данных показателей по имеющимся группам регионов со сходными характеристиками социальной комфортности проживания населения.

Множественная регрессия широко используется для решения различных задач анализа социально-экономических явлений и процессов. Основная ее цель — определить влияние каждого включенного в модель фактора, а также их совокупное воздействие на моделируемый показатель³.

В качестве результативных показателей выбраны y_1 (общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, м²) и y_2 (индекс цен на первичном рынке жилья, %); в качестве независимых факторных переменных — x_1 (численность населения, тыс. чел.), x_2 (среднедушевые денежные доходы населения, руб.), x_3 (уровень занятости, % от численности населения в возрасте 15 — 72 лет), x_4 (объем платных услуг населению, % к соответствующему месяцу предыдущего года), x_5 (среднегодовая численность работников, %), x_6 (индекс потребительских тарифов на отдельные виды жилищно-коммунальных услуг, % к декабрю предыдущего года) и x_7 (строительство жилых домов, % к соответствующему периоду предыдущего года).

В результате регрессионного анализа, проведенного для первого кластера, были получены:

1) модель величины общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя:

$$\hat{y}_{11} = 131,4 + 1,2x_2 - 0,53x_4 - 5,4x_6 \quad (1)$$

$$t\text{-статистика:} \quad (4,2) \quad (-2,63) \quad (-4,35)$$

$$R^2 = 0,7; F_{\text{набл}} = 15,29 > F_{\text{табл}}(0,05; 4; 25) = 2,76.$$

Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, в регионах первого кластера зависит от среднедушевых денежных доходов населения: их рост на 1 % приводит к увеличению результативного показателя на 1,2 м², а рост объема платных услуг населению и индексов потребительских тарифов на отдельные виды жилищно-коммунальных услуг — к снижению общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя, в регионах данной группы;

2) модель индекса цен на первичном рынке жилья:

$$\hat{y}_{12} = 402,86 + 2,9x_3 - 6,54x_6 + 3,8x_7 \quad (2)$$

$$t\text{-статистика:} \quad (-7,77) \quad (-6,29) \quad (7,01)$$

$$R^2 = 0,68; F_{\text{набл}} = 13,08 > F_{\text{табл}}(0,05; 4; 25) = 2,76.$$

Уравнение (2) адекватно описывает обратную зависимость показателя индекса цен на первичном рынке жилья от индексов потребительских тарифов на отдель-

ные виды жилищно-коммунальных услуг и прямую зависимость — от показателей уровня занятости и строительства жилых домов, что вполне логично.

В ходе регрессионного анализа для второго кластера были получены следующие результаты:

1) модель величины общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя:

$$\hat{y}_{21} = -613,5 + 8,3x_2 - 7,8x_4 - 3,5x_6 \quad (3)$$

t -статистика: (10,75) (9,2) (-4,66)

$$R^2 = 0,84; F_{\text{набл}} = 46,33 > F_{\text{табл}}(0,05;3;26) = 2,98.$$

Уравнение (3) показывает наибольшую зависимость общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя, от фактора, характеризующего среднедушевые денежные доходы населения ($\beta_2 = 1,69$), кроме того, результативный показатель обратно зависит от факторов, характеризующих объем платных услуг населению ($\beta_4 = 1,51$), и индекса потребительских тарифов на отдельные виды жилищно-коммунальных услуг ($\beta_6 = -0,66$);

2) модель индекса цен на первичном рынке жилья:

$$\hat{y}_{22} = -145,11 - 1,07x_1 + 3,43x_3 - 0,3x_7 \quad (4)$$

t -статистика: (-4,07) (3,24) (4,09)

$$R^2 = 0,51; F_{\text{набл}} = 9,06 > F_{\text{табл}}(0,05;3;26) = 2,98.$$

Во втором кластере, в отличие от первого, на уровень индекса цен на первичном рынке жилья влияют численность населения ($\beta_1 = -5,5$) и уровень занятости ($\beta_3 = 5,81$), а также строительство жилых домов ($\beta_7 = 0,86$).

Построение аналогичных моделей для третьего кластера дало следующие результаты:

1) модель величины общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя:

$$\hat{y}_{31} = 132,2 + 3,8x_3 - 5,2x_6 + 1,4x_7 \quad (5)$$

t -статистика: (2,77) (-2,54) (6,34)

$$R^2 = 0,73; F_{\text{набл}} = 13,96 > F_{\text{табл}}(0,05;4;19) = 2,9.$$

Здесь наблюдается наибольшая зависимость общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя, от уровня занятости и индекса потребительских тарифов на отдельные виды жилищно-коммунальных услуг, что является очевидным. Кроме того, существует зависимость от строительства жилых домов;

2) модель индекса цен на первичном рынке жилья:

$$\hat{y}_{32} = 146,99 + 1,6x_5 + 2,06x_7 \quad (6)$$

$$t\text{-статистика:} \quad (3,58) \quad (-4,07)$$

$$R^2 = 0,50; \quad F_{\text{набл}} = 10,8 > F_{\text{табл}}(0,05; 2; 21) = 3,47.$$

Уравнение (6) показывает прямую зависимость уровня индекса цен на первичном рынке жилья только от двух показателей — среднегодовой численности работников и строительства жилых домов.

Для более глубокого анализа выявим степень влияния факторов, включенных в уравнения множественной регрессии (1) — (6), на результативные признаки по стандартизованным коэффициентам (табл. 2).

Таблица 2

Стандартизованные коэффициенты системы показателей, характеризующей жилищные условия населения

Кластер	β -коэффициент	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	x_7
<i>Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя</i>								
Первый	значение		-0,67		-0,80		-0,70	
	ранг		3		1		2	
Второй	значение		1,69		1,51		-0,66	
	ранг		1		2		3	
Третий	значение			0,48			-0,73	2,86
	ранг			3			2	1
<i>Индекс цен на первичном рынке жилья</i>								
Первый	значение			-9,8			-2,84	8,30
	ранг			1			3	2
Второй	значение	-5,5		5,81				0,86
	ранг	2		1				3
Третий	значение					-3,35		2,95
	ранг					1		2

Как видно из табл. 2, положительное влияние на рост результативного показателя зависимости общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя, от выбранных показателей оказывает рост среднедушевых денежных доходов населения, уровня занятости и строительства жилых домов. Увеличение объема платных услуг населению и индекса потребительских тарифов на отдельные виды жилищно-коммунальных услуг ведут к сокращению общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя. Величина индекса цен на первичном рынке жилья во всех трех кластерах зависит от строительства жилых домов. Однако уровень занятости и среднегодовая численность работников находятся на первом месте по степени влияния на результативный показатель.

Таким образом, несмотря на сходство влияния разных показателей на результативные признаки, во всех кластерах есть различия, зависящие от уровня социальной комфортности проживания населения в регионах ПФО.

Библиографические ссылки

¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 13.08.2012).

² Там же.

³ См.: Вуколов Э. А. Основы статистического анализа : Практикум по стат. методам и исследованию операций с использованием пакетов STATISTICA и EXCEL. М., 2010. С. 75 — 90.

Поступила 20.09.2012 г.

УДК 332.146:330.322(470.342)

С. С. Артемьева, А. М. Тиньгаев

S. S. Artemyeva, A. M. Tingaev

**ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ КЛАСТЕРА
РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ «ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНАЯ
СВЕТОТЕХНИКА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ
УПРАВЛЕНИЯ ОСВЕЩЕНИЕМ»**

**INVESTMENT APPEAL OF «ENERGY EFFICIENCY
OF LIGHTING ENGINEERING AND INTELLECTUAL
SYSTEMS OF LIGHTING CONTROL» CLUSTER
OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA**

Ключевые слова: инновационный кластер, инвестиционная привлекательность, инвестиционный климат, инвестиционная деятельность, государственная поддержка.

В статье рассматриваются механизмы государственной поддержки инвестиционной деятельности в Республике Мордовия. Дается оценка инфраструктуры инновационного территориального кластера «Энергоэффективная светотехника и интеллектуальные системы управления освещением» с точки зрения готовности к осуществлению дополнительных инвестиций. Приводится перечень крупных инвестиционных проектов, реализованных на территории размещения кластера.

Key words: innovation cluster, investment appeal, investment climate, investing, state support.

The mechanisms of state support of investment activities in the Republic of Mordovia are considered in the paper. An assessment of the infrastructure of innovative regional cluster «Energy efficiency of lighting engineering and intellectual systems of lighting control» in terms of readiness for additional investment of capital is made. Major investment projects, implemented in the territory of the cluster location, are listed as well.

Энергоэффективность и энергосбережение, будучи общенациональными задачами, входят в число стратегических направлений приоритетного технологического развития России и являются значительным резервом отечественной экономики. В процесс модернизации экономики России включены не только хозяйствующие

субъекты, но и общество в целом, общественные организации, а вопросам энергосбережения и энергетической эффективности уделяется особое внимание.

Россия обладает одним из самых больших в мире техническим потенциалом повышения энергетической эффективности — более 40 % от уровня потребления энергии в стране (в абсолютных объемах это 403 млн т у. т.). Использование данного резерва возможно только посредством комплексной политики, элементом которой является образование инновационных кластеров.

Созданный на территории Республики Мордовия — одного из центров разработки и производства энергоэффективной светотехники и силовой электроники — кластер представляет собой территориально-производственную, специализированную (светотехника и силовая электроника) мезоэкономическую систему с преимущественно горизонтальными производственно-хозяйственными связями между участниками, производящими взаимодополняющие товары и использующими общие ресурсы и инфраструктуру на территории региона. Предприятия и организации кластера дислоцируются в г. о. Саранск, г. Ардатов, г. Инсар и рп Кадошкино Кадошкинского района.

Реализация крупных проектов всегда требует существенного финансирования, которое невозможно без создания на территории благоприятного инвестиционного климата. Одним из наиболее эффективных инструментов повышения инвестиционной привлекательности является государственная поддержка инвестиционной деятельности. В Республике Мордовия в настоящее время действуют несколько ее механизмов. Один из них — предоставление налоговых льгот. Он предусматривает:

снижение ставки налога на прибыль, уплачиваемого в республиканский бюджет, до 13,5 % на период окупаемости приоритетного инвестиционного проекта, но не более, чем на 5 лет (Закон Республики Мордовия «О снижении ставок по налогу на прибыль организаций» № 77-З от 25 ноября 2004 г.*);

освобождение от налога на имущество на период окупаемости приоритетного инвестиционного проекта, но не более, чем на 5 лет (Закон Республики Мордовия «О налоге на имущество организаций» № 54-З от 27 ноября 2003 г.);

освобождение от земельного налога (в ведении муниципальных властей).

В соответствии с Законом Республики Мордовия «О государственной поддержке инвестиционной деятельности в Республике Мордовия» № 6-З от 20 февраля 2006 г. в перечень приоритетных инвестиционных проектов Республики Мордовия на конкурсной основе может быть включен инвестиционный проект, суммарный объем вложений в реализацию которого составляет не менее 100 млн руб. Критерием включения является соответствие одному из следующих условий: организация производства импортозамещающей продукции; рост налоговых платежей в республиканский бюджет; организация производства экспортно ориентированной продукции; создание новых рабочих мест при обеспечении выплаты заработной платы на уровне, не менее чем в 1,5 раза превышающем среднюю заработную плату по Республике Мордовия.

* Здесь и далее законы Республики Мордовия и постановления Правительства Республики Мордовия приводятся по данным справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Кроме того, существуют другие механизмы государственной поддержки инвестиционной деятельности:

предоставление государственных гарантий Республики Мордовия (Закон Республики Мордовия «О предоставлении государственных гарантий Республики Мордовия» № 5-3 от 21 февраля 2008 г.);

предоставление субсидий на возмещение затрат по оплате части процентов за пользование инвестиционными кредитами российских банков, а также части затрат на лизинговые платежи по соответствующим договорам (постановления Правительства Республики Мордовия № 218 от 18 мая 2009 г. и № 429 от 1 ноября 2010 г.);

предоставление субсидий на финансовую поддержку научно-технических и инновационных проектов (постановление Правительства Республики Мордовия № 324 от 9 августа 2010 г.), а также субъектам малого и среднего предпринимательства, осуществляющим разработку и внедрение инновационной продукции (постановление Правительства Республики Мордовия № 236 от 4 июля 2011 г.);

предоставление поручительств и займов Казенным предприятием Республики Мордовия «Дирекция по реализации Республиканской целевой программы развития Республики Мордовия» (постановление Правительства Республики Мордовия № 182 от 27 апреля 2009 г.).

С точки зрения оценки уровня готовности к осуществлению дополнительных инвестиций инфраструктура кластера имеет ряд ограничений. В первую очередь, это отсутствие подготовленных производственных площадок «greenfield». Большая часть свободных площадей представляет собой производственные корпуса, построенные по типовым проектам 30 — 40 лет назад, не эффективные с энергетической точки зрения и имеющие высокий уровень физического износа строительных конструкций. Таким образом, на инвестора ложатся значительные первоначальные затраты. Свободные же земельные участки не обеспечены инженерной и транспортной инфраструктурой, а также довольно часто не оформлены с точки зрения земельного законодательства.

Кроме того, производственная и обслуживающая инфраструктура организаций — участников кластера была создана более 50 лет назад, ее высокий уровень износа, в первую очередь инженерных коммуникаций, оказывает негативное влияние на развитие кластера. Так, требуют замены 62 % систем водоснабжения, 11 % систем теплоснабжения, 53 % электрических сетей и около 73 % системы канализования. При этом ряд населенных пунктов нуждается в установке дополнительной системы очистки питьевой воды до нормативных значений.

В то же время социокультурная инфраструктура на территории кластера характеризуется высоким уровнем развития. Городские поселения, находящиеся в зоне кластера, неоднократно становились лауреатами региональных конкурсов по благоустройству, а г. о. Саранск в течение последних 6 лет входит в тройку самых благоустроенных городов России.

За последние 5 лет на территории базирования кластера были реализованы следующие крупные инвестиционные проекты:

создание промышленного производства приборов нового поколения на основе карбида кремния в ОАО «Электровыпрямитель»;

строительство завода по производству кабельно-проводниковой продукции; организация производства кабеля, алюминиевой и медной катанки ЗАО «Цветлит»;

создание производства алюминиевых сплавов, а также нового поколения проводов и кабелей для эксплуатации в сложных и экстремальных условиях, с целью обеспечения повышенной надежности объектов электроснабжения; организация производства арматуры для волоконно-оптических кабелей, встроенных в грозозащитный трос ООО «Оптикэнерго»;

строительство современного экспортно ориентированного завода по переработке лома алюминия, не имеющего аналогов в России, ОАО «Мордоввторсырье»;

создание производственного комплекса по выпуску стального и чугунного литья ООО «ВКМ-Сталь»;

создание первого российского предприятия по производству компаундов для изоляции силовых кабелей ЗАО «Лидер-Компаунд»;

организация нового производства энергоэффективных световых приборов нового поколения ЗАО «Ксенон»;

техническое перевооружение ОАО «Ардатовский светотехнический завод»;

создание производства современной стеклотары для пищевой промышленности на «Рузаевском стекольном заводе»;

строительство нового комплекса на Саранском элеваторе для полного обеспечения качественным пивоваренным ячменем вновь построенного солодовенного завода компании «Сан ИнБев»;

строительство тепличных комплексов для выращивания роз ОАО «Мир цветов» и ОАО «Мир цветов РМ»;

организация нового производства замороженных овощей и полуфабрикатов, а также реконструкция производства зеленого горошка в ОАО «Консервный завод „Саранский“»;

строительство сыроваренного завода по производству твердых сыров мощностью 250 т молока в сутки ООО «Сыроваренный завод „Сармич“»;

строительство фабрики по переработке яйца ООО «Рузово».

Кроме того, проведена модернизация действующих производств, установлены новые линии на ОАО «Саранский телевизионный завод» (производство радиоэлектроники), ОАО «Кадошкинский электротехнический завод», ОАО «Комбинат теплоизоляционных изделий», ОАО «Саранский ДСК», ОАО «ЖБК-1» и ОАО «Железобетон», ЗАО «Плайтерра» (производство фанеры специальных форматов), ОАО «Молочный комбинат „Саранский“», ОАО «Ламзурь», ОАО «Мордовспирт» и многих других предприятиях.

Реализация всех этих проектов была бы невозможна без грамотной государственной политики в области инвестиций.

Таким образом, в целях привлечения инвестиций в экономику Республики Мордовия осуществляется комплексная государственная инвестиционная политика, важнейшим элементом которой является нормативно-правовая база, закрепляющая набор преференций инвесторам и создание благоприятных условий осуществления инвестиционной деятельности в регионе.

Поступила 02.10.2012 г.

УДК 339.142/.146

А. В. Щербаков
A. V. Scherbakov

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ РАЗРАБОТКИ И ПРОДВИЖЕНИЯ НОВЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ТОВАРОВ

ORGANIZATION OF PROCESSES OF DEVELOPMENT AND PROMOTION OF NEW INDUSTRIAL PRODUCTS

Ключевые слова: инновационный процесс, концепция товара, новый товар, организация, разработка, продвижение товара, проектная (межфункциональная) команда, прототип нового товара, предприятие.

В статье рассматривается организация процессов разработки и продвижения новых товаров на промышленных предприятиях Республики Мордовия. Обосновывается необходимость использования параллельного подхода к организации инновационного процесса на основе формирования межфункциональных команд.

Key words: innovation process, the product concept, a new product, organization, development, sales promotion, design (interfunctional) team, the prototype of a new product, enterprise.

The organization of processes of development and promotion of new products at the industrial enterprises of the Republic of Mordovia are considered in the article. The necessity of using of a parallel approach to the organization of the innovation process on basis of the formation of interfunctional teams is proved.

В настоящее время бизнес переживает фундаментальную трансформацию, характеризующуюся глобализацией мировой экономики, повышением конкуренции на товарных рынках, сокращением жизненного цикла товаров и ускорением темпов инновационных процессов. В результате данной трансформации возникают как новые потребности, так и новые знания, посредством которых удовлетворяются эти потребности. Способностью компании разрабатывать и выпускать продукты на основе новых знаний определяется ее конкурентоспособность на отечественном и мировом рынках, что характерно и для предприятий Республики Мордовия. Поэтому эффективная организация инновационных процессов на предприятиях является одной из важных задач, которые стоят перед их руководством.

ОАО «Электровыпрямитель», расположенное в г. Саранске, является одним из ведущих предприятий силовой электроники России. Оно занимается разработкой, выпуском и поставкой силовых полупроводниковых приборов и преобразователей на их основе. Акционерное общество имеет в своем составе головной завод силовых полупроводниковых приборов и преобразователей, дочерний завод по производству специальных преобразователей и два научно-инженерных центра — силовых полупроводниковых приборов (НИЦ СП) и преобразовательной техники (НИЦ ПТ).

Разработка и продвижение нового товара в исследовательских центрах ОАО «Электровыпрямитель» организованы в виде последовательного процесса, пре-

дусматривающего поэтапное выполнение работ в рамках инновационного цикла различными функциональными подразделениями предприятия (рис. 1).

Рис. 1. Процесс разработки нового товара в научных центрах ОАО «Электровыпрямитель»

Планирование НИОКР в ОАО «Электровыпрямитель» основывается на составлении плана «технического прогресса», который разрабатывается на каждый год заместителем генерального директора по науке совместно с руководителями научно-инженерных центров и включает в себя перечень работ по проведению исследований в области силовой электроники, проектированию и разработке изделий, а также конкретные задания функциональным подразделениям предприятия и сроки их выполнения.

НИОКР в ОАО «Электровыпрямитель» осуществляют НИЦ СПП и НИЦ ПТ. Они проводят научные исследования в области силовой электроники и разраба-

тывают образцы новых продуктов. Научно-исследовательские работы в некоторых областях деятельности выполняются в рамках партнерских договоров с различными субъектами бизнеса — Всероссийским электротехническим институтом имени В. И. Ленина, ОАО «Ангстрем» (г. Зеленоград) и др. На следующей стадии осуществляются производство нового товара, его продвижение на рынок и сервисное обслуживание потребителей. Эти работы закреплены за соответствующими функциональными подразделениями предприятия.

Таким образом, инновационный процесс в ОАО «Электровыпрямитель» строится в рамках функционального подхода к управлению, который предполагает передачу работы по цепочке создания ценности в соответствующие подразделения предприятия. В связи с этим инновационные процессы на предприятии не являются гибкими и динамичными. Это также обуславливает низкую персонализацию товара для потребителей.

В настоящее время в связи с ростом конкуренции функциональный подход к организации инновационных процессов на предприятиях утратил свою эффективность. Современные условия диктуют потребность концентрировать усилия на разработке новых товаров, предназначенных для конкретных потребителей, в предельно сжатые сроки. Поэтому все более актуальным становится проектно-целевой подход, базирующийся на организации межфункциональных команд. В рамках этого подхода команды разрабатывают новый товар по всей цепочке создания его ценности — от генерации идеи до коммерциализации и сервисного обслуживания потребителей.

В Республике Мордовия одним из самых инновационно активных предприятий, разрабатывающим и продвигающим на рынок новые товары в рамках проектных команд, является ООО «Эм-Кабель», начавшее свою деятельность в марте 2010 г. в составе холдинга «Оптикэнерго». Оно выпускает традиционные кабели и провода, электрические кабели для сверхопасных сред, а также высоковольтные провода повышенной надежности, долговечности и электропроводности. В ООО установлено импортное оборудование от производителей из Англии, Германии и Италии, позволяющее создавать новые высококачественные товары.

В рамках группы компаний «Оптикэнерго» работает испытательный центр, где проводятся испытания волоконно-оптических, силовых кабелей и проводов на соответствие требованиям государственных стандартов. Центр обеспечивает ООО «Эм-Кабель» технологической базой для разработки и проведения испытаний новой кабельной продукции.

Проектная команда, создающая новый продукт в компании ООО «Эм-Кабель», осуществляет полный цикл разработки нового товара — от зарождения идеи до ее реализации и продвижения продукта на рынок. Команда, насчитывающая 20 человек, включая сотрудников подразделений главного технолога, главного механика, отделов производства, маркетинга и снабжения, работает на постоянной основе.

Создание нового товара осуществляется поэтапно в виде ряда последовательных действий (рис. 2). Инновационный процесс начинается с постановки цели — разработать и выпустить на рынок новый продукт. Стадия научно-исследовательских работ включает ряд синхронизированных действий участников команды по поиску идей новых товаров во внешней среде и генерации идей методом «мозгового штурма». Поиск идей во внешней среде основан на сотрудничестве и обмене

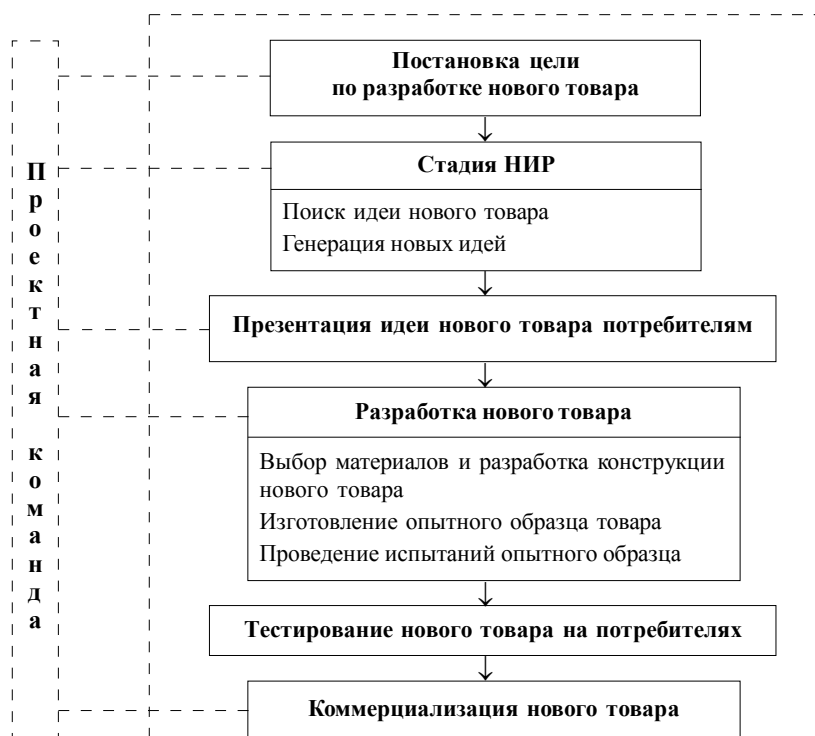

Рис. 2. Организация процессов разработки и продвижения нового товара в ООО «Эм-Кабель»

знаниями в области разработки кабельной продукции с различными субъектами бизнеса: Мордовским государственным университетом, ОАО «Холдинг МРСК», ОАО «ФСК ЕЭС» и другими научно-исследовательскими и проектно-конструкторскими институтами. Генерация идей в рамках «мозгового штурма» основывается на совместном выдвижении предложений по разработке товаров и решению проблем потребителей.

После выбора идеи нового товара ООО «Эм-Кабель» готовит презентацию для потенциальных потребителей. На нее приглашаются основные клиенты предприятия: ОАО «Ростелеком», ОАО «Связьинвест», ОАО «Башинформсвязь», ЗАО «ВымпелКом», ОАО «Мобильные ТелеСистемы». В процессе презентации происходит обмен мнениями с потребителями и предварительно оценивается востребованность нового товара на рынке. Успешно проведенная презентация дает основание для создания прототипа нового товара. Созданный прототип нового товара тестируется как в испытательном центре компании «Оптикэнерго», так и на предприятиях-потребителях. В коммерциализации нового товара принимают участие все члены команды. Основным способом продвижения товара на рынок являются личные продажи.

В рамках инновационной деятельности ООО «Эм-Кабель», организованной на основе проектной команды, потребители могут быть инициаторами создания нового товара при реализации схемы «один потребитель — один вид ценности». В результате использования проектно-целевого подхода увеличивается степень кастомизации разрабатываемых товаров в соответствии с индивидуальными потребностями потребителей и повышается гибкость инновационных процессов на предприятии.

Командным методам работы в настоящее время отводится главная роль в создании ценности. Многие преуспевающие компании мира накопили значительный опыт в области проектного управления: Microsoft, Commins Engine, Procter and Gamble, Saturn (США), SAP (Германия), Matsushita и Toyota (Япония)¹. В данных компаниях команды помогли решить сложные задачи: адаптировать свои товары к изменяющимся условиям внешней среды, добиться конкурентных преимуществ на рынках, снизить издержки и риски.

Организация процессов разработки и продвижения новых товаров проектными командами на ООО «Эм-Кабель» объясняется его гибкостью и малым размером. Однако зарубежный опыт свидетельствует о том, что на крупных предприятиях также может осуществляться проектный подход к инновационному процессу. В этом случае на предприятии организуется несколько проектных команд, реализующих инновационные проекты и взаимодействующих между собой. Поэтому переход крупных предприятий Мордовии на организацию инновационных процессов с помощью проектно-ориентированных команд является наиболее приемлемым путем их развития. Структура компаний в таком случае принимает вид матричных организаций (рис. 3)².

Матричная структура организации создает предпосылки реализации множества микро- и макропроектов по разработке новых товаров. Важность проекта зависит от сложности решаемых задач, поставленных перед участниками команды. На наш взгляд, матричная организация инновационных процессов приемлема

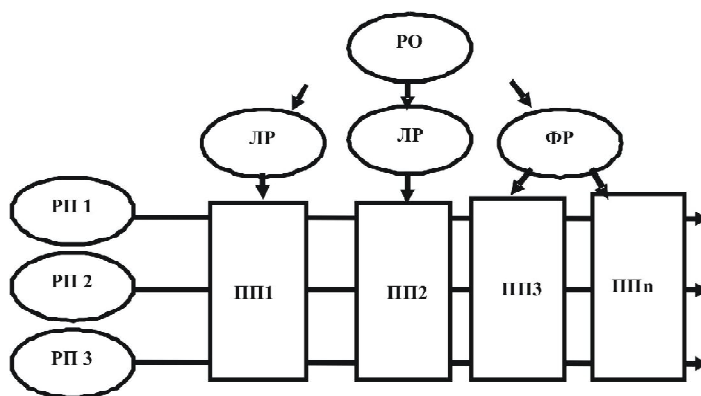

Рис. 3. Матричная структура инновационной компании, разрабатывающей новые товары проектными командами: РО — руководитель организации; ЛР — линейный руководитель; ФР — функциональный руководитель; РП — руководитель проекта по разработке нового товара; ПП — подразделение проекта

для инновационных подразделений ОАО «Электровыпрямитель» и позволит ему непрерывно расширять товарную линейку продукции силовой электроники, а также параллельно осуществлять разработку нескольких видов товаров.

В мировой практике существует много примеров организации инновационной деятельности в рамках матричной структуры. Например, нидерландско-британская компания Royal Dutch Shell основывается на разработке новых товаров целым рядом команд. Каждым проектом при этом управляет лидер команды или новатор. В процессе работы команды должны пройти несколько этапов (таблица)³.

Таблица

Этапы инновационного процесса в компании Shell

1. Генерация идей нового товара	В компании проводятся соответствующие семинары в рамках определенных направлений деятельности. Идеи могут быть представлены через веб-сайт организации как сотрудниками компании, так и авторами, не имеющими отношения к ее деятельности.
2. Отбор идей нового товара комиссией	Новатор представляет комиссии, состоящей из двух руководителей, свою идею. Руководители задают уточняющие вопросы и, если идея принимается, выделяют грант (15 — 25 тыс. дол.), который новатор использует на доработку идеи.
3. Вызревание идеи нового товара	Новатор отвечает на вопросы комиссии по поводу финансирования проекта; осуществляет работы по проведению экспериментов, маркетинговых исследований и подбору персонала в команду.
4. Создание расширенной комиссии по отбору идей нового товара	Новатор презентует свое предложение комиссии из 6 — 12 человек, в состав которой входят потенциальные покупатели. После проведения презентации новатор отвечает на вопросы расширенной комиссии, которая должна утвердить инновационный проект.
5. Реализация проекта по разработке нового товара	План финансирования сообщается новатору. В процессе выполнения плана новаторы становятся руководителями своих команд. Они могут как совмещать работу в команде со своей текущей работой, так и заниматься только разрабатываемым проектом.
6. Оценка проекта временным Консультативным советом	Согласно плану финансирования, проекты контролируются временным Консультативным советом, созданным специально для оценки проекта. В его задачи входит определение успеха или неудачи проекта.
7. Создание комиссии по закрытию инновационного проекта	По окончании проекта создается комиссия по его закрытию. Для успешных проектов планируется их дальнейшее развитие.

Организация в ОАО «Электровыпрямитель» инновационных процессов таким способом позволит не только оптимизировать разработку и продвижение новых товаров, но и сократить сроки их выведения на рынок.

На наш взгляд, для совершенствования работы инновационно-активных предприятий требуется изучение параллельного подхода к созданию и продвижению новых товаров, предложенного японскими учеными Х. Такеучи и И. Нонакой. Это обусловлено ростом конкуренции на отечественном и мировом рынках, а также сокращением жизненного цикла товаров (рис. 4)⁴.

Такой подход предусматривает одновременно прохождение ряда стадий инновационного процесса и нацелен на сокращение инновационного цикла по всей

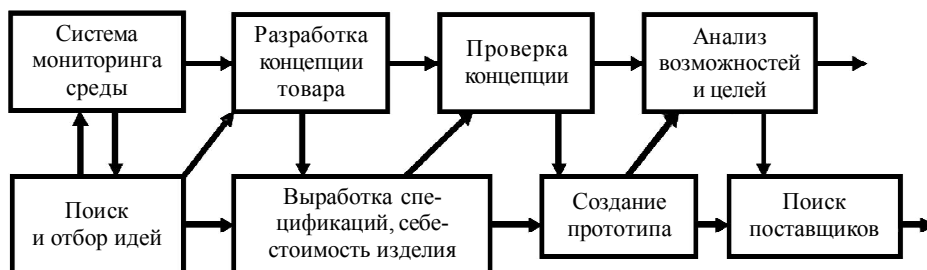

Рис. 4. Параллельный подход к построению процессов разработки и продвижения новых товаров

цепочке создания ценности для потребителя. Преимущества параллельного подхода к построению инновационных процессов выражаются в повышении интенсивности труда, своевременной координации работ, а также в сокращении времени от зарождения идеи до этапа коммерциализации нового продукта.

В настоящее время параллельное прохождение стадий инновационного процесса в ОАО «Электровыпрямитель» и ООО «Эм-Кабель» практически отсутствует. Это приводит к большим потерям времени, затрачиваемого на разработку и продвижение новых товаров, а также к отставанию от конкурентов на рынке. Более того, на данных предприятиях нет этапа анализа внешней и внутренней среды, что снижает видение конъюнктуры рынка и возможностей фирмы на нем. При параллельном подходе инновационный процесс начинается со стадии построения системы мониторинга среды, которая предполагает организацию систематического поиска и отбора идей новых товаров. Такая система требует создания на предприятии инновационной среды, способствующей непрерывной генерации идей. Поэтому основной задачей на рассматриваемых предприятиях является создание инновационной культуры для сотрудников предприятия, содействующей непрерывному потоку идей новых товаров.

Этапы разработки концепции и бизнес-анализа нового товара необходимо осуществлять параллельно, что требует высокой координации действий разработчиков новых товаров, технологов, дизайнеров и маркетологов в рамках приложения совместных усилий. При этом данные работы должны выполняться на основе высокой согласованности и синхронизированности действий в команде. Создание прототипа нового товара происходит во время проверки концепции, что дает значительную экономию времени и более быстрый вывод товара на рынок. Параллельно анализируются возможности предприятия и его цели, связанные с выводом нового товара на рынок. В случае положительных прогнозов команда находит поставщиков и продвигает товар на рынок. Таким образом, благодаря одновременному прохождению всех стадий инновационного процесса разработка и вывод на рынок нового товара осуществляются в сжатые сроки, что увеличивает скорость обновления товарной линейки предприятия и улучшения его конкурентной позиции на рынке.

Лучшие компании мира в области инновационной деятельности отмечают, что организация новых товаров с помощью параллельного подхода обеспечивает значительное сокращение временного интервала от появления новой идеи до ее

вывода на рынок в виде товара. Ярким примером этого является компания «Тойота-Мотор», которая сократила сроки выпуска новых моделей автомобилей на рынок в 2 — 3 раза, что позволило ей превзойти в этом плане всех своих конкурентов, наращивать большие объемы прибыли и занять свою нишу на мировом рынке⁵.

Необходимо отметить, что для предприятий Мордовии реинжинеринг инновационных бизнес-процессов в соответствии с требованиями параллельного подхода является достаточно трудной задачей. Это обусловлено значительной бюрократизацией процессов разработки новых товаров, а также сложностью восприятия необходимых изменений управленческим и научно-техническим персоналом рассматриваемых предприятий, что снижает их инновационную активность. В научной литературе описаны методы воздействия, с помощью которых можно увеличить эффективность инновационных процессов. Так, Д. Анкона и Х. Бресман в качестве инструментов, необходимых компании для осуществления реинжинеринга инновационных процессов, называют высокий уровень коммуникаций, четкую специализацию работ и гибкий состав участников команды (рис. 5)⁶.

Высокий уровень коммуникаций основывается на процессе поиска членами команды информации, необходимой для достижения поставленных целей, у различных экспертов и компетентных лиц. Эффективные коммуникации позволяют вести мониторинг внешней среды и непрерывно искать идеи новых товаров у различных субъектов бизнеса: потребителей, конкурентов, поставщиков, в университетах и исследовательских организациях. Специализация работ предусматри-

Рис. 5. Инструменты, обеспечивающие эффективное прохождение этапов инновационного процесса межфункциональной командой

вает их распределение между участниками команды на всех этапах инновационного процесса. «Ядро» команды, операционный и внешний ярусы занимаются соответственно основной, текущей и специализированной работой. Такое разделение обеспечивает гибкость структуры команды, которая необходима для параллельного прохождения этапов инновационного процесса. Гибкий состав участников команды дает возможность ее членам входить и выходить из ее состава по мере необходимости. Поскольку на различных стадиях инновационного процесса востребованы различные специалисты, это позволяет компании при ограниченном количестве квалифицированных сотрудников эффективно организовывать работу нескольких проектных команд одновременно. Данные инструменты дают возможность команде менять ее деятельность в соответствии с этапом инновационного процесса, а также консолидировать и целенаправленно использовать ее управленческие, интеллектуальные и творческие ресурсы.

Таким образом, изучение практики организации инновационных процессов в ОАО «Электровыпрямитель» и ООО «Эм-Кабель» показало, что на первом предприятии разработка новых товаров осуществляется функциональными подразделениями, на втором — проектными командами. В связи с увеличением скорости инновационных процессов и усилением конкуренции на рынках осуществляется переход к организации разработки и продвижения новых товаров в рамках проектных команд. Для использования параллельного подхода к организации инновационных процессов и инструментов, позволяющих параллельно осуществлять работы на различных стадиях инновационного процесса, рассмотренным предприятиям необходимо провести реинжиниринг своей деятельности и повысить эффективность инноваций.

Библиографические ссылки

¹ См.: Анкона Д., Бресман Х. Команды прорыва : Источники инноваций и лидерства в отрасли. Минск, 2009. С. 172.

² См.: Севастьянова И. Г., Стегний В. Н., Спосиб А. Г. Мотивация инновационной проектной команды // Инновации. 2010. № 12. С. 96.

³ См.: Ермакова Е. А., Фняксель Э. А. Организация инновационных процессов — лучшие практики // Инновации. 2012. № 1. С. 42 — 43.

⁴ См.: Ламбен Ж.-Ж. Менеджмент, ориентированный на рынок. СПб., 2007. С. 515.

⁵ См.: Лайкер Д. К. Дао Toyota: 14 принципов менеджмента ведущей компании мира. М., 2005. С. 101 — 104.

⁶ См.: Анкона Д., Бресман Х. Указ. соч. С. 182.

Поступила 08.10.2012 г.

В № 4 (24) за 2012 г. была опубликована статья «Анализ экономических затрат на искусственное прерывание беременности в Республике Мордовия» О. В. Майоровой, Д. С. Блинова, М. Н. Исламовой, подготовленная при финансовой поддержке РГНФ, проект «Здоровье финно-угорского населения Республики Мордовия: культурные и этносоциальные закономерности формирования и сохранения», № 12-16-13006 а.

ИСТОРИЯ

УДК 94(470.317)

О. В. Кузьмичева
O. V. Kuzmicheva

РАЗВИТИЕ ОКОЛОГРИВСКОЙ КРЕПОСТИ И ГОРОДКА ШИШКИЛЁВА ГАЛИЧСКОГО УЕЗДА В XVI в.: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

THE DEVELOPMENT OF OKOLOGRIVSKAYA FORTRESS AND SHISHKILEV TOWN OF THE GALICH UYEZD IN THE XVI CENTURY: ECONOMIC AND POLITICAL ASPECTS

Ключевые слова: Кологрив, Шишкилёв, Галичский уезд, окологривская крепость, кормление, пятенное, служилый город, Казанский оборонительный рубеж.

В статье раскрывается вопрос о времени появления топонима «Кологрив» и его этимологии, анализируется влияние удаленности города-крепости от столицы на особенности судопроизводства. Формирование целостных воинских подразделений (сотен) в составе русской армии в случае боевых действий дает основание автору причислить Шишкилёв к числу так называемых служилых городов. Осуществив подробный анализ краеведческой литературы и источников, она делает заключение о том, что Шишкилёвская волость имеет более древнюю историю, чем принято считать.

Key words: Kologriv, Shishkilev, Galich Uyezd, okologrivskaya fortress, bestowing, pyatennoe, a service class town, Kazan defensive line.

The question about the time of origin of toponym «Kologriv» and its etymology is revealed in the article, the influence of distant location of the town-fortress from the capital on the features of legal proceeding is analyzed as well. The formation of complete military units (hundreds) as a part of the Russian army in the event of war operations gives the author grounds to rank Shishkilev among the so-called service class towns. Having made a detailed analysis of literature and sources on local history, she concludes that the Shishkilev Volost has more ancient history than it is commonly assumed.

Одним из важных направлений в современной исторической науке становится микроистория, особый интерес в изучении которой вызывают территории, унаследовавшие опыт развития различных культур. В Костромском крае располагается достаточно много исторических мест, сохранивших память о процессах взаимодействия славян и финно-угров. К их числу относится небольшой городок на севере Костромской области под красивым названием «Кологрив», земли которого издавна были заселены представителями финно-угор-

ского племени меря. В последнее время он все чаще привлекает к себе внимание краеведов, ученых, литераторов, художников и просто любителей и ценителей уникальной природы. Возрастающей популярности этого города в немалой степени способствовала широко развернувшаяся рекламная деятельность по продвижению брендов Костромской области. О «гусиной столице России», об уникальном заповеднике «Кологривский лес» известно далеко за ее пределами. Знаменит Кологрив и как родина художников Е. В. Честнякова и Г. А. Ладыженского (имя последнего носит Кологривский краеведческий музей, хранящий в своих фондах немало интересных коллекций). Туристический потенциал города, таким образом, очень велик, как и велик интерес гостей к его истории. Однако, к сожалению, обнаруживается, что полноценных исторических исследований, которые отражали бы все периоды существования Кологрива и Кологривского края, практически нет. Большинство трудов краеведческого характера охватывают лишь время существования Кологривского уезда с 1778 г., достаточно подробно освещенное в источниках. Между тем уездный период, а особенно история так называемого Старого Кологрива остаются абсолютно неизученными. Это обстоятельство обусловлено прежде всего крайне скудной источниковой базой по данной тематике: археологических исследований на территории района практически не проводилось, разведки касались исключительно неолитических и мезолитических стоянок, а средневековая история оставалась в тени. Опубликованные источники размещены в основном в дореволюционных изданиях, найти которые в обычных библиотеках затруднительно. Архивные материалы сосредоточены в центральных архивах за пределами области, а то незначительное количество документов, что содержится в фондах музеев Кологрива и Костромы, представлено рукописями (или копиями с них). Последние написаны скорописью, что делает их практически недоступными для большинства обывателей.

Данная статья, имеющая своей целью освещение основных вех в древней истории Кологривского края на базе краеведческих трудов и опубликованных источников XVI в., в некоторой степени способствует восполнению подобных пробелов.

Большинство сведений справочного характера об интересующем нас городе передаются из издания в издание, очевидно, без какого-либо критического отношения авторов подобных статей к публикуемому материалу. В других случаях, наоборот, составители настолько расходятся в данных, что выяснить истину весьма затруднительно. Тем не менее обратимся к наиболее авторитетным в вопросе изучения истории Кологрива авторам с целью освещения самых ранних этапов его развития.

Известно, что первоначально поселение, получившее впоследствии название «Кологрив», располагалось выше по течению р. Унжи относительно современного города, при этом расстояние, указываемое в различных трудах, варьируется от 33¹ до 40² км; от 34³ (36,24 км) до 40⁴ (42,64 км) верст.

Время возникновения поселения является наиболее дискуссионным вопросом, выяснение которого осложняется, с одной стороны, отсутствием в краеведческих трудах научно-справочного аппарата, с другой — различными вариациями на тему его названия. Село Михаил Архангел, Малый Архангел, Малый Архан-

гельск, Ново-Архангельск, Шишкилёво, Кологрив, Окологривье, Старый Кологрив, Кичино — отнюдь не полный список топонимических названий, имеющих непосредственное отношение к истории города.

По мнению В. В. Беляева, «Старый Кологрив, называвшийся Малым Архангелом»⁵, уже существовал к 1444 г. и находился в 200 верстах (212 км) к северо-востоку от Макарьево-Унженского монастыря. Исходя из времени публикации данного труда, становится ясно, что именно В. В. Беляев ввел в научный оборот словосочетание «Старый Кологрив» как топонимическое наименование, в котором оба слова пишутся с прописной буквы.

Подобной точки зрения на время возникновения города придерживается З. И. Осипова, указывая, что «Кологрив как поселение известен с первой половины XV века под названием села Михаил Архангел»⁶. Однако, как мы выяснили, В. В. Беляев употреблял названия «Малый Архангел»⁷, «Малый Архангельск»⁸, а не «Михаил Архангел».

Д. Ф. Белоруков склоняется к версии о более позднем времени основания города, говоря о том, что в XVI в. существовала некая «Шишкилёвская волость, центром которой считался погост с церковью Михаила Архангела»⁹, а Кологрив был основан как крепость в непосредственной близости от этого погоста — Архангельского, или Шишкилёвского, что в данном контексте обозначает, очевидно, одно и то же.

Э. Тимганов в статье, посвященной святыням Кологривской земли, отмечает, что первые сведения, касающиеся Кологрива, относятся лишь к XVI в., «в то время появился город Кологрив, в котором находилась церковь Михаила Архангела»¹⁰. Сложно представить, о каких сведениях XVI в. идет речь, поскольку сам автор пользуется источниками, затрагивающими историю Кологрива лишь с XVII в.

В большинстве же изданий, целью которых является предоставление краткой исторической справки, указывается, что основание Кологрива датируется первой четвертью XVI в. Это произошло выше по течению р. Унжи, где во времена Василия III была выстроена крепость «в старом селе Михаил Архангел, или Архангельском, в 1521 — 25 гг. Позднее крепость получила название Кологрив»¹¹. Кологрив выполнял в основном функции центра военно-административного района (осады). Здесь не было посада с характерными ремесленно-торговыми функциями¹².

Относительно происхождения названия с. Михаил Архангел можно предположить следующее. Очевидно, некогда существовала Шишкилёвская волость Галичского уезда, центром которой был погост, получивший название «Михаил Архангел (Архангельский)» от одноименной церкви, впоследствии перенесенной в крепость на берегу Унжи. Происходило ли это в XVI в. или в другое время, сказать трудно, поскольку данные сведения, почерпнутые в труде Д. Ф. Белорукова, описаны в источниках XVII в. «Когда на правом берегу Унжи построили деревянную крепость, ее назвали Окологривье, т. е. находящейся у высокого гребня, между оврагами. Позже буква „О“ была отброшена и крепость называлась Кологривом. Стоявшая рядом на погосте церковь Михаила Архангела была перенесена в город с соблюдением всех традиций: при переносе церкви на новое место название сохранялось, а на старом месте ставилась часовня. Место было свято и застройке не подлежало»¹³.

Таким образом, после постройки крепости параллельно существовали: крепость с названием либо «Михаил Архангел», либо «Окологривье» (вероятнее всего, наименование сохранилось прежнее, а «окологривье» обозначало географическое расположение крепости, трансформировавшееся впоследствии в топоним) и Шишкилёво как центр некогда Шишкилевской волости.

Представляется необходимым обратиться к исследованию каждого из этих двух объектов.

В отношении крепости прежде всего возникает вопрос о времени появления топонима «Кологрив» и его этимологии. Существует несколько вариантов происхождения названия города-крепости. Наиболее распространенной является версия, выдвинутая еще в XIX в.: «Вероятно, город этот получил название свое от того, что жители тех мест называют всякое возвышенное место, не заливаемое весеннею водою, „гривою“; около таких мест выстроился и город»¹⁴. «Кологривом» называли также служителя, ходившего у гривы, при коне, во время царских выездов¹⁵. В. В. Беляев выводит происхождение топонима из того, «что местность р. Унжи тесно связана „гривою“ с самым северным городом Колою»¹⁶. Существуют более удивительные версии, связывающие наименование «Кологрив» с именем коня славянского бога Велеса¹⁷.

В краеведческой литературе в качестве даты основания крепости фигурирует хронологический промежуток с 1521 по 1525 г. Однако эти данные не подкреплены документально, не указан даже первоисточник поступления подобной информации. Цитата указа Василия III о строительстве крепости в с. Михаил Архангел приводится только в книге З. И. Осиповой, где автор пишет: «...московский князь Василий III (1505 — 1533) для защиты от опустошительных набегов татар в первой четверти 16 века приказал „срубить“ (построить) пограничные крепости с насыпными земляными валами-городами в Ветлуге, Унже, Парфентьеве, Судае, Кологриве (в селе Михаил Архангел).

В указе о строительстве этих крепостей говорилось: „Чтобы вы города поставили своими сохами (т. е. силами) и рвы покопали, и городской бой, и каменье и колье на город приготовили и сторожки бы у вас были крепкие, а как вести будут от казанских людей и вы б были все в городе за крепостями, жили у башен...“»¹⁸.

Однако при внимательном изучении законотворчества Василия III выясняется, что данный указ никакого отношения к перечисленным крепостям не имеет. Цитата, приводимая З. И. Осиповой, взята из великокняжеской грамоты от 6 августа 1538 г. о постройке г. Любима. Грамота была выдана по челобитной костромских детей боярских, старост, сотских, десятских и всех крестьян о том, что их «волости и станы Осецкой и Кулига, Иелнать, Иелемския станы... и Кунтуново и Волочек и Обнора от городов отошли долече верст по сту и по девяносту, и мест де осадных... в городех от казанских людей... и убежищей нет»¹⁹. В связи с этим правительство и разрешило населению указанных волостей и станов построить на Обноре г. Любим. «И будет то место под город пригоже, — указывалось в великокняжеской грамоте, — и вы бы на устии Учи реки на Обноре город поставили своими сохами, и рвы покопали, и городской бой, каменье и колье на город приготовили, и сторожи бы у вас были крепкие, и как вести будут от казанских людей, и вы б были все в городу, по крепостям жили у башен»²⁰.

Очевидно, что дата 1521 — 1525 гг. установлена краеведами по аналогии с рядом других крепостей, возведенных на территории Галичского уезда, как они полагают, именно в этот период образовавших так называемый Казанский оборонительный рубеж. При этом сведения вновь отличаются крайней противоречивостью. З. И. Осипова отмечает, что «в 1521 году был возведен город Унжа. В Парфентьеве крепости не было. Это был неукрепленный посад, обнесенный земляным валом»²¹. Д. Ф. Белоруков же утверждает, что крепость в Парфеньеве, построенная в 1520 — 1522 гг., существовала как и в других городах, и дает ее подробное описание. Однако в «Галичском летописце» эти крепости упоминаются как уже существовавшие, об их строительстве в этот период ничего не говорится. Кроме того, древнейший город Унжа, упоминаемый в летописях с 1219 г. (а как утверждает в Географическом указателе к т. 28 Полного собрания русских летописей, с 1148 г.²²), имел крепостные сооружения гораздо раньше начала XVI в., когда на это время пришлось довольно крупные татарско-марийские набеги.

Действительно, если обратиться к советской историографии по вопросу о процессе градостроительства в период после распада Золотой Орды, можно обнаружить, что никто из авторов, рассматривающих города-крепости Казанского оборонительного рубежа, не упоминает ни Унжу, ни Парфеньев, ни, тем более, Кологрив. Так или иначе, образованные крепости становились центрами осад — административно-территориальных единиц Галичского уезда, поделенного «на Солигаличскую (Усольскую), Чухломскую, Судайскую, Парфеньевскую, Кологривскую и Унженскую осады»²³.

Если принять во внимание, что осады как единицы появились примерно одновременно с крепостями путем либо «очерчивания» территории осады вокруг крепости, либо, наоборот, при постройке крепости на выделенной территории, то невольно возникает вопрос: могла ли называться Кологривская осада именно так, если самого топонима «Кологрив» в XVI в. мы не встречаем? Обратившись к дореволюционной историографии XIX в., времени расцвета археографической деятельности, мы увидим, что топоним «Кологрив» употребляется лишь с начала XVII в. Исследователь древних русских городов К. А. Неволин ведет существование названия «Кологрив» с 1609 г.²⁴ Об этом же говорится и в наиболее полном дореволюционном справочнике городов²⁵. В другом фундаментальном труде — списке городов XVI в. Н. Д. Чечулина — Кологрив также не упоминается²⁶.

Значительное количество спорных вопросов, их недостаточная освещенность в источниках и литературе не позволяют сделать обоснованные выводы относительно кологривской крепости. Исходя из этого логичным представляется обратиться к источникам по истории упоминавшегося выше Шишкелёва, существовавшего некогда, как и Кологрив, на территории Галичского уезда.

Мы обнаружили ряд опубликованных источников, освещающих самую раннюю историю Кологривской земли. Некоторая сложность заключается в том, что все они представляют собой перевод с древнерусского языка, который допускает различную транскрипцию одних и тех же слов. Анализ источников позволил выявить следующие варианты написания интересующего нас топонима: Шишкелёв, Шишкелёво, Ышкелёв (в другой редакции — слитное написание с пред-

шествующим предлогом «с» — Сышкелёва), которые могли возникнуть вследствие описки как результата небрежности переписчика, что в условиях отсутствия фиксированных языковых норм было распространенным явлением. Чередование безударных гласных *e/i* часто встречается в написании наименований различных географических объектов, даже в рамках одного списка с источника, например т. 7 Полного собрания русских летописей изобилует такими вариациями, как Галич/Галеч²⁷. Разновариантное написание однокоренных с исследуемым топонимом слов также встречается как в более поздних источниках XVII — XVIII вв.²⁸, так и в литературе²⁹. В одном из источников в написании наименования отмечается процесс, называемый в языкознании ассимиляцией, причем в разных изданиях (конца XVIII и конца XX в.) он представлен по-разному³⁰. Общим в обоих случаях является то, что происходит утрата одного из глухих шумных шипящих *ш* — для облегчения произношения. Наконец, немаловажен, на наш взгляд, тот факт, что Шишкелёв упоминается в ряду периодически повторяемых населенных пунктов (например Жохово, Каликино), что свидетельствует об их относительной близости. Совокупность приведенных выше аргументов говорит о том, что во всех обнаруженных документах речь идет об одной местности.

Итак, самым ранним документом является Жалованная грамота великого князя Василия Ивановича Григорию Васильевичу Грязному — дьяку Разрядного приказа, по которой он в 1501 — 1505 гг. был наместником (управляющим) в г. Шишкелёве Галичского уезда. После этого с 1505 г. он служил новому угличскому князю Дмитрию Ивановичу Жилке, управлял волостью Озерца Московского уезда³¹.

«Городок Шишкелёв» — поселение, возникшее на восточной границе Московского государства как небольшое пограничное укрепление, — был пожалован Григорию Васильевичу в кормление, при этом формулировка «по старой пошине, как было переж сего»³² может свидетельствовать о том, что это происходило не в первый раз. Однако следует заметить, что указанная фраза одновременно может являться устойчивым словосочетанием, характерным для канцелярского языка XVI в.³³

Жалованная грамота содержит перечисление различных социальных категорий людей, которые должны были подчиняться («читать и слушать») наместнику: дети боярские, слуги (скорее всего, служилые люди) и городские жители (тяглое население). Исходя из этого следует, что помимо служилых людей, которые выполняли в первую очередь военные функции, в г. Шишкелёве проживало податное население, что может также подтверждаться самим актом дачи в кормление данного городка с правом разрешения наместником судебных тяжб и других возможных споров: «он вас ведает и судит»³⁴.

Таким образом, суд — основная компетенция наместничьей власти. При этом отсутствие разделения в грамоте судебных процессов на гражданские и уголовные может косвенно свидетельствовать о том, что и те, и другие осуществлялись именно наместником, тогда как в землях, расположенных ближе к столице, гражданские тяжбы должны были разрешать «специальные судьи, назначаемые для каждого отдельного дела из числа московских или местных должностных и иных лиц»³⁵. Возможно, данная особенность была вызвана

удаленностью от столицы городка Шишкелёва, что создавало определенные трудности в осуществлении судопроизводства по гражданским вопросам из г. Москвы.

В исследуемом документе фигурирует пристав — представитель великокняжеской власти. В тексте регулируются отношения между наместником и приставом, первому из которых полностью передается прерогатива осуществлять разбор судебных исков. Буквально говорится о том, что если какие-либо два истца из числа населения городка обратятся к приставу с просьбой их рассудить, то пристав обязан направить их к наместнику, в данном случае — к Григорию Васильевичу или его тиуну, входившему в аппарат наместника и выполнявшему судебные функции. В случае невыполнения этого условия пристав подвергался обвинению со стороны самого великого князя и лишался «езду».

Во второй четверти XVI в г. Шишкелёв продолжал оставаться в кормлении, однако полномочия кормленщиков были уже не так велики. В этом мы можем убедиться, обратившись к «Наказному списку, данному Третьяку Котенину, с установлением взимаемых на великого князя доходов в половине Галичского наместничества 1535 — 1542 гг.»³⁶. Согласно ему, все уголовные дела: «душегубство», «татба (воровство) с поличным» и «разбой», важные судебные дела переходят в компетенцию «к городу» (имеется в виду городской приказчик). Кормленщик также терял возможность сбора «пятна» (т. е. пятенного), которое отныне платили все жители перечисленных волостей³⁷, в том числе Шишкелёва, в пользу великого князя («держати на великого князя пятно»³⁸). В случае неуплаты пятенного вовремя следовал штраф в сумме 1 руб. Тот факт, что данному виду налога уделялось особое внимание (речь о нем идет отдельно от всех остальных пошлин), может свидетельствовать о его исключительном значении для великокняжеской власти с точки зрения прибыли. Получать значительные суммы великий князь мог только при условии ведения широко-масштабной торговли лошадьми, что практиковалось в обозначенных выше населенных пунктах.

Анализ актового материала служилых землевладельцев способствует воссозданию картины внутренней жизни г. Шишкелёва, наиболее важной для нас с точки зрения исследования его социально-экономического развития. Однако информация, содержащаяся в опубликованных источниках, охватывает разные аспекты существования города, в том числе его взаимоотношения с соседями, а также участие не только в обороне московских рубежей, но и в наступательных походах против неприятеля.

Шишкелёвские земли, являвшиеся северо-восточной границей Московского государства с Казанским ханством и землями марийцев, постоянно подвергались разорительным набегам. Именно с таким событием и связано первое летописное упоминание Шишкелёва в приложении к Летописному своду 1497 г.: «В лето 7044-го. Октября в 8 день приходили Татарове и Черемиса на Оунжу да на **Шишкелёво** (выделено нами. — *О. К.*), да на пустыню на Большую, да на Чюхлону, да на Глазуново, да к Галичю городу волостями, да в Галиче половину посада сожгли, а другую отняли, да оттуду посла сила на двое в землю пошли на селца митрополии, а стояла матица близко Оусолья на Пупчеве да на Дорку || /Л. 449/ на Достофееве, а воевали Кургу да Чермагсму, да Романцов, да Залесье,

да Чюдцу, да Жилино, да два Березовца, да Холм Шареев, да Лосево Рамение, да Жохово, да Турдеево, да вывоевали волости около Галича»³⁹.

Таким образом, жизнедеятельность Шишкилёва, как и вся внутривосточная история Московского государства XVI в., происходила на фоне постоянной ожесточенной борьбы, с одной стороны, против Казани и Крыма, с другой — против Польско-Литовского государства и Ливонского ордена, в которой жители Шишкилёва принимали непосредственное участие.

Из «Записной книги Полоцкого похода 1562/63 года» мы узнаем, что 23 сентября на Вятку, Балахну, Кострому, Чухлому, а также в Галич, Унжу, Парфеньев, Каликино, Шишкилёво, Жохово, Судай, в «Верх-Костромьи» и к Соли Галицкой были посланы дети боярские «збирати пеших людей»⁴⁰.

О стратегическом значении г. Шишкилёва можно судить по количеству призванных на службу людей. Самые крупные отряды из 100 чел. (сотни) представляли столицы уездов Кострома и Галич, такое же количество людей требовалось собрать с населенных пунктов, расположенных по линии Шишкилёво — Судай — Жохово — верховье р. Костромы, связанных между собой стратегически и образующих самый северный оборонительный рубеж в Галицком уезде, а также с находившейся юго-западнее от него другой оборонительной линией Унжа — Парфеньев — Каликино.

Рать собиралась по полкам в 17 городах, не считая сил, которые вышли с самим царем из г. Москвы⁴¹. Следует отметить, что все сотни, за исключением костромской и галицкой, выставлялись «вполы прежнего наряду»⁴², т. е. в половинном размере от того, что было раньше. Очевидно, что подобные наборы ратников с города осуществлялись и ранее в случае военной опасности. Из наказа головам, которые посылались для сбора ратников, мы узнаем, каких людей должен был выставить город: требовалось, «чтоб выбрали людей на конех в саадах, которые б люди были собою добры, и молоды, и резвы, из луков и из пищалей стреляти горазда, и на ртах ходити умели, и рты у них были у всех»⁴³. Каждый ратник должен был иметь с собой следующий «наряд»: саадак, или тул с луком и стрелами, рогатину, или сулицу, и топорик, т. е. населению приказывалось выставить людей в полном вооружении, снаряжении и на лыжах. С Шишкилёва, Судая, Жохова и верховьев р. Костромы население «збирал» Тучко Отяев, о котором известно лишь, что он являлся участником сражения при Молодях в 1572 г.⁴⁴ и принадлежал к новгородской помещицкой среде⁴⁵.

Таким образом, формирование целостных воинских подразделений — сотен — в составе русской армии в случае боевых действий, позволяет причислить Шишкилёв к числу так называемых служилых городов⁴⁶, являвшихся корпорациями служилых людей «по отечеству», помещенных в одном определенном населенном пункте.

В общей сложности в Полоцком походе приняли участие представители «более чем 50 служилых городов»⁴⁷. Однако взятие Полоцка в 1563 г. не решило всех внешнеполитических проблем Москвы, поэтому противостояние с Польско-Литовским государством и Ливонским орденом продолжалось. «Лета 7087 (1578) Декабря в 5 день Государь Царь и Великий Князь Иван Васильевич всеа Руси с сыном своим с Царевичем со Князем Иваном и со всеми бояры приговорил, как ему, прося у Бога милости, идти на свое Государево дело и на земское на

Немецкую и на Литовскую землю, и которым бояром и Воеводам в котором полку быти»⁴⁸.

Разрядная книга 1475 — 1605 гг., опубликованная впервые Н. Новиковым в «Древней Российской Вивлиофике...»⁴⁹ и переизданная впоследствии в советское время⁵⁰, фиксирует общее количество людей, созываемых «с земель», не указывая, как в предыдущем источнике, погородовую численность ратников. Так или иначе, видим, что к 1578 г. Шишкилев не утратил своего значения как один из поставщиков служилых людей, поскольку если речь идет о «государевом» походе, тем более дальнем, подобном Полоцкому, скорее всего, в него выступали лучшие дети боярские, способные не только сами снарядиться на службу, но и, как считает В. В. Пенской, «посадить в седло хотя бы одного послужильца»⁵¹.

Итак, Шишкилёвская волость имеет более древнюю историю, чем принято считать, причем именно как волость (административно-территориальная единица) она возникла в процессе «объединения» близлежащих земель вокруг г. Шишкилёва. Отсюда разновременное упоминание в источниках города (в XVI в.) и волости (XVII в. и позже). Точное местоположение центра волости определить на данный момент невозможно, однако на помощь могут прийти археологические разведки и раскопки. Невьясненными остаются также обстоятельства перехода ведущих позиций на данной территории от существовавшего некогда укрепленного городка к новому городу-крепости, получившему впоследствии название «Кологрив». Тем не менее определенные шаги на пути изучения древней истории Кологрива сделаны.

Библиографические ссылки

¹ См.: Белоруков Д. Ф. Деревни, села и города Костромского края : материалы для истории. Кострома, 2000. С. 117, 132.

² См.: Осипова З. И. Обрести память : рассказы о Кологриве и кологривчанах. Кологрив, 2007. С. 22.

³ Там же. С. 23.

⁴ См.: Беляев В. В. История города Макарьева на Унже и о пребывании в Макарьевском монастыре Михаила Феодоровича. СПб., 1907. С. 10.

⁵ Там же. С. 8.

⁶ Осипова З. И. Указ. соч. С. 21 — 22.

⁷ См.: Беляев В. В. Указ. соч. С. 8, 13.

⁸ Там же. С. 10.

⁹ Белоруков Д. Ф. Указ. соч. С. 117.

¹⁰ Тимганов Э. Обители веры и красоты // Губернский дом. 2005. № 1 — 2. С. 58.

¹¹ Йенсен Т. В. Кологрив. История // Исторические города и села Костромской области. Кострома, 2004. С. 82.

¹² См.: Археология Костромского края. Кострома, 1997. С. 245.

¹³ Белоруков Д. Ф. Указ. соч. С. 118.

¹⁴ Городские поселения в Российской империи : в 7 т. СПб., 1861. Т. 2. С. 560.

¹⁵ См.: Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля [Электронный ресурс]. URL: [http://slovari.yandex.ru/Кологрив%20Толковый%20словарь%20Даля/КОЛЮ/\(дата обращения 15.04.2012\)](http://slovari.yandex.ru/Кологрив%20Толковый%20словарь%20Даля/КОЛЮ/(дата обращения 15.04.2012)).

¹⁶ Беляев В. В. Указ. соч. С. 30.

- ¹⁷ См.: **Шпанченко В. А.** Путешествие в Кологрив. Кострома, 2003. С. 126.
- ¹⁸ **Осипова З. И.** Указ. соч. С. 23.
- ¹⁹ Цит. по: **Носов Н. Е.** Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957. С. 94.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ **Осипова З. И.** Указ. соч. С. 23.
- ²² См.: Полное собрание русских летописей. Т. 28 : Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. М.; Л., 1963. С. 29, 184.
- ²³ Административно-территориальное деление // Государственный архив Костромской области : справочник. Кострома, 2005. Ч. 1. С. 232.
- ²⁴ См.: **Неволин К. А.** Общий список русских городов // Полн. собр. соч. : в 6 т. СПб., 1859. Т. 6. С. 44.
- ²⁵ См.: Городские поселения в Российской империи. Т. 2. С. 560 — 561.
- ²⁶ См.: **Чечулин Н. Д.** Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889.
- ²⁷ См.: Полное собрание русских летописей. Т. 7 : Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. С. 221.
- ²⁸ См., например: **Холмогоровы, В. И. и Г. И.** Материалы для истории Костромской епархии. Вып. 1 : Галичская десятина с пригородами Солигаличем, Судаем, Унжей, Кологривом и Чухломю жилых данных церковью 1628 — 1710 и 1722 — 1746 гг. Кострома, 1895. С. 277 (№ 214 «159 г. — Церковь Воскресения Христова да в приделе святых мученика Фрола и Лавра Кологривские осады *Шишкиловские* волости да на пустоши станут дани семь алтын четыре денги десятильничих и заезда гривна... 1746 г. — Воскресения Христова да в приделе Флора и Лавра Кологривские осады *Шишкелёвской* волости на пустоши 78 1/2 копеек»); Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в. : в 2 т. М.; Л., 1935. Т. 1. С. 199 — 201 (Шишкелёвская (Шишкиловская) волость), 211 (Шишкелёвская волость).
- ²⁹ См., например: **Белоруков Д. Ф.** Указ. соч. С. 201 (Шишкелёвская волость). Слово «Шишкелёвская» встречается лишь однажды, в остальных случаях в написании данного слова употреблялась гласная «и» (Шишкилёвская волость). Стоит отметить, что подобные «опечатки» встречаются и в трудах, лишь опосредованно затрагивающих историю Кологривского края. См., например: **Сербина К. Н.** Крестьянская железодельная промышленность Северо-Западной России XVI — первой половины XIX в. М., 1971. С. 130 (Шишкелёвская), 249, 254 (Шишкелёвская).
- ³⁰ См.: Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся : в 20 ч. М., 1790. Ч. 14. С. 352 (и Сышкелёва); Разрядная книга 1475 — 1605 гг. : в 4 т. М., 1984. Т. 3, ч. 1. С. 62 (ис Ышкелёва).
- ³¹ См.: **Щеткова О. А.** Дворянский род Ошаниных [Электронный ресурс]. URL: http://zhurnal.lib.ru/s/shetkova_o_a/index_9.shtml (дата обращения 15.04.2012).
- ³² Жалованная грамота великого князя Василия Ивановича Григорию Васильевичу Грязному на городок Шишкелев в Галиче. 1500 — 05 гг. // Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века : в 4 т. М., 1997. Т. 1. № 73. С. 59.
- ³³ См.: **Веселовский С. Б.** Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 218.
- ³⁴ См.: Жалованная грамота... С. 59.
- ³⁵ **Носов Н. Е.** Указ. соч. С. 189.
- ³⁶ См.: Акты служилых землевладельцев... Т. 1. № 123. С. 97 — 98.
- ³⁷ Там же. С. 97 («А в волостях галичских, которые были за кормленщики, в заболотье, в Понизье, в Жилине, в Глазунове, в стольниче пути, в Шишкелёве, в Уньже, в Фетьковой слободке, и в Корцове в Раменье, и в Верх-Костроме, и в Жохове, и в Каликине, и в Парфеньева, и в Чутце, и в Шабале, и в Торманове, и в Шартанове, и в Конявине, и в Волеше, и в Верхней Пустыне и Нижней...»).

³⁸ Там же. С. 98.

³⁹ Дополнения к Летописному своду 1497 г. // Полное собрание русских летописей. Т. 28. С. 162.

⁴⁰ См.: Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 121 — 154.

⁴¹ См.: **Александров Д. Н., Володихин Д. М.** Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII—XVI веках. М., 1994. С. 90.

⁴² См.: Записная книга Полоцкого похода... С. 123.

⁴³ Книга полоцкого похода 1563 г. : исследование и текст. СПб., 2004. С. 35.

⁴⁴ См.: Документы о сражении при Молодях // Ист. арх. 1959. № 4. С. 178 — 179 (Роспись голов в «береговом» войске М. И. Воротынского. Начало 1572 г. «С нижегородцы Тучко Иванов сын Отяев...»).

⁴⁵ См.: **Оленев М. Б.** Прозвища посадских людей по материалам писцовых описаний русских городов XVI в. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.history-ryazan.ru/node/2674> (дата обращения 15.04.2012).

⁴⁶ См.: **Козляков В. Н.** Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного Уложения). Ярославль, 2000. С. 81 — 83.

⁴⁷ См.: **Пенской В. В.** Некоторые соображения по поводу статьи А. Н. Лобина «К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства XVI в.» // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1 — 2 (5 — 6). С. 102.

⁴⁸ Древняя Российская Вивлиофика... С. 349.

⁴⁹ Там же. С. 352 (Да с государем же людей из земель, вятчан, из Галича, из Сунжи, из Парфеньева, из Каликина, из Солей, из Чюхломы, из Окологородья, из Костромы, из Корякова, из Белогородья, из Юрьевца и Испуси да с Немды и *Сышкилёва* и из Лешова и из Жохова, из Балахны, из Ярославля, из Белоозера, из Луху, из Нижняго Новагорода, из Мурома, из Гороховца, из Кинешмы, из Мещеры с Двины, из Венеги, из Устюга, из Вычегды, из Соливычегодской, из Тотмы, из Каргополя, из Перми 4 513 человек).

⁵⁰ См.: Разрядная книга 1475 — 1605 гг. С. 62 (Да з государем же из земель: вятчан, галичан, унжан (унжати Э), ис Парфеньева, ис Калинина, ис Суздали, ис Соли, из Чухломы (-из Чухлолы О; и Щухломы Э), с Окологородья (Солоколагородья О), с Костромы, ис Корякова, из Белогородья, из Юрьевца, ис Кусива (Кусида У) (— нет О), из Немды (немец О), ис *Блшкилёва*, из Лешова (и из Лешева О), из Жохова (Жехова О), из Балахны, из Ерославля, из Белоозера, из Луху, из Нижнева Новагорода (города О, Э), из Мурома, из Гороховца, с Кинешмы, ис Мещеры, з Двины (— нет О), с Вычегды, ис Соли Вычегодской, ис Пенега, с Устюга, ис Тотмы (Тохмы У, Х), ис Каргополя, ис Перми 4 580 (4 585) человек).

⁵¹ **Пенской В. В.** Указ. соч. С. 102.

Поступила 06.06.2012 г.

УДК 341.231.14(470.4)(=512.145)

А. И. Ногманов

A. I. Nogmanov

СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ 1649 г. О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ТАТАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

THE CODE OF LAW OF 1649 ABOUT THE LEGAL STATUS OF THE TATAR POPULATION OF THE VOLGA REGION

Ключевые слова: татары, Поволжье, правовое положение, российское законодательство, Соборное уложение 1649 г.

В статье рассматриваются особенности регулирования правового положения татарского населения Поволжья Соборным уложением 1649 г.

Key words: the Tatars, the Volga Region, legal status, Russian legislation, the Code of Law of 1649.

The features of regulation of the legal position of the Tatar population of the Volga Region in the Code of Law of 1649 are considered in the article.

В силу утраты аутентичных законодательных памятников периода Волжской Булгарии и Казанского ханства, говоря о законодательстве как об источнике для изучения истории татарского народа, исследователи прежде всего имеют в виду российское законодательство. Попав под его юрисдикцию в 50-е гг. XVI в. поволжские татары, а затем и другие группы татарского этноса оставались в этом состоянии до 1917 г. Указанный временной отрезок оставил целый пласт законодательных актов, свидетельствующих о поисках путей определения правового статуса татар в Российском государстве. Особое место среди них занимает Соборное уложение 1649 г.

От прочих законодательных документов оно отличается не только большим объемом (25 глав, разделенных на 967 статей), но и ролью в истории российского права. В оценках значимости этого памятника преобладают следующие характеристики: «итог всему предшествующему законодательству Московского государства, свод его»¹, «важнейший кодекс, изданный государственной властью в допетровский период»², «Соборное уложение может быть названо настоящим сводом законов Российского государства XVII в.»³. Подобные высказывания дают основание использовать уложение не только для анализа российского законодательства середины XVII в., но и для реконструкции правовых норм предшествующего периода. Это особенно важно для нас, учитывая незначительное количество законодательного материала о татарах во второй половине XVI — первой половине XVII в.

Соборное уложение 1649 г. создавалось в переломный для России момент перехода от сословно-представительной монархии к абсолютизму. В нем во многом были преодолены остатки партикуляризма, свойственные законодательству

более раннего времени. Унификационное начало, являющееся неотъемлемой чертой процесса становления единого централизованного государства, выражено здесь как ни в одном из предшествующих кодексов русского права.

Одним из проявлений унификационных тенденций стало то, что в Соборное уложение 1649 г. не вошло множество норм, несомненно, существовавших в повседневной жизни. По словам Н. Н. Дебольского, «правительство при издании своих указов имело в виду регламентировать лишь те отношения, в которых оно принимало непосредственное участие, или которые оно признавало необходимым точно определить для целей государственного и общественного порядка»⁴. По этой причине значительное место в кодексе отведено определению понятий государственного суверенитета, безопасности, подданства, военного долга, политических преступлений, детально разработаны вопросы материального и процессуального права, судопроизводства. Особое внимание законодатели уделили регулированию земельных правоотношений, регламентации прав и обязанностей различных категорий населения, в первую очередь дворянства как господствующего военно-служилого класса. По наблюдениям В. О. Ключевского, «без малого половина всех статей Уложения прямо или косвенно касается его интересов и отношений»⁵.

Вместе с тем в нем практически не нашли отражение разделы права, связанные с общественными отношениями. В частности, нет систематического изложения семейного права, тесно связанного с обычным и церковным. В Соборном уложении 1649 г., таким образом, оказались непредставленными области законодательства, в которых различия между русским и нерусским населением наиболее существенны. В целом моноэтническая ориентация кодекса очевидна. Уложение создавалось под русского дворянина, посадского человека, крестьянина, холопа и т. д. Однако полностью проигнорировать факт превращения России в многонациональное государство законодатели не могли. Отношение власти к нерусским народам проявилось прежде всего в разделах кодекса, регламентирующих религиозную сферу и земельные правоотношения.

Поддержание авторитета православной церкви как важнейшего атрибута самодержавной власти — одна из главных идей, заложенных в Соборном уложении. Не случайно в своеобразной классификации преступлений, зафиксированной в нем, на первое место поставлены преступления против церкви (глава I — «О богохульниках и о церковных мятежниках»), а уже затем следуют преступления против государства и особы государя (гл. II), против порядка управления (гл. III — IX)⁶.

Именно Уложение 1649 г. закрепило за православием статус официальной государственной религии, одновременно предоставив русской церкви исключительное право миссионерской пропаганды в государстве. В нем пока отсутствовали нормы, столь характерные для законодательства XVIII в.⁷, согласно которым устанавливались наказания для татар, склонявших в мусульманство языческие народы Поволжья. Однако уже жестко пресекались любые подобные действия в отношении русского населения. «А буде кого басурман какими-нибудь мерами, насильством, или обманом русского человека к своей басурманской вере принудит, и по своей басурманской вере обрежет, а сыщется про то допряма: и того басурмана по сыску казнить, сжечь огнем безо всякого милосердия», — гласит

ст. 24 гл. XII «Указ, за какие кому чинити смертная казнь, и за какие вины смертию не казнить, а чинити наказание» [ПСЗ, т. 1, № 1, с. 156].

Включение статьи подобного содержания в общероссийский кодекс — явление весьма показательное. Оно свидетельствует о признании правительством факта существования мусульманской проблемы в России и одновременно выражает его позицию в данном вопросе. Может быть, с формальной точки зрения было более уместным поместить данную статью в гл. I, посвященную религиозной тематике. Однако ее наличие в главе, объединяющей нормы, карающие виновных за совершение тяжких уголовных преступлений, само по себе примечательно и наводит на определенные размышления.

Многоконфессиональность Российского государства нашла отражение и в других статьях уложения, в частности связанных с судопроизводством. В ходе судебных разбирательств, допросов и «обысков» показания свидетелей, истцов и ответчиков необходимо было заверять, приводя их к присяге. В таких случаях русские люди целовали крест, «иноземцы» христианского вероисповедания «ставили» крест, а «князи, и мурзы, и татары, и чуваша, и черемиса, и всякие ясачные люди» присягали «по их вере по шерти» [Там же, с. 71]. Применительно к народностям Поволжья подобный порядок впервые зафиксирован в указе, вышедшем не позднее 31 марта 1625 г.⁸ Однако не вызывает сомнения, что у него гораздо более ранняя история. В Соборном уложении принятие присяги «по шерти» встречается в ст. 161 гл. X «О суде» и ст. 3 гл. XIV «О крестном целовании» [ПСЗ, т. 1, № 1, с. 41, 71].

Наличие этих статей в кодексе позволило М. М. Федорову и А. Г. Манькову сделать вывод о том, что в Соборном уложении 1649 г. были признаны обычаи ясачных народов и юридически зафиксирована возможность применения их обычного права⁹. Соглашаясь с данным утверждением, необходимо все же подчеркнуть, что для самодержавия этот шаг был вынужденным. Законодатели разумно пришли к выводу, что присягу нужно требовать в соответствии с той религией, которую исповедует человек, дающий показания. В противном случае она никак его не свяжет.

Большое внимание в Соборном уложении уделялось регулированию земельных правоотношений, в частности поместным землям как одной из господствующих форм феодальной собственности (гл. XVI, включающая 69 статей) [ПСЗ, т. 1, № 1, с. 74 — 87]. Статьи 41 — 45 непосредственно касаются татарского населения Поволжья [Там же, с. 80 — 81]. Разумеется, их содержание не дает целостной картины правового статуса татар-землевладельцев. В них получили отражение лишь те положения, которые выделяли данную группу из всего российского феодального класса. Несомненно, что на татар распространялись нормы, зафиксированные и в других статьях этой главы, в первую очередь — регламентирующие положение «иноземцев», состоящих на русской службе.

Анализ законодательства первой половины XVII в. свидетельствует о сходстве указов, адресованных представителям данной социальной прослойки, с законодательными актами о татарах¹⁰. Причина заключалась в том, что каноны веры «иноземцев» (пусть и христианские по своей сути) не признавались в государстве, опорой которого было православие. Фактор вероисповедания обусловил то обстоятельство, что в правовом отношении служилые татары были

ближе к «иноземцам», нежели к русским служилым людям. Это дает основание с некоторой долей условности считать правовые нормы, касающиеся «иноземцев», применимыми и к татарскому населению. Из 69 статей гл. XVI «О поместных землях» понятие «иноземцы» встречается в содержании десяти статей (ст. 3, 13, 14, 16, 18, 19, 30, 31, 32, 46). Из них лишь ст. 14 обособляет их положение в земельном вопросе. Согласно этой статье, выморочные земли «иноземцев», оставшиеся после отдачи определенной части на прожиток жене и детям, было велено отдавать беспоместным и малопоместным «иноземцам» того же рода. Запрещалось отдавать такие земли кому-либо другому. В то же время, чтобы уравновесить ситуацию повелевалось «русских людей поместей иноземцом не давать»¹¹. Таким образом, Соборное уложение окончательно оформило и закрепило известную по указам 1610 — 20-х гг. норму, в соответствии с которой поместья «иноземцев» обращались только в своем кругу, а владения русских помещиков — в своем¹².

Исключением из этого правила являлись лишь статьи о замужестве. Например, ст. 18 разрешала вдове «иноземца» выходить замуж за русского со своим прожиточным поместьем, которое подобным образом закреплялось в русском роду [ПСЗ, т. 1, № 1, с. 77]. Цель введения такого порядка заключалась в стремлении государства вовлечь в служебный оборот земли, отдаваемые «в прожиток» семье служилого человека после его смерти. На первый взгляд, обратная ситуация наблюдается в ст. 19. Вдова русского дворянина или «сына боярского» выходит замуж за «иноземца» со своим прожиточным поместьем, и оно также «справливалось» за ее новым мужем. Однако есть существенная деталь, делающая нормы, устанавливаемые этими двумя статьями, отнюдь не равноценными друг другу. Согласно ст. 19, «иноземец» обязательно должен быть крещеный: «А будет за которого за крещеного иноземца сговорят за муж вдова дворянская, или сына боярского жена с прожиточным свои поместьем: и той вдове по тому же с прожиточным своим поместьем за крещеного иноземца за муж итти велено» — [Там же].

Остальные статьи, в которых упомянуты «иноземцы», посвящены наделению жен умерших «в прожиток» из поместий (ст. 13), то же — из выслуженных вотчин (ст. 16), наделению «в прожиток» жене и детям убитого на службе (ст. 30), умершего на службе (ст. 31), умершего дома (ст. 32) [Там же, с. 78 — 79]. Вспомоществование оказывалось в тех же размерах и на тех же условиях, что и русским служилым людям. Это указывает на то, что преобладающей тенденцией в середине XVII в. было невыделение материальных прав помещиков-«иноземцев» из общей законодательной практики. Имеются подтверждения этому, относящиеся непосредственно к татарскому населению Волго-Уральского региона. Так, содержание ст. 45 гл. XVIII «О печатных пошлинах» свидетельствует о том, что пошлины, взимаемые с челобитных нерусского населения бывшего Казанского ханства, не отличались от других [Там же, с. 105]. Между тем полной идентичности социального статуса как татар, так и «иноземцев» со статусом русских землевладельцев не было. Иначе законодатели просто не выделяли бы их в кодексе отдельно.

Существующие отличия в наибольшей степени проявились в ст. 41 — 45 гл. XVI «О поместных землях». Фактически они представляют собой обобщен-

ные и обработанные положения законодательных документов первой половины XVII в., регулирующих земельные права нерусских феодалов Поволжья¹³. Так, ст. 41, окончательно закрепившая за татарскими и мордовскими служилыми людьми приобретенные ими в период Смуты бывшие поместные земли русских феодалов, является переложением указа 1615 г.¹⁴ Розданные этим людям в прежние времена запустевшие «старинные» русские земли оставались за татарами при условии несения службы. Так же, как в ст. 14 относительно «иноземцев», закон запрещал впредь раздавать русские поместные земли представителям господствующих классов татарской и мордовской национальностей. В равной мере воспрещалось изъятие земель, отведенных этим народам [ПСЗ, т. 1, № 1, с. 80].

По мнению А. Г. Манькова, в запрете правительством каких-либо операций с землей вне сословно-этнических рамок, отразилось стремление верховной власти сохранить и укрепить среди народностей Поволжья позиции местных феодалов как свою опору¹⁵. Особенно ярко это проявилось в ст. 43, запрещавшей всем разрядам русских служилых людей, начиная с бояр, отчуждать любыми способами (покупка, мена, аренда) поместные земли «князей и мурз»¹⁶. Подобная практика впервые встречается в указе, вышедшем не позднее 30 апреля 1635 г.¹⁷, что дает основание считать его одним из источников рассматриваемой статьи Соборного уложения. Однако создатели кодекса пошли дальше авторов упомянутого указа, распространив действие запрета на ясачные земли, принадлежащие чувашам, марийцам, удмуртам и башкирам. Включение в кодекс подобных норм означало, с точки зрения законодателей, закрепление статуса собственности царя за территорией обитания ясачных народов¹⁸.

Влияние указа 1635 г. ощущается и в содержании ст. 45. Помимо прочего в указе констатировалось стремление части служилых мурз и татар каким-либо образом избавиться от принадлежащих им земель, чтобы тем самым освободиться от службы. Отношение правительства к данному явлению в 1630-х гг. выразилось в установлении запрета на совершение подобных действий, сформулированного в самом общем виде. В Соборном уложении этот запрет вполне конкретизирован: «Мурзам и татарам своих поместий не пустошить, и самим из тех поместий в иные города, и в села, и в деревни ни куды не бегать и от служеб не отбывать: а жить в своих поместьях и вотчинах, и владеть им мурзам и татарам всякому своим поместьем, где кто испомещен по дачам» [ПСЗ, т. 1, № 1, с. 81].

Включение подобных норм в состав кодекса свидетельствует об обеспокоенности царского правительства распространенностью указанного явления. Время, прошедшее с момента издания указа 1635 г., лишь усугубило ситуацию. Из содержания ст. 45 следует, что отдельные татарские помещики уже сознательно, путем использования различных мер воздействия (наложения непомерных налогов, грабежа и насилия), вынуждали своих крестьян к бегству [Там же]. Поместья приходили в запустение, и татары, сдав их каким-либо образом русским людям или просто бросив на произвол судьбы, скрывались от службы. Для уличенных в намеренном совершении подобных деяний уложение определяло «чинить наказание, что государь укажет». Как мы видим, какой-либо конкретной кары закон не устанавливал. Однако, надо полагать, она была весьма

серьезной и никак не меньше наказания, предусмотренного за укрывание беглых: «...да и тем, у которых мурзы и татары учнут жить в бегах, потому же чинить жестокое наказание, и приказывать им накрепко, чтобы они впредь у себя беглых мурз и татар не держали» [Там же].

Таким образом, содержание ст. 43 и 45 гл. XVI «О поместных землях» указывает на юридическое оформление к середине XVII в. существования особого земельного фонда, в который входили поместья нерусских феодалов. Земли из этого фонда находились под патронажем верховной власти, они не могли отчуждаться русскими служилыми людьми и перераспределялись только внутри представителей данной группы населения.

Правило это не было безусловным. Создатели Соборного уложения предусмотрели исключение из него, заложив в ст. 44 следующую правовую норму: «...а которые князи и мурзы, и татаровя, и мордва и чюваша, и черемиса и вотяки крестились в православную христианскую веру: и у тех, у новокрещенов поместных земель не отымать, и татарам не отдавать» [Там же]. Трактовать смысл данного установления можно по-разному. Неясно, за какие конкретные провинности изымались земли у нерусских феодалов. Как бы то ни было, статья определенно гарантировала провинившемуся прощение и сохранение поместной земли в обмен на принятие им христианства. Тем самым правительство в угоду религиозным интересам нарушало провозглашенный им же принцип неделимости земельного фонда, принадлежащего нерусским народам, поскольку крестившийся татарин, чуваш или мордвин переходил в другую, закрытую для бывших единоверцев корпорацию. Одновременно получила развитие тенденция, известная с 1550-х гг., согласно которой принятие крещения становилось платой за освобождение от наказания или сохранение определенных привилегий¹⁹.

Наличие этноконфессионального неравенства внутри российского служилого класса прослеживается также в ст. 42 [ПСЗ, т. 1, № 1, с. 80]. Согласно ей, у служилых татар изымались так называемые оброчные земли, т. е. те, с которых они уплачивали государству определенный сбор и которые не принадлежали им юридически. При этом целью правительства, по мнению А. Г. Манькова, было намерение передать эти земли русским дворянам в поместье²⁰. Укрепляя подобным образом русское дворянское землевладение, государство не только ослабляло позиции нерусских феодалов Поволжья, но и сознательно приносило в жертву свои фискальные интересы, поскольку оброчные земли были существенным источником денежных поступлений в казну.

Отношения земельной собственности, выраженные в ст. 41 — 45 гл. XVI «О поместных землях», являются наиболее примечательными в Соборном уложении, в них проявилась политика царского правительства по отношению к татарскому населению в лице его феодальной верхушки. Помимо них, а также статей, касающихся сферы духовных дел и порядка приведения к присяге, татары практически не фигурируют в кодексе, даже там где это было бы вполне логичным. К числу таких разделов, на наш взгляд, принадлежит гл. VII «О службе всяких ратных людей московского государства» [ПСЗ, т. 1, № 1, с. 8 — 13], в которой нет правового обособления по этническому признаку. Анализ содержания статей, входящих в нее, приводит к выводу, что отношение государства к служилым людям определялось лишь тем, «поместный» ты человек или «по прибо-

ру». Так, в зависимости от этого устанавливались меры взыскания за повинности: у поместных уменьшался поместный оклад, у служилых «по прибору» — денежный [Там же, с. 9]. Татары могли быть как среди «поместных» людей, так и среди «кормовых».

Можно было ожидать упоминания о них в гл. IX «О мытах и перевозах» [Там же, с. 14 — 17]. Занятие татар торговым промыслом — тема особого разговора. Это подтверждает отрывок из таможенной грамоты 1633 г., регулировавшей сбор пошлин в г. Гороховец (ныне Владимирская область): «...а учнут приезжать в Гороховец, из Казани и из иных городов, татарове и черемисы с товарами, и с их товаров таможенных пошлин имать со всякого товара по тому же, что и с русских людей»²¹. В упомянутой главе Соборного уложения фигурируют следующие категории служилого люда: дворяне, «дети боярские», «иноземцы», «всякие служилые люди». Возникает вопрос, к какой из категорий следует отнести служилых татар и представителей других народностей Поволжья. Однако нет сомнения в том, что они, как и русские служилые люди, пользовались привилегиями и освобождались от платы за мыты, перевозки и мостовщину [ПСЗ, т. 1, № 1, с. 14].

Этническая принадлежность не учитывается и в такой важной части Соборного уложения 1649 г., как гл. XI «Суд о крестьянах» [Там же, с. 62 — 69]. Среди владельцев крестьян, упоминаемых в ней, фигурируют: «патриарх, митрополиты, архиепископы, епископы, монастыри, бояре, окольные, думные (дворяне), комнатные люди, стольники, стряпчие и дворяне московские, дьяки, жильцы и городовые дворяне, дети боярские и иноземцы, и всякие вотчинники и помещики» [Там же, с. 62]. Невыделение в перечне собственников князей, мурз и прочих нерусских владельцев свидетельствует о преобладании в рассматриваемый период сословно-классовых интересов над этноконфессиональными в данной области права, точно так же, как в большинстве других, не столь существенных сферах, как земельные отношения и религия.

Понятие «татарин» встречается в тексте Соборного уложения 1649 г. в 14 статьях [Там же, с. 41, 71, 80 — 81, 105, 129, 133, 137]. Между тем термин «иноземцы» фигурирует в 35 статьях, «мурзы» — в 5, «люди ясачные» — в 3, «чуваши, черемисы, вотяки» — в 4, «иноверцы» и «басурман» — в одной*. Наименования «татары», «татаровя», «татарчонки» широко употребляются в гл. XX «Суд о холопах» (в содержании 6 статей), одной из самых объемных в кодексе (состоит из 119 статей) [Там же, с. 114 — 137]. Следует, однако, воздержаться от прямой идентификации этих «татар» с татарами, проживавшими на территории бывшего Казанского ханства и сопредельных областей. Например, в ст. 96 говорится о купленных людях «татарского полона» [Там же, с. 133], в ст. 99 — о «татаровях, купленных на Дону» [Там же], в ст. 117 — 118 — о «татарах и татарчонках», приобретенных в Сибири и Астрахани [Там же, с. 137]. Конечно, нельзя полностью исключить запись коренного населения Среднего Поволжья в

* Понятие «иноземцы» встречается в 10 главах Соборного уложения. Остальные наименования, как и этнонимы «мордва» и «башкиры», большей частью употребляются в тех же главах и статьях, что и «татары».

холопы. Однако основными поставщиками зависимых людей нерусского происхождения в центральные районы страны следует считать приграничные области, причем необязательно речь идет о тамошнем татарском населении. А. Г. Маньков отмечает: «Разумеется, под понятие татар могли попадать представители других народностей указанных областей»²². Это происходило потому, что и в рассматриваемый период, и гораздо позднее нерусское население Сибири, Астрахани и других восточных регионов даже в официальных документах именовалось общим этническим понятием «татары»²³.

В гл. XX Соборного уложения представлена законодательная практика более ранних лет. Например, в ст. 70 нашел отражение известный по указам 1620-х гг.²⁴ принцип: «А иноземцам некрещеным на Москве и в городах держати у себя во дворах иноземцев же всяких разных вер; а русским людям у иноземцев некрещеных, по крепостям и добровольно в холопстве не быти» [ПСЗ, т. 1, № 1, с. 128]. Согласно ст. 74, татар, видимо, дозволялось держать у себя в холопстве как нерусским, так и русским владельцам. Единственным требованием при оформлении купчих на них в Холопьем приказе было то, чтобы «татарове, на кого именем те купчие написаны, тех купчих не лживили» [Там же, с. 129].

Заслуживают внимания ст. 117 и 118, в которых отменялось действие указа Михаила Романова 1623 — 1624 гг., запрещавшего покупать, принимать в дар и насильственно крестить татар, проживающих в Сибири и в районе Астрахани²⁵. Соборное уложение восстановило прежний порядок в данном вопросе. В указанных регионах татар отныне мог приобрести любой желающий, за исключением «воевод и всяких приказных людей, которые... у государевых дел будут в Сибири и в Астрахани» [ПСЗ, т. 1, № 1, с. 137]. Из ст. 117 и 118 следует, что купленных людей не возбранялось приводить к крещению. В то же время ст. 97 запрещала перепродажу холопов, принявших православие [Там же, с. 133]. Это объяснялось тем, что купчими грамотами оформлялось похолопление только неправославных людей, а холопская зависимость православных по Соборному уложению могла быть оформлена исключительно служилой кабалой и лишь при согласии лица, а не путем насильственного привода в приказ.

Формальный запрет на перепродажу новокрещеных холопов не препятствовал переходу их от одного владельца к другому. Согласно ст. 96, не возбранялось передавать холопов безденежно, оформляя на них данные грамоты [Там же]. Не ограничивалось и право наследования (ст. 100) [Там же]. В целом положение неправославных холопов в меньшей степени регулировалось законом, чем статус православных. Государство строго следило за тем, чтобы не были задеты интересы христианской религии, но практически отдавало на откуп владельцам судьбы холопов-иноверцев.

Итак, Соборное уложение 1649 г. вобрало в себя почти вековой опыт законодательного регулирования жизни населения бывшего Казанского ханства. Анализ источника показал, что в целом линия официальных московских властей заключалась в признании за народностями Среднего Поволжья основных прав русского населения, разумеется, в рамках соответствующих сословных категорий. Общие тенденции в развитии законодательства того времени обусловили то обстоятельство, что понятие «татары» встречается на страницах Соборного уложения 1649 г. преимущественно в лице феодальной верхушки, правовое положение кото-

рой было сопоставимо с положением русских служилых людей. В то же время государство сознательно обособляло их, превратив в замкнутую этносословную прослойку. Права нерусских феодалов на свободное распоряжение земельными владениями, за которые они несли службу, ограничивались. При всех равных условиях закон всегда становился на сторону православного человека, когда на ситуацию влиял религиозный фактор.

Библиографические ссылки

- ¹ **Владимирский-Буданов М. Ф.** Обзор истории русского права. Киев, 1905. С. 231.
- ² **Филиппов А. Н.** Учебник истории русского права. Юрьев, 1912. С. 297.
- ³ **Тихомиров М. Н.** Соборное уложение и городские восстания середины XVII в. // Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 г. М., 1961. С. 5.
- ⁴ **Дебольский Н. Н.** О значении и методе истории русского права. СПб., 1904. С. 86.
- ⁵ **Ключевский В. О.** Курс русской истории : в 9 т. М., 1986. Т. 3. С. 134.
- ⁶ См.: **Маньков А. Г.** Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 217.
- ⁷ См.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. : в 45 т. СПб., 1830. Т. 8. № 5333. С. 100 ; Т. 11. № 8664. С. 720 ; Т. 13. № 9631. С. 82 — 85. Далее ссылки в тексте: [ПСЗ].
- ⁸ См.: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII вв. : тексты. Л., 1986. № 142. С. 123 — 124.
- ⁹ См.: **Федоров М. М.** Правовое положение народов Восточной Сибири XVII — начала XIX вв. Якутск, 1978. С. 20 — 24 ; **Маньков А. Г.** Указ. соч. С. 236.
- ¹⁰ См.: **Ногманов А. И.** Татары Среднего Поволжья и Приуралья в российском законодательстве второй половины XVI — XVIII вв. Казань, 2002. С. 31 — 32.
- ¹¹ Там же. С. 76.
- ¹² См.: Законодательные акты... № 69. С. 82 ; № 79. С. 85 ; № 90. С. 96 — 97.
- ¹³ См.: **Ногманов А. И.** Указ. соч. С. 28 — 34.
- ¹⁴ См.: Законодательные акты... № 78. С. 85.
- ¹⁵ См.: **Маньков А. Г.** Указ. соч. С. 61.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См.: Законодательные акты... № 224. С. 165 — 166.
- ¹⁸ См.: **Маньков А. Г.** Указ. соч. С. 61.
- ¹⁹ См.: Акты археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 1. № 241. С. 259 — 261 ; Законодательные акты... № 119. С. 113.
- ²⁰ См.: **Маньков А. Г.** Указ. соч. С. 64.
- ²¹ Акты археографической экспедиции... Т. 3. № 241. С. 362.
- ²² **Маньков А. Г.** Указ. соч. С. 115.
- ²³ См.: Российское законодательство X — XX веков : в 9 т. М., 1985. Т. 3. С. 409 — 410.
- ²⁴ См.: Законодательные акты... № 166. С. 138.
- ²⁵ Там же. № 129. С. 118.

Поступила 11.08.2012 г.

УДК 94(=511.1)

В. А. Юрчёнков

V. A. Yurchenkov

ФИННО-УГОРСКИЕ НАРОДЫ РОССИИ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Г. В. ВЕРНАДСКОГО*

FINNO-UGRIC PEOPLES OF RUSSIA IN G. V. VERNADSKY'S ARTISTIC HERITAGE

Ключевые слова: финно-угорские народы, евразийство, природно-культурная среда, месторазвитие, евразийские этносы.

В статье анализируются взгляды Г. В. Вернадского на роль и место финно-угорских народов в истории России, предпринимается попытка определить их воздействие на общую концепцию российской истории ученого.

Key words: Finno-Ugric peoples, Eurasianism, the natural and cultural environment, developmental space, Eurasian ethnic groups.

The views of G. V. Vernadsky on the role and place of the Finno-Ugric peoples in the history of Russia are analyzed in this article, as well as an attempt to determine their influence on scholar's general concept of Russian history is made.

Государство, созданное русским народом в процессе исторического развития, не есть только политический механизм; это государство есть громадный историко-культурный организм; это государство есть особый мир — особая часть света.

В состав этого мира входит не только русский народ, но также народы иного этнического состава — турецко-монгольские, финские и иные племена. Включение в мировую державу дает отдельным краям и народностям неоценимые экономические и культурные выгоды, делает их сопричастниками мировой жизни.

Г. В. Вернадский.

Начертание русской истории

Г. В. Вернадский является одним из крупнейших историков XX в., автором целостной концепции исторического развития России и ее народов, входит в число основоположников современной американской русистики. По мнению ученых русского зарубежья, он — «едва ли не самый плодовитый писатель и научный работник эмиграции», «один из наиболее эрудированных историков России, живущих за границей». Близкий друг ученого, лидер евразийства П. Н. Савицкий был

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Финно-угорские народы России», № 13-11-13002 а (р).

склонен даже видеть в нем «крупнейшего русского историка современности». В научных кругах Запада Г. В. Вернадский с 1950-х гг. приобрел репутацию «великого старика». Он характеризовался американскими коллегами как «один из главных живущих авторитетов по русской истории», «самый плодовитый исследователь истории России в США в прошлом и настоящем», «патриарх русской историографии в США». В современной России оценки его творчества не менее благожелательны: «талантливый историк», «ученый недюжинных масштабов», «знаменитый историк», «интереснейший историк широкого профиля», «крупнейший историк русского зарубежья»¹. Однако, несмотря на столь положительные характеристики, труды Г. В. Вернадского до настоящего времени не изучены в должной мере. Особенно это касается его осмысления истории и культуры народов России, в том числе финно-угорских.

Центральным произведением Г. В. Вернадского является его многотомная «История России», над которой он работал уже в США (т. 1 «Древняя Русь» вышел в 1943 г., т. 2 «Киевская Русь» — 1948 г., т. 3 «Монголы и Русь» — 1953 г., т. 4 «Россия на пороге нового времени» — 1958 г., т. 5 «Московское царство» — в 1968 г.). По мнению исследователя его творчества Б. А. Николаева, «грандиозность идеи заключалась в том, что Г. В. Вернадский впервые в зарубежной литературе, в одиночку, решился проанализировать и синтезировать результаты исследований советских историков того времени. В самом Союзе в этот период аналогов подобному проекту не существовало, а „История СССР с древнейших времен...“, над которой трудился весь цвет советской исторической науки, появилась гораздо позже и в незавершенном виде.

Вернадский выступал не только в роли интерпретатора и популяризатора русской истории и советской исторической науки. В своей „Истории...“ он развивал историческую концепцию, изложенную им в более ранних работах»².

Поздравляя ученого с завершением работы «над его великой „Историей России“», один из самых проницательных политиков и историков XX в., профессор Института высших исследований в Принстоне (США) Дж. Кеннан писал: «Эта работа могла бы стать огромным вкладом в изучение русской истории даже при существовании нормальных условий для исторических исследований внутри России в последние десятилетия. При существующих обстоятельствах она сослужит еще большую службу для продолжения русской культурной традиции, и за это последующие поколения русских людей будут испытывать к Вам свою особую благодарность»³.

Во второй половине 1990-х гг. основной труд Г. В. Вернадского был переведен на русский язык. Академик Н. Н. Болховитинов отмечал: «Начав переводить книги запретного прежде автора, наши издательства сделали нужное и полезное дело»⁴.

Теоретико-методологические взгляды Г. В. Вернадского, изложенные в концентрированном виде в книге «Начертание русской истории» (Прага, 1927), отличались существенным своеобразием. Исследователь считал оптимальным выражением исторической целесообразности процесс постепенной интеграции общества и окружающей природно-культурной среды. Он утверждал: «Исторический процесс стихийен: в основе своей он приводится в движение глубоко заложенными в нем силами, не зависящими от пожеланий и вкусов отдельных

людей (да и сами эти пожелания и вкусы входят в общую экономию исторического процесса).

Жизненная энергия, заложенная в каждой народности, стремится к своему наибольшему проявлению.

Каждая народность оказывает психическое и физическое давление на окружающую этническую и географическую среду.

Создание народом государства и усвоение им территории зависит от силы этого давления и от силы того сопротивления, которое это давление встречает»⁵.

Г. В. Вернадский представлял действие исторического процесса в виде взаимного приспособления евразийских народов к своему месторазвитию и друг к другу. Необходимость такого приспособления и было вызвано возникновение всех индивидуальных исторических особенностей народов России, в том числе финно-угорских. Основными элементами отечественной истории он считал степень давления русской народности на окружающую среду и степень сопротивления, которая была противопоставлена окружающей средой [Начертание..., с. 23].

Финно-угорские народы Г. В. Вернадский включал во внешнюю окружающую среду русского народа, взаимодействие с ними являлось элементом давления со стороны последнего. Однако оно несло в себе и элемент сопротивления внешней среды, т. е. финно-угров. Причем сопротивление было по историческим меркам не столь значительным. Г. В. Вернадский писал: «Славянская колонизация внедрялась в области, занятые финнами, большей частью мирным путем. Финские племена частью отступали на север перед славянами, частью смешивались с ними и постепенно ославянивались (налагая на славянский тип свою печать)» [Там же, с. 50].

Одной из центральных методологических категорий у Г. В. Вернадского является месторазвитие, под которым он понимал «географическую среду, которая налагает печать своих особенностей на человеческие общежития, развивающиеся в этой среде» [Там же, с. 26]. Разъясняя сущность этого понятия, он отмечал: «Социально-историческая среда и географическая обстановка сливаются в некое единое целое, взаимно влияя друг на друга. В разные исторические периоды и при разных степенях культуры человеческих обществ различная совокупность социально-исторических и географических признаков образует различные месторазвития в пределах одной и той же географической территории» [Там же, с. 26 — 27]. Ученый установил систему сменяющихся типов месторазвития, заявив, что «в русской истории можно наблюдать различные типы больших и меньших месторазвитий» [Там же, с. 27]. Месторазвитие финно-угорских народов он относил к числу меньших. Историк достаточно четко очертил его: «В то время как в Южно-Русских Причерноморских степях сменяли друг друга кочевые племена иранского и монголо-турецкого племени, область леса как до Урала, так и за Уралом занята была различными финскими племенами (чудью). Финские племена занимали часть побережья Балтийского моря, Приокский край (мурома, мордва, черемисы), Поволжье верхнее (весь) и среднее (меря), Прикамский край (пермь). В Среднем Поволжье и Южном Прикамье был стык между племенами финскими и турецко-монгольскими; здесь образовались смешанные финно-турецкие и финно-монгольские племена (башкиры, мадьяры)» [Там же, с. 49 — 50].

Месторазвитие определило многие черты социально-экономического развития народов, элементы их хозяйственной жизни: «Финны занимались главным образом охотой и рыболовством. Рыба была главной их пищей, пушнина (меха) шла на одежду и на торговый обмен с соседями. Однако некоторые финские племена занимались, по-видимому, и добычей металлов (меди). В разных местах, на Урале и на Алтае, сохранились остатки разработок руды („чудские копи“») [Там же, с. 50]. Влияло оно и на политическую историю. По Г. В. Вернадскому, «разрозненные лесами, сообщаясь лишь по рекам, финские племена не могли образовать сильных военных союзов» [Там же]. В результате «впоследствии финны не могли оказать резкого отпора славянской колонизации, когда поток ее направился на север» [Там же].

Г. В. Вернадский рассматривал финно-угорские народы как один из элементов, лежащих в основе формирования и развития Евразийского государства. Совместно с тюркскими народами они дополняют, по его мнению, славянский элемент развития Евразии: «Славянская этническая основа русского народа, в которую введено было значительное количество иранской (скифской), а позже — немного варяжской крови, была затем в течение долгого исторического процесса дополнена этническими элементами монголо-турецкими и финскими (а также, конечно, и другими, имевшими, однако, меньшее значение)» [Там же, с. 29]. По его словам, «предки финно-угорских племен в сарматский период заняли всю северную часть Руси»⁶. Южную границу их расселения ученый определял по линии от Финского залива к средней Волге. К востоку от Волги, отмечал исследователь, «пермские и угорские племена распространялись далеко за Уральские горы» [Древняя Русь, с. 245]. Как важный этап истории финно-угорских народов Г. В. Вернадский выделял V в. н. э., когда «некоторые угорские племена мигрировали из Уральского района и Зауралья к северокавказским землям, где они были под контролем сначала у гуннов, а затем хазар» [Там же]. По его словам, «это была та ветвь угров, которая позже, после распада Великой Булгарии, двинулась в южнорусские степи. Русская „Повесть временных лет“ упоминает их как белых угров. Они были предками мадьяр. Еще одна часть угров мигрировала в конце девятого века из Уральского региона в Венгрию. Они были известны русским как черные угры. Достигнув Венгрии, они слились с белыми уграми» [Там же].

Особо Г. В. Вернадский выделял восточные финские племена — мордву и марийцев. К ним же он причислял мерю и мурому, причем последние «изначально занимали Ростовский и Муромский районы, но позднее были покорены славянами и полностью русифицированы» [Там же, с. 246]. Исследователь поддержал трактовку взаимоотношений славянских и финских племен через взаимовлияние. Он писал: «Поскольку финны были аборигенами, а славяне — пришельцами в Северной Руси, последние подверглись значительному влиянию того народа, в чью страну они пришли. В антропологическом типе северных русских наблюдаются некоторые финские черты, возникшие от смешанных браков. Вполне естественно, что многие названия местностей и рек в северной части России имеют финское происхождение» [Там же].

На топонимический сюжет Г. В. Вернадский обратил особое внимание, замечая, что «вопрос этот очень запутан, поскольку во многих случаях так

называемое финское влияние в топонимике могло быть скорее отраженным, чем прямым» [Там же]. Он привел достаточно яркий пример со ссылкой на такого авторитетного лингвиста, как М. Фасмер: «Некоторые слова финского происхождения, такие как *selga* („делянка“), *mandera* („подпочва“), *lakhta* („залив“) и другие вошли в русский лексикон и, так сказать, натурализовались в очень ранний период; поэтому присутствие такого слова в названии деревни или города еще не говорит о том, что это место было основано финнами. Оно могло быть основано русскими, в чьем диалекте это слово (по происхождению финское) уже существовало» [Там же]. В качестве дополнительного аргумента своих рассуждений он предложил принять во внимание географическое распространение самих финских диалектов. В связи с этим Г. В. Вернадский подверг критике предположение В. О. Ключевского о том, что название реки (и города) Москва следует выводить из якобы финского слова *va* («вода»)7. Правда его аргументация была неубедительной и сводилась к фразе: «*Va* встречается только в зырянском диалекте, в то время как в собственно финских диалектах „вода“ обозначается словом *vesi*» [Древняя Русь, с. 246].

Наряду с финно-угорским воздействием на славян Г. В. Вернадский отмечал обратный процесс: «В то время как славяне подвергались значительному финскому влиянию, сами финны также попадали под влияние сначала иранцев, а затем — пришлых славян» [Там же, с. 247]. Он считал ряд слов финно-угорских языков заимствованным из иранского и русского языков.

Значительное внимание Г. В. Вернадский уделил анализу археологического материала по финно-уграм, на основании которого им была предпринята попытка представить черты быта этих народов, их экономику и уклад жизни. Так, он утверждал: «Финно-угорские городища строились либо как капища, либо как крепости; независимо от их первоначального назначения большинство из них служило также центрами торговли. В основном они располагались на холмах или крутых берегах рек и были защищены земляными валами и рвами» [Там же, с. 247 — 248]. Иными словами, исследователь выделил основные функции финно-угорских поселений: религиозный центр (капище), крепость, торговый центр.

Г. В. Вернадский локализовал типичные финно-угорские городища в районах Верхней Волги и Оки, на средней Волге и к востоку от Волги на Урале. К ним он относил городища дьяковского типа: «Городища дьяковского типа обычно маленькие. Несмотря на их защищенность земляными валами, они скорее напоминали капища, нежели крепости, и, конечно, вокруг каждого из них должно было быть поселение. В этих городищах обнаружили изобилие керамики, обтесанных камней, веретен, ножей, серпов, рыболовных крючков и наконечников стрел» [Там же, с. 248].

Достаточно подробно Г. В. Вернадский описал жилище поволжских финно-угоров: «Финно-угорское жилище того времени, вероятно, представляло из себя низкую деревянную хижину, возведенную над вырытым убежищем. Крыша была односкатной, а зимой покрывалась землей, чтобы сохранить тепло внутри строения. Очаг был из грубого камня и не имел дымохода» [Там же, с. 249]. В качестве примера подобного строения, сохранившегося до XX в., он привел мордовские амбары для сушки зерна [Там же].

Некоторые сложности, по-видимому, возникали у исследователя при оценке социально-экономического развития финно-угорских народов. В конечном счете он пришел к выводу о том, что «народ на этой территории занимался сельским хозяйством, а также и рыболовством и охотой. Однако, вероятно, сельское хозяйство играло второстепенную роль... Охота и добыча меха были наиболее важными отраслями экономики финских племен на этой территории, с точки зрения общей истории» [Там же]. По мнению ученого, «рыболовство обеспечивало пищей местное население, в то время как охота снабжала купцов мехами, которые столь высоко ценились в международной торговле тех времен» [Там же]. Он писал о меховой торговле как об одном из важнейших факторов развития финно-угорских народов: «Торговля мехами ставила финнов в положение партнеров, необходимых для процветания как поволжских булгар, так и хазар... В обмен на меха финны получали от поволжских булгар и хазаров металлические орудия, оружие и украшения» [Там же].

Среди археологических материалов Г. В. Вернадского привлекали не только раскопки городищ, он анализировал и могильники: «Финно-угорские захоронения этого периода, как правило, без курганной насыпи или с невысоким могильным холмом» [Там же, с. 248]. Историк описал погребение и сопутствующие ему обрядовые действия: «Похороны состояли в погребении, и только в редких случаях замечены следы кремации. Труп завертывали в бересту. В могилу помещались горшки с пищей, и это указывало на веру в то, что жизнь продолжается после смерти, и похожа на ту, что была до смерти» [Там же, с. 249]. Материалы погребений позволили исследователю представить внешний облик поволжских финно-угров: «Судя по фрагментам ткани, обнаруженным в захоронениях, одежда финно-угров была сделана из холста или грубой шерсти. Поверх рубахи и широких штанов надевалось нечто вроде кафтана. Мужчины носили кольца на шее в качестве украшения. Женские головные уборы были сделаны очень искусно и состояли из разных лент с нашитыми на них металлическими пластинами. Женщины также носили серебряные и бронзовые подвески, серьги и прядки» [Там же].

Г. В. Вернадский попытался представить религиозные верования финно-угорских народов. Он утвердительно решил вопрос о существовании у них жреческого сословия: «Существование капищ является свидетельством того, что у них был особый слой жрецов или чародеев. В русских летописях часто упоминаются финские чародеи, или волхвы. Скандинавы считали их очень опасными, а их искусство восхвалялось Саксоном Грамматиком» [Там же]. Исследователь сделал предположение о наличии человеческих жертвоприношений, ссылаясь на их пережитки: «Вероятно, в главных финских капищах практиковались человеческие жертвоприношения, и символические пережитки такой практики могут быть обнаружены в фольклоре некоторых восточнофинских племен даже сейчас» [Там же, с. 249 — 250].

Религиозные воззрения финно-угорских народов Г. В. Вернадский сближал с сибирским шаманизмом. По его мнению, представление о Высшем Существо у финно-угров было весьма туманным, зато «признавалось существование сонма духов низшего порядка, преимущественно злых и недоброжелательных. По поверьям, такие духи могли принимать облик животных и птиц» [Там же, с. 250].

Далее он пришел к умозаключению: «По-видимому, многочисленные бронзовые изображения как животных, так и птиц, обнаруженные в финских захоронениях, имели магическое значение» [Там же].

К изучению мордвы Г. В. Вернадский впервые обратился при осмыслении письменных источников — трудов Геродота и Иордана. Характеризуя перечень племен «Скифского рассказа» Геродота, он воспроизвел предположение о том, что «андрофаги могут рассматриваться как предки мордовцев (мордвы)» [Там же, с. 83]. При описании готской державы историк, следуя Иордану, упоминает среди подчиненных Германариху народов мордву [Там же, с. 123]. В связи с этим он приводит этимологию этнонима, объясняя: «Имя мордва может происходить от иранского *maṛd*, „человек“. Мордва будет означать объединение людей» [Там же, с. 83].

Следующее обращение к этой теме связано с характеристикой Г. В. Вернадским Хазарского каганата. Он считал, что «Хазарская держава простиралась от Каспийского моря и нижнего течения Волги до Оки, среднего течения Днепра и Черного моря» [Начертание..., с. 55]. По его мнению, «наряду с народами и племенами, непосредственно зависящими от хазар, были и другие, которые, признав господство кагана, сохранили свою автономию» [Древняя Русь, с. 228]. К их числу исследователь отнес «некоторые финские племена в районе Оки и средней Волги», которые были «в тот или иной период связаны с хазарским государством». Со ссылкой на арабского автора Ибн-Руста он привел мордву, которую отождествил в данном конкретном случае с буртасами [Там же].

Закономерным развитием данного вопроса стал сюжет о Волжской Булгарии, которой, по словам ученого, после освобождения от хазарского влияния удалось распространить свой контроль на соседние финские племена, в частности на мордву [Там же, с. 237]. По его мнению, после VII в. восточные финские племена — мордва и марийцы, «признали над собой господство поволжских болгар» [Там же, с. 246]. Г. В. Вернадский считал: «Параллельно с варяго-русским государством на Днепре по течению Волги образовалось Болгарское царство, причем в свою очередь и его центр (город Великие Болгары) расположен был при переходе лесной полосы в степную и немного ниже последнего крупного волжского притока — Камы» [Начертание..., с. 63]. Он даже высказывал мысль о существовании Булгаро-Финского государства, в котором объединялись два этнических начала: «Болгары представляли собою остаток гуннской орды. В VII веке болгары раскололись: часть их ушла на Дунай (где возникло Болгаро-Славянское царство), часть заняла Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье (образовав Болгаро-Финское царство). Усилилось государство камско-волжских болгар, вероятно, в IX веке в связи с усилением торговли между Балтийским и Каспийским морями» [Там же].

Мордву (буртасов) Г. В. Вернадский представлял «сильным племенем, способным мобилизовать десять тысяч всадников» [Древняя Русь, с. 238]. В качестве основы своих рассуждений он цитировал Ибн-Руста: «У них не было вожда, чтобы править ими... У них в каждом округе был один или двое старейшин, к которым они обращались за судом со своими делами» [Там же]. По мнению ученого, отсутствие централизованной власти у мордвы (буртасов) породило определенную специфику взаимоотношений с булгарами — «булгарам приходилось

иметь дело с каждым старейшиной в отдельности и навязывать свое господство, посылая войска для сбора дани» [Там же].

Г. В. Вернадский писал, что основным богатством мордвы, согласно Ибн-Русту, были мед и меха. В связи с этим он вспоминал другого арабского автора — Ибн-Хакала, который сообщал «об эрьзе — еще одно название мордовского племени» [Там же]. Исследователь привел цитату сообщения: «Эрьзя появились [в Булгаре], спустившись вниз по реке Итиль, и привезли свои товары, но они ничего не рассказывали о своих торговых делах и о своей земле и не позволили никому сопровождать их на обратном пути домой. Именно у эрьзи приобретались соболиные и куньи меха, а также и свинец» [Там же]. Комментируя цитату, Г. В. Вернадский указывал: «Из этого заявления видно, что контроль над финскими племенами был важен для булгар, особенно из-за торговли мехами» [Там же]. Кстати, он замечал, что «вплоть до десятого века у булгар не было монет, а в качестве валюты использовались куски меха» [Там же].

Характеризуя распространение ислама в Волжской Булгарии, Г. В. Вернадский считал, что он получил распространение и среди поволжских финно-угорских племен. Исследователь утверждал: «Мусульманство распространялось очень быстро среди верхов болгарского общества, захватывая и соседние финские племена» [Начертание..., с. 63].

Особую роль в истории России, по мнению Г. В. Вернадского, сыграли скандинавские народы, что позволило историографам характеризовать его как норманиста⁸. По его словам, в VI — VII вв. скандинавы от верховий Западной Двины дошли до среднерусского междуречья, до района верхней Волги и Оки, достигли Донца, подчинив обитавшие здесь племена [Древняя Русь, с. 270 — 271]. Ученый попытался представить пути проникновения норманнов и их опорные базы: «Варяги не встретили препятствий на верхней Волге, вплоть до района проживания черемисов, племени, находившегося под властью булгар. Это значит, что они вряд ли могли спускаться по реке ниже современного Ярославля. По Которослю, притоку Волги, впадающему в нее около Ярославля, варяжские ладьи могли подниматься к озеру Неро, на берегах которого расположен город Ростов. Оттуда существовал волок к реке Нерль, притоку Клязьмы, которая, в свою очередь, являлась притоком Оки. Таким способом варягам можно было проникнуть в бассейн Оки» [Там же, с. 277]. Показателем их присутствия в регионе Г. В. Вернадский считал находки предметов скандинавского происхождения (овальные фибулы, мечи) VIII — IX вв. в могильниках Ростовского, Суздальского и Муромского регионов [Там же]. Он писал: «Исследование находок в могильниках и городищах показывает, что во многих случаях варяги жили бок о бок с коренным населением, которое принадлежало к племени меря финского происхождения. Судя по тому, что мы знаем из письменных источников о варяжско-финских отношениях в девятом и десятом веках, можно допустить, что именно варяги правили финнами в Ростовско-Суздальском регионе еще в восьмом веке» [Там же, с. 277 — 278].

Г. В. Вернадский относил финно-угорские племена к национальным меньшинствам Киевской Руси: «Различные финские племена занимали северные и восточные регионы России с незапамятных времен. Некоторые из них были вытеснены с их мест процессом славянской колонизации, другие — совершенно

русифицированы»⁹. В другом месте при характеристике Древнерусского государства он указывал: «На севере и северо-востоке русский народ двигался вперед и занимал все новые и новые области в финской этнической среде» [Начертание..., с. 72]. Между тем он отмечал и другой процесс: «В то время как некоторые финские племена исчезли в ходе славянской экспансии, многие другие оказались способными сохранить самобытность, хотя одно за другим они должны были присоединиться к русской федерации» [Киевская Русь, с. 175].

Фактически Г. В. Вернадский предложил два варианта контакта финно-угров с древнерусской государственностью. Первый вариант — «плавильного тигля» — он рассматривал на примере Владимиро-Суздальской земли. Исследователь писал: «Суздальское княжество в особенности стало плавильным тиглем, и из смешения славян и финнов сформировалось ядро так называемой „великорусской“ ветви восточных славян, с тем чтобы принять лидерство над русскими в московский период. Многие национальные характеристики великоросса должны быть объяснены финским элементом в его крови» [Там же]. Второй вариант — равноправное сосуществование, «славяно-финская федерация» [Там же]. В качестве доказательства наличия последней приводилась история о «призыве варягов», в котором, помимо славянских племен, участвовали и финские — чудь, меря и весь. Кроме того, чудь и меря упоминались как участники византийской кампании Олега в 907 г.

Говоря о влиянии Киевской Руси на поволжских финно-угров, Г. В. Вернадский все же констатировал и волжско-булгарский фактор их развития: «Частью в подчинении у болгар, частью у русских находились различные финские и финнотурецкие племена северо-восточной окраины русской равнины: черемисы, мордва, вотяки и др.» [Начертание..., с. 75].

Особое внимание ученый уделял христианизации финно-угорских народов, считая ее существенным этапом их истории. Он выделял два момента: «С обращением Руси в христианство финские племена, которые жили в теснейшей близости с русскими, были в конечном итоге крещены; другие, в основном малые, племена в более отдаленных районах оставались языческими длительное время, некоторые из них были необращенными даже ко времени революции 1917 г.» [Киевская Русь, с. 175]. Исследователь отмечал длительное и сильное сопротивление христианизации: «Из-за власти шаманов среди финских племен христианство встретилось с наиболее сильной оппозицией именно в смешанных финско-славянских регионах Северной Руси» [Там же].

Монгольское нашествие коренным образом изменило ситуацию в Восточной Европе, став переломным в истории ее народов. Г. В. Вернадский блестяще проанализировал связанные с этим процессы. Его книга «Монголы и Русь» является одной из лучших из написанного историком. Однако, увлекшись описанием взаимоотношений монголов и Руси, он фактически отказался от упоминаний финно-угорских народов. Описывая нашествие, автор не говорит о сопротивлении монголам в мордовских землях, а лишь констатирует: «Батый обратился прежде всего на волжских болгар. Покончив с болгарями, Батый переправился через Волгу и в самом конце 1237 года подошел к пределам Рязанского княжества» [Начертание..., с. 110]. Характеризуя битву на Пьяне, он ограничился кратким описанием действий Араб-шаха, не акцентируя внимание

на роли мордовских князей в этих событиях¹⁰. Правда, при описании Золотой Орды он упомянул поволжских финно-угров в числе подданных ханов, указав на их месторасположение: «Племена финно-угорского происхождения, такие как черемисы, мордва и мещера, жили в бассейне нижней Оки» [Монголы и Русь, с. 216].

Исключение составляет освещение событий 1443 — 1444 гг., когда, в трактовке Г. В. Вернадского, «великий князь Василий поспешил послать на помощь Рязани соединение своих войск, усиленное мордовскими лыжниками» [Там же, с. 322]. В «Начертании русской истории» он также отмечал: «В 1440-х годах на Рязань напал царевич Мустафа. Великий князь послал против него войско, усиленное рязанским ополчением, казаками и отрядами мордвы; Мустафа погиб в сражении (1444)» [Начертание..., с. 149].

Г. В. Вернадский рассматривал Золотую Орду как эффективно функционирующий хозяйственный механизм, несущий процветание своим подданным. Он писал: «С экономической точки зрения Золотая Орда представляла собой симбиоз кочевого и оседлого населения. Южнорусские и северокавказские степи представляли монголам и тюркам обширные пастбища для табунов и скота. С другой стороны, некоторые части этой территории на периферии степей использовались также для выращивания зерновых. Страна болгар в районе средней Волги и Камы была также сельскохозяйственной с высокоразвитым земледелием; и, конечно, Западная Русь (Украина) и южные княжества Центральной и Восточной Руси, особенно Рязань, производили зерно в изобилии» [Монголы и Русь, с. 216].

Окончанием эры монгольского владычества над Русью и началом новой эпохи Г. В. Вернадский считал создание Касимовского ханства — «вассального джучидского ханства под властью великого князя московского» [Там же, с. 339]. Причем его образование осуществлялось, как подчеркивает исследователь, на финно-угорских землях: «Хотя Городец являлся древним русским городом, к середине пятнадцатого века русских там оставалось совсем немного. Окрестные земли населяли преимущественно мещеры и мордва, оба племени финского происхождения» [Там же, с. 338]. Ханство, по его мнению, «сразу же повысило престиж Москвы в татарском мире и психологически облегчило всевозрастающему числу внешних татар переход на службу к великому князю, и индивидуально, и группами» [Там же, с. 339].

Распад Золотой Орды привел к возникновению вполне самостоятельных многоплеменных ханств, в том числе Казанского. По Г. В. Вернадскому, в Казанском ханстве «татары составляли высший слой, правящий местными племенами угро-финского или иного этнического происхождения»¹¹. Данная ситуация сказалась на судьбе ханства, поскольку, по словам историка, «для этих подчиненных племен не имело большого значения, должны ли они платить *ясак* (дань, обычно мехами) татарскому хану монгольского происхождения (потомку Чингисхана) или же царю» [Московское царство, ч. 1, с. 11]. После взятия Казани бывшие в подчинении у татар народы «стали подданными царя либо (некоторые, после временного сопротивления) пошли к нему на службу. Князья (мурзы) в каждом случае получали статус русских дворян. Они составляли другой важный элемент татарских (и связанных с ними) служилых людей» [Там же, с. 12].

Важным моментом в ходе покорения Казанского ханства Г. В. Вернадский считал создание системы опорных пунктов, которые позволили распространить влияние Москвы на земли Среднего Поволжья еще до взятия Казани. Центральное место он отводил строительству Свияжска: «Деревянная крепость, названная Свияжск, была спешно построена на холме, контролирующем устье Свияги. Ее возведение произвело большое впечатление на финские и тюркские племена высокого (правого) берега Волги — черемисов (теперь известных как мари) и чувашей. Эти племена были под властью Казанского ханства со времен основания последнего в середине XV века» [Там же, с. 53].

Завоевание Казани ученый рассматривал как переломный момент и в истории России, и в истории народов Среднего Поволжья. Он писал: «Завоевание Казани было огромной военной победой и великим политическим достижением. С религиозной точки зрения оно стало триумфом над исламом» [Там же, с. 57]; в другом месте: «Завоевание Казани открыло русским среднее течение Волги» [Там же, с. 62].

При характеристике XVII в. Г. В. Вернадский выделял два момента в истории мордовского края. Первый связан со строительством засечных черт. Исследователь отмечал, что «после взятия Казани и Астрахани началась усиленная народная колонизация как Поволжья, так и „дикого поля“, лежавшего к югу от среднего течения Оки. Новую систему укреплений нужно было образовывать с наличием русского населения в „поле“» [Начертание..., с. 194]. По его мнению, при Василии III основной линией обороны являлся берег Оки, и лишь немногие крепости были поставлены южнее Оки, при Иване Грозном эта линия защиты устарела и «основную укрепленную линию городов пришлось выдвинуть к югу от Оки (Новгород-Северский — Орел — Новосиль — Данков — Ряжск — Шацк — Радом — Темников — Алатырь). Эти передние «украинные города» были соединены более мелкими укреплениями, валами в открытом поле, засеками в лесах. Так образовалась «засечная черта» [Там же]. Историк охарактеризовал и последующие шаги Российского государства: «К югу от главной черты строились передовые укрепления и города. Каждый год для наблюдения за степью приходилось высылать на юг усиленные отряды войск. Сторожевая служба становилась все тяжелее и требовала все больше людей и средств» [Там же].

Второй момент — участие мордвы в Гражданской войне 1670 — 1671 гг. В его трактовке, во время осады С. Т. Разиным Симбирской крепости «небольшие отряды казаков рассеялись между Окой и Волгой в районах Симбирска, Тамбова, Пензы и Нижнего Новгорода» [Московское царство, ч. 2, с. 141]. Они сыграли роль детонатора: «После прихода казаков, или даже при известии об их приближении, крестьяне поднимались против своих господ, а посадские в городах — против воеводы и богатых купцов. Нерусские племена этих районов — мордва, чуваша и черемисы (мари) — присоединялись к движению. В каждом городе, принявшем власть Разина, казаки вводили свой тип правления с атаманом и народным кругом. В каждом случае воеводу и его помощников судили на круге. Тех чиновников, против которых выдвигалось много жалоб, казнили. Тех, с которыми население находилось в хороших отношениях, оправдывали» [Там же].

В исторической концепции российской истории Г. В. Вернадского, евразийской по своей сути, неславянские народы занимали значительное место. В ряде случаев их роль явно переоценивалась. Это позволило академику М. Н. Тихомирову заметить: «Не готы, авары и аланы создали русскую государственность, а славяне. Поэтому славяне должны были находиться в поле внимания историка России... Между тем истории славян отведено в книге профессора Вернадского поразительно мало места»¹². Тем не менее заслуга Г. В. Вернадского заключалась во введении в контекст истории России полиэтнической составляющей, элементом которой явились финно-угры. Рассматривая эти народы как евразийские этносы, ученый включил их в историографические построения евразийцев, существенно дополнив и обогатив. В связи с этим вряд ли можно согласиться с мнением Марка Раева о том, что главное научное достижение Г. В. Вернадского — «пятитомная история допетровской России — была написана и увидела свет после второй мировой войны и, за исключением глав, посвященных татаро-монголам, выдержана скорее в духе традиционного позитивизма, нежели евразийства»¹³. Более того, М. Раев сам себе противоречит, заявляя: «Единственным историком, который всегда придерживался евразийской теории, был Г. Вернадский»¹⁴.

При рассмотрении своеобразия исторического развития финно-угорских народов России Г. В. Вернадский опирался на собственную трактовку проблемы соотношения общего и особенного в исторических явлениях. Он признавал необратимость исторических изменений и цикличность его форм, что привело историка к формулировке принципа периодической ритмичности развития Евразии. Финно-угорские народы в своем развитии вынуждены были «вписываться» в данную ритмичность, что породило их специфику и особенности истории и культуры.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Пушкарев С.** Памяти профессора Георгия Владимировича Вернадского // Зап. Рус. академ. группы в США. 1973. № 7. С. 11 — 16; № 8. С. 189 — 194; **Дурновцев В. И.** Между лесом и степью // Родина. М., 1991. № 4; **Шилов А. В.** Г. В. Вернадский (1887 — 1973) // Профессора Пермского университета. Пермь, 1991; **Дурновцев В. И., Соничева Н. Е.** Русские историки в изгнании: Россия Георгия Вернадского // Голос Родины. 1992. № 29; **Пашуто В. Т.** Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992; **Хачатурян В. М.** Культура Евразии: этнос и геополитика // Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992; **Пивоваров Ю.** Вечная Россия или постоянство выбора // Родина. 1993. № 3; **Соничева Н. Е.** Становление и развитие исторической концепции Г. В. Вернадского: дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1994; **Корзун В. П.** Г. В. Вернадский — историк русской исторической науки (продолжающаяся традиция или новый взгляд?) // Вестн. Омского ун-та. 1996. № 1; **Вандалковская М. Г.** Историческая наука российской эмиграции: Евразийский соблазн. М., 1997; **Козляков В. Н.** «Это только персонификация не нашего понимания исторического процесса...»: (Георгий Владимир Иванович Вернадский (1887 — 1973) и его «Очерки по русской историографии») // Вернадский Г. В. Русская историография. М., 1998. С. 5 — 26; **Его же.** Обзор коллекции документов Г. В. Вернадского в Бахметевском архиве Библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке // Там же. С. 395 — 444; **Сорокина М. Ю.** Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // Российская научная эмиграция: двадцать портретов. М., 2001. С. 330 — 347; **Болховитинов Н. Н.** Георгий Владимирович Вернадский в Америке: Трудный путь к признанию,

1927 — 1946 // Историческая наука на рубеже веков. М., 2001. С. 209 — 227 ; **Его же.** Жизнь и деятельность Г. В. Вернадского (1887 — 1973) и его архив // Slavic Research Center Occasional Papers. Sarago, 2002. № 82 ; **Его же.** Теория евразийства и многотомная история России Г. В. Вернадского // Scripta Gregoriana : сб. в честь семидесятилетия академика Г. М. Бонгарда-Левина. М., 2003. С. 374 — 383 ; **Его же.** Русские ученые-эмигранты (Г. В. Вернадский, М. М. Карпович, М. Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005 ; **Рыбаков С. В.** Историк-евразиец Георгий Вернадский // Вопр. истории. 2006. № 11. С. 157 — 164 ; **Crummey R. O.** George Vernadsky (1887 — 1973) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1974. Bd. 22, № 3 ; **Halperin Ch.** George Vernadsky, Eurasianism, the Mongols and Russia // Slavic Review. 1982. Vol. 41, № 3. P. 477 — 493.

² **Николаев Б. А.** Жизнь и труды Г. В. Вернадского // Вернадский Г. В. История России. Древняя Русь. М. ; Тверь, 2000. С. 12.

³ Цит. по: **Болховитинов Н. Н.** Русские ученые-эмигранты... С. 113.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ **Вернадский Г. В.** Начертание русской истории. М., 2002. С. 22 — 23. Далее ссылки в тексте: [Начертание...].

⁶ **Вернадский Г. В.** История России. Древняя Русь. С. 245. Далее ссылки в тексте: [Древняя Русь].

⁷ См.: **Ключевский В. О.** Сочинения : в 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 297.

⁸ См.: **Толстов С. П.** Древнейшая история России в освещении Г. Вернадского // Вопр. истории. 1946. № 4. С. 113 — 124 ; **Тихомиров М. Н.** Славяне в «Истории России» проф. Г. Вернадского // Там же. С. 124 — 129 ; **Шаскольский И. П.** Норманнская теория в современной буржуазной науке. М. ; Л., 1965 ; **Филатов Л. Г., Юрченко В. А.** Мифы и реальность : Критика немарксист. концепций истории мордов. народа. Саранск, 1989. С. 41.

⁹ **Вернадский Г. В.** История России. Киевская Русь. М. ; Тверь, 1996. С. 175. Далее ссылки в тексте: [Киевская Русь].

¹⁰ **Вернадский Г. В.** История России. Монголы и Русь. М. ; Тверь, 1997. С. 263. Далее ссылки в тексте: [Монголы и Русь].

¹¹ **Вернадский Г. В.** История России. Московское царство : в 2 ч. М. ; Тверь, 1997. Ч. 1. С. 11. Далее ссылки в тексте: [Московское царство].

¹² **Тихомиров М. Н.** Указ. соч. С. 124.

¹³ **Раев М.** Россия за рубежом : История культуры рус. эмиграции 1919 — 1939. М., 1994. С. 212.

¹⁴ Там же. С. 211.

Поступила 03.12.2012 г.

УДК 94(470.343/.345):63

Е. Н. Бикейкин

E. N. Bickeykin

**ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ В РАЗВИТИИ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В 1980-е гг.
(По материалам Марийской, Мордовской и Чувашской АССР)**

**TENDENCIES AND CONTROVERSY IN THE DEVELOPMENT
OF AGRICULTURAL PRODUCTION IN THE 1980s.
(According to materials of the Mari, Mordovia and Chuvashia ASSRs)**

Ключевые слова: сельскохозяйственное производство, животноводство, растениеводство, Продовольственная программа СССР.

В статье рассматриваются особенности развития сельскохозяйственного производства в 1980-е гг., анализируются достижения и просчеты в аграрной политике Советского государства.

Key words: agricultural production, cattle-breeding, crop production, the Food Program of the USSR.

The features of agricultural production in the 1980s are discussed in the article, the achievements and shortcomings in the agrarian policy of the Soviet state are analyzed as well.

Принятие Продовольственной программы СССР и первые шаги по ее реализации, несмотря на наличие серьезных проблем, улучшили ситуацию в сельскохозяйственном производстве Марийской, Мордовской и Чувашской АССР. Перед работниками сельского хозяйства стояла задача дальнейшего повышения культуры земледелия и эффективности использования земельных угодий. Ее решение предполагало совершенствование структуры посевных площадей сельскохозяйственных культур, обработки полей, семеноводства, значительное увеличение внесения в почву удобрений и т. д.

Некоторые изменения произошли в структуре посевных площадей. Типичным примером является Чувашия, где площади озимых пшеницы и ржи, гороха и кормовых культур увеличились, а яровой пшеницы, ячменя, овса, картофеля и кукурузы — сократились. В результате посевы зерновых и зернобобовых уменьшились за годы одиннадцатой пятилетки (1981 — 1985 гг.) на 43,3 тыс. га, общая посевная площадь всех сельскохозяйственных культур на 16,6 тыс. га¹.

В Мордовской АССР земельный фонд крупных сельскохозяйственных объединений Краснослободского района сократился со 111 817 га в 1981 — 1985 гг. до 111 740 га в 1986 — 1990 гг. Например, площадь пашни уменьшилась на 3 320 га². За 10 лет посевные площади в районе сократились на 4 039 га, в том числе под зерновыми культурами — на 738 га. Так, значительно уменьшились посевы яровой и озимой пшеницы. Постоянно сокращались посевные площади технических культур. В районе перестали выращивать махорку. В то же время увеличились посевы кукурузы и многолетних трав³.

Как видно из табл. 1, в течение 1980-х гг. размер посевных площадей в рассматриваемых республиках существенно не менялся. Его сокращение в Чувашии объяснялось главным образом отведением значительных площадей пашни под чистые пары. Это было вызвано необходимостью повышения плодородия почвы, ее восстановления и возвращения к продуктивному состоянию.

Как положительное явление следует отметить достаточно широкое развитие коллективного садоводства. Так, на 1 июля 1983 г. в Чувашской АССР функционировали 224 садоводческих товарищества, объединявших более 53 тыс. рабочих, служащих и пенсионеров. Площади коллективных садов составляли около 3 тыс. га⁴. Во второй половине 1980-х гг. в указанных республиках наблюдался рост площади земель, находящихся в личном пользовании населения (табл. 2).

Меры по интенсификации сельскохозяйственного производства дали определенные результаты. Так, в 1980-е гг. было достигнуто значительное повышение урожайности основных сельскохозяйственных культур. Данные табл. 3 свидетельствуют о стабильном росте с 1976 по 1990 г. во всех рассматриваемых республиках среднегодовой урожайности зерновых и овощей, в Марийской и Чувашской АССР — картофеля. Самыми высокими были показатели по выращиванию овощей в Марийской АССР, к 1990 г. рост по сравнению с десятой пятилеткой составил там более чем 2 раза. В Чувашии среднегодовая урожайность картофеля увеличилась на 36 %. По сравнению с другими республиками отмечались высокие урожаи зерновых: в 1990 г. была достигнута рекордная цифра — 23,6 ц/га, что существенно превышало показатели как по РСФСР в целом, так и по Волго-Вятскому району. Похожих результатов добились в Марийской АССР: в 1990 г. урожайность зерновых там составила 19,7 ц/га, что также превышало показатели РСФСР и Волго-Вятского района. К концу 1980-х гг. во всех рассматриваемых республиках стабильное снижение показателей урожайности отмечалось только по картофелю.

Таблица 1

Посевные площади всех сельскохозяйственных культур в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в 1980-е гг., тыс. га

Республика	1980 г.	1981 г.	1985 г.	1989 г.
Марийская АССР	638	606	584	608
Мордовская АССР	1 224	1 141	1 158	1 151
Чувашская АССР	819	810	794	801

Составлена по: Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.: стат. ежегодник. М., 1986. С. 186, 187, 191; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г.: стат. ежегодник. М., 1990. С. 449.

Таблица 2

Земли, находившиеся в личном пользовании населения (включая коллективные сады и огороды) в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в 1980-е гг., на 1 ноября, тыс. га

Республика, район	1985 г.	1990 г.
РСФСР, млн г	3 747,9	4 205,0
Волго-Вятский р-н	337,2	344,2
Марийская АССР	32,5	33,5
Мордовская АССР	48,5	52,9
Чувашская АССР	66,4	68,5

Составлена по: Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.: стат. ежегодник. М., 1991. С. 453 — 454.

Таблица 3

**Урожайность сельскохозяйственных культур в Марийской, Мордовской
и Чувашской АССР в 1980-е гг., в хозяйствах всех категорий, ц/га**

Республика, район	В среднем за год			1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.
	1976 — 1980 гг.	1981 — 1985 гг.	1986 — 1990 гг.					
<i>Зерновые</i>								
РСФСР	13,6	13,0	15,9	15,9	14,8	14,2	16,1	18,5
Волго-Вятский р-н	11,8	12,5	14,0	14,8	15,2	11,3	12,4	16,4
Марийская АССР	14,1	14,4	14,8	19,2	13,0	9,9	12,2	19,7
Мордовская АССР	11,4	12,6	14,2	11,8	16,7	12,0	15,4	14,9
Чувашская АССР	17,0	18,6	19,8	20,5	19,9	17,8	17,1	23,6
<i>Картофель</i>								
РСФСР	106,0	104,0	108,0	123,0	112,0	102,0	104,0	99,0
Волго-Вятский р-н	102,0	104,0	111,0	135,0	125,0	109,0	94,0	91,0
Марийская АССР	99,0	113,0	123,0	150,0	131,0	118,0	106,0	109,0
Мордовская АССР	92,0	96,0	87,0	96,0	104,0	85,0	64,0	83,0
Чувашская АССР	104,0	131,0	140,0	163,0	153,0	134,0	112,0	139,0
<i>Овощи</i>								
РСФСР	143,0	157,0	154,0	161,0	150,0	152,0	153,0	154,0
Волго-Вятский р-н	129,0	158,0	169,0	165,0	155,0	178,0	184,0	164,0
Марийская АССР	151,0	248,0	277,0	255,0	241,0	294,0	292,0	304,0
Мордовская АССР	90,0	93,0	100,0	79,0	85,0	137,0	118,0	80,0
Чувашская АССР	127,0	156,0	154,0	164,0	156,0	152,0	141,0	157,0

Составлена по: Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. С. 427, 439, 445.

Дальнейшее развитие в 1980-е гг. получил животноводческий сектор, хотя динамика поголовья продуктивного скота не была равномерной (табл. 4)

Таблица 4

**Поголовье продуктивного скота в Марийской, Мордовской
и Чувашской АССР в 1980-е гг., на 1 января в хозяйствах всех категорий, тыс. гол.**

Республика, район	1981 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.
1	2	3	4	5	6	7
<i>КРС</i>						
РСФСР	58 095	59 623	60 459	59 801	59 341	58 840
Волго-Вятский р-н	3 738	3 928	3 930	3 892	3 859	3 843
Марийская АССР	310	330	327	325	323	323
Мордовская АССР	633	677	679	675	670	670
Чувашская АССР	507	553	548	532	520	526
<i>В том числе коровы</i>						
РСФСР	22 172	21 577	21 319	21 004	20 825	20 760
Волго-Вятский р-н	1 511	1 459	1 436	1 418	1 393	1 379
Марийская АССР	126	125	124	122	120	120
Мордовская АССР	240	233	227	228	226	223
Чувашская АССР	220	217	213	210	204	203

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5	6	7
<i>Свиньи</i>						
РСФСР	36 039	38 995	40 184	39 238	39 798	39 982
Волго-Вятский р-н	2 144	2 321	2 332	2 301	2 367	2 378
Марийская АССР	289	308	313	318	346	348
Мордовская АССР	318	333	330	335	343	353
Чувашская АССР	516	543	546	513	513	514
<i>Овцы и козы</i>						
РСФСР	64 973	63 420	64 090	62 970	62 677	61 305
Волго-Вятский р-н	1 975	1 981	1 948	1 947	1 897	1 852
Марийская АССР	179	196	191	186	176	173
Мордовская АССР	429	422	418	428	420	405
Чувашская АССР	405	454	447	447	434	438
<i>Птица</i>						
РСФСР	379 967	448 515	453 988	461 949	465 375	465 082
Волго-Вятский р-н	19 832	24 286	24 169	24 369	24 582	24 710
Марийская АССР	3 069	3 662	3 564	3 693	3 714	3 688
Мордовская АССР	2 143	2 310	2 352	2 337	2 612	2 672
Чувашская АССР	2 309	3 190	3 308	3 428	3 314	3 194

Составлена по: Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 497, 500, 503, 506, 513, 514.

Согласно табл. 4, рост поголовья КРС в годы одиннадцатой пятилетки происходил во всех анализируемых в данной статье республиках: в Марийской АССР с 1981 по 1986 г. он составил 20 тыс. гол. (106,5 %), Мордовской — 44 (107,0), в Чувашской — 46 тыс. гол. (105,1 %). Во второй половине 1980-х гг. отмечалось его замедление, а затем снижение по сравнению с 1986 г.: соответственно на 7,0 тыс. гол. (97,9 %), 7,0 (98,9) и 27,0 (95,1). Несмотря на это в целом в 1980-е гг. поголовье КРС в указанных республиках существенно увеличилось. В то же время ежегодно происходило сокращение поголовья коров: в Марийской АССР — на 6 тыс. гол. (95,2 %), Мордовской — 17 (92,9), в Чувашской — на 17 тыс. гол. (92,3 %). Если в Марийской и Мордовской АССР в этот период отмечался рост поголовья свиней (соответственно 59 и 35 тыс. гол.), то в Чувашии — спад, особенно проявившийся в 1986 — 1990 гг. (в 1990 г. по сравнению с 1986 г. количество свиней сократилось на 29 тыс. гол.). Снижение поголовья овец и коз было зафиксировано в Марийской и Мордовской АССР, в Чувашии, напротив, произошло его увеличение на 33 тыс. гол. (108,1 %). Значительный рост поголовья птицы в 1980-е гг. отмечался во всех рассматриваемых республиках.

Между тем определенные успехи все-таки не соответствовали ожидаемым результатам. Анализируя причины слабого развития общественного животноводства в одиннадцатой пятилетке, участники XL Чувашской областной партийной конференции (январь 1986 г.) подчеркивали, что Госплемобъединение, советы агропромышленных объединений, многие колхозы и совхозы запустили селекционно-племенную работу, кроме того, отмечались серьезные просчеты в органи-

зации направленного выращивания телок и обновления молочного стада. Во многих хозяйствах неудовлетворительно внедрялись поточно-цеховая система производства молока и интенсивный откорм животных⁵. Кроме того, нередко нарушались элементарные зоотехнические и ветеринарные требования в организации ухода, содержания и кормления скота, что отрицательно сказывалось на продуктивности, воспроизводстве и сохранении животных. В 1985 г. в хозяйствах республики в расчете на 100 коров и нетелей, имевшихся на начало года, было получено 90 телят, а в хозяйствах Шумерлинского района — лишь 79, Порецкого — 80, Урмарского — 84 и т. д. Если по республике в среднем от 100 основных свиноматок было получено 1 413 поросят, то в хозяйствах Красночетайского, Мариинско-Посадского, Порецкого, Шемуршинского, Шумерлинского и Ядринского районов — менее 1 200. В 1985 г. в Чувашии пало 5,1 % родившихся телят, 2,9 % поросят и 5,3 % ягнят⁶.

В результате реализации Продовольственной программы в рассматриваемых республиках произошел рост производства (табл. 5) и государственных закупок (табл. 6) продуктов сельского хозяйства.

Таблица 5

**Производство продуктов сельского хозяйства в Марийской,
Мордовской и Чувашской АССР в 1980-е гг., в хозяйствах всех категорий**

Республика, район	В среднем за год			1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.
	1976 — 1980 гг.	1981 — 1985 гг.	1986 — 1990 гг.					
1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Зерно, в массе после доработки, тыс. т</i>								
РСФСР, млн т	106,0	92,0	104,3	107,5	98,6	93,7	104,8	116,7
Волго-Вятский р-н	4 993,0	4 977,0	5 277,0	5 747,0	5 758,0	4 278,0	4 632,0	5 973,0
Марийская АССР	537,0	480,0	484,0	640,0	435,0	331,0	391,0	625,0
Мордовская АССР	877,0	875,0	961,0	818,0	1144,0	825,0	1039,0	979,0
Чувашская АССР	793,0	795,0	813,0	861,0	827,0	737,0	693,0	947,0
<i>Мясо, в убойной массе, тыс. т</i>								
РСФСР	7 361,0	8 075,0	9 671,0	8 916,0	9 432,0	9 813,0	10 082,0	10 112,0
Волго-Вятский р-н	464,0	493,0	604,0	551,0	578,0	617,0	638,0	637,0
Марийская АССР	55,0	55,0	74,0	66,0	68,0	76,0	80,0	82,0
Мордовская АССР	65,0	71,0	89,0	80,0	85,0	92,0	95,0	96,0
Чувашская АССР	72,0	78,0	104,0	95,0	99,0	103,0	110,0	112,0
<i>Молоко, тыс. т</i>								
РСФСР	48 243,0	48 731,0	54 218,0	52 217,0	52 880,0	54 535,0	55 742,0	55 715,0
Волго-Вятский р-н	3 438,0	3 443,0	3 868,0	3 710,0	3 794,0	3 903,0	3 993,0	3 940,0
Марийская АССР	310,0	309,0	378,0	351,0	367,0	382,0	397,0	396,0
Мордовская АССР	535,0	532,0	605,0	580,0	594,0	611,0	636,0	602,0
Чувашская АССР	427,0	461,0	556,0	513,0	523,0	543,0	581,0	619,0
<i>Яйцо, млн шт.</i>								
РСФСР	36 686,0	43 053,0	47 856,0	46 195,0	47 447,0	49 144,0	49 024,0	47 470,0
Волго-Вятский р-н	2 121,0	2 345,0	2 595,0	2 470,0	2 525,0	2 682,0	2 685,0	2 613,0
Марийская АССР	247,0	252,0	242,0	238,0	242,0	246,0	242,0	240,0

Окончание табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Мордовская АССР	262,0	294,0	318,0	308,0	310,0	324,0	326,0	327,0
Чувашская АССР	243,0	311,0	368,0	339,0	347,0	381,0	389,0	384,0
<i>Шерсть, т</i>								
РСФСР	221,6	221,0	225,3	226,1	216,2	227,3	230,0	226,7
Волго-Вятский р-н	4 566,0	4 383,0	4 699,0	4 621,0	4 849,0	4 759,0	4 741,0	4 524,0
Марийская АССР	478,0	475,0	517,0	522,0	556,0	522,0	507,0	478,0
Мордовская АССР	1 099,0	990,0	1 055,0	1 004,0	1 049,0	1 088,0	1 102,0	1 031,0
Чувашская АССР	1 082,0	1 067,0	1 309,0	1 286,0	1 369,0	1 234,0	1 326,0	1 329,0

Составлена по: Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. С. 424, 465, 468, 474, 481.

Как видно из табл. 5, в 1980-е гг. в республиках произошел рост производства практически по всем видам продуктов сельского хозяйства. Так, среднегодовые показатели в 1986 — 1990 гг. выросли по отношению к 1981 — 1985 гг. по зерновым: в Марийской АССР — на 100,8 %, Мордовской АССР — на 109,8, в Чувашской АССР — на 102,2 %; по мясу соответственно на 134,5, 125,3 и 133,3 %; молоку — на 122,3, 113,7 и 120,6 %; по шерсти — на 108,8, 106,6 и 122,7 %. По производству яиц в Марийской АССР отмечалось заметное снижение показателей.

Кроме того, в Марийской АССР уменьшился валовой сбор льноволокна. Так, в среднем за год в 1976 — 1980 гг. его собрали 2,2 тыс. т, 1981 — 1985 гг. — 2,0, в 1986 — 1990 гг. — 1,5 тыс. т, что в целом отражало общую тенденцию по Волго-Вятскому району и РСФСР. Во многом это было связано со снижением урожайности, которая составляла в среднем за год соответственно 3,2, 3,4 и 2,6 ц/га⁷. В Мордовии происходило устойчивое увеличение из пятилетки в пятилетку валового сбора сахарной свеклы. Так, в среднем за год в 1976 — 1980 гг. было собрано 166 тыс. т, 1981 — 1985 гг. — 206, в 1986 — 1990 гг. — 226 тыс. т. Исключением стал 1990 г., когда было получено всего 126 тыс. т. Росла и урожайность, которая составляла в среднем за год соответственно 113, 145 и 166 ц/га⁸.

Рост производства продуктов животноводства во многом объяснялся повышением продуктивности скота и птицы. Например, если надои молока на одну корову в 1980 г. в Марийской АССР равнялись 2 419 кг, Мордовии — 1 939, Чувашии — 2 018, то в 1985 г. — соответственно 2 680, 2 299 и 2 486 кг. Еще более заметных результатов добились в 1990 г. Марийская и Чувашская АССР, преодолев 3 000-ный рубеж — соответственно 3 482 и 3 082 кг. Несколько ниже в этом году были надои в Мордовии — 2 668 кг⁹. Похожая ситуация складывалась с яйценоскостью кур. Так, в Марийской АССР в 1990 г. в среднем за год куры-несушки давали 248 яиц против 205 в 1980 г., Мордовской АССР соответственно 231 и 193, в Чувашской — 235 и 201 шт.¹⁰

Однако в отдельных хозяйствах и районах республик были достигнуты более высокие результаты относительно среднереспубликанских. Например, среднегодовой надои молока от одной фуражной коровы в Краснослободском районе Мордовии составлял 2 904 кг, в том числе 3 332 кг в 1986 — 1990 гг., яйцено-

скость кур — 249 шт. яиц, настриг шерсти с одной овцы — 3 кг¹¹. В хозяйствах района было произведено 102 779 ц мяса, 525 892 ц молока, 334 тыс. шт. яиц и 1 639 ц шерсти¹². В 1984 г. по району в целом было надоено 25,7 тыс. т молока, что на 7 % больше, чем в 1983 г.; на одну фуражную корову приходилось 2 847 кг, или на 136 кг больше, чем в 1983 г. В колхозе «Свободный труд» этого района надой на одну корову составил 3 619 кг, «Советская Россия» — 3 581, «Путь к коммунизму» — 3 248, «Прогресс» — 3 069, им. Калинина — 3 026 кг¹³. Передовые доярки колхоза им. Калинина Л. И. Маркина и А. И. Сенькина получали от одной коровы по 3 700 л молока¹⁴.

Вследствие этого во второй половине 1980-х гг. увеличилось производство основных видов продукции животноводства на душу населения. В 1987 г. этот показатель составил: в Марийской АССР — 89 кг мяса, 493 кг молока и 325 шт. яиц, Мордовской АССР соответственно 83, 616 и 326, Чувашской АССР — 72, 389 и 253, Кировской области — 80, 587 и 297, в Горьковской — 51, 366 и 304¹⁵.

Однако несмотря на некоторые успехи планы производства основных животноводческих продуктов оставались невыполненными. Например, Чувашия не выполнила план на одиннадцатую пятилетку по мясу (на 3 %), молоку (2 %) и шерсти (на 11 %). В то же время по производству яиц он был перевыполнен на 5 %¹⁶.

Таблица 6

**Государственные закупки продуктов сельского хозяйства
в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в 1980-е гг.**

Республика, район	В среднем за год		1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.
	1976 — 1980 гг.	1981 — 1985 гг.					
1	2	3	4	5	6	7	8
<i>Скот и птица, в живой массе, тыс. т</i>							
РСФСР	7 984	8 548	9 120	9 840	10 822	11 410	11 675
Волго-Вятский р-н	511	536	591	627	681	727	741
Марийская АССР	57	57	66	71	76	85	88
Мордовская АССР	72	73	79	90	96	105	110
Чувашская АССР	82	86	97	102	113	118	124
<i>Молоко и молочные продукты, в пересчете на молоко, тыс. т</i>							
РСФСР	31 363	32 687	35 004	37 038	38 123	394 485	40 463
Волго-Вятский р-н	1 977	2 082	2 303	2 440	2 572	2 652	2 687
Марийская АССР	169	183	212	229	240	256	274
Мордовская АССР	296	305	342	362	374	388	406
Чувашская АССР	218	252	286	302	315	321	332
<i>Яйца, млн шт.</i>							
РСФСР	23 679	29 363	30 870	32 525	33 867	35 175	34 366
Волго-Вятский р-н	1 346	1 667	1 752	1 834	1 905	2 040	2 019
Марийская АССР	181	197	186	191	193	197	189
Мордовская АССР	131	162	169	176	177	180	184
Чувашская АССР	137	208	238	249	255	272	261

Окончание табл. 6

1	2	3	4	5	6	7	8
<i>Шерсть, в пересчете на чистое волокно, т</i>							
РСФСР	98 612	104 406	105 163	108 234	104 964	112 035	114 361
Волго-Вятский р-н	1 873	1 812	1 951	1 918	1 953	1 981	1 991
Марийская АССР	145	149	187	177	194	191	191
Мордовская АССР	498	485	524	505	511	514	521
Чувашская АССР	400	382	417	419	419	434	453
<i>Зерно, тыс. т</i>							
РСФСР	42 352	34 999	39 817	42 081	35 094	2 917	31 231
Волго-Вятский р-н	1 018	1 085	1 412	1 277	1 484	778	744
Марийская АССР	90	97	133	141	111	30	40
Мордовская АССР	228	217	305	111	367	153	241
Чувашская АССР	147	167	235	241	231	206	104

Составлена по: Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 481, 482, 534, 537, 540, 542, 543.

Как видно из табл. 6, государственные закупки из года в год увеличивались. Наибольший рост произошел по закупкам таких продуктов, как мясо и молоко, наименьший — зерна. В 1980-е гг. в Мордовии несколько увеличились государственные закупки сахарной свеклы (фабричной). Если в 1981 — 1985 гг. в среднем за год закупалось 189 тыс. т, 1985 г. — 206, 1987 г. — 244, в 1989 г. — 211 тыс. т. В Марийской АССР льноволокна было продано государству в 1981 — 1985 гг. в среднем за год 2 тыс. т, 1985 г. — 3, 1986 г. — 2, 1987 г. — 1, 1988 г. — 0,6, в 1989 г. — 2 тыс. т¹⁷. Приведенные данные свидетельствуют о том, что динамика закупок указанных технических культур была неустойчивой. К концу десятилетия во всех рассматриваемых республиках резко сократились государственные закупки картофеля. Так, в Марийской АССР в 1989 г. государству было продано 79 тыс. т картофеля против 149 тыс. т в 1986 г., Мордовской АССР соответственно 96 и 191, в Чувашской — 180 и 384 тыс. т¹⁸.

Колхозы, совхозы и межхозяйственные предприятия в основном справлялись с планами заготовок сельскохозяйственной продукции. Некоторое участие в выполнении государственных заданий по заготовке картофеля, яиц и шерсти принимали колхозники, рабочие и сельская интеллигенция.

Однако многими хозяйствами и районами государственные планы были сорваны. Так, в Чувашии пятилетнее (1981 — 1985 гг.) задание по продаже государству зерна выполнил лишь Чебоксарский район; картофеля — Батыревский, Комсомольский, Моргаушский, Чебоксарский и Яльчикский; хмеля — Аликовский, Мариинско-Посадский и Ядринский; скота и птицы — Батыревский, Вурнарский, Канашский, Моргаушский, Цивильский, Чебоксарский и Шумерлинский; молока — все районы, кроме Алатырского и Порецкого. В результате за одиннадцатую пятилетку республика невыполнила поставку государству 245,8 тыс. т зерна, 155,5 тыс. т картофеля, 2 962 т хмеля и 12,8 тыс. т мяса¹⁹. В 1985 г. с государственным планом заготовок зерна не справилось 19 хозяйств республики, картофеля — 189, овощей — 70, скота и птицы — 66, молока — 72, шерсти — 88²⁰.

К середине 1980-х гг. в агропромышленном комплексе сложилась довольно противоречивая ситуация. Сельское хозяйство рассматриваемых республик представляло собой крупное механизированное и специализированное производство. Экономически крепкие хозяйства, совхозы и колхозы, добивались высоких показателей как в полеводстве, так и в животноводстве. В 1989 г., например, при средней урожайности озимой пшеницы, равной 33,4 ц/га, в лучших хозяйствах ее получили по 60 — 70 ц/га. При средних надоях молока в количестве 2,5 тыс. л от одной коровы передовики надаивали по 4 — 5 тыс. л.

Однако впечатляющие количественные характеристики агропромышленного комплекса не соответствовали в полной мере качественным. В действительности на селе оставалось немало отстающих (убыточных) хозяйств, существовавших за счет крупных государственных дотаций, хозяйств с низкими урожайностью и продуктивностью, нерадивым отношением людей к делу. Неразрешимой проблемой оборачивались потери сельхозпродукции при хранении, переработке и транспортировке от 25 до 40 % произведенной продукции ежегодно. В результате постоянный рост производства в целом, с учетом потерь и возрастающими потребностями, оказывался недостаточным.

В то же время данные статистики свидетельствуют о том, что на протяжении 1980-х гг. ситуация по основным показателям сельскохозяйственного производства в республиках была достаточно стабильной, даже несмотря на невыполнение Продовольственной программы СССР. Очевидный спад произошел только в 1990 — 1991 гг., когда была нарушена логика социально-экономического развития вообще. Показательна в этом отношении ситуация, сложившаяся в Чувашии. Здесь валовая продукция в сопоставимых ценах 1983 г. во всех категориях хозяйств составила 1 094,3 млн руб., или 95 % от уровня 1990 г. В колхозах, совхозах и на межхозяйственных предприятиях валовой сбор зерновых и зернобобовых культур был получен в объеме 674,8 тыс. т (в массе после доработки), картофеля — 434,4, овощей — 47,4 тыс. т, что ниже уровня 1990 г. соответственно на 200,9, 75,2, и 32,5 тыс. т. Средняя урожайность по республике составила 18,3 ц (в массе после доработки), картофеля — 121,0, овощей — 118,0 ц, что было ниже 1990 г. соответственно на 5,4; 9,0 и 60,0 ц. Кроме того, неблагоприятным стало положение с заготовкой кормов. В расчете на одну условную голову скота было заготовлено по 19,8 ц кормовых единиц, что на 2,1 ц меньше, чем в предыдущем году. Ухудшились также показатели в животноводстве. Так, в колхозах, совхозах и на межхозяйственных предприятиях в 1991 г. было произведено 104,1 тыс. т мяса (в живой массе), 347,4 тыс. т молока и 209,9 тыс. шт. яиц, что меньше 1990 г. соответственно на 11,0, 8,0 и 0,7 %. В результате общего снижения объемов производства сельскохозяйственной продукции сократились объемы их закупок, в том числе зерна — на 21,5 тыс. т, картофеля — на 27,1, овощей — на 31,2, мяса — на 13,5, молока — на 40,9 тыс. т, яиц — на 7,5 млн шт. Основными причинами этого стали продолжавшееся уменьшение поголовья продуктивного скота и снижение их продуктивности. По сравнению с 1990 г. сократилось поголовье всех видов скота, в том числе коров — на 2,3 тыс. гол., свиней — на 29,6 тыс., овец — на 16,9 тыс. гол. Средний удой молока от одной коровы в 1991 г. составил 2 996 кг, что было меньше, чем в 1990 г., на 92 кг²¹.

С начала перестройки, объявленной Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым, вопросы продовольственного снабжения страны и продиктованные их остротой попытки реформирования сельского хозяйства, поиски путей повышения его эффективности в экономической политике КПСС заняли важное место. Однако многочисленные эксперименты, направленные на улучшение отдачи агрокомплекса, не приносили ожидаемых результатов. Со стороны политического руководства страны, включая самого М. С. Горбачева, в адрес агропромышленного комплекса звучала все более жесткая критика, укоренялась точка зрения на сельское хозяйство как на некую «черную дыру», в которой бесследно исчезали огромные государственные инвестиции.

Неэффективность сельского хозяйства ученые и политики связывали в первую очередь с отчуждением крестьянина от собственности и от результатов своего труда, с тем, что сложившиеся на селе экономические отношения не стимулировали заинтересованный творческий труд человека. Радикальные критики, не вникая в суть дела, отменяли аргументы сельчан, пытавшихся доказать, что чрезмерные финансовые затраты на сельское хозяйство при существующем уровне его технической оснащенности и множестве нерешенных социальных проблем есть, по справедливому замечанию Е. В. Моисеева, не что иное, как чиновничье-бюрократический миф. Причины бедственного положения колхозов и совхозов — в их экономической дискриминации, выразившейся прежде всего в диспаритете цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, т. е. в необоснованно низких закупочных ценах на зерно, мясо, молоко и прочие продукты сельского хозяйства при явно завышенных ценах на сельхозтехнику, горюче-смазочные материалы, удобрения и т. п.²²

Однако и в общественном мнении, и в сферах высшей власти преобладала точка зрения, в соответствии с которой корень зла виделся в характере сложившихся отношений собственности и тесно связанных с этим формах хозяйствования. Власть выбрала главным вектором реформирования преобразование экономических отношений на селе. «Вернуть земле хозяина!» — этот лозунг стал определяющим в намечаемой агрореформе.

В 1987 г., после принятия Закона об индивидуальной трудовой деятельности, в средствах массовой информации развернулась дискуссия, суть которой выражалась в двух словах: «окрестьянить» крестьянина. В центре внимания оказались так называемые малые формы экономики сельского хозяйства — семейный подворья, семейные фермы и личные подворья. При этом, когда речь шла о личных подворьях, подчеркивалось, что колхозы и совхозы должны содействовать ведению этого хозяйства. Настойчиво проводилась идея интеграции личного и общественного.

В марте 1989 г. состоялся пленум ЦК КПСС, где обсуждались вопросы аграрной политики партии. Впервые официально был объявлен курс на перестройку экономических отношений на селе. М. С. Горбачев заявил, что «пленум должен выработать и предложить народу такую аграрную политику, реализация которой сможет возродить крестьянина как хозяина на земле, надежно решить продовольственную проблему»²³. Пленум, хотя и выдвинул на первый план перестройку отношений собственности и производственных отношений, рекомендовал аренду, главным образом внутривладельческую, как магистральный путь

«возвращения человека хозяином на землю»; тем не менее он поставил и задачи ускоренного развития материально-технической базы села и его социального переустройства.

Августовско-сентябрьские события 1991 г., приведшие к смене политического режима, создали условия для радикальных изменений принципиального характера. Новая власть, приступив к переводу всей экономики на рыночные рельсы методом шоковой терапии, сочла результаты предыдущего этапа реформирования в сельском хозяйстве крайне неудовлетворительными, особенно в области земельной реформы и отношений собственности. В последовавшей серии указов российского президента существовавшая правовая база фактически не учитывалась.

Новое правительство начало свою деятельность с реорганизации колхозов и совхозов, приватизации их земель, сделав упор на фермерство и идеологизируя аграрную политику, где главным стало создание нового класса частных собственников. Уже в октябре 1991 г. Президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин, выступая на V съезде народных депутатов РСФСР, среди первоочередных мер реформирования в аграрном секторе назвал приватизацию обслуживающей крестьянина среды, прежде всего товаропроводящей и снабженческой сети, а также начало приватизации собственности убыточных колхозов и совхозов²⁴. 27 декабря 1991 г. он издал указ «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР»²⁵, в соответствии с которым закреплялось безусловное право всех граждан на получение земли в собственность. Выход этого указа стал официально признанной точкой отсчета новой российской аграрной реформы, вектор которой был следующим: от общего — к частному, от крупного хозяйства — к мелкому. В конце декабря 1991 г. Правительство Российской Федерации приняло постановления о реорганизации колхозов и совхозов и порядке приватизации государственных сельскохозяйственных предприятий²⁶. Эти меры были нацелены на изменение организационно-правового статуса коллективных хозяйств.

Таким образом, несмотря на некоторый подъем, уровень социокультурного развития на селе продолжал оставаться низким. С одной стороны, фактически завершался процесс монополизации государством собственности в сельском хозяйстве. Социально-экономические изменения привели к тому, что собственник в крестьянине был уничтожен. Индустриализация сельского труда обусловила появление типа работника-поденщика, не заинтересованного в своем труде. Многие задачи Продовольственной программы СССР оказались невыполненными. Сроки претворения в жизнь планов увеличения производства сельскохозяйственных продуктов объявлялись неоднократно, между тем положение в аграрном секторе Марийской, Чувашской и Мордовской АССР менялось не так, как предполагалось. Это касалось также Продовольственной программы. С другой стороны, ресурс АПК еще не был исчерпан, и сложившаяся система сохраняла жизнеспособность на протяжении 1980-х гг.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Шорников А. М.** Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашской АССР. Чебоксары, 1990. С. 190.

² Основные показатели развития хозяйства и культуры Краснослободского района Мордовской АССР в 1976 — 1990 гг. // Арх. отдела статистики Краснослободского района Республики Мордовия.

³ Динамические ряды по учету посевных площадей, валовому сбору и урожайности по колхозам и совхозам Краснослободского района // Там же.

⁴ См.: **Шорников А. М.** Указ. соч. С. 191.

⁵ ГАСИ ЧР. Ф. 1-П. Оп. 50. Д. 5. Л. 4 ; Д. 116. Л. 2.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1438. Л. 40, 58 — 60.

⁷ См.: Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. : стат. ежегодник. М., 1991. С. 430 — 431.

⁸ Там же. С. 432 — 433.

⁹ Там же. С. 471.

¹⁰ Там же. С. 478.

¹¹ Динамические ряды о состоянии животноводства за 1986 — 2000 гг. по хозяйствам Краснослободского района // Арх. отдела статистики...

¹² Там же.

¹³ ЦГА РМ. Ф. П-609. Оп. 19. Д. 2. Л. 10.

¹⁴ Там же. Л. 16.

¹⁵ См.: **Громова Л. К.** Характеристика материально-технической базы агропромышленного комплекса Волго-Вятского экономического района // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990. С. 267.

¹⁶ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1438. Л. 60.

¹⁷ См.: Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. : стат. ежегодник. М., 1990. С. 484, 486.

¹⁸ Там же. С. 487.

¹⁹ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1438. Л. 125, 126, 128, 129.

²⁰ Там же. Л. 138 — 143.

²¹ ГИА ЧР. Ф. Р-210. Оп. 29. Д. 549. Л. 4 — 5.

²² См.: **Моисеев Е. В.** Мордовия во второй половине XX века: тенденции и противоречия социально-экономического развития (исторический аспект) : дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. Саранск, 2004. С. 468 — 469.

²³ **Горбачев М. С.** Избранные речи и статьи : в 7 т. М., 1990. Т. 7. С. 347.

²⁴ См.: Правда. 1991. 29 окт.

²⁵ См.: АПК: экономика, управление. 1992. № 3. С. 4 — 6.

²⁶ См.: Собрание постановлений Правительства Российской Федерации. 1992. № 102. Ст. 9.

Поступила 25.08.2012 г.

УДК 377.5(470.345)

И. Н. Минеева

I. N. Mineeva

**СРЕДНЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ (1990-е — начало 2000-х гг.)**

**SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION
OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA: STATE, PROBLEMS
AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT (the 1990s — the early 2000s)**

Ключевые слова: Республика Мордовия, среднее профессиональное образование, техникум, колледж, училище.

В статье анализируются состояние и динамика развития, а также основные проблемы системы среднего профессионального образования Республики Мордовия в 1990-х — начале 2000-х гг.

Key words: the Republic of Mordovia, secondary vocational education, technical school, college, vocational school.

The state and dynamics of development, as well as basic problems of the system secondary vocational education of the Republic of Mordovia in the 1990s — the early 2000s are analyzed in the paper.

К началу 1990-х гг. в системе среднего профессионального образования (СПО) Республики Мордовия, сложившейся в советское время, стали происходить изменения. Они были связаны с общими процессами и тенденциями в политической жизни государства и коснулись прежде всего статуса учебных заведений, содержания образовательных программ и методики преподавания. Наметились тенденции децентрализации управления образованием, возрастания роли и значения регионального уровня управления. Существенно изменились требования к целям, задачам и функциям образования, расширился круг решаемых на этом уровне проблем. На первое место выдвинулись вопросы соответствия качества и содержания программ СПО потребностям подрастающих поколений, инфраструктуры образовательных учреждений — требованиям времени.

Осуществление новой государственной политики в сфере образования опиралось на Закон Российской Федерации «Об образовании», принятый 10 июля 1992 г.¹ Его фактическая реализация началась в 1992/93 уч. г. Основными принципами при этом провозглашались демократизация (избавление от монополии государства, автономия образовательных учреждений, децентрализация управления образованием), регионализация (разграничение полномочий федеральных и местных органов управления и создание регионального образовательного пространства), гуманитаризация (повышение престижа гуманитарных дисциплин, преодоление технократической структуры мышления соотечественников), дифференциация (широкий спектр видов образовательных учреждений и разнообразие систем обучения в них)

и гуманизация (в центре педагогической работы находится личность ребенка) образования².

Особым сегментом системы среднего образования в исследуемый период являлось среднее специальное образование. Оно представляло собой самостоятельный, качественно определенный уровень системы профессионального образования Российской Федерации, обеспечивающий подготовку специалистов среднего звена по более чем 260 специальностям, в Республике Мордовия — по 57. Правительство Российской Федерации определило курс на модернизацию российского образования, в том числе профессионального, с учетом национальных интересов и общих тенденций мирового развития. Потребность опережать другие страны в темпах роста, качестве товаров и услуг, уровне образования, науки и культуры была отражена Президентом России В. В. Путиным в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 26 мая 2004 г. В целях повышения эффективности профессионального образования были названы следующие целевые ориентиры:

расширение возможностей для выпускников школ поступать в вузы в соответствии с их знаниями, независимо от имущественного положения родителей;

обеспечение реальных условий трудоустройства большинства выпускников учреждений профессионального образования по специальности; обучение на бюджетной основе, предполагающее отработку по специальности определенного срока или возврат средств, затраченных государством на обучение;

внедрение научно обоснованных прогнозов потребностей государства в специалистах с учетом экономического, социального и демографического развития России и регионов;

обеспечение содержания стандартов образования в соответствии с высокими мировыми требованиями³.

На возрастание значимости профессионального образования в развитии республики указывалось и в Послании Главы Республики Мордовия Н. И. Меркушкина Государственному Собранию Республики Мордовия от 6 февраля 2004 г.: «Система начального профессионального, среднего специального и высшего образования республики обладает значительным материально-техническим и кадровым потенциалом, который используется пока явно недостаточно. Одной из главных причин этого является несоответствие качества и прежде всего структуры подготовки специалистов потребностям республики»⁴.

В 1990-х — начале 2000-х гг. в системе СПО региона продолжались сложный процесс адаптации к требованиям рыночной экономики и поиск адекватной реакции на динамичные изменения, происходящие в обществе⁵. Она занимала значительное место в удовлетворении образовательных потребностей личности и общества. По данным 1998 г., образование этого уровня имели 22 % жителей России, что было в 1,5 раза больше доли населения с высшим профессиональным образованием. Наиболее высоким этот показатель был среди населения трудоспособного возраста (соответственно 26 и 17 %). В экономике и социальной сфере России было занято более 22 млн специалистов с СПО, что составляло 64 % от общей численности занятых специалистов (со средним и высшим профессиональным образованием)⁶.

Динамика основных показателей учреждений СПО Республики Мордовия в начале 2000-х гг. характеризуется следующими показателями. По состоянию на 2005 г. число учебных заведений по сравнению с 1990 г. не изменилось. При этом количество учащихся в них увеличилось на 12,7 %. Между тем численность подготовленных (выпущенных) специалистов средних специальных учреждений осталась без изменений (таблица).

Таблица

**Основные показатели учреждений СПО Республики Мордовия
в 1990 — 2005 гг.**

Показатель	1990/91 уч. г.	1995/96 уч. г.	2000/01 уч. г.	2005/06 уч. г.
Кол-во учебных заведений среднего специального образования	21,0	21,0	21,0	21,0
Численность учащихся в них, тыс. чел.	14,9	12,8	14,8	16,8
Подготовлено (выпущено) специалистов, тыс. чел.	4,3	3,3	4,0	4,3

Составлена по: Мордовии 70 лет : юбилейн. стат. сб. Саранск, 1999. С. 75 — 76 ; Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2001. С. 79 ; Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2006. С. 176 — 177 ; Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2008. С. 180 — 181 ; Справки, решения коллегии Министерства образования Республики Мордовия // Текущий арх. Министерства образования Республики Мордовия.

Статистические данные, приведенные в таблице, свидетельствуют о росте популярности СПО среди населения Республики Мордовия. Преимуществом этой системы является тот факт, что «содержание среднего профессионального образования определенным образом приравнивается к практико-ориентированному высшему и доуниверситетскому образованию», вместе с тем «в условиях социального расслоения общества относительно краткие сроки обучения в системе СПО делают ее незаменимой для слоев населения с ограниченными экономическими возможностями»⁷. Изменения, происходившие в сфере образования в 1990-е гг., в полной мере затронули и средние специальные учреждения республики. К основным направлениям развития системы СПО в 1990-х — начале 2000-х гг. можно отнести: расширение самостоятельности средних специальных учебных заведений (ссузов) в формировании содержания образования; всемерное развитие нескольких форм обучения, таких как очная, очно-заочная, заочная, а также экстерн, и их оптимальное сочетание в образовательном процессе; развитие информатизации, применение компьютерных технологий и повышение технической оснащенности процесса обучения; использование новых технологий и методов обучения (модульных, интенсивных, личностно-ориентированных); совершенствование материально-технической и учебно-производственной баз ссузов; интеграцию СПО в республике с другими уровнями образования; развитие различных форм экономической деятельности учреждений СПО⁸. По данным 2001/02 уч. г., подготовка специалистов в ссузах велась по 57 специальностям, 25 из них имели повышенный уровень. Наряду с профильными в начале 2000-х гг. были введены новые, обеспечивающие развитие рыночной инфраструктуры, специальности — маркетинговые, финансовые, правовые. Например, в Саранском

машиностроительном техникуме (ныне Саранский государственный промышленно-экономический колледж) еще в 1998/99 уч. г. в учебную программу была включена новая специальность «Программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем», в Саранском колледже электроники, экономики и права — «Правоведение», в Саранском электромеханическом колледже — «Государственное и муниципальное управление»⁹.

В целом данная динамика подтверждала востребованность специалистов среднего звена в таких традиционных отраслях, как машиностроение и металлообработка, переработка продукции сельскохозяйственного производства, сервисное обслуживание, здравоохранение, а также в других, например, в малом предпринимательстве и в сфере социально-психологической поддержки населения.

Несмотря на различную ведомственную принадлежность (ссузы Мордовии в исследуемый период относились к различным министерствам федерального и регионального подчинения), система республиканского СПО ориентировалась на реализацию прежде всего региональных интересов и потребностей¹⁰.

В СПО стали реализовываться две профессиональные образовательные программы базового и повышенного уровней подготовки специалистов. В связи с переходом на последний ряд ссузов сменил статус и был переименован в колледжи. Безусловно, данное обстоятельство заметно повысило престиж учебных заведений. Например, в 2008 г. в структуре СПО столицы Республики Мордовия г. Саранска существовало 9 ссузов: ФГОУ СПО — «Саранский медицинский колледж» и «Саранский электромеханический колледж»; ГОУ СПО — «Саранский колледж электроники, экономики и права им. А. И. Полежаева», «Саранский государственный промышленно-экономический колледж», «Саранский кооперативный техникум» Саранского кооперативного института Российского университета кооперации, «Саранское художественное училище им. Ф. В. Сычкова», «Саранское музыкальное училище им. Л. П. Кирюкова», «Саранский строительный техникум» (ранее Профлицей № 32) и «Саранский техникум пищевой и перерабатывающей промышленности» (ранее Профлицей № 22)¹¹. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

Одной из кадровых баз, обеспечивающих средним медицинским персоналом медучреждения республики, являлся Саранский медицинский колледж (с 1954 по 2000 г. — медицинское училище). Это учебное заведение было основано в 1930 г. В 1990-х — начале 2000-х гг. оно располагало современным оснащением, компьютерными классами, имелся выход в Интернет. Студенты колледжа проходили практику в лечебно-профилактических учреждениях г. Саранска и районов республики. В 2008/09 уч. г. осуществлялась их подготовка по следующим специальностям: «Сестринское дело», «Акушерское дело», «Лечебное дело», «Лабораторная диагностика», «Фармация». Количество студентов составляло 705 чел., педагогов — 39¹².

Значительное место в СПО Мордовии 1990-х — начала 2000-х гг. занимали ссузы технического профиля. Первым из них был Саранский техникум электронных приборов (с 1993 г. — Саранский колледж электроники, с 1999 г. — Саранский колледж электроники, экономики и права), основанный в 1954 г. как филиал Чебоксарского электромеханического техникума. В 2000-е гг. студентов там

обучали по следующим специальностям: «Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования», «Техническое обслуживание и ремонт оборудования для производства электронной техники», «Микроэлектроника и твердотельная электроника», «Техническое обслуживание средств вычислительной техники и компьютерных сетей», «Экономика и бухгалтерский учет», «Финансы», «Правоведение», «Технология машиностроения». В 2008/09 уч. г. в колледже насчитывалось 1 098 студентов, учебный процесс осуществляли 57 преподавателей¹³.

В 1965 г. был открыт Саранский машиностроительный техникум. На первом этапе его существования функционировали две специальности — «Технология машиностроения» и «Сварочное производство», которые в советский период в значительной мере обеспечивали потребность в соответствующих кадрах. Лишь в начале 1990-х гг. обозначилась необходимость в расширении специализации техникума, и в 1992 г. были введены специальности «Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования», «Менеджмент», а в 1994 г. — «Экономика и бухгалтерский учет». Позже в учебные программы были включены такие специальности, как «Программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем», «Автоматизированные системы обработки информации и управления в машиностроении», «Техническое обслуживание средств вычислительной техники и компьютерных сетей», «Информационная безопасность» и «Правоведение». В 1997 г. началось обучение по форме экстерната, с 2000 г. — по заочной форме. В 2001/02 уч. г. техникум получил право на подготовку специалистов повышенного уровня и, как следствие, в 2002 г. был повышен в статусе и переименован в ГОУ СПО «Саранский государственный промышленно-экономический колледж». В 2005 г. он имел лицензию на право подготовки кадров по 14 специальностям, из которых 11 — по очной форме обучения. В 2008/09 уч. г. количество студентов здесь составляло 1 645 чел., в том числе 1 500 чел., проходящих очное обучение. В процессе преподавания было задействовано 88 чел.¹⁴

В 1967 г. состоялось открытие Саранского электромеханического техникума как филиала Тульского электромеханического техникума. Создание данного учебного заведения было обусловлено необходимостью подготовки квалифицированных специалистов для предприятий бытового обслуживания населения республики. В 1991 г. техникум был преобразован в колледж. В 1990-х — начале 2000-х гг. в учебном заведении действовал широкий спектр специальностей: «Техническое обслуживание и ремонт радиоэлектронной техники», «Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования», «Электроизоляционная, кабельная и конденсаторная техника», «Техническое обслуживание средств вычислительной техники и компьютерных сетей», «Моделирование и конструирование швейных изделий», «Государственное и муниципальное управление» (последние 4 были открыты за последние 8 лет) и др. В 2002/03 уч. г. общий выпуск специалистов в колледже составил 396 чел. Около 40 % выпускников поступили в высшие учебные заведения. Эта тенденция сохраняется и в настоящее время. В 2008/09 уч. г. количество обучающихся здесь составило 1 260 чел. В 2006/07 уч. г. в колледже насчитывалось 100 преподавателей (из которых 37 чел. (или 37 %) имели высшую

квалификационную категорию, а 12 — из числа внешних совместителей — ученые степени и звания), в 2008/09 уч. г. — 79¹⁵.

Учитывая изменяющуюся потребность региона в специалистах, руководство колледжей технической направленности старалось гибко реагировать на ситуацию, периодически меняя профиль специальностей.

Сеть ссузов была широко развита не только в столице Республики Мордовия г. Саранске, но и в ее районах. Так, средняя специальная подготовка педагогических кадров в 1990-х — начале 2000-х гг. велась в Зубово-Полянском и Ичалковском педагогических колледжах. Эти заведения входили в учебный научно-педагогический комплекс МГПИ им. М. Е. Евсевьева. Классы и кабинеты в них были оборудованы компьютерами, видео- и множительной техникой. При колледжах имелось большое количество аудиторий (до 30 в каждом), мастерские, столовые, актовые и тренажерные залы, музеи и пришкольные участки.

Подготовку специалистов-сельскохозяйственников в Мордовии осуществляли Кемлянский и Краснослободский аграрные и Темниковский сельскохозяйственный колледжи, а также Торбеевский колледж мясной и молочной промышленности. В 2001 г. в с. Дубенки Дубенского района был создан филиал Кемлянского аграрного колледжа. Следует отметить, что кроме специальностей, связанных непосредственно с сельскохозяйственной спецификой, вышеперечисленные ссузы осуществляли подготовку и по другим специальностям, таким как «Экономика, бухгалтерский учет и контроль» (во всех вышеотмеченных колледжах), «Правоведение» (в Торбеевском колледже мясной и молочной промышленности). В рамках большинства специальностей в исследуемый период действовали как дневные, так и заочные отделения.

Из колледжей, расположенных в районах республики, следует также отметить Ковылкинский строительный колледж, осуществлявший очное и заочное обучение по специальностям «Строительство и эксплуатация зданий и сооружений», «Монтаж и эксплуатация оборудования систем газоснабжения», «Правоведение», и Мордовский республиканский колледж культуры и искусства (г. Ардатов), в котором ежегодно на дневном и заочном отделениях обучались 430 чел. по специальностям «Библиотечное дело» и «Социокультурная деятельность и народно-художественное творчество». Выпускники колледжа — исполнители народных песен и танцев, артисты драматических и музыкальных спектаклей, ведущие радиопередач, педагоги детсадов, школ искусств, центров эстетического воспитания, средних образовательных и профессиональных учебных заведений, руководители самодеятельных коллективов, учреждений культуры Республики Мордовия¹⁶.

Наряду с колледжами и техникумами определенное место в системе ссузов Мордовии исследуемого периода занимали училища. Одним из старейших средних специальных учебных заведений является Саранское музыкальное училище имени Л. П. Кирюкова. Здесь велась подготовка музыкантов средней квалификации: преподавателей музыкальной школы по различным исполнительским специальностям и музыкально-теоретическим дисциплинам, артистов и дирижеров хора и оркестра, учителей музыки в общеобразовательной школе, концертмейстеров. Выпускники, преподаватели и студенты училища всегда являлись са-

мыми активными пропагандистами творчества композиторов Мордовии. Одними из актуальных задач для коллектива училища в 1990-х — начале 2000-х гг. были эстетическое воспитание широких масс и музыкальное просветительство в самых разных формах (лекции-концерты, радио- и телевизионные передачи, выступления на страницах периодической печати). В 2004 г. в училище функционировало 7 отделений: фортепианное, струнно-смычковых инструментов, духовых инструментов, народных инструментов, вокальное, дирижерско-хоровое и теоретическое, которым соответствовали специальности. Учебные планы каждого отделения были рассчитаны на четырехлетний курс обучения и включали специальные, общепрофессиональные, общеобразовательные и социально-гуманитарные дисциплины. С 2002/03 уч. г. в учебную программу был введен полный цикл общеобразовательных предметов, что позволило выпускникам, наряду со специальным, получить полное среднее образование. В 2004 г. в училище работало 177 преподавателей и концертмейстеров, обучалось 255 студентов; в 2008/09 уч. г. штат преподавателей составил 111 чел., студентов-очников насчитывалось 216¹⁷.

Что касается другого городского ссуза искусствоведческого профиля — Саранского художественного училища им. Ф. В. Сычкова, основанного в 1977 г., то его отличительной особенностью в исследуемый период было наличие в учебной программе национально-региональной специализации. Так, наряду со специальностями «Дизайн» и «Живопись» была открыта еще одна — «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы». В 2008/09 уч. г. в училище обучалось 100 чел. и работало 14 преподавателей¹⁸.

Саранское православное духовное училище — учреждение среднего профессионального религиозного образования Саранской и Мордовской епархии — было открыто в 1997 г. и осуществляло подготовку церковно- и священнослужителей. Предметами обучения являлись следующие: «Библейская история», «История Русской Православной Церкви», «Литургика», «Основное богословие», «Введение в философию», «Догматическое богословие», «Катехизис», «Церковно-славянский язык» и др. В 1999 г. состоялся первый выпуск (9 чел.) и было открыто регентское отделение, а в 2000 г. был введен трехлетний срок обучения. В 2002 г. на очном и заочном отделениях богословско-пастырского факультета обучалось по 45 чел., на очном отделении регентского класса — 16 чел. Преподавательский состав насчитывал в 2003 г. 30 чел. В училище функционировали библиотека, воскресная школа, курсы Евангельских чтений, работала дружина православных следопытов (скаутов). В указанный период здесь ежегодно проводились Масловские педагогические и Кирилло-Мефодиевские чтения, Сретенские молодежные конференции¹⁹.

Уровень квалификации преподавательского состава ссузов Республики Мордовия в 1990-х — начале 2000-х гг. был достаточно высоким. Так, педагогические коллективы состояли из преподавателей, удостоенных званий заслуженного учителя России, Мордовии, заслуженного врача Мордовии, заслуженного работника культуры Мордовии. Несколько десятков педагогов (среди которых — руководители ссузов) имели ученую степень кандидата наук. Это положение во многом было обусловлено тем, что эффективно действовала система профессиональной подготовки и повышения квалификации педагогических кадров

СПО, а именно Институт повышения квалификации при МГУ им. Н. П. Огарева. Впервые международную стажировку прошли в начале 2000-х гг. несколько преподавателей Саранского машиностроительного техникума, получив соответствующие международные сертификаты²⁰.

Все специальности СПО в исследуемый период были оснащены необходимыми учебными программами, на базе которых разрабатывались рабочие программы по дисциплинам различных циклов, в том числе авторские программы и учебно-методические пособия. В русле тенденции 1990-х — начала 2000-х гг. в образовательном процессе ссузов Республики Мордовия был широко представлен национально-региональный компонент. Например, в Саранском медицинском колледже изучались такие дисциплины, как «Нетрадиционные методы лечения», «Валеология», «Медицинская этика»; в ссузах культурного профиля — «Мордовский язык и литература Мордовии», «Основы этнографии» и «История культуры Мордовии». Это свидетельствует об устойчивом интересе и восприимчивости учреждений СПО к региональной проблематике²¹.

Характерной особенностью современного состояния образовательной системы является развитие взаимосвязей между различными уровнями образования, региональный аспект которого проявляется прежде всего в расширении взаимодействия между учебными заведениями различных типов в рамках регионов, создании многоуровневых региональных комплексов. Так, развиваются связи ссузов с вузами. Виды таких связей характеризуются значительным многообразием: от самостоятельных средних специальных учебных заведений, взаимодействующих с вузами в методическом, кадровом и других вопросах, до структурных подразделений, непосредственно входящих в состав высших учебных заведений (например Саранский кооперативный техникум)²².

Взаимосвязи между средним и высшим профессиональным образованием в организационном, содержательном, методическом и других аспектах способствуют расширению обучения в вузах выпускников средних специальных учебных заведений. Таким образом, СПО не только обеспечивает подготовку к профессиональной деятельности, но и создает условия для дальнейшего продвижения личности в образовательной системе. Повышение образовательного уровня, возможность сокращения срока обучения в вузе, сочетание обучения с работой по полученной специальности усиливают направленность личности на продолжение образования.

Согласно Закону Российской Федерации «Об образовании» от 10 июля 1992 г., подготовка специалистов в вузах на базе среднего специального образования соответствующего профиля осуществляется по сокращенным, ускоренным программам²³. При этом более 75 % выпускников обучаются по вечерней и заочной формам, сочетая учебу с работой. По сравнению с подготовкой на базе среднего (полного) общего образования это более экономично.

Вместе с тем, несмотря на достигнутые успехи, уже в 1990-е гг. определился основной спектр проблем, характерных для системы СПО Мордовии, которые оставались нерешенными и на протяжении 2000-х гг. К ним относились в первую очередь отсутствие единого органа управления и различная подведомственность республиканских ссузов, что, безусловно, препятствовало выработке единой политики по отношению к трудоустройству подготовленных ими спе-

циалистов среднего звена и приводило к нарушению связей с традиционными группами работодателей. Это было тем более актуально в связи с тем, что рынок труда оказался перенасыщенным, например специалистами экономического и юридического профиля. Второй важнейшей проблемой следовало считать сокращение бюджетного финансирования, в то время как привлечение внебюджетных источников путем осуществления коммерческой деятельности являлось очень затруднительным из-за отсутствия соответствующей законодательной базы. Следующая проблема была связана с недостаточностью обеспечения образовательного процесса системы СПО Мордовии учебниками и учебными пособиями, а также методическими материалами, что существенно затрудняло открытие новых специальностей. Насущным вопросом являлась неразработанность законодательной базы по среднему профессиональному образованию, а следовательно, отсутствие нормативно-правовой поддержки студентов и работников ссузов²⁴.

С целью решения обозначенных проблем и повышения эффективности работы системы СПО в 2005 г. был создан Совет директоров ссузов Республики Мордовия — координирующий орган государственно-общественного управления средними специальными учебными заведениями. Его возглавлял президиум, членами которого являлись директора ссузов республики. В функции Совета входили: проведение совещаний, методическая работа, повышение квалификации преподавателей ссузов, издательская деятельность, организация предметных олимпиад, ежегодных фестивалей самодеятельного художественного творчества среди молодежи ссузов²⁵.

Таким образом, в 1990-е — начале 2000-х гг. в системе СПО Республики Мордовия произошли кардинальные изменения. Большая часть ссузов приобрела статус колледжей, что свидетельствует о повышении стандартов и качества образования. Значительно улучшилась учебно-материальная база учреждений, усовершенствовались практическое оснащение кабинетов, выросло число компьютеров. Многие преподаватели прошли курсы повышения квалификации, повысив тем самым уровень профессиональной подготовки. Руководство ссузов прилагало усилия, направленные на достижение большей степени приближения профессионального образования к жизни, решение проблемы трудоустройства выпускников. Перспективным вариантом развития системы СПО в связи с этим представлялась интеграция в рамках единого образовательного пространства по примерной схеме: школа — ПУ (учреждение начального профессионального образования) — техникум (колледж) — вуз. Говоря о системе среднего специального образования Республики Мордовия в целом, следует отметить, что в исследуемое время она являлась органичной частью всего социокультурного комплекса региона, развиваясь и изменяясь под воздействием происходивших трансформационных процессов.

В условиях модернизации 1990-х — начала 2000-х гг. система среднего профессионального образования выступила важным звеном в развитии социокультурной сферы Мордовии, обеспечив поддержку и воспроизводство кадрового потенциала для основных сфер функционирования регионального социума, чем во многом способствовала преодолению кризисных явлений в обществе. Отрицательные моменты, связанные со снижением финансирования ссузов, низкой

заработной платой преподавателей, не смогли нарушить общей положительной динамики развития среднего профессионального образования в республике, а лишь несколько замедлили ее.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Рос. газ. 1992. 31 июля.
- ² Справки, решения коллегии Министерства образования Мордовской ССР. 1993 — 1994 гг. // Текущий арх. Министерства образования Республики Мордовия.
- ³ См.: Рос. газ. 2004. 27 мая.
- ⁴ Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию Республики Мордовия. Саранск, 2004. С. 40.
- ⁵ См.: Эффективность профессионального образования // Социально-экономическое развитие Республики Мордовия в 2002 — 2004 гг. : аналит. обзор. Саранск, 2005. С. 176 — 177.
- ⁶ Справки для Министерства образования Республики Мордовия. 1998 — 1999 гг. // Текущий арх. Министерства образования Республики Мордовия.
- ⁷ **Горюнов Н. В., Прончатова С. Ю.** Система среднего профессионального образования Республики Мордовия: состояние, проблемы и перспективы развития // Интеграция образования. 2002. № 2 — 3. С. 58.
- ⁸ Там же. С. 59 — 60.
- ⁹ Справки коллегии Министерства образования РМ. 1998 — 1999 гг. // Текущий арх. Министерства образования Республики Мордовия.
- ¹⁰ Аналитические записки коллегии Министерства образования Республики Мордовия. 2001 г. // Текущий арх. Министерства образования Республики Мордовия.
- ¹¹ См.: **Горюнов Н. В., Прончатова С. Ю.** Указ. соч. С. 58 ; ВУЗы, колледжи, техникумы, профессиональные лицеи и училища, учебные центры, учебно-курсовые комбинаты, факультеты повышения квалификации Республики Мордовия : справ. данных учебно-производств. базы для проф. обучения безработ. граждан и незанятого населения. Саранск, 2006. С. 18 — 23 ; Получить рабочую профессию — это престижно : справ. для поступающих в учреждения НПО и СПО Республики Мордовия. Саранск, 2008. С. 64 — 85.
- ¹² См.: **Николаева Ю.** Любовь к людям — это девиз успешного медика // Изв. Мордовии. 2008. 22 апр. ; Получить рабочую профессию — это престижно. С. 73 — 75.
- ¹³ См.: **Еремкин А.** Колледж электроники, экономики и права: на пороге полувекового юбилея // МК в Саранске. 2003. 19 дек. ; Получить рабочую профессию — это престижно. С. 67 — 69.
- ¹⁴ См.: Искусство учить и воспитывать : Саранскому гос. пром.-экон. колледжу — 40 лет. Саранск, 2005. С. 8 — 11, 16 — 17, 24 ; **Кириченко Т.** Колледж, устремленный в будущее // Изв. Мордовии. 2003. 14 февр. ; Получить рабочую профессию — это престижно. С. 64 — 66.
- ¹⁵ См.: Саранский электромеханический колледж: 40 лет поиска, творчества и достижений. Саранск, 2007. С. 3, 17 — 18, 20 ; **Каштанова Л., Морозова Е.** Среднее специальное звено — надежное звено // Изв. Мордовии. 2003. 4 сент. ; Получить рабочую профессию — это престижно. С. 70 — 72.
- ¹⁶ Справки, решения коллегии Министерства образования Республики Мордовия. 2001 г. // Текущий арх. Министерства образования Республики Мордовия.
- ¹⁷ **Буянова А. И., Галкина И. А., Ситникова Н. М.** Саранское музыкальное училище им. Л. П. Кирюкова : История. Традиции. Жизнь. Саранск, 2004. С. 3 — 10.
- ¹⁸ ВУЗы, колледжи, техникумы... С. 22 ; Получить рабочую профессию — это престижно. С. 81.
- ¹⁹ Справки, решения коллегии Министерства образования Республики Мордовия. 1999 — 2002 гг. Справки, решения коллегии Министерства образования Республики Мордовия. 2001 — 2003 гг. // Текущий арх. Министерства образования Республики Мордовия.

²⁰ Справки, решения коллегии Министерства образования Республики Мордовия. 2001 — 2003 гг. // Там же.

²¹ См.: ВУЗы, колледжи, техникумы... С. 58 — 60.

²² См.: **Анисимов П. Ф., Коломенская Л. А.** Среднее профессиональное образование в условиях регионализации образовательной системы // Регионоведение. 1998. № 1. С. 92.

²³ См.: Рос. газ. 1992. 31 июля.

²⁴ Аналитические записки коллегии Министерства образования Республики Мордовия. 1993 — 1994 гг. // Текущий арх. Министерства образования Республики Мордовия.

²⁵ ВУЗы, колледжи, техникумы... С. 60 — 61.

Поступила 30.09.2012 г.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 342.5:316.462

А. В. Пузаков
A. V. Puzakov

ДЕВОЛЮЦИЯ И РЕГИОНАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО

DEVOLUTION AND REGIONAL DISPARITIES

Ключевые слова: деволюция, регион, региональное неравенство, децентрализация, справедливость.

В статье рассматривается влияние деволюционных процессов, связанных с передачей полномочий региональным органам власти, на экономическое развитие регионов.

Key words: devolution, region, regional disparity, decentralization, justice.

The influence of devolution processes, associated with the transfer of authority to regional government bodies, on the economic development of regions is considered in the paper.

Тенденция к децентрализации является глобальной, однако всеобщность не означает однородность. Наиболее сильными аргументами в пользу децентрализации являются преимущества эффективности передачи региональным органам управления некоторых полномочий центральной властью.

Многие сторонники деволюции полагают, что есть связь между передачей полномочий региональным органам власти и экономическим развитием. По их мнению, деволюция приносит экономические дивиденды за счет более эффективной, более адресной государственной политики и в итоге за счет снижения регионального неравенства. Однако эта позиция не согласуется с большей частью литературы по финансовой децентрализации, в которой подчеркивается, что деволюция может иметь отрицательное воздействие на финансовое положение регионов.

С конца 1970-х гг. многие страны, имеющие централизованные системы государственного управления, проводили планомерную политику по передаче властных полномочий регионам, а страны с менее централизованными системами передавали еще больше полномочий на субнациональный уровень. Статистика свидетельствует, что в последние 20 лет XX в. существовала общемировая тенденция к увеличению внутринационального неравенства¹. Наряду с ней существовала тенденция к передаче ресурсов и властных полномочий на региональный уровень. Последнюю можно разделить на два одновременных процесса, начавшихся в середине 70-х гг. XX в.: деволюцию в странах, ранее имевших

высокоцентрализованные системы, и усиление децентрализации в странах, где регионы уже обладали некоторой степенью автономии. Например, процесс деволюции в Испании, начало которому положили так называемые исторические регионы, привел к формированию системы, при которой финансирование регионов во многом зависело от правительственных субсидий, однако региональные власти имели преимущественное право распоряжаться этими средствами. В результате контроль центральной власти за расходами регионов ослаб². С 1980 г. Бельгия стала представлять собой федеративное государство в составе трех областей — Валлонии, Фландрии и Брюсселя³, а регионы Испании в некоторых отношениях имели больше полномочий, чем штаты федераций. Значительные шаги по передаче властных полномочий и ресурсов своим регионам предприняли Великобритания и Польша. Определенные меры по децентрализации осуществлялись Францией: в центре многолетних споров о расширении региональной автономии оставалась Корсика. Если исходить из численности населения стран, то с конца 70-х гг. XX в. 87 % всего населения Европы в той или иной мере было затронуто процессами децентрализации⁴.

А. Родригез-Позе пришел к выводу о том, что увеличение регионального неравенства прямо пропорционально увеличению региональной автономии и может являться побочным эффектом деволюции⁵ (следует учитывать, что этот исследователь фактически не разграничивает понятия «деволюция» и «децентрализация», часто использует их как синонимы). В то же время между регионами возрастает конкуренция в стремлении получить прямые зарубежные инвестиции. Хотя такая ситуация выгодна для отдельных регионов, она несет в себе потенциальные проблемы для страны в целом. Так, в Бразилии в 1995 — 1998 гг. соперничество между штатами за привлечение инвестиций привело к значительным тратам. Некоторые штаты шли на существенные уступки, чтобы привлечь крупный зарубежный автомобилестроительный бизнес: бесплатно передавали земельные участки, предоставляли инфраструктуру, налоговые послабления, займы и т. д. В Китае с 80-х гг. XX в. все провинции стали проводить программы по открытию экономических зон, предоставлявших существенные уступки иностранным корпорациям: фиксированную ставку налога в размере 15 %; первые два года невзимание налога на прибыль, а в последующие три года выплачивание лишь 50 % его. Отсутствие официальных ограничений для зон в объеме уступок, предлагаемых зарубежному бизнесу, приводило к жесткой конкуренции между ними. В результате в поиске инвестиций провинции еще более увеличили размер льгот: вплоть до пяти лет освобождения от налогов и 50 % уплаты их в последующие пять лет⁶.

Одной из основных задач, традиционно возлагаемых на центральное правительство, является перераспределение ресурсов для обеспечения минимально допустимого уровня жизни на всей территории страны. Децентрализация полномочий и ресурсов подрывает способность государства решить эту задачу по двум основным причинам: во-первых, деволюция предполагает увеличение субнациональных ресурсов за счет национального бюджета; во-вторых, более богатые регионы имеют большее влияние на центральное правительство, что может сказаться на неравномерном финансировании всех регионов страны⁷.

Проблема регионального неравенства касается стран независимо от их политико-территориального устройства, поэтому в качестве примера можно привести ситуацию в России. Так, в рабочем документе МВФ «Региональное неравенство и политика по передаче властных полномочий в России», отмечается, что 10 богатейших регионов производят более 40 % ВВП России, дают более 50 % налоговых сборов и таким образом во многом субсидируют своих «более бедных собратьев». Москва получает более 20 % всех федеральных фондов, имея менее 7 % населения. Здесь на душу населения тратится в 30 раз больше, чем в беднейшем регионе⁸.

Как экономические ресурсы, так и политические рычаги в процветающих регионах находятся в руках нескольких бизнесменов и «их» политиков. Такие отношения неизбежно способствуют коррупции, приводят к соглашательству, замедляют рыночные механизмы и стимулируют отстранение от центра. Однако они также предотвращают внутреннюю междуособную борьбу и открытые, разрушительные для экономики и отпугивающие инвесторов конфликты⁹.

Деволуция сопряжена с передачей властных полномочий и таит в себе больше угроз увеличения коррупции: при децентрализованной системе становится сложнее отслеживать расходование государственных средств, поскольку они выделяются различным регионам, органам и лицам. Это также может способствовать коррупции на более низких уровнях власти. Так, в Китае налоговые нарушения в 90-х гг. XX в. отмечались у 50 % государственных предприятий, 60 % — муниципальных, 80 % — частных и у 90 % — совместных¹⁰.

В условиях снижения уравнивающей роли центрального правительства скрытые неравенства регионов приобретают еще большее значение при определении региональных бюджетов. Аргументом в пользу деволуции служит стимулирующий эффект дополнительных полномочий регионов по использованию финансовых средств, полученных от сбора налогов на своей территории. Там, где регионы имеют право тратить большую часть собранных ими налогов, возрастает эффективность их сбора, а не самые успешные регионы будут иметь стимул к эффективному налогообложению, чтобы не отстать от остальных. Однако поскольку бедные регионы имеют слабую налоговую базу, это ограничивает их способность повышать налоги без риска вызвать массовую миграцию населения. Сокращение центрального финансирования и акцент на автономии региональной власти, скорее всего, приведет к увеличению регионального неравенства.

Как отмечает А. Родригез-Позе, передача все больших властных полномочий регионам порождает неравенство при переговорах с центральной властью: богатые регионы оказываются в более выгодном положении, поскольку их поддержка важнее для центрального правительства¹¹. Так, относительно богатые регионы Наварра и Страна Басков в Испании сумели договориться о весьма выгодной схеме налогообложения, известной как «Concierto Económico» (экономическое соглашение). Широкомасштабная децентрализация власти происходит во всем мире и часто ассоциируется со значительными социальными и политическими преимуществами. В результате деволуции происходит значительный сдвиг в системе государственного управления.

Проблема равенства регионов отходит на второй план за счет политики расширения региональной автономии, а уравнивающая роль центрального правитель-

ства — за счет приоритетных целей по сохранению конкуренции в условиях рыночной экономики. Не вызывает сомнений, что, хотя деволюция может принести много преимуществ политического, социального и экономического характера, она содержит в себе силы, сохраняющие, а иногда и усугубляющие существующее экономическое неравенство.

Основным парадоксом деволюции можно считать то, что, будучи официально направленной на достижение социальной справедливости, она предоставляет жителям одного региона больше прав или ресурсов, чем другим. Так, в Великобритании обсуждение возможных форм передачи части полномочий центральной власти региональным органам началось в 70-х гг. XX в. Уже на этой стадии некоторые политики предупреждали о возможных проблемах, сопряженных с деволюцией. Среди них так называемый западнолотианский вопрос, не нашедший достаточного освещения в отечественной научной литературе. «Западнолотианским вопросом» в Великобритании называют сложившуюся парадоксальную ситуацию, связанную с тем, что свои законодательные собрания имеют Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия, но не имеет Англия. Таким образом, становится возможной ситуация, когда британский парламент может принимать законы, которые будут действовать в Англии, но не в Шотландии, Уэльсе или Северной Ирландии.

Впервые этот вопрос поставил 14 ноября 1977 г. Т. Диэль, член парламента от партии лейбористов, избранный в Западном Лотиане — области на юго-востоке Шотландии. Во время обсуждения в британской палате общин перспектив деволюции в Шотландии и Уэльсе он указал на абсурдность ситуации, когда член парламента от Западного Лотиана сможет принимать законы, которые будут действовать в английском городе Блэкберн в графстве Ланкашир, но не будут касаться самого города, расположенного в его избирательном округе — Западном Лотиане.

Парламент Шотландии, имеющий ограниченное право принимать на своей территории законы и регулировать налогообложение, был создан по закону (Акт о Шотландии 1998 г.), принятому парламентом Великобритании 17 ноября 1998 г. Этот закон не изменил статус Вестминстерского парламента как главного законодательного органа страны¹². На практике парламент Великобритании в тех случаях, когда требовалось принимать законы по вопросам, регулируемым шотландским парламентом, стал традиционно руководствоваться «соглашением Сьюэла»¹³. В свою очередь шотландский парламент стал применять «законодательную согласительную процедуру», ранее называвшуюся «процедурой Сьюэла», которая позволяет членам парламента от Англии, Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии голосовать по вопросам, находящимся в компетенции шотландского парламента.

Суть «соглашения Сьюэла» заключается в том, что Вестминстерский парламент не будет принимать законы, касающиеся вопросов, переданных в ведение парламента Шотландии, без согласия последнего. Это соглашение не закреплено юридически и при необходимости Вестминстер может игнорировать его, однако на практике такого никогда не происходило.

Соглашение было названо по имени лорда Сьюэла, предложившего такой механизм решения западнолотианского вопроса 21 июля 1998 г., во время об-

суждения Билля о Шотландии 1997 — 1998 гг. Хотя соглашение не является частью Акта о Шотландии 1998 г., оно зафиксировано в Меморандуме о понимании между правительством Великобритании и автономными институтами Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии¹⁴. Таким образом, зародилась еще одна британская политическая традиция, появление которой было обусловлено духом проводимых реформ¹⁵.

Неравенство в распределении ресурсов иллюстрирует практика распределения финансирования регионов Великобритании, осуществляемого министерством финансов в соответствии с так называемой формулой Барнетта. Основной причиной пристального внимания к ней является мнение многих политиков и исследователей о несправедливости ее механизма, и в частности о том, что в результате ее использования объем финансирования на душу населения в Шотландии, Северной Ирландии и Уэльсе выше, чем в Англии. Объясняют эту ситуацию преимущественно тем, что «формула Барнетта» основывается на численности населения, а не на фактических потребностях в финансировании¹⁶.

Сотрудники Института исследования государственной политики, одного из ведущих научно-исследовательских центров Великобритании, Й. Маклин, Г. Лодж и К. Шмуэкер отмечают, что прогрессивная система финансирования должна уделять особое внимание справедливости. Проведенный ими анализ, сравнивающий распределение финансирования расходов по уровню экономических показателей (на душу населения) и уровню бедности (семьи, чей доход составляет менее 60 % от среднего уровня), показывает, что современное распределение финансирования расходов не является справедливым, поскольку нет явной связи между расходами и выбранными показателями потребностей. В частности, Шотландия получает больше, чем требуется по этим критериям, а Англия — меньше (каждый пятый в 2003 г. и каждый третий в 2007 г.). В то же время в самой Англии Лондон получает больше, чем требуется, а восточные графства (Мидлендс) имеют самые низкие показатели¹⁷.

«Формула Барнетта» все чаще рассматривается общественностью как несправедливая. Политические партии, комментаторы и средства массовой информации уделяют все больше внимания этому вопросу, что способно еще более повлиять на общественное мнение. Потенциально это может стать серьезным источником напряженности между регионами Великобритании. В Англии 75 % опрошенных поддерживают идею о том, что Шотландия должна оплачивать расходы своих институтов, созданных в процессе деволюции за счет собранных в ней налогов. Как ни странно, такого же мнения придерживаются и 57 % шотландцев¹⁸.

Такое развитие событий предвидел Дж. Мейджор. В автобиографии (в главе, посвященной Шотландии) бывший премьер-министр отмечал, что обнародование реального положения вещей о благоприятном для Шотландии финансировании расходов с началом деволюции пробудит скрытое националистическое недовольство в Англии, которое, в свою очередь, также вызовет отрицательную реакцию. Кроме того, он признал, что существовало значительное недовольство министерств Англии по поводу размера финансирования Шотландии. В основном это сводилось к высказыванию недовольства в кулуарах. Особые эмоции выражали члены парламента от избирательных округов на территории Англии на юго-западе, се-

веро-востоке и во многих частях Лондона, у которых социальные проблемы были не менее серьезные, чем в Шотландии, но которые лишились части государственного финансирования расходов после ежегодного пересмотра и которым не хватало экономического влияния¹⁹. Осознавая возможность роста недовольства общественности в Англии и сепаратистских настроений, правительство Великобритании выказывает готовность рассмотреть возможные пути реформирования формулы, либо альтернативные механизмы распределения финансирования общественно-государственных расходов.

Следует отметить, что процессу деволюции в Великобритании присуща определенная двойственность: с одной стороны, наделение регионов новыми полномочиями, в том числе законодательными, с другой — попытка центральной власти сохранить юридически закрепленные механизмы контроля. Примером тому служит рассмотренное нами «соглашение Сьюэла». Очевидно, что такая компромиссная ситуация вполне устраивает все заинтересованные стороны.

Исходя из нашего понимания сути деволюции, ее цель в разрешении политических вопросов, снятии социальной напряженности, поэтому экономические вопросы, являющиеся не просто крайне важными, но жизненно необходимыми для этого процесса, имеют меньшее значение на начальных стадиях.

Соглашаясь на некоторые политические уступки, центральная власть идет и на экономические, в том числе и за счет текущих интересов некоторых других регионов, тем не менее, придерживаясь стратегической цели сохранения единого государства и мира на его территории, и в долгосрочной перспективе такая политика должна принести свои дивиденды.

Важным для процесса деволюции является понятие, а точнее, ощущение несправедливости. Так, в основе претензий регионов на особый статус лежит ощущение несправедливости, существующее у населения, обычно подкрепляемое историческими факторами. Общественное мнение, обычно озвучиваемое национал-сепаратистами, сводится примерно к следующему: «мы живем в определенном регионе, у нас свой язык, у нас своя история, у нас было свое государство, у нас много природных ресурсов, а доходы от их добычи получает вся страна, мы можем создать собственное государство и жить лучше, чем сейчас».

Чтобы не допустить распада государства, центральная власть идет на уступки, наделяя местные органы власти проблемного региона дополнительными полномочиями, выделяя дополнительные ресурсы, при том условии, что регион остается в составе государства и признает главенство центральной власти.

Противоречивость идеологии деволюции состоит в том, что регионы, требующие того, что они считают справедливым по отношению к себе, фактически являются причиной возникновения несправедливости по отношению к другим регионам. Такой «региональный эгоизм» несет в себе потенциальный заряд нового общественного недовольства со стороны других регионов. Поэтому деволюция не может считаться постоянным средством решения региональных разногласий, а является временным средством, предполагающим постоянную коррекцию.

Таким образом, важно осознавать, что деволюция не только сопряжена с преимуществами, но и способна вызвать и определенные проблемы, поскольку в

условиях децентрализации менее благополучные регионы находятся в худшем положении, чем при централизованной системе. Поэтому следует очень ответственно и осторожно подходить к принятию решений, сопряженных с передачей власти и ресурсов, максимально четко осознавая, к каким положительным и отрицательным последствиям могут привести такие решения. Следует использовать мировой опыт, не повторяя чужих ошибок, в то же время не пытаться полностью копировать существующие модели, не учитывающие специфики регионов и культурно-исторического контекста.

Библиографические ссылки

- ¹ **Rodriguez-Pose A., Gill N.** Is There a Global Link between Regional Disparities and Devolution? February 2003. P. 4 — 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://www2.lse.ac.uk/GeographyAndEnvironment/research/Researchpapers/rp79.pdf>. (дата обращения 15.06.2012).
- ² **Rodriguez-Pose A., Gill N.** The Global Trend Towards Devolution and Its Implications. P. 27. London: London School of Economics, Department of Geography and Environment [Электронный ресурс]. URL: <http://personal.lse.ac.uk/RODRIGU1/e&p%20c.pdf>. (дата обращения 15.06.2012).
- ³ **Трухачев В.** Бельгия распадется? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.contrtv.ru/print/3604/> (дата обращения 15.06.2012).
- ⁴ **Rodriguez-Pose A., Gill, N.** The Global Trend Towards Devolution and Its Implications. P. 9
- ⁵ **Rodriguez-Pose A., Gill N.** Is There a Global Link between Regional Disparities and Devolution? P. 8, 12.
- ⁶ **Rodriguez-Pose A., Gill, N.** The Global Trend Towards Devolution and Its Implications. P. 29.
- ⁷ Ibid. P. 28, 31.
- ⁸ **Vaknin S.** The Russian Devolution — Regions and Center in Putin's Russia [Электронный ресурс]. URL: <http://samvak.tripod.com/pp113.html>. (дата обращения 15.06.2012).
- ⁹ **Vaknin S.** The Russian Devolution — Center and Regions in Putin's Russia. 23 June 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://globalpolitician.com/2915-russia> (дата обращения 15.06.2012).
- ¹⁰ **Rodriguez-Pose A., Gill N.** The Global Trend Towards Devolution and Its Implications. P. 33.
- ¹¹ **Rodriguez-Pose A., Gill N.** Is There a Global Link between Regional Disparities and Devolution? P. 22 — 25, 29 — 30.
- ¹² **Scotland Act 1998** [Электронный ресурс]. URL: http://www.opsi.gov.uk/acts/acts1998/ukpga_19980046_en_1#28 (дата обращения 15.06.2012).
- ¹³ **Bowers P.** The Sewel Convention. Standard Note: SN/PC/2084. Last updated: 25 November 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parliament.uk/documents/commons/lib/research/briefings/snpc-02084.pdf>. (дата обращения 15.06.2012).
- ¹⁴ **Devolution.** Memorandum of Understanding and Supplementary Agreements Between the United Kingdom Government Scottish Ministers, the Cabinet of the National Assembly for Wales and the Northern Ireland Executive Committee Presented to Parliament by the Deputy Prime Minister by Command of Her Majesty, December 2001 [Электронный ресурс]. URL: http://www.dca.gov.uk/constitution/devolution/pubs/odpm_dev_600629.pdf. (дата обращения 15.06.2012).
- ¹⁵ **Пузаков А. В.** Взаимодействие парламентов Великобритании и Шотландии: западноло-тианский вопрос и соглашение Сьюэла // Социально-экономические и политические процессы в России, странах Европы и Северной Америки в Новое и Новейшее время : сравнительные исследования : материалы Всерос. науч. конф. (Саранск, 28 — 29 июня 2010 г.). Саранск, 2010. С. 278 — 283.
- ¹⁶ **Пузаков А. В.** Перспективы реформирования формулы Барнетта как механизма финансирования деволюционных регионов Великобритании // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. [Тамбов]. 2011. № 6, ч. 1. С. 157 — 160.

¹⁷ **McLean I., Lodge G., Schmuecker K.** Fair Shares? Barnett and the politics of public expenditure. July 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ippr.org.uk/members/download.asp?f=/ecomm/files/fair_shares.pdf&a=skip. (дата обращения 15.06.2012).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ **Edmonds T.** The Barnett Formula. Research Paper 01/108. 30 November 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parliament.uk/documents/commons/lib/research/rp2001/rp01-108.pdf>. (дата обращения 15.06.2012).

Поступила 04.09.2012 г.

УДК 28(470.13)

Е. Н. Рожкин

E. N. Rozhkin

МУСУЛЬМАНСКАЯ ОБЩИНА В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ (XX — НАЧАЛО XXI в.)

THE MUSLIM COMMUNITY IN THE REPUBLIC OF KOMI (THE XX — THE EARLY XXI CENTURY)

Ключевые слова: миграция, мусульманская община, этническая структура населения, северо-восток Европейской части России, мониторинг межнациональной напряженности, конфликт на межнациональной и межконфессиональной почве, толерантность.

В статье дается общий обзор этапов формирования мусульманской общины на северо-востоке Европейской части России на примере Республики Коми в XX — начале XXI в.; анализируются отношения местного населения и представителей этнических групп, большинство которых традиционно исповедуют ислам.

Key words: migration, the Muslim community, the ethnic structure of the population, the Northeast of the European part of Russia, the monitoring of interethnic tension, conflict on interethnic and interfaith basis, tolerance.

An overall review of the stages of formation of the Muslim community in the Northeast of the European part of Russia on the example of the Republic of Komi in the XX — the beginning of the XXI century is given in the article, the relationship of local population and members of ethnic groups, most of whom are traditionally practice Islam, is analyzed as well.

Россия — государство полиэтничное. До XX в. народы, входившие в Российскую империю, жили преимущественно на исторически обусловленных территориях. В XX в. все изменилось: создание системы ГУЛАГа, массовые этнические репрессии и радикальная политика по размещению производительных сил привели к массовым этническим миграциям и трансформации «этнической карты» России. Тем не менее представители разных этносов мирно сосуществовали (во всяком случае — внешне), людей сближали общие цели.

В настоящее время политики и эксперты единодушны в одном: тема межнациональных отношений становится одной из самых важных и имеет большой взрывной потенциал¹.

Согласно прогнозам политологов основным видом социальных конфликтов в мире в XXI в. станут межэтнические. Картина взаимодействия исламского и западного мира показывает, что с усилением миграции населения из арабских стран в Северную Америку и Западную Европу линия конфликтного контакта между цивилизациями фактически проходит по территории развитых стран. Увеличение численности иноязычного населения вследствие массовой миграции создает угрозу мирному существованию местных социумов, питая общую социально-психологическую напряженность и конфликтность. Идет процесс формирования этнических анклавов и социально-трудовых этнически изолированных ниш. Главным объектом ксенофобии в современном мире стали мигранты, относящиеся к мусульманским этносам². При этом ситуация в России кардинально отличается от европейской тем, что подавляющее большинство мигрантов-мусульман в России относятся к внутренним мигрантам и имеют российский паспорт. Более того, основная часть мусульманской общины в российских регионах относится к коренным российским народам (татары, башкиры, дагестанские народы, чеченцы и т. д.)³.

В отличие от юга и Центральной части России, на северо-востоке Европейской части страны местное население относительно недавно столкнулось с фактом формирования значительной мусульманской общины. В связи с этим возникла необходимость выделить этапы формирования и этнический состав мусульманской общины в Республике Коми, а также специфику взаимоотношений населения с представителями мусульманских этносов. Для этого использовались данные местной прессы, статистические справочники и социологические опросы, проведенные сотрудниками Коми НЦ УрО РАН.

Относительно массовые миграции представителей этнических групп, большинство из которых традиционно исповедуют ислам, на территорию Коми АССР начались накануне Великой Отечественной войны. Перед войной индустриализация республики шла через сложившуюся систему ГУЛАГа. Количество вольнонаемных было невелико. Так, в 1932 г. в Ухтпечлаге на 4 690 заключенных приходилось всего 78 вольнонаемных (1,7 %)⁴. Во время войны произошли качественные изменения в составе трудовых ресурсов. Изменились как количественные показатели, так и этнические. На начало 1941 г. в Коми АССР состояло на учете 11,2 тыс. ссыльных, 37,8 тыс. спецпереселенцев и 249 тыс. заключенных⁵. В то же время на фронт было отправлено только из мест заключения более 100 тыс. чел. и 2,5 тыс. спецпереселенцев — «бывших кулаков»⁶, их необходимо было заменить на рабочем месте. Замена происходила по нескольким направлениям миграции.

Внешняя миграция в Коми АССР начиная с 1940 г. имела выраженную этническую составляющую. Согласно Постановлению СНК «О спецпереселенцах осадниках» от 30 декабря 1939 г., первые этнические массовые спецпереселения были польские и прибалтийские⁷. Однако поляков в Коми АССР было направлено гораздо больше, чем представителей прибалтийских народов. Только в 1940 г. численность польских граждан составляла 19 388 чел., из них 9 987 чел. — тру-

доспособных⁸. Из прибалтийских республик были присланы в основном литовцы. Они большей частью трудились в лесной промышленности, где была высока потребность в рабочей силе низкой квалификации.

В период Великой Отечественной войны самыми массовыми спецпереселенцами были немцы (к концу войны — перемещенные немцы из оккупированных европейских стран и «фольксдойче»). Представители других национальностей составляли относительно небольшие общины (от десятков или сотен крымских татар, калмыков, чеченцев до нескольких тысяч чехов и украинцев и т. д.)⁹. В 1944 г. начали прибывать украинцы (ОУНовцы). Граждан, принадлежащих к этническим группам, большинство представителей которых традиционно исповедуют ислам, было немного, их ссылали большей частью в другие местности.

Многонациональное население Республики Коми в основном сформировалось во второй половине XX столетия. До середины 1950-х гг. миграции, особенно в малонаселенной местности, относящейся к Крайнему Северу, имевшей к тому же особый «ГУЛАГовский» статус, регламентировались и контролировались государством. Важным периодом в этом процессе было послевоенное время, когда миграции, внесшие решающий вклад в освоение территории Коми АССР, перешли из разряда подневольных в категорию свободных. Процесс частичной реабилитации был непростым, разнонаправленным и зависел от различных управленческих решений.

Во второй половине 1950-х гг. картина кардинально изменилась. Начался период послевоенной индустриализации республики, а следовательно, и миграционной активности. Несомненно, на национальный состав повлияла направленность организованного набора трудовых ресурсов. Среди территорий, в которых проходил оргнабор, была и Татарская АССР¹⁰.

Существенное влияние на изменение национального состава населения Коми АССР оказали комсомольские стройки: во второй половине 1950-х гг., когда главным было развитие угольной, лесной отраслей и железнодорожного транспорта; в конце 1950-х — начале 1960-х гг., в период строительства Сыктывкарского лесопромышленного комплекса¹¹; в конце 1960-х гг., а затем в середине 1980-х гг., когда в республике стало интенсивно развиваться нефтегазовая отрасль. В результате перечисленных процессов в период между переписями 1939 г. и 1959 г. число представителей наиболее крупных этнических групп, большинство которых традиционно исповедует ислам, значительно выросло: количество татар — с 709 до 8 459 чел. (в 20,0 раза), азербайджанцев — со 112 до 1 374 чел. (в 12,3 раза), узбеков — с 51 до 1 245 чел. (в 24,0 раза), башкир — с 56 до 623 чел. (в 11,1 раза) и чеченцев — с 58 до 282 чел. (в 4,9 раза)¹². Самая высокая доля горожан по переписи 1970 г. была у татар (78,2 %) ¹³.

Вклад подневольных миграций значителен, но он не в полной мере определяет формирование современных трудовых ресурсов, в основном сложившихся к концу 1980-х гг.¹⁴ Численность представителей национальностей, депортированных в 1940-х гг. и в 1960 — 80-е гг., значительно уменьшилась. Это касается поляков, латышей, эстонцев и литовцев. Позднее всего начали выезжать из республики немцы, которые были сняты с учета как спецпереселенцы

только в 1970-е гг.¹⁵ Этим можно объяснить их относительно большую численность в Коми АССР к концу 1980-х гг.: люди успели создать семьи и родить детей. В то же время численность представителей других национальностей, в частности выходцев из некоторых поволжских республик, с Кавказа и из Средней Азии, выросла за 20 лет (в период между переписями 1970 и 1989 гг.) в 2 — 4 раза (татары, узбеки, казахи, туркмены, абхазы, аварцы, балкарцы и т. д.)¹⁶.

Во второй половине 1980-х гг. на первое место среди причин миграции вышла негативная социально-экономическая и политическая ситуация в некоторых регионах Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии¹⁷. В 1990-х гг. к общей кризисной ситуации добавился фактор роста национального самосознания в национальных республиках. Отчасти в связи с этим возрос выезд из Коми АССР представителей отделившихся от СССР государств.

Общее сальдо миграции в 1980 — 90-х гг. представителей основных этнических групп мусульманской уммы Республики Коми характеризуется следующими показателями. Численность татар в Республике Коми с 1950-х гг. росла вплоть до 1990 г. Это третий результат после русских и украинцев. С 1989 по 2002 г. их число с 27 тыс. чел. уменьшилось до 15 тыс. Перепись 2010 г. показала, что эта тенденция сохраняется, число татар составило 10,8 тыс. чел.¹⁸

Иная картина с азербайджанцами, их количество менялось неравномерно. По переписи 1970 г. их число уменьшилось по отношению к 1959 г. в 1,5 раза и составило 905 чел. Затем наблюдался практически непрерывный рост, и к переписи 2002 г. их в Республике Коми было 6 066 чел. Таким образом, если в 1970 г. татар было в 10,0 раза больше, чем азербайджанцев, то в 2002 г. первых стало больше только в 2,5 раза. По данным переписи 2010 г. количество учтенных лиц азербайджанской национальности снова уменьшилось и составило 4 858 чел. Однако доля азербайджанцев по отношению к татарам продолжала увеличиваться. В настоящее время число татар превышает число азербайджанцев всего в 2,2 раза¹⁹.

По другим относительно крупным мусульманским этносам с 2002 по 2010 г. наблюдалось снижение численности: башкир — с 3 149 до 2 333 чел. (на 26 %), казахов — с 553 до 357 чел. (на 35 %) и чеченцев — с 410 до 311 чел. (на 24 %). Относительно стабильной осталась численность киргизов — снизилась с 767 до 731 чел. (на 5 %) и таджиков — возросла с 378 до 393 чел. (на 4 %). Количество узбеков увеличилось с 709 до 939 чел. (на 32 %)²⁰.

В настоящее время мусульманская община продолжает трансформироваться как количественно, так и качественно. Соотношение основных этнических групп, большинство представителей которых традиционно исповедуют ислам, внутри уммы меняется. Значительно уменьшается число представителей трудовых миграций второй половины XX в. — татар и башкир.

В результате разнонаправленной миграции генетический состав некоторых общин (прежде всего народов Закавказья) за последние 20 лет коренным образом изменился. Выехали многие из тех, кто участвовал в «великих стройках коммунизма», создавая индустриальный потенциал Республики Коми. Следует отметить, что появились новые мигранты, которые работают преимущественно в

сферах услуг, торговли, транспорта, ЖКХ и т. п., а не в добывающей и тяжелой промышленности²¹.

Вслед за изменениями состава многонационального населения менялись и маркеры межнационального социального взаимодействия. Особенности отношения населения Республики Коми к представителям этнических групп, исповедующих ислам, определены по материалам социологических опросов, проведенных группой исследователей Коми НЦ Ур ОРАН.

Исследование проводилось в 2010 г. в г. Сыктывкар, Ухта и Усинск и в Ижемском, Усть-Куломском и Княжпогостском районах. В обследованных населенных пунктах коми население, как и русское, имело разную представленность. Различалась и доля населения, относящегося к этническим группам, большинство представителей которых традиционно исповедуют ислам. Больше всего среди них татар — от 0,7 % в Княжпогостском районе до 8 % в г. Усинске²².

Полученные ответы на вопрос «Как Вы считаете, возможно ли в вашем населенном пункте возникновение конфликтов на национальной почве?» показали: 45,0 % респондентов исключают эту возможность, 37,9 % — считают ее вероятной; 17,1 % опрошенных затруднились ответить. Следует обратить внимание на то, что 55,1 % городских жителей считает возможным возникновение конфликтов на национальной почве в месте их проживания, на селе эта доля составила 21,4 % (в 2,6 раза ниже). Интересно сравнить эти результаты с опросом, проводившимся в 1996 г.: тогда только 15,9 % респондентов полагали, что в Республике Коми возможно возникновение межнациональных конфликтов, 65,0 % считали их маловероятными и 18,3 % вообще исключали такое развитие событий. Среди коми доля лиц, считавших возможным возникновение конфликтов на национальной почве, была в 1996 г. несколько выше, чем среди других национальных групп населения²³. В 2010 г. коми население, проживающее преимущественно на селе, показало более низкий результат, чем горожане. Это, по-видимому, связано с меньшим присутствием мигрантов в сельских населенных пунктах.

В 2010 г. наибольшая доля лиц, считавших возможным возникновение конфликтов на национальной почве, была среди опрошенных татар (50 %). Полагаем, что здесь проявился рост напряженности в этно-межконфессиональном плане. Косвенно это подтверждается тем, что такой же результат (50 %) зафиксирован и по графе «другие», среди которых значительную долю составляют именно представители таких этнических групп. Можно предположить, что многие представители других национальностей не сталкивались непосредственно с проблемами межконфессиональной напряженности, хотя бы по причине пока что незначительного количества мусульман в их населенном пункте и поэтому дали более низкие результаты. Сами же мусульмане в большинстве такое давление испытывают. Это явление имеет тенденцию к росту.

Для того чтобы построить взвешенную национальную политику и по возможности избежать конфликтов на национальной почве, необходимо знать причины, порождающие конфликты²⁴. В ходе опроса респонденты указали восемь причин, способных вызвать межнациональные конфликты. Чаще всего называли следующие: «невоспитанность, бескультурье, глупость, несдержанность

людей, результат взаимного непонимания» — 48,9 %; «приезжих слишком много, их вызывающее поведение и притеснение коренного населения» — 42,5 %; «бедность, неустроенность жизни, большой разрыв между богатыми и бедными, зависть к тем, кто богаче» — 33,2 %. С пятой позиции на четвертую переместилась причина «неправильная внутренняя политика, виновата власть, это результат беззакония, коррупции» — 23,9 %. Не менее значимыми являются и такие причины: «различия во взглядах, традициях, религии» — 22,8 %; «экономическая конкуренция, столкновение денежных интересов, конкуренция на рынке труда» — 20,6 %²⁵.

Большинство мусульман, проживающих в Республике Коми, — россияне. Однако одним из следствий демографического кризиса и миграционного оттока населения из республики стал приток рабочей силы из стран СНГ и дальнего зарубежья. По данным Управления Федеральной миграционной службы России по Республике Коми на протяжении последних пяти лет численность официально зарегистрированных трудовых мигрантов увеличивалась. Основной поток мигрантов шел из Украины (38 %) и Узбекистана (23 %)²⁶.

Ряд вопросов касался религии. В целом существенных изменений в отношении населения к религиозным проблемам не произошло: из года в год увеличивается доля респондентов, относящихся терпимо к представителям иных религий (в 2008 г. — 79,5 %, в 2009 г. — 80,5 % и в 2010 г. — 85,8 %) и доля респондентов-верующих, не испытывающих дискриминацию на религиозной почве или ущемления своих прав на свободу вероисповедания (в 2008 г. — 74,3 %, в 2010 г. — до 81,9 %). Несмотря на это на вопрос «Как Вы считаете, возможно ли в вашем населенном пункте возникновение конфликтов на религиозной почве?» утвердительно ответили 21,5 % респондентов, отрицательно — 60,0 % и затруднились ответить — 18,5 %²⁷.

Признаки интолерантности часто показывает молодежь как социальная группа. Осенью 2011 г. был проведен опрос студентов средних специальных учреждений г. Сыктывкара. Около 90 % опрошенных — это юноши и девушки в возрасте от 18 до 20 лет и 10 % — от 20 лет. 39 % опрошенных являются уроженцами г. Сыктывкара, более 50 % — выходцы из сельской местности, остальные респонденты из других городов и поселков. Ответы на вопрос «Как Вы относитесь к мусульманам, которые живут в России?» распределились следующим образом: «положительно» — 15,8 %, «нейтрально» — 69,1 %, «отрицательно» — 13,2 %, затруднились ответить — 1,9 %. Очень показательны ответы студентов, касающиеся религиозных ориентаций. Менее 10 % респондентов заявили, что считают себя атеистами, около 50 % указали, что считают себя верующими и иногда посещают храм, около 25 % не посещают храм, но и не отрицают идею бога или же прямо считают себя верующими, регулярно посещают храмы единицы. Тем не менее очевидно, что религия может иметь достаточно большое значение в позиционировании современной молодежи и деятельность религиозных организаций способна оказать серьезное влияние на их мироощущения и общественные позиции. При этом молодежь демонстрирует достаточно высокий уровень религиозной терпимости. В республике, где православие всегда было основной конфессией, о своем неприятии мусульман заявили только 13 % опрошенных. Однако идеи гражданского равенства все же

не являются абсолютно доминирующими в сознании молодежи, ибо около 40 % респондентов допускают предоставление некоторых преференций отдельным этническим группам, хотя такая практика прямо противоречит конституциям Республики Коми и Российской Федерации, где идея равенства граждан является ключевой²⁸.

Итак, этническая структура мусульманской уммы Республики Коми сложилась во второй половине XX в. Основную роль в ее формировании сыграли трудовые миграции, связанные с ускоренной послевоенной индустриализацией. Мусульманская община в республике создавалась неравномерно, имела разнонаправленные периоды. Особенности отношения населения Республики Коми к представителям других этнических групп определены по материалам социологических опросов. Почти 50 % опрошенных видят возможной причиной противостояния межрелигиозные противоречия, а не межнациональные. Возможно, что в массовом сознании населения ислам не связан жестко с конкретными этносами и негативными социальными явлениями.

Библиографические ссылки

¹ См.: Россия – для кого? Ликвидировать нацреспублики... Или есть другие способы сохранить страну? // Аргументы и факты. 2011. № 7. С. 6 — 7.

² См.: **Цапенко И. П.** Управление миграцией: опыт развитых стран. М., 2009. С. 164 — 173.

³ См.: **Рожкин Е. Н.** Реализация государственной национальной политики в Республике Коми на современном этапе // Межнациональные отношения на Европейском Севере: история и современное состояние : материалы Всерос. науч. конф. Сыктывкар, 2010. С. 7.

⁴ См.: **Максимова Л. А.** Сталинские лагеря и освоение Европейского Северо-Востока // Очерки по истории политических репрессий в Коми. Сыктывкар, 2006. С. 125, 136.

⁵ См.: История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т. 2. С. 402.

⁶ Книга Памяти Республики Коми. Сыктывкар, 1996. Т. 4. С. 420 — 421.

⁷ См.: Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Сыктывкар, 2007. Т. 2. С. 606 — 607.

⁸ См.: **Игнатова Н. М.** Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930 — 1950-е гг. Сыктывкар, 2009. С. 102.

⁹ Там же. С. 66.

¹⁰ См.: **Микушев А.** Там, где шумит тайга [о новоселах в с. Тыбью] // Крас. знамя. 1956. 11 сент. ; **Шевелев Л.** Всем классом [о выпускниках Любимовской средней школы Курской области, приехавших на строительство Печорской железной дороги] // Там же. 1957. 2 окт. ; **Зубов Т.** Работают комсомольцы: на строительстве вторых путей Печорской железной дороги // Ухта. 1956. 5 дек. ; **Рошал М.** Смена [о жизни молодежи, приехавшей на шахты Воркуты] // Крас. знамя. 1956. 6 нояб. ; **Дьяченко П.** Комсомольско-молодежные бригады созданы: на шахте № 2 комбината «Интауголь» // Там же. 17 июня.

¹¹ См.: **Турубанов А. Н.** Создание индустриальной базы строительства Сыктывкарского лесопромышленного комплекса // Проблемы повышения эффективности производства, развития производительных сил Коми АССР. Сыктывкар, 1973. С. 42.

¹² Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп Weekly : электрон. журн. Приложение. URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения 20.09.2011).

¹³ Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи) / В. Я. Сквозников [и др.]. Сыктывкар, 2001. С. 93.

¹⁴ См.: **Фаузер В. В., Рожкин Е. Н., Загайнова Г. В.** Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001. С. 38.

¹⁵ См.: **Игнатова Н. М.** Указ. соч. С. 38.

¹⁶ См.: Национальный состав Коми АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Сыктывкар, 1990. С. 5 — 6.

¹⁷ Там же. С. 5.

¹⁸ См.: Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Республика Коми : стат. сб. Сыктывкар, 2012. Т. 3. С. 7.

¹⁹ См.: Национальный состав населения и межнациональные отношения в Республике Коми. Сыктывкар, 2005. С. 39 — 40.

²⁰ См.: Всероссийская перепись населения 2010 года. Окончательные итоги. Сыктывкар, 2012. С. 11.

²¹ См.: Федеральная миграционная служба России по Республике Коми. Текущий архив. Аналитический обзор миграционной ситуации и деятельности Управления ФМС России по Республике Коми по реализации государственной политики в сфере миграции в Республике Коми за 2010 год. Сыктывкар, 2011. С. 22.

²² См.: **Фаузер В. В., Рожкин Е. Н., Фаузер Г. Н.** Мониторинг ситуации в области межнациональных отношений в Республике Коми. Сыктывкар, 2011. С. 42, 64, 65.

²³ См.: **Шабает Ю. П.** Этнодемографическое развитие Коми в контексте демографических процессов у финно-угорских народов Российской Федерации. Сыктывкар, 2005. С. 32.

²⁴ См.: Национальный состав населения... С. 3.

²⁵ См.: **Фаузер В. В., Рожкин Е. Н., Фаузер Г. Н.** Мониторинг ситуации... С. 40 — 41.

²⁶ См.: Федеральная миграционная служба России по Республике Коми... С. 22.

²⁷ См.: **Фаузер В. В., Рожкин Е. Н., Фаузер Г. Н.** Мониторинг ситуации... С. 53.

²⁸ См.: **Рожкин Е. Н., Шабает Ю. П.** Мониторинг ситуации в сфере межнациональных отношений в Республике Коми за 2011 год. Сыктывкар, 2012. С. 35 — 39.

Поступила 03.07.2012 г.

УДК 323.1:342.849.2

О. В. Бахлова, И. В. Курлевский
O. V. Bakhlova, I. V. Kurlevsky

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В СОСТАВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРОБЛЕМА АСИММЕТРИИ:
ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОЦЕНОК В ХОДЕ
ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ 1999 — 2003 гг.***

**NATIONAL FORMATIONS AS PARTS OF THE RUSSIAN
FEDERATION AND THE PROBLEM OF ASYMMETRY:
THE EVOLUTION OF POLITICAL ASSESSMENTS IN THE
COURSE OF ELECTION CAMPAIGNS OF 1999 — 2003**

Ключевые слова: государственно-территориальное образование, национально-государственное образование, национально-территориальное образование, регион, республика, субъект федерации, территориально-государственное образование, укрупнение региона, федерализм, федерация.

В статье рассматриваются взгляды политических партий Российской Федерации на проблему ее асимметрии. Особое внимание уделяется оценкам ее политического аспекта — специфики статуса национально-государственных образований в составе Российской Федерации. Определяются основные подходы к проблеме, характер и степень их эволюции в контексте трансформации политико-территориальной системы России.

Key words: state and territorial entity, national and state entity, national and territorial entity, region, republic, subject of federation, territorial and state entity, consolidation of the region, federalism, federation.

The views of political parties of the Russian Federation on the problem of its asymmetry are considered in the paper. Special attention is paid to the assessment of its political aspect — specificity of the status of the nation and state entities as parts of the Russian Federation. The main approaches to the problem, the nature and degree of their evolution in the context of transformation of the political and territorial system of Russia are determined.

Российскую Федерацию составляют различные по государственно-правовой природе образования, одновременно имеющие одинаковый с формально-юридической точки зрения статус субъекта федерации. Нередко данное обстоятельство определяет и диверсификацию их статусно-ролевых характеристик в политической плоскости и в русле трансформации территориальной системы Российской Федерации. Это многообразие, в свою очередь, обусловлено совокупностью различных

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках госзадания, проект «Трансформация статусно-ролевых характеристик национальных образований финно-угорских народов России в процессе модернизации политико-территориальной системы», № 6.3306.2011.

факторов. Среди них — неоднородность состава населения, неравенство потенциала регионов, специфическая конфигурация элитных групп и политических интересов и другие, причем многие из них являются исторически сложившимися и долговременными. Асимметрию субъектного состава Российской Федерации можно считать своеобразным результатом исторического институционального выбора, сделанного в начале 1920-х гг., когда развернулась дискуссия о форме, путях и методах национально-государственного строительства в постреволюционный период. Переплетение автономной — еще в рамках РСФСР — и союзной линий через федерализацию национальных окраин бывшей Российской империи породило сложную и неоднозначную политико-правовую конструкцию советского федерализма. На практике это означало сосуществование союзной (договорной) федерации (СССР) и федерации, основанной на национально-территориальной автономии (РСФСР).

Номинальное правовое нивелирование статуса субъектов Российской Федерации — территориально-государственных (краев, областей и городов федерального значения), национально-государственных (республик) и национально-территориальных (автономных округов и автономной области) образований — в постсоветский период не привело к их фактическому равенству. Субъекты федерации в силу многих причин приобрели различные статусно-ролевые характеристики в системе российского федерализма. В эпоху «парада суверенитетов» 1990-х гг. регионы попытались выступить в качестве автономных политико-идеологических центров, а многие «регионалы» были интегрированы в федеральную политическую элиту. Обострение проблем во взаимоотношениях федерального центра и субъектов в условиях посткоммунистической трансформации активизировало поиски их политического решения. Как и в постреволюционный период, они осуществлялись при наличии определенной дихотомии (автономизация — централизация). Однако теперь, вследствие утверждения принципа политического плюрализма, уже было невозможно формирование единственно верной идеологической «оболочки» развития «нового федерализма». Политические оценки в данном и другом ракурсах стали более многослойными, нередко возникая в контексте предвыборной борьбы партий, правового и иного нигилизма ряда регионов и политических амбиций их лидеров.

Национальные образования, особенно республики, претендовавшие на особый статус и соответственно более значительную роль в пространстве Российской Федерации, по сравнению с другими субъектами — бывшими исключительно административно-территориальными единицами в составе РСФСР, — естественным образом привлекали большее внимание политических акторов разного уровня. Этнический компонент, в том числе пресловутый «русский вопрос», используемый нередко в политических целях, его только усилил. Представители органов исполнительной и законодательной власти разных субъектов федерации, солидаризуясь прежде всего в стремлении укрепить собственные позиции по отношению к федеральному центру и даже в геополитических амбициях, тем не менее выражали неодинаковые предпочтения в процессе формирования новой федерации. Так, высказываясь в пользу внедрения в этой сфере реализма и объективности, руководители «русских» регионов, считая себя «задетыми» привилегированным статусом руководителей национальных республик, фактически имевших ста-

тус главы государственного образования, обладающего суверенитетом, предлагали привести в соответствие с правовым статусом права и обязанности регионов. В частности, тогдашний ярославский губернатор А. Лисицын говорил о неравенстве «карликовых республик, обладающих всеми правами государства (в аспекте международных норм)» и «регионов-гигантов (с численностью населения 4 — 5 миллионов, не обладающих никакими правами)»¹. Резкая оценка асимметричности российского федерализма была дана Э. Росселем в бытность им свердловским губернатором. По его мнению, опасность целостности России заключалась в том, что «...в конституциях республик записано: эти республики, с одной стороны, вроде бы субъекты Федерации, а с другой — „суверенные государства“; как это вообще может быть: одно суверенное государство в составе другого суверенного государства. Это же абсурд. Но в том-то и опасность»².

Преодолению политической асимметрии, согласно такой позиции, могла способствовать реализация проекта «укрупнения регионов» (А. Лисицын и др.), в рамках которого намечалось создание на основе соответствующей конституционно-правовой базы (в неопределенном будущем) на территории России 40 — 50 равноправных губерний («каждая — равная среди равных»). Эта концепция представляла собой интерпретацию «американской федерации» или даже воссоздание дореволюционной российской модели территориального устройства государства, отрицавшей национальный принцип³.

Идея «губернизации» поддерживалась и одной из самых влиятельных политических партий постсоветского периода, известной своими радикальными предложениями, — Либерально-демократической партией России (ЛДПР). Однако она отдавала и на современном этапе продолжает отдавать явное предпочтение унитарной модели государственного устройства. Так, на выборах в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации 1999 г. «Блок Жириновского» (ЛДПР), выражая неприятие ленинской концепции национальной политики, призывал к отмене всех законодательных и подзаконных актов, направленных на обеспечение льгот и преимуществ для отдельных субъектов Российской Федерации по национальному признаку. Федерация, тем более асимметричная, признавалась им порождающей конфликты и столкновения интересов, а существующие административные границы — искусственными, не отражающими ни национального, ни экономического деления. Реформа государственного устройства, согласно программе блока 1999 г., должна была осуществляться посредством перехода от национально-территориального принципа административного деления к чисто территориальному. Оптимальным здесь представлялось положение, при котором Россия состояла бы из примерно 15 равноправных и идентичных по своему статусу областей, образованных по территориальному принципу и не имеющих никаких собственных конституций, языков и правящих народностей, приблизительно по 10 млн. чел. в каждой области. В программе блока фигурировали 7 губерний. При этом убежденность в том, что преобразование Российской Федерации в унитарное государство соответствует коренным интересам не только русского народа, но и всех исторически проживающих в России национальных меньшинств⁴.

Реализация концепции территориальной федерации негативно оценивалась представителями элит национальных образований. Со своей стороны, «регионалы»

этой группы выдвигали концепции, предусматривающие некое особое положение таких субъектов. Подобными примерами могут быть:

— концепция «глобального федерализма» (М. Шаймиев), исходившая из необходимости окончательной ликвидации «унитаристской тенденции» и развития самостоятельных внешних связей Татарстана на основе идеи «евроислама»⁵;

— концепция «корпорации» (Р. Аушев, К. Илюмжинов), ориентированная на создание «экономико-правового оазиса» как локальной хозяйственной системы в пространстве федеративного государства⁶;

— концепция «нового кавказского порядка» (Д. Дудаев, А. Масхадов), в основе которой находилась идея создания «Кавказского общего дома» и достижения полной независимости от России. Именно ее следует признать наиболее радикальной, отрицавшей какую бы то ни было лояльность не только федеральному центру, но и вообще идее федерализма⁷.

В то же время радикальные идеи нельзя считать доминантными даже в предпочтениях «регионалов» данной группы. Степень радикализма и соответствующих амбиций определялась как их ресурсными возможностями, так и влиянием федерального центра, взаимной заинтересованностью в политической поддержке. Небольшие национальные образования, не располагавшие значительным потенциалом или выгодным геополитическим положением, а также оказавшиеся встроенными в «матрешечную структуру» (автономные округа), проявляли гораздо большую склонность к идее «прагматичного конформизма», выраженную прагматично-рациональную лояльность федеральному центру и принципу федерализма. Характерный пример прагматичной позиции — поведение политической элиты Республики Мордовия с середины 1990-х гг.⁸

Утверждение федерального центра в качестве доминирующего политического актора на всех уровнях власти и управления с начала 2000-х гг., его инициативы в этом направлении (создание федеральных округов, изменение порядка назначения глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации и пр.) серьезно скорректировали политические оценки состояния, проблем и перспектив российского федерализма и статусно-ролевых характеристик субъектов федерации. Показательны здесь соотношение и эволюция взглядов представителей проправительственных политических объединений и движений, созданных «регионалами», а также оппозиционных партий. Так, в предвыборной платформе «кремлевского проекта» — всероссийского общественно-политического движения «Наш дом — Россия» 1999 г. говорилось о недопустимости отказа от федеративного устройства и содержался призыв к прекращению разговоров об «укрупнении» регионов и снятии с работы избранных глав администраций⁹. Отметим, что на тот момент тема укрупнения субъектов Российской Федерации не была востребована наиболее влиятельными политическими партиями. Пожалуй, вообще единственное подобное программное положение в 1999 г. было прописано избирательным объединением «Социал-демократы». Согласно его позиции, укрупнение позволило бы иметь структуры, способные действовать с общегосударственных позиций и давать отпор федеральной бюрократии¹⁰.

Избирательный блок «Отечество — Вся Россия», включивший многих влиятельных «регионалов» как из национальных (М. Рахимов, М. Шаймиев и др.), так и территориальных (В. Яковлев и др.) образований, напротив, акцентировал вни-

мание на формировании надежной и непрерывной вертикали исполнительной власти. Фактически солидаризируясь с будущим союзником — межрегиональным движением «Единство» («Медведь»), блок заявлял, что Россия должна стать «федерацией равных возможностей». При этом особо отмечалось, что права национальностей и их образований не могут быть ущемлены ни при каких обстоятельствах. В предвыборной программе блока 1999 г. подчеркивалось, что федеративное государство является надежным государственным механизмом, который гарантирует целостность и единство страны, обеспечивает гармонию национально-государственных интересов народов России, открывает широкие возможности для сохранения и преумножения их культурно-исторического наследия, развития культурной самобытности. Внутреннее многообразие российского единства рассматривалось не как слабость, а как неистощимый источник развития и взаимообогащения¹¹. «Медведь» более общим образом отмечал негативное явление дифференциации регионов — на привилегированных и ущемленных в реальных правах, не уточняя основания различий¹².

На выборах 1999 г. в целом проблемы структуры Российской Федерации государственно-правового статуса ее субъектов и т. п. среди политических партий были достаточно популярными. Практически все они, за небольшим исключением (малочисленных и узкоспециализированных партий), так или иначе их затронули. Например, в программе Всероссийского общественно-политического движения «Духовное наследие» равенство мыслилось как неотъемлемый принцип федерализма, который должен быть закреплен законодательно. Одной из наиболее актуальных задач виделось предоставление всем субъектам Российской Федерации равного государственно-правового статуса¹³.

Русская социалистическая партия заявила о готовности бороться за единую и неделимую Россию как федеративное государство; главенство Конституции Российской Федерации и ее законов на всей без исключения территории страны; равенство перед законом и конституцией всех субъектов федерации¹⁴. Всероссийская политическая партия народа также призывала к пресечению любых попыток нарушения территориальной целостности России, обеспечению законодательно и на практике конституционного равенства субъектов федерации, недопущению превращения России в конфедерацию¹⁵.

О необходимости равноправия субъектов Российской Федерации упоминалось в предвыборных документах и других участников избирательной кампании. Однако непосредственно о целесообразности исключительно территориального принципа деления государства с предпочтением, как уже отмечалось, унитарной модели, заявил лишь «Блок Жириновского». Российский общенародный союз предложил, по сути, компромиссный подход. В качестве субъектов федерации он рассматривал равноправные государственно-территориальные (республики, края, области или губернии) либо региональные (объединения нескольких областей или республик либо областей и республик) образования, имеющие четкие административные границы и единую систему власти и управления. В основе их выделения должно было находиться традиционное административное, национально-культурное и региональное членение России¹⁶.

Таким образом, абсолютное большинство участников избирательной кампании 1999 г. признавали сложившуюся модель асимметричной федерации базовой,

детерминированной особенностями развития российской государственности. В то же время они заявляли о необходимости ее совершенствования конституционными методами, в первую очередь — посредством обеспечения фактического равенства субъектов.

Изменение стратегии политического управления страной в начале 2000-х гг. с включением в формируемую систему универсального механизма политических партий и установлением контроля над региональными политическими акторами сказалось на содержании программных документов прежде всего ведущих политических партий. Преодоление угрозы регионального сепаратизма и нигилизма, преобразование статуса региональных политических объединений и нерешенность многих социально-экономических задач побудили их сместить акценты в собственных позициях. Так, партия «Единая Россия», ставшая по итогам парламентских выборов «партией большинства», в своей предвыборной программе, в отличие от предшественников — «Отечество — Вся Россия» и «Единства» в 1999 г. — в большей степени была сосредоточена на «технологических» аспектах проблемы управления страной. В качестве константного осталось положение о необходимости сохранения и развития многообразия России как единого целого. При этом «ушла» тема неравноправия регионов — говорилось только об их особенностях¹⁷.

Из крупных парламентских партий в ходе избирательной кампании в Государственную думу 4-го созыва наибольший интерес к анализируемой проблематике вновь проявила ЛДПР. В ее программе давалась в целом положительная оценка реформ, проведенных федеральным центром в начале 2000-х гг. При этом действия власти фактически рассматривались как соответствовавшие прежним предложениям «либерал-демократов», в том числе по образованию федеральных округов. Говорилось, что партия продолжает добиваться реформирования России из федеративного в унитарное государство конституционным путем. Повторялась и аргументация этой реформы. Уточнялось, что все национальные вопросы должны решаться лишь в области культуры, а не территории, так как граждане разных национальностей живут на всей территории России, а не в одном отдельном регионе. ЛДПР подтвердила свою приверженность принципу укрупнения территориальных административных единиц за счет объединения мелких субъектов федерации в более крупные образования. Она предложила создать около 30 равноправных и одинаковых по своему статусу губерний, образованных по территориальному принципу, полностью экономически самостоятельных, с численностью населения приблизительно по 5 млн чел. в каждой губернии, не имеющих собственных конституции и национального государственного языка¹⁸.

Другие активные оппозиционеры проявившуюся тенденцию к централизации государства представили в негативном свете. Характерный пример — предвыборная платформа КПРФ 2003 г., в которой была сформулирована задача возрождения российской провинции путем расширения прав регионов и подкрепления их политическими и финансовыми возможностями. Соответственно проблема равенства субъектов федерации затрагивалась только с точки зрения центрально-периферийной конфигурации России¹⁹.

Одной из наиболее детализированных оставалась позиция Российской демократической партии «Яблоко». Ее представители отмечали, что заложенная в

1990-е гг. в России модель «саморазвивающегося» федерализма, давшая регионам максимальную степень свободы и (без)ответственности, не позволила противостоять сепаратистским устремлениям ряда региональных руководителей, особенно лидеров национальных республик. «Яблочники» резко критиковали практику «договорного федерализма», когда подписание индивидуальных договоров с субъектами федерации превратилось в соревнование по выбиванию уступок от центра за счет других регионов. Федеративные реформы, начавшиеся в 2000 г., также оценивались критически. «Яблочники» считали, что в результате сохранилась возможность произвола региональных властей, а полномочные представители президента в федеральных округах были лишены реальных полномочий. Они полагали, что национальная политика должна быть направлена на защиту прав каждого отдельного гражданина, в том числе его национально-культурных прав, но не на обеспечение прав одних национальных общностей за счет других. При этом оговаривалось, что защита национально-культурных прав не означает создание «титульного» субъекта федерации для каждого российского этноса. Однако собственно в предвыборной программе 2003 г. Российской Демократической Партии «Яблоко» подобные положения отсутствовали²⁰.

Традиционно реализуемую в советский период ленинскую концепцию национальной политики отстаивала КПРФ. Концептуальная партия «Единение» выступала за сталинскую концепцию, предпочитая национально-культурную автономию. В рамках такой позиции она полагала, что административно-территориальное устройство России должно строиться не по национальному признаку, а исключительно по территориальному (район, область, край и округ), с приоритетом образования национально-культурных автономий в местах компактного проживания представителей соответствующих национальных культур. По ее предвыборной программе 2003 г. это соответствовало переходу от концепции управления обществом по принципу «разделяй и властвуй» к концепции управления по принципу «соединяй и здравствуй»²¹.

Всемерную поддержку институту национально-культурной автономии как одному «из продуктивных видов общественного объединения граждан, относящих себя к определенным национальностям и этническим общностям», выразил избирательный блок «Великая Россия — Евразийский Союз». В его предвыборной программе 2003 г. предполагалось, что этот институт может успешно решать вопросы сохранения национальной самобытности, развития языка, образования, национальной культуры, а также широко и плодотворно использоваться в рамках местного общественного самоуправления. При этом оговаривалось, что национально-культурная автономия не должна приводить к возникновению каких-либо элементов политического, правового и социально-экономического неравенства граждан, проживающих на одной территории, независимо от национального состава населения. Блок считал, что ключевое значение для России имеет реализация идеи и принципов демократического федерализма, который понимался как рациональное распределение политических и экономических полномочий и ответственности между свободными гражданами, субъектами местного самоуправления, субъектами федерации и федеральным центром. Каждый субъект в данной системе должен иметь четкий, закрепленный законодательно, круг функций, прав и ответственности. Однако такое объяснение не дает представление о взглядах

членов блока относительно основания российского федерализма. Из контекста можно предположить, что их позиция в этом плане близка позиции Концептуальной партии «Единение», но непосредственно идея территориальной федерации блоком не выдвигалась²².

Народно-республиканская партия России подтвердив свою приверженность основам конституционного строя страны и признав, что Россия должна быть федеративным государством, одновременно заявила об «обесценивании» принципа федерализма «двусторонними кулуарными отношениями руководства страны и каждого отдельного региона», когда помощь и уступки центра (за спиной и за счет других регионов) предлагались в обмен на необходимую политическую поддержку.

Возражая сторонникам концепции территориальной федерации, партия исходила из реальности национально-территориального деления России и отмечала, что вопрос о переходе страны к чисто территориальному (без национальных признаков) делению — это вопрос неопределенного будущего («встанет не завтра»). Одновременно партия исключала директивный подход к решению этой проблемы и ограничение инициатив снизу по объединению или ассоциированию регионов. В перспективе Народно-республиканская партия России высказывалась за концепцию перспективного административно-территориального устройства страны на основе социально-экономического районирования, увязанную с формированием федеральных и военных округов. На текущий момент признавалась необходимость выравнивания полномочий, прав и обязанностей всех субъектов федерации²³.

Объединенная Российская партия «Русь» призвала к консолидации регионов и предложила новый курс — русский регионализм, суть которого заключалась в функционировании сильных, экономически самодостаточных провинций (регионов), но с жестким политическим контролем за исполнением решений и законов со стороны федерального центра. Российская Федерация рассматривалась в целом как уникальное явление в истории мирового федерализма, но без полного его объяснения²⁴.

Избирательный блок «Российская партия пенсионеров и партия социальной справедливости», не определяя конкретно свою позицию по вопросу о статусе субъектов Российской Федерации, заявил о неприемлемости любых форм национализма. Блок в равной степени отверг «как попытки растащить нашу Родину по национальным квартирам, так и попытки превратить ее в унитарное государство, не уважающее историю, традиции, культуру и вероисповедание своих народов»²⁵. Аналогичным образом Всероссийская политическая партия «За Русь святую» осудила такие проявления национальных чувств, как агрессивный национализм, сепаратизм, русофобия и межэтническая вражда²⁶.

Народная партия Российской Федерации также обратила внимание на проблему равенства регионов и их «подъема» в целом, но в другом ключе — соотношения их столичного и периферийного статуса. Партия считала необходимым вообще искоренить понятие «провинциализм»²⁷.

Демократическая партия России позиционировала себя как сторонница федеративного устройства государства, субъекты которого имеют достаточно прав и возможностей как для решения проблем социального и экономического развития своих территорий, так и для влияния на проведение общенациональной по-

литики. Выступая за единство страны и против любых проявлений сепаратизма, партия придавала особое значение свободному духовному и культурному развитию граждан, их национальным и территориальным объединениям. Ориентиром Демократической партии России являлось единое и неделимое федеративное государство, в котором уважаются этнические и региональные интересы. Проблема равенства субъектов федерации рассматривалась членами партии больше с экономических позиций, в плоскости бюджетного федерализма, без привязки к национальным или территориальным образованиям. В частности, предлагалось постепенное изменение пропорций между трансфертными фондами путем сокращения роли фондов дотационного характера на покрытие текущих расходов и увеличения доли финансовой поддержки развития высокодотационных регионов по «точкам роста», способным существенно наращивать налоговый потенциал. Представители партии говорили также о сокращении дотационности и количества дотационных регионов за счет более рационального распределения налогов на постоянной и временной основе в бюджетной системе и наращивания налогового потенциала на соответствующих территориях²⁸.

Российская политическая партия Мира и Единства ставила своей целью укрепление российской государственности, выступая за равноправие и дружеское существование всех народов страны. Фиксируя прекращение времени «тотальной суверенизации» в новую политическую эпоху, партия обращала внимание на необходимость обеспечения реального равноправия всех субъектов Российской Федерации, четкого, законодательно закрепленного разграничения полномочий и прерогатив федеральных властей и каждого из субъектов. Одновременно партия высказалась за восстановление и всемерное укрепление властной вертикали сверху вниз, с акцентом на расширение прерогатив и функций федеральных властей²⁹.

«Истинные патриоты России», обобщая наиболее актуальные для страны проблемы, ставили следующий главный вопрос: «Быть России как единому политическому целому, многонациональной и поликонфессиональной, демократической федерации или нет?». В то же время их программе было свойственно достаточно традиционное общее высказывание о том, что «Российское государство можно и нужно укреплять опираясь на его национальное многообразие». Партия ставила задачу добиваться межнационального согласия и единства в обществе, консолидации различных этнических групп и «общин» ради блага Отечества. Хотя и говорилось о необходимости разработки законопроекта о гарантиях федеративного устройства страны, но он должен был, в соответствии с положениями программы «Истинных патриотов», предусматривать обеспечение прав человека, а не урегулирование проблемы асимметрии федерации³⁰.

Итак, в конце XX — начале XXI в. политические партии и объединения России, как традиционные, так и новые, так или иначе обозначили свои позиции по анализируемой проблематике. По большей части они были достаточно умеренными, ориентированными на коррекцию сложившейся модели политико-территориального устройства и сохранение смешанного основания федерализма. В то же время многие партии, особенно оппозиционные, постоянно обращали внимание на политико-правовые и другие проявления асимметрии Российской Федерации, в том числе статусные различия среди субъектов федерации. Доминантой их взглядов являлась необходимость обеспечения полного их равенства,

как формального, так и фактического, во всех сферах. Наиболее радикальный характер имели предложения ЛДПР относительно перехода к унитарному государству и исключительно территориальному принципу его деления. Однако такой подход к проблеме скорее следует рассматривать как альтернативный, не разделяемый остальными ведущими политическими акторами, даже по-разному относящимися к официальному курсу.

Предвыборные позиции многих партий часто коррелировались с их установками в сфере национальной политики, с акцентированием либо «русского» вопроса и проблемы статуса автономных образований, либо национально-культурной автономии. Усиление централизаторских тенденций, консолидация федеральной правящей элиты, маргинализация «регионалов» и региональных политических движений, Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия, изменение конфигурации партийной системы России по-новому расставили акценты в их программных документах. Все эти обстоятельства способствовали осознанной или вынужденной переориентации крупных политических партий на разработку эффективных стратегий собственного позиционирования исходя из общеполитических трендов и прагматичных ожиданий электората.

Библиографические ссылки

¹ Земцов Б. [Интервью с губернатором Ярославской области А. Лисицыным] // НГ — регионы. 1999. № 1. С. 4.

² Воскресенский Г. Уральский характер // Век. 1996. № 40. С. 5.

³ См.: Земцов Б. Указ. соч. С. 4.

⁴ 10 пунктов предвыборной программы «Блока Жириновского» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.panorama.ru/works/vybory/party/p-zhir.html> (дата обращения 15.10.2011); Программа Либерально-демократической партии России: [утверждена на VIII съезде ЛДПР 25 апр. 1998 г.] М., 1998. 72 с.

⁵ См.: Магомедов А. К. Общество регионов // Pro et Contra. 1997. Т. 2, № 2. С. 52; Фарушкин М. Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Полис. 1994. № 6. С. 73.

⁶ См.: Магомедов А. К. Указ. соч. С. 52 — 53; Серенко А. Война улусов // НГ — регионы. 1999. № 2. С. 1 — 2.

⁷ См.: Барни А. Региональные лидеры // Аргументы и факты. 1994. № 29. С. 3.

⁸ См.: Бахлова О. В. Региональные политические элиты в системе коммуникаций федеративного государства // Регионология. 2011. № 1. С. 16 — 25; Ее же. Политическая элита Республики Мордовия в условиях постсоветской трансформации // Национально-государственная организация финно-угорских народов: опыт России и зарубежных государств: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Саранск, 2011. С. 319 — 323 и др.

⁹ См.: X шагов в XXI век: Предвыборная платформа движения «Наш дом — Россия»: [принята 28 авг. 1999 г.] // Парламентские выборы в России: Год 1999. Избират. объединения и блоки, их лидеры и програм. док., результаты выборов: хрестоматия. М., 2000. С. 235 — 237.

¹⁰ См.: Что предлагает России социал-демократия: Избират. объединение «Социал-демократы» // Там же. С. 105 — 114.

¹¹ См.: Предвыборная программа избирательного блока «Отечество — вся Россия» // Там же. С. 164 — 187.

¹² См.: Тезисы платформы избирательного блока «Межрегиональное движение „Единство“ („Медведь“)» // Там же. С. 100 — 104.

¹³ См.: Основные тезисы программы Всероссийского общественно-политического движения «Духовное наследие» // Там же. С. 73 — 83.

- ¹⁴ См.: Программа Русской социалистической партии. М., 1999. 14 с.
- ¹⁵ См.: Программа Всероссийской политической партии народа // Парламентские выборы в России : Год 1999. С. 207 — 211.
- ¹⁶ См.: К великому будущему России : Программа партии «Российский общенародный союз» : [принята IV съездом РОС 26 марта 1995 г.] // Там же. С. 7 — 28.
- ¹⁷ Предвыборная программа политической партии «Единая Россия» : [утверждена решением III Съезда партии 20 сент. 2003 г.] [Электронный ресурс]. URL: <http://gd2003.cikrf.ru/gd2003/way/76798706> (дата обращения 25.10.2011).
- ¹⁸ Программа Либерально-демократической партии России (ЛДПР) : [принята на XIII съезде ЛДПР 13 дек. 2001 г.] [Электронный ресурс]. URL: <http://gd2003.cikrf.ru/gd2003/way/76798718> (дата обращения 21.10.2011).
- ¹⁹ За власть трудового народа! Предвыборная платформа Коммунистической партии Российской Федерации (2003 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://gd2003.cikrf.ru/gd2003/way/76798694> (дата обращения 19.10.2011).
- ²⁰ Программа Российской демократической партии «Яблоко» (2001 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yabloko.ru/Union/Program/vved.html> (дата обращения 22.10.2011) ; Программа Российской демократической партии «Яблоко» (2003 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://gd2003.cikrf.ru/gd2003/way/76798696> (дата обращения 22.10.2011).
- ²¹ «От разорения к достатку» : Предвыборная программа КПЕ [Электронный ресурс]. URL: <http://gd2003.cikrf.ru/gd2003/way/76798720> (дата обращения 28.10.2011).
- ²² Предвыборная программа избирательного блока «Великая Россия — Евразийский Союз» : [принята на съезде избират. блока «Великая Россия — Евразийский Союз» 16 сент. 2003 г.] [Электронный ресурс]. URL: <http://gd2003.cikrf.ru/gd2003/way/76798704> (дата обращения 28.10.2011).
- ²³ Программа политической партии «Народно-республиканская партия России» (НРПР). [утверждена на Съезде НРПР 6 апр. 2002 г.] [Электронный ресурс]. URL: <http://gd2003.cikrf.ru/gd2003/way/76798738> (дата обращения 28.10.2011).
- ²⁴ Предвыборная платформа Объединенной российской партии «Русь» [Электронный ресурс]. URL: <http://gd2003.cikrf.ru/gd2003/way/76798708> (дата обращения 29.10.2011).
- ²⁵ Программа политической партии «Российская партия пенсионеров» [Электронный ресурс]. <http://gd2003.cikrf.ru/gd2003/way/76798724> (дата обращения 29.10.2011).
- ²⁶ Программа Всероссийской политической партии «За Русь святую» : [принята на Учредительном съезде 7 сент. 2002 г.] [Электронный ресурс]. <http://gd2003.cikrf.ru/gd2003/way/76798734> (дата обращения 29.10.2011).
- ²⁷ Предвыборная программа Народной партии РФ [Электронный ресурс]. <http://gd2003.cikrf.ru/gd2003/way/76798702> (дата обращения 29.10.2011).
- ²⁸ Программа Демократической партии России : [принята XV съездом Общерос. обществ. организации политич. партии «Демократическая партия России» по преобразованию в политич. партию «Демократическая партия России» 25 сент. 2001 г.] [Электронный ресурс]. URL: <http://gd2003.cikrf.ru/gd2003/way/76798732> (дата обращения 29.10.2011).
- ²⁹ Программа Российской политической партии Мира и Единства (ПМЕ) [Электронный ресурс]. URL: <http://gd2003.cikrf.ru/gd2003/way/76798722> (дата обращения 29.10.2011).
- ³⁰ Программа политической партии «Истинные патриоты России» : [принята Учред. съездом 15 сент. 2002 г.] [Электронный ресурс].: <http://gd2003.cikrf.ru/gd2003/way/76798730> (дата обращения 29.10.2011).

Поступила 05.09.2012 г.

УДК 343.85:341.24

Е. Л. Шапошников

E. L. Shaposhnikov

ПОНЯТИЕ И ФОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

CONCEPT AND FORMS OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE SPHERE OF PREVENTION OF CRIMES

Ключевые слова: международное сотрудничество, преступность, законодательство, судопроизводство.

В статье рассматривается роль международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

Key words: international cooperation, crime, legislation, litigation.

The role of international cooperation in the sphere of criminal litigation is considered in the article.

Возрастающее значение международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства обусловлено тем, что преступность все больше приобретает международный, транснациональный и организованный характер. Нередко, стремясь избежать уголовной ответственности за совершенное преступление, лица скрываются в других странах. В этих случаях возникает необходимость решить вопрос об их выдаче властям другого государства для привлечения к уголовной ответственности по конкретному возбужденному уголовному делу или для исполнения приговора. Кроме того, современная широко развитая транспортная инфраструктура способствует увеличению числа деловых и туристических поездок граждан, где они становятся свидетелями, потерпевшими или виновниками преступлений. Поэтому одним из важных видов международного сотрудничества в настоящее время является именно сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства.

Международное сотрудничество в уголовном судопроизводстве впервые предусмотрено в УПК РФ (в УПК РСФСР такого раздела не было). Кодифицирована очень сложная, мало знакомая широким кругам теоретиков и практиков область процессуальной деятельности, причем функционирующая на стыке нескольких отраслей права. Сложность этой процессуальной деятельности связана со многими обстоятельствами, с которыми не приходится сталкиваться при расследовании преступлений, судебном разбирательстве и исполнении приговора, когда они осуществляются в рамках российского уголовного процесса в отношении российских граждан, совершивших преступления на территории России, предусмотренные российским уголовным законодательством.

Любой вид международного сотрудничества, в том числе в сфере предупреждения преступности, требует от его участников знания и соблюдения общих пра-

вил. К ним относятся: международные стандарты взаимодействия государств — участников международного сотрудничества; конституционные принципы своего государства, защищающие основные права граждан, суверенитет и безопасность своего государства. Поскольку речь идет прежде всего о российских участниках международного сотрудничества, имеются в виду соответствующие принципы Конституции Российской Федерации; границы допустимого действия национального законодательства и условия ограничения его действия при международном сотрудничестве. В рассматриваемом случае — это уголовные и уголовно-процессуальные законы Российской Федерации и страны, с которой Россия взаимодействует в рамках международной правовой взаимопомощи.

Все эти компоненты правовой базы имеются (или должны иметься) в международном сотрудничестве в сфере борьбы с преступностью, уголовного судопроизводства. С момента вступления УПК РФ в силу они стали реальностью в практике работы российских судов, прокуроров, следователей и органов дознания.

Международное сотрудничество в сфере предупреждения преступности и уголовной юстиции в целом не ограничивается только правовой взаимопомощью отдельных стран по конкретным уголовным делам. Даже в наименовании раздела XVIII части 5 УПК РФ сказано о взаимодействии судов и правоохранительных органов с международными организациями. Соответственно можно говорить в этом контексте о взаимодействии российских компетентных органов с Интерполом, о правовых отношениях России с Европейским судом по правам человека.

Традиционно международное, а точнее межгосударственное, сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства рассматривается как компонент международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Под последним в литературе обычно понимается сотрудничество различных государств по борьбе с преступными деяниями, общественная опасность которых требует объединения усилий нескольких государств. Необходимость такого сотрудничества обусловлена целым рядом факторов: во-первых, возросла международная активность преступности, которая усугубляется размыванием государственных границ и межгосударственной экономической интеграцией (в связи с техническим прогрессом, развитием информационных технологий, а также вследствие изменений в банковской сфере и структуре торговли преступность уже более не связана национальными границами, т. е. она часто стала носить трансграничный (трансграничный) характер); во-вторых, усилился рост организованных форм преступности; в-третьих, нередко доходы от преступной деятельности укрываются за границей; в-четвертых, появились совершенно новые формы преступности (например, компьютерные преступления и др.), а также наметилось совершенствование преступности, связанной с легализацией доходов от преступной деятельности¹.

Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства — это постоянная, совместная, согласованная, широкая по масштабам и разнообразная по формам деятельность правоохранительных органов различных государств, урегулированная международным и национальным правом, затрагивающая общие интересы и направленная на достижение единой цели в борьбе с преступностью; на расследование и правильное разрешение уголовных дел, а

также на обеспечение прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и лиц, незаконно и необоснованно обвиненных или осужденных за совершение преступления.

Существуют разнообразные формы осуществления международного сотрудничества: в рамках международных организаций (опосредованное); в рамках прямого сотрудничества государств по оказанию правовой помощи на основании международных договоров, межведомственных соглашений, а также принципа взаимности, т. е. путем передачи компетенции запрашиваемому государству (непосредственное); в рамках непосредственного сотрудничества государств при совместном осуществлении компетенции в борьбе с преступностью (создание совместных следственных бригад, осуществление трансграничных преследований и т. д.)².

К международным организациям, занимающимся проблемами в сфере борьбы с преступностью и в области уголовного процесса, относятся:

1) ООН, учредившая Комитет по предупреждению и контролю над преступностью и Комиссию по предупреждению преступности и содействию уголовному правосудию;

2) международные суды. В настоящее время действуют: Международные военные и уголовные трибуналы, учреждаемые Советом Безопасности ООН; Международный уголовный суд в качестве постоянно действующего института, призванного рассматривать наиболее тяжкие преступления с точки зрения международного уголовного права; Европейский суд по правам человека, призванный обеспечивать защиту законных интересов граждан в случаях нарушения положений Европейской конвенции о защите прав и основных свобод и не нашедших надлежащей охраны на национальном уровне;

3) Международная организация уголовной полиции (Интерпол). В МВД России имеется Национальное центральное бюро Интерпола, которое обеспечивает взаимодействие органов внутренних дел с полицией иностранных государств и Генеральным секретариатом Интерпола.

В рамках названных форм сотрудничества можно выделить конкретные его виды:

1) взаимодействие с органами предварительного расследования иностранного государства путем направления и исполнения запросов через международную организацию (Интерпол и Европол);

2) передача подозреваемых (обвиняемых) лиц международным уголовным судебным учреждениям;

3) исполнение просьб международных уголовных судебных учреждений и международных следственных органов о сотрудничестве³.

Деятельность Интерпола по передаче информации при расследовании уголовных дел или просьб о выдаче преступника с предварительным его розыском признается очень эффективной, а потому многие международные договоры прямо предписывают в соответствующих случаях обращаться в Интерпол (например, ст. 16 Европейской конвенции о выдаче 1957 г., ст. 15 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г., ст. 30 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, ст. 13 Европейской конвенции о передаче судопроизводства по уголовным делам 1972 г. и др.).

К основным видам деятельности Интерпола можно отнести: уголовную регистрацию в целях идентификации преступников и некоторых преступлений; международный розыск преступников; сбор и обобщение статистических данных о преступности в каждой стране и отдельно о международных преступлениях; оказание технической помощи по просьбе национальных центральных бюро заинтересованных стран.

Одним из центральных направлений деятельности Интерпола является международный розыск, т. е. розыск, проводимый за пределами государства, на территории которого было совершено преступление. При этом Интерпол осуществляет розыск преступников с целью их последующей выдачи; подозреваемых с целью наблюдения за их поведением; пропавших без вести лиц и похищенных ценностей. В своей деятельности Интерпол не связан никакими процессуальными сроками и соответственно не предусматривается каких-либо санкций к нарушителям сроков исполнения запросов. Кроме того, он не обладает полномочиями по самостоятельному возбуждению уголовных дел и их расследованию. Следует отметить, что Интерпол на сегодняшний день многие ученые определяют как оперативный банк информации о преступлениях и преступниках, как координационную службу розыска преступников.

Международное сотрудничество России в правовой сфере базируется на нормах Конституции Российской Федерации; многочисленных международных конвенциях, декларациях, пактах и договорах; региональных и двусторонних международных договорах Российской Федерации и нормах различных отраслей отечественного права, в том числе и уголовно-процессуального.

Международные источники, регламентирующие вопросы сотрудничества государств, делятся на две группы: международные договоры, единственным предметом регулирования которых являются вопросы оказания правовой помощи и выдачи и международные договоры и соглашения, в которых нормы правовой помощи играют вспомогательную роль.

Договоры первой группы по субъектно-территориальной сфере действия классифицированы на региональные и двусторонние. В настоящее время не существует ни одного международного универсального договора (т. е. такого, в котором участвовали бы все страны или хотя бы большинство) о правовой помощи и выдаче. Россия участвует в следующих региональных международных договорах: Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г.⁴, Европейской конвенции о передаче судопроизводства по уголовным делам 1972 г.⁵ и Европейской конвенции о выдаче 1957 г.⁶ Многосторонние связи России со странами СНГ отражены в Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г. Россией заключены локальные договоры о правовой помощи со многими государствами (всего их около 40). Существует три двусторонних договора о выдаче с участием России (с Китаем⁷, Индией⁸ и Бразилией⁹).

Договоры второй группы представлены:

1) конвенциями о борьбе с отдельными видами преступлений — универсальными (Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г., Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г.) и региональными (Европейская конвенция о борьбе с

терроризмом 1977 г.¹⁰, Европейская конвенция об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г.)¹¹;

2) межправительственными соглашениями о борьбе с преступностью — многосторонними и двусторонними (Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с преступностью 1998 г.);

3) межведомственными соглашениями правоохранительных органов Российской Федерации (Соглашение о правовой помощи и сотрудничестве между Прокуратурой Республики Армения и Прокуратурой Российской Федерации 1993 г.).

Последние из указанных соглашений активно заключаются такими органами, как Генеральная прокуратура Российской Федерации; Министерство внутренних дел Российской Федерации, Министерство юстиции Российской Федерации, Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации. Одной только Генеральной прокуратурой заключено более 40 подобных соглашений. Как правило, в таких соглашениях стороны обязываются оказывать друг другу помощь по следующим вопросам: выполнение отдельных процессуальных действий, выполнение надзорных функций, связанных с расследованием преступлений, рассмотрение вопросов о реабилитации незаконно осужденных, содействие в розыске пропавших без вести, пересылка материалов прокурорско-следственной деятельности и т. д.

Сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства может осуществляться на основании не только международных договоров и соглашений, но и на принципе взаимности. Обращение к указанному принципу особенно актуально при отсутствии между государствами соответствующих договорных обязательств. Он означает предоставление иностранному государству или иностранным гражданам определенных прав, льгот или оказание им содействия в данном государстве при условии, что аналогичные права, льготы или содействие будут предоставлены данному государству или его гражданам в соответствующем иностранном государстве.

Принцип взаимности подтверждается письменным обязательством соответствующего федерального ведомства (Верховный суд, Министерство иностранных дел, Министерство юстиции, Министерство внутренних дел и Генеральная прокуратура) оказать от имени Российской Федерации правовую помощь иностранному государству в производстве отдельных процессуальных действий.

Нормы о возможности оказания содействия иностранному государству на основе принципа взаимности имеются в законодательстве многих государств. Статья 453 УПК РФ также предусматривает такую возможность.

Видами непосредственного сотрудничества государств в области уголовного судопроизводства являются: оказание правовой помощи; выдача для привлечения к уголовной ответственности; передача производства по уголовным делам; возбуждение уголовного преследования по просьбе иностранного государства; передача осужденных для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются¹².

Таким образом, межгосударственное сотрудничество в области предупреждения преступности становится все более актуальным для Российской Федерации, это вызвано ростом транснациональных преступлений и междуна-

родной преступности в целом. Главным отличием современного международного сотрудничества от сотрудничества в советские годы является то, что при настоящей форме взаимодействия компетенция не передается от одного государства к другому, они осуществляют ее совместно. Это происходит путем создания международных (совместных) следственно-оперативных бригад по расследованию преступлений, что способствует эффективным действиям стран — участниц международных соглашений в области борьбы и предупреждения преступности.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Уголовный процесс / под ред. В. Н. Григорьева, Г. П. Химичевой. М., 2010. С. 439.
- ² См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П. А. Лупинской. М., 2009. С. 945.
- ³ Там же. С. 948.
- ⁴ См.: Собрание законодательства. 2000. № 23. С. 2349.
- ⁵ Международное частное право : сб. док. М., 1997. С. 780 — 790.
- ⁶ Собрание законодательства. 2000. № 23. С. 2348.
- ⁷ Там же. 1999. № 14. С. 1668.
- ⁸ Там же. 2000. № 28. С. 2883.
- ⁹ Там же. 2007. № 4. С. 471.
- ¹⁰ Там же. 2003. № 3. С. 202.
- ¹¹ Там же. 2009. № 20. С. 2394.
- ¹² См.: **Вандышев В. В.** Уголовный процесс : Общая и Особенная части : учеб. для юрид. вузов и фак. М., 2010. С. 687.

Поступила 12.12.2012 г.

УДК 811.511.1'62

Е. С. Коваль
E. S. Koval

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В КОМИ И МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ

COMPARATIVE CONSTRUCTIONS IN THE KOMI AND MORDOVIAN LANGUAGES

Ключевые слова: сравнительная конструкция, формант, коми язык, мордовские языки, послелог, союз, суффикс.

В статье рассматриваются сравнительные конструкции в коми и мордовских языках; выявляются маркеры сравнения, параллели между формантами, конструкциями и их семантикой в этих языках.

Key words: comparative construction, a formant, the Komi language, the Mordovian languages, a postposition, a conjunction, a suffix.

Comparative constructions in the Komi and Mordovian languages are considered in the article; markers of comparison, parallels between the formants, constructions and their semantics are identified in these languages.

Основной морфологической особенностью коми и мордовских языков является их принадлежность к агглютинативным языкам, что свидетельствует об одинаковости структурных параллелей, в частности сравнительных конструкций.

В коми языкознании сравнительные (компаративные) отношения до сих пор не были предметом специального изучения. В грамматике затрагивались лишь некоторые вопросы компаративности¹. В отдельных статьях были рассмотрены сравнительные конструкции с послелогами **моз** и **кодъ**², функционирование сравнительного падежа³, структурная и семантическая организация предложений со значением сравнения в коми языке⁴. В мордовском языкознании сравнительным конструкциям посвящена диссертация Н. Н. Воробьевой⁵.

Сравнительная конструкция — это четырехкомпонентная структура, включающая объект сравнения (что сравнивают), предмет сравнения (с чем сравнивают), модуль сравнения (на основании чего сравнивают) и показатель сравнительного отношения. В рассматриваемых языках есть три типа сравнительных конструкций. Среди падежных способов выражения сравнительных отношений в коми языке выделяют сравнительные конструкции, образующиеся при

помощи суффиксов транслатива (инструменталя) — **-ѳн**, элатива — **-ысь** и синонимичного ему суффикса компаратива — **-ся**, а также аппроксиматива — **-лань**; в мордовских языках — в форме двух падежей: компаратива — **-шка** и транслатива — **-кс**.

Сравнительный падеж коми языка, показателем которого является суффикс **-ся**, имеет небольшую область распространения. Он встречается лишь в южных диалектах (среднесысольском, верхнесысольском и лузско-летском) коми-зырянского языка⁶, например: *Ас муся гажса местаыд абы*⁷ («Нет места дорожке своей земли»); *Шогыс кужѳ вис'анс'а мортыдлѳн*⁸ («Горе хуже болезни человека»); *С'л'эпука лѳдзс'а ичѳтджыг*⁹ («Слепень меньше овода»). Сравнительные конструкции, образованные с помощью компаратива в мордовских языках, отличаются от представленных выше конструкций. Если в коми языке основанием сравнительных конструкций может быть любой признак, качество или свойство, то конструкции в мордовских языках «передают узкую семантику, заключающуюся в сравнении предметов только относительно их размеров: „Креленця лангса ащесь **столбашка** аля ‘На крыльце стоял мужчина, ростом со столб’“»¹⁰.

Суффикс элатива **-ысь** является формантом сравнительных конструкций литературного коми языка, например: *Тѳкѳд сѳмын кѳсья лоны гозьяѳн, тѳзысь муса мортыс эз на чуж*¹¹ («С тобой только хочу быть парой, тебя милее человек еще не родился»); *Надя нима ныв понда сѳлѳмой косьмылис. Сѳйѳ мейсь ар кык-куимѳн ыджыдджык*¹² («Из-за девочки по имени Надя сердце высохло. Она меня на два-три года старше»); *А том велѳдысьяс кутасны босьтны воддза **воысь** нелямын вит прѳчентѳн унджык, а тайѳ матѳ 14 сюрс шайт*¹³ («А молодые учителя будут зарабатывать на сорок пять процентов больше прошлого года, а это около 14 тысяч рублей»). В мордовских языках данный падеж имеет лишь основное значение — направление извне¹⁴.

Своеобразными в коми языке являются сравнительные конструкции, образованные при помощи суффикса аппроксиматива **-лань**, основное значение которого — направление. Сравнение является вторичной функцией данного падежа. Как правило, аппроксиматив связан со словом **мунны** «идти», например: *Но кутшѳм сѳйѳ, отсѳг сетысь, син водзас эз вермы сувтѳдны. Гашкѳ, нѳмѳвѳйсья **пожѳмланы** мунѳ*¹⁵ («Но какой он, помощник, на глаза не мог предстать. Может, на вековую сосну похож»); *Быд морт чужѳм-мыѳрнас мунѳ кутшѳмкѳ немѳс либѳ кутшѳмкѳ лѳбач вылѳ*¹⁶ («Каждый человек внешне (букв.: телосложением) похож (букв.: идет) на какого-нибудь животного или какую-нибудь птицу»). В мордовских языках исследователи такой способ образования сравнений не отмечают.

В рассматриваемых языках наблюдается полное семантическое сходство сравнительных конструкций, образованных при помощи транслатива, например: *«Пулесь мельганзо **столбакс** кепететсь менелентень ‘Пыль за ним столбом поднялась к небу’»*¹⁷ и *Ог кѳсѳы лоны Эжсва вывса **гыѳн**, код ас бѳрсяыс кок туйсѳ оз коль*¹⁸ («Не хочу быть волной на Вычегде, которая после себя не оставляет следов»).

В коми языке к сравнительным послелогам относятся **кодь** «как», **моз** «как», **серти/дорысь** «в отличие от», **сяма** «наподобие», **пасьта** «шириной с», **рѳма**

«цвета» и др., которые впервые были выявлены нами в ходе исследования таких структур. Послеложные сравнительные конструкции мордовских языков содержат послелогои **лаца/ладсо** «наподобие, подобно», **кодяма/кондямо** «наподобие, подобно» и **эшка/эйшка** «величиной с».

Коми послелогу **кодъ** соответствуют мордовские послелогои **кодяма/кондямо**, «рассматриваемые в лингвистической литературе как синонимические»¹⁹. О сходстве семантической структуры сравнительных конструкций с данными формантами в обоих языках говорит тот факт, что основанием для сравнения двух предметов является лишь их качество, признак или свойство, например: *Шонді югѳр кодъ шоныдѳсь казътылан здукъясѳй*²⁰ («Как лучи солнца теплые памятные мгновения»); *Войтва виялас, а войнас муыс лоѳ кѳрт кодъ кын*²¹ («Капель просочится, а ночью земля станет как железо твердой (букв.: мерзлой)»); *Нинѳм абу тѳдчанаыс зонмыслѳн: косѳдиник, тури кодъ кузь*²² («Ничего нет примечательного в мальчике: худощавый, как журавль длинный») и «*Прясо черензѳ ды сакалонзо ташто олгтнень кондѳят, чопода серойтъ* ‘Волосы на его голове и борода темно-серые, похожие на старую солому’»²³.

Основанием для сравнения в конструкциях с послелогом **моз** в коми языке является только действие, выраженное глаголом, например: *Сѳмын лѳбысь туриясѳс яла яг оз кут. Оз кѳсийны ме моз корсьны места вылын шуд* [Тимин, с. 20] («Только летящих журавлей ягельный бор не держит. Не хотят как я искать на месте счастье»); *Сійѳс тиѳтти брезент пасъкѳмѳн вѳччѳдлісны, сетісны бур работягалы моз паѳк*²⁴ («Его тоже в брезентовую одежду одевали, дали как хорошему работяге паек»); *Быдѳнлы моз бордѳьясьны воис кад и меным* [Мишарина, с. 192] («Как и каждому окрылиться пришло время и мне»).

Перевод с коми языка на русский показателей **кодъ** и **моз** совпадает, однако они не могут заменять друг друга в предложении в силу различия их семантической сочетаемости: **кодъ** употребляется с прилагательными, а **моз** — с глаголами. Анализ рассматриваемого фактического материала показал, что основанием сравнения может быть и причастие (переходная форма между глаголом и прилагательным) с послелогом как **кодъ**, так и **моз**, например: *Ме вед тѳ моз жѳ Енлы эскысь*²⁵ («Я ведь также как ты в Бога верящий»); *Гырысь синъяс, бордѳяс моз шевкнитчѳм сѳѳдоват синкымъяс, веськыд ныр — ставыс тайѳ вѳчисны сылысь чужѳмсѳ ас дѳнас кысканаѳн* [Изъюрков, с. 194] («Огромные глаза, как крылья раскинувшиеся черноватые брови, прямой нос — все это делали ее лицо притягательным»).

Н. Н. Воробьева отмечала, что в мордовских языках «конструкции с **лаца/ладсо** и **кодяма/кондямо**, вследствие их лексической синонимичности, могут взаимозаменяться. Однако в некоторых случаях замена одного послелогоа другим невозможна из-за грамматического строя языка»²⁶. Следует также отметить, что в мордовских языках формант послеложной сравнительной конструкции с **эйшка** является грамматическим эквивалентом вышеуказанной падежной сравнительной конструкции **-шка**, лишь с той разницей, что «образ сравнения, создаваемый с помощью **эшка/эйшка**, обязательно наделен формантом определенности... *Кудось пандонтъ эйшка* ‘Дом, высотой с эту гору’; *Кудось пандошка*

‘Дом высокий, как гора’». Конструкции с **эшка/эйшка** довольно редкое явление в мордовских языках²⁷.

Наряду с вышеотмеченными в рассматриваемых языках выделяются конструкции с параметрическими словами, выражающими конкретное значение величины. В коми языке это слова **пасьта** «шириной с», **кузьта** «длиной с», **джджда** «высотой с» и др., например: *Свинеч събкта кымбръяс кывтõны и кывтõны* [Мишарина, с. 187] («Тучи, весом со свинец, плывут и плывут»); *Регыд кутас лэбавны кõч пель пасьта лым* [Там же, с. 238] («Скоро будет летать снег, величиной с заячьей уши»); в мордовских — **кувалмоса** «высотой с», **келеса** «шириной с», **эчкаса** «толщиной с», **сереса** «высотой с», например: *«Кафта пяли вельсезь аськолясь орта столбань сереса аля* ‘Переваливаясь в обе стороны, шагал высотой со столб на воротах мужчины’»²⁸.

В коми языке семантически синонимичными можно считать сравнительные конструкции с **кодъ** и со словами, передающими параметрическое значение сравнения (**ыджда**, **пасьта**, **кузьта**, **вылна** и др.). Разница данных сравнительных конструкций заключается лишь в перераспределении функций компонентов конструкции, т. е. слова с параметрическим значением объединяют в себе функции форманта и основания сравнения, например: *Шердын пасьта вомыд да...*²⁹ («Твой рот, оказывается, шириной с берестяной лоток»). Данный пример можно заменить конструкцией с **кодъ**, например: *Вомыд шердын кодъ паськыд* («Твой рот как берестяной лоток широкий»). В данном случае функции форманта и основания сравнения выполняют два разных слова.

Сравнительные конструкции с **рõма** «цвета» имеют такую же структурную организацию, как и сравнительные конструкции со словами, передающими параметрическое значение сравнения, например: *Эг аддзыв ме, ас нэмын некор эг, сзъ энэж рõма татшõм гырысь синъяс*³⁰ («Не видел я, на своем веку никогда не видел, цвета ясного неба такие огромные глаза»); *А коркõ тэнад лоб ныв — дзик тэ кодъ кофе рõма синмыс*³¹ («А когда-нибудь у тебя будет дочь — совсем как у тебя цвета кофе глаза»); *...Радлана и чуймана шыасис и Борис, матыстчис да чургõдис тествыслы сук чай рõма зумыд кисõ*³² («...Радостно и удивленно отозвался и Борис, приблизился и протянул тестю цвета густого чая плотную руку»).

Послелогов, имеющих сравнительную семантику, в коми языке значительно больше. Кроме обозначенных «моделей величины» и сравнительных конструкций с **рõма** встречаются конструкции, выражающие сравнение предметов на основании других параметров. В них используются послелого **мында** «количеством с», **дыра** «долготой с» и **кõра** «вкуса», например: *Тэрыблунсõ енмыс, тыдалõ, кык морт мында сетлõма*³³ («Быстроту бог, наверное, дал столько же, сколько бы двум людям (букв.: с двух людей) дал»); *Йõзыс пароход вылын жуисны кодзункот мында* [Ульянов, 1992, с. 77] («Людей на пароходе кишло столько же, сколько муравьев (букв.: с муравьев)»); *Январ шõрнад тай лун югыдыс син ланнитõм дыра и эм* [Безносиков, с. 157] («В середине января дневной свет долготой с морганием глаза и есть»); *Сылõн вом дор — õмидз кõра*³⁴ («Ее губы — вкуса малины»); *Сьõлаоз кõра вом доръяс окалї...*³⁵ («Вкуса поленики губы целовал...»). Нужно заметить, что в исследованиях по другим финно-угорским языкам, как и в мордовских, данные сравнительные

конструкции не фиксируются. Хотя не исключено, что факт отсутствия сравнительных конструкций этого типа до сих пор не изучен.

В текстах коми художественной литературы довольно часто используются сравнительные конструкции с **серти** и **дорысь** «по сравнению с, в отличие от», например: *Тэ од ме дорысь бурджыка семья кост олёмсё гёгёрвоан*³⁶ («Ты же в отличие от меня лучше семейную жизнь понимаешь»); *Веськыда шуны, сэки ме унджык кывлі и аддзылі ёнія дорысь* [Куратова, 2009, с. 89] («Честно говоря, тогда я больше слышал и видел по сравнению с сегодняшним днем»); *Да, сидзи и эм: кольём тёлысьын серти лысьтёма куим тысяча литр йёв унджык* [Изьюров, с. 114] («Да, так и есть: по сравнению с прошлым месяцем было надоено на три тысячи литров молока больше»); *Сёмын здук мысти Миш казыліс: тёрытъя серти ывла вылыс дзыкёдз вежсьёма* [Ульянов, 2003, с. 73] («Только мгновение спустя Миш заметил: по сравнению с вчера улица совсем изменилась»).

В структуру данных конструкций входит компонент, называющий предмет, образ и основание сравнения, которое может присоединять сравнительный суффикс **-джык** или употребляться без него, например: *Миян понным Максим Устинь дорысь вежёрджык и сюсьджык* [Безносиков, с. 155] («Наш пес Максим в отличие от Устины толковее и умнее»); *Коді уна зарни видзё, — сы дорысь ме озыр ёна* [Мишарина, с. 185] («Кто много золота имеет, — его я многим богаче»). По мнению Т. Е. Дружининой, без **-джык** второй компарат «воспринимается как лицо или предмет, обладающий признаком в полной, предельной мере»³⁷, хотя, на наш взгляд, разницы в использовании этих вариантов нет. Имеется лишь небольшое различие в переводе на русский язык: с суффиксом предложение имеет союзный вид (чем), а без него сравнение переводится сравнительной степенью наречия (быстрее).

Послелого коми языка **серти** и **дорысь** синонимичны и являются семантическими синонимами суффикса элатива **-ысь** и компаратива **-ся**. На русский язык конструкции с данными формантами переводятся идентично, например: *Тэ од ме дорысь бурджыка семья кост олёмсё гёгёрвоан* [Куратова, 2009, с. 168] («Ты же в отличие от меня лучше семейную жизнь понимаешь») и *Тэ ме дорысь/ тэ ме серти/ тэ меся/ тэ мейсь. Сійё, дерт, мейсь ёна томджык* [Ульянов, 1992, с. 80] («Ты относительно меня/ ты по сравнению со мной/ ты меня/ ты меня (букв.: ты из меня). Он, конечно, меня намного моложе»). Сравните: *сійё мейсь томджык/ сійё меся томджык/ сійё ме серти томджык/ сійё ме дорысь томджык* («он меня (букв.: из меня) моложе/ он меня моложе/ он по сравнению со мной моложе/ ты меня моложе»).

Еще одним формантом выражения сравнения в коми языке является послелог **сяма** «наподобие, похожий на», который имеет семантику приблизительного сходства по внешним признакам предметов, например: *Пырим кутшёмкё сарай сяма ыджыд жырийё* [Куратова, 2009, с. 207] («Вошли в какую-то, похожую на сарай большую комнату»); *Кыдзи и век, курткаыс джынвыйё кизявтём, а киас кокни дипломат сяма сумка* [Куратова, 2002, с. 163] («Как и всегда, куртка наполовину расстегнута, а в руке похожая на легкий дипломат сумка»); *Быттьё эстафета сяма лои, газетыс кыысь киё прёйдитіс* [Безносиков, с. 196] («Будто наподобие эстафеты стало, газета по рукам прошла (букв.: из руки в руку прошла»).

Сравнительные конструкции в мордовских языках с точки зрения формального показателя (маркера сравнения) представлены шире и разнообразнее, чем в коми языке. Вероятно, кроме общих для эрзянского и мокшанского языков формантов, в каждом из этих языков имеются собственные формальные показатели сравнения. В состав союзных сравнительных конструкций мордовских языков входят следующие форманты: **кода** «как, словно», **бта/буто** «будто, словно», **мяръгат/мерят** «словно», м. **прокс** «совсем как», э. **прок** «словно, будто» и **теке** «словно, будто». В коми языке выделяют сравнительные союзы **кыз(и)** «как», **бытьё** «будто» или составной союз **кыз бытьё** «как будто».

Союз **бытьё** является заимствованием из русского языка. Ему соответствуют мордовские варианты **бта/буто**, например: «*Но Петя, бта дикай зверня, кирдесе пряц* ‘Но Петя, будто дикий зверек, вел себя’; *Мик оно се олгоськак теевсь, буто ашо каткань пуло* ‘Даже вон та солома стала, словно хвост белой кошки’»³⁸. В русском языке союзы **будто**, **как будто** также используется для выражения сравнения. Рассматривая оттенки значений сравнительных союзов в русском языке, Н. С. Валгина отмечает, что «словно, точно, будто, как будто, как если бы содержат сравнение, которое представляется не как нечто реальное, а лишь как возможное (или воображаемое), то есть имеет значение сравнительно-условное»³⁹. В коми языке сравнительные конструкции с маркером **бытьё** реализуются в простых и сложных предложениях. В простых предложениях **бытьё** является частицей, а в сложных — союзом, например: *Олём бытьё курьд вина: долымблас, бара дой* [Мишарина, с. 273] («Жизнь, будто горькое вино: станет веселее и снова рана»); *Ошиньсад биьд бытьё шондi* [Там же, с. 264] («В окнах свет будто солнце»); *Енэжыс зэв сьдз, сэн абу кымёр чир, бытьё мамё пожъялёма сийёс* [Напалков, с. 37] («Небо очень ясное, там нет клочка туч, будто мама прополоскала его»); *Каркёд торйёдчём вёли сьёкыд, бытьё сьёлмыслысь ыджыд кусёк торйёдiсны* [Изьуров, с. 315] («С городом расстаться было сложно, будто от сердца большой кусок оторвали»).

В сравнительных конструкциях коми языка с маркером **бытьё** было отмечено его местоположение при существительных (местоимениях), прилагательных (причастиях), глаголах и наречиях. В мордовских языках также «в составе компаративных групп с показателем **бта/буто** были отмечены субстантивные, предикативные, адъективные, причастные и наречные группы»⁴⁰. Таким образом, мы не находим различий в составе компаративных групп обоих языков.

Вероятно, можно предположить, что союзу **бытьё** также соответствуют мордовские сравнительные форманты **мяръгат/мерят**, э. **прок**, **теке** «словно, будто».

Коми союзу **кыз(и)** соответствует мордовский **кода**. Формант **кыз(и)**, так же как и **бытьё**, может быть частицей или союзом. В мордовских языках формант **кода** также встречается в простых и сложных предложениях. Эту закономерность наблюдала и Н. Н. Воробьева, которая отмечала, что «все сравнительные союзы мордовских языков в разных случаях выступают то в функции союзов, то в функции частиц»⁴¹.

Коми союз **кыдз(и)** может являться частью составного союза **кыдз...сідз (сідз...кыдз)**, например: *Ас вуджёрсьыд кыдз пышйыны он вермы, сідз аслад рёкысь некытцц он дзёбсьы* [Напалков, с. 133] («Как от своей тени убежать не можешь, так от своей судьбы никуда не спрячешься»); *Кыдзи сьылігён йёлёга кылё, сьёлём кылё сідз мёд сьёлём шы*⁴² («Как при пении эхо слышно, так сердце слышит звук другого сердца»).

По замечанию Н. Н. Воробьевой, «в позиции «союз + имя существительное» любой союз может рассматриваться как синонимичный любому другому, поскольку все союзы относительно друг друга в этой позиции взаимозаменяемы»⁴³. Коми сравнительные союзы в отмеченной позиции также являются синонимами, только, как уже отмечалось выше, **быттьё** имеет семантику условности и нереальности, например: *А ёшинь саяс, быттьё (кыдз) мичаа вёччём ныв, сулаліс баба гожём* [Ульянов, 2003, с. 75] («А за окном, будто (как) нарядная девушка, стояло бабье лето»); *Куим тополь, быттьё (кыдз) куим вок, зымвидзёны-сулалёны...* [Ульянов, 1992, с. 72] («Три тополя, будто (как) три брата, возвышаются-стоят»).

Фактический материал коми языка также показал, что союзные сравнительные конструкции с **кыдз** при существительном синонимичны послеложным сравнительным конструкциям с **кодь**, например: *Сьыланкывыд мортыдлы — кыдзи шобді нянь* [Напалков, с. 134] и *Сьыланкывыд мортыдлы — шобді нянь кодь* («Песня для человека, как пшеничный хлеб»); *Ме вёлі, кыдз качёдём лэбач, кыдз дадь дорё велавтём кёр*⁴⁴ и *Ме вёлі, качёдём лэбач кодь, дадь дорё велавтём кёр кодь* («Я был, как взлетевшая птица, как не приученный к саням олень»).

Итак, в коми и мордовских языках выделяются три типа сравнительных конструкций. Среди падежных конструкций сходными являются лишь транслативы. Компаративы различаются семантически. В падежной системе мордовских языков вообще нет аппроксиматива, а элатив имеет лишь основное значение. Среди послеложных конструкций также есть параллели. Основанием коми сравнительных конструкций с **кодь** и мордовских — с **кодяма/кондямо** являются лишь качество и свойство предметов. Сравнительные конструкции, основанием которых выступает действие, в коми языке представлены **моз**, а в мордовских — **лаца/ладсо**. Однако в мордовском языке основанием сравнения может быть также качество сравниваемых предметов. Следующее отличие данных конструкций заключается в том, что первые не могут заменять друг друга в предложении, а вторые, хотя и не всегда, взаимозаменяемы. Модель величины присуща обоим языкам и представлена конструкциями с выражением конкретного значения той или иной величины. В мордовских языках семантику значения передает редко встречающаяся конструкция с **эшка/эйшка**. В коми языке среди послеложных используются также сравнительные конструкции с **серти, дорысь, рёма, сяма**, которым мы не находим соответствий в мордовских языках. Союз **будто** был заимствован из русского обоими языками: как **быттьё** в коми языке и как **бта/буто** в мордовских языках. Мордовское **кода** соответствует коми **кыдз(и)**. Все данные форманты в предложении могут выполнять функцию либо частицы, либо сравнительного союза. Как и все мордовские союзы, форманты **кыдз(и)** и **быттьё** взаимозаменяемы в позиции «союз+существительное».

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Серебренников Б. А.** О некоторых вопросах исторической грамматики коми языка // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1960. Вып. 5. С. 119 — 131 ; **Его же.** К вопросу о происхождении сравнительного падежа // Там же. С. 158 — 160 ; **Его же.** Историческая морфология пермских языков. М., 1963. 390 с. ; **Гуляев Е. С.** Происхождение падежей с элементом *сь* в коми языке // Историко-филологический сборник. С. 131 — 164.
- ² См.: **Матейчек В.** Сравнительные конструкции с *моз* и *кодъ* в коми-зырянском языке // Совет. финно-угроведение. 1967. № 2. С. 107 — 114.
- ³ См.: **Забоева Н. К.** Употребление сравнительного падежа в коми языках // Коми слово в грамматике и словаре. Сыктывкар, 2000. С. 15 — 22. (Тр. / ИЯЛИ КНЦ УрО РАН : вып. 62).
- ⁴ См.: **Дружинина Т. Е.** Структурная и семантическая организация предложений со значением сравнения в коми языке // Пермистика : Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сб. ст. Сыктывкар, 1999. С. 67 — 72.
- ⁵ См.: **Воробьева Н. Н.** Сравнительные конструкции в мордовских языках (микрорегиональное функционально-семантическое поле сравнения) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Тарту, 1987. 17 с.
- ⁶ См.: **Гуляев Е. С.** С³-овые падежные суффиксы в коми языке (в сравнительно-историческом аспекте) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Сыктывкар, 1962. 23 с.
- ⁷ **Колегова Н. А., Бараксанов Г. Г.** Среднесысольский диалект коми языка. М., 1980. С. 30.
- ⁸ **Жилина Т. И.** Лузско-летский диалект коми языка. М., 1985. С. 37.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ **Воробьева Н. Н.** Типология сравнения в мордовских языках // Совет. финно-угроведение. 1986. № 3. С. 204.
- ¹¹ **Щукин Н.** Ошинь улын сикӧтш // Уна рӧма сикӧтш : 3-ӧд сюрсвося поэзия. Фин-йӧгра гижысьяслӧн кывбуръяс. Сыктывкар, 2002. С. 240.
- ¹² **Ульянов А. В.** Выль керка : висьтъяс. Сыктывкар, 2003. С. 201. Далее ссылки в тексте: [Ульянов, 2003, с.].
- ¹³ **Филимонов П.** От гӧраын кыпалӧ выль школа // Коми му. 2011. 12 февр. С. 2.
- ¹⁴ См.: Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч. 1 : Фонетика и морфология / под ред. М. Н. Коляденкова. Саранск, 1962. С. 80.
- ¹⁵ **Попов А. В.** Чудь мыльк : повестъяс, висьтъяс. Сыктывкар, 2001. С. 60.
- ¹⁶ **Козлов Е.** Птеродактиль // Войвыв кодзув. 2003. №1. С. 48.
- ¹⁷ **Воробьева Н. Н.** Типология сравнения в мордовских языках. С. 204.
- ¹⁸ **Напалков В. Е.** О, Енмӧй!.. Кывбуръяс, поэмаяс. Сыктывкар, 2007. С. 25. Далее ссылки в тексте: [Напалков, с.].
- ¹⁹ **Воробьева Н. Н.** Типология сравнения в мордовских языках. С. 205.
- ²⁰ **Тимин В. В.** Тэӧн ола : кывбуръяс. Сыктывкар, 2004. С. 152. (Звезды Севера). Далее ссылки в тексте: [Тимин, с.].
- ²¹ **Мишарина А. П.** Шань сьӧлӧмӧн сыла : кывбуръяс. Сыктывкар, 2005. С. 29. (Звезды Севера). Далее ссылки в тексте: [Мишарина, с.].
- ²² **Изьюров И. В.** Миян грездса нывъяс : повестъяс да висьтъяс. Сыктывкар, 1984. С. 198. Далее ссылки в тексте: [Изьюров, с.].
- ²³ **Воробьева Н. Н.** Типология сравнения в мордовских языках. С. 205.
- ²⁴ **Куратова Н. Н.** Йӧктігтырйи тувчӧмӧй : висьтъяс, повесть. Сыктывкар, 2002. С. 41. Далее ссылки в тексте [Куратова, 2002, с.].
- ²⁵ **Ильина А.** Аддзысьлӧм : висьт // Войвыв кодзув. 2010. № 9. С. 38.
- ²⁶ **Воробьева Н. Н.** Типология сравнения в мордовских языках. С. 206.
- ²⁷ Там же. С. 205.
- ²⁸ **Воробьева Н. Н.** Сравнительные конструкции в мордовских языках... С. 9.
- ²⁹ **Попов А. В.** Грезд : повестъяс да висьтъяс. Сыктывкар, 2008. С. 413.

³⁰ Ванеев А. «Кор мелі видзѡдласыд меным инмис...» // Мелілуныс пыдѡстѡм и помтѡм : Муслун йылысь кывбурьяс. Сыктывкар, 2001. С. 102.

³¹ Козлов Е. «А коркѡ тѣнад лоѡ ныв...» // Там же. С. 205.

³² Безносиков В. И. Ок и мортлѡн олѡм : повесть, висьтъяс. Сыктывкар, 2001. С. 164. Далее ссылки в тексте: [Безносиков, с.].

³³ Ульянов А. В. Съѡд ар : политической эссе. Висьтъяс. Повесть. Сыктывкар, 1992. С. 76. Далее ссылки в тексте: [Ульянов, 1992, с.].

³⁴ Власов В. Радейтѡм // Мелілуныс пыдѡстѡм и помтѡм. С. 58.

³⁵ Лужиков А. Тѣнад ныв дырйи, менам том кадѡ // Там же. С. 223.

³⁶ Куратова Н. Н. Менам дона сикѡтш-ожерельей : повестьтъяс, висьтъяс, пьесаяс, олѡ-мысь серпасторъяс. Сыктывкар, 2009. С. 168. Далее ссылки в тексте: [Куратова, 2009, с.].

³⁷ Дружинина Т. Е. Указ. соч. С. 68.

³⁸ Воробьева Н. Н. Типология сравнения в мордовских языках. С. 206.

³⁹ Валгина Н. С. Современный русский язык : Синтаксис. М., 2003. С. 323.

⁴⁰ Воробьева Н. Н. Союзные сравнительные конструкции в мордовских языках // Актуальные вопросы мордовского языкознания. Саранск, 1988. С. 108. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 94).

⁴¹ Воробьева Н. Н. Сравнительные конструкции в мордовских языках... С. 12.

⁴² Фролов Н. Эжва вылын // Мелілуныс пыдѡстѡм и помтѡм. С. 55.

⁴³ Воробьева Н. Н. Сравнительные конструкции в мордовских языках... С. 13.

⁴⁴ Ванеев А. «Ме вѡлі, кызд качѡдчѡм лѣбач...» // Мелілуныс пыдѡстѡм и помтѡм. С. 93.

Поступила 12.10.2012 г.

УДК 821.511.152

А. М. Каторова

A. M. Katorova

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МОРДОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В НАЧАЛЕ XXI в.

MAIN DIRECTIONS OF THE DEVELOPMENT OF MORDOVIAN LITERATURE IN THE EARLY XXI CENTURY

Ключевые слова: поэзия, проза, драматургия, жанр, жанровая разновидность, фэнтези, этнофантастика, лирика, повесть, рассказ, пьеса.

В статье на основе анализа литературного процесса начала XXI в. представлены главные достижения и проблемы в развитии мордовской литературы. Подчеркнуто, что современные писатели чаще всего создают произведения малых и средних жанров. Основные успехи в поэзии отмечаются в области философской лирики, в прозе они обусловлены усилением психологизма и аналитического начала. Самым слабым звеном по-прежнему остается драматургия, несмотря на отдельные удачи.

Key words: poetry, prose, drama, genre, genre variety, fantasy, ethnofantastic literature, lyrics, narrative, short story, play.

The main achievements and problems in the development of Mordovian literature are described in the article on basis of analysis of the literary process of the early XXI century. It is emphasized that modern writers often create the works of small and middle genres. Main advances in poetry are found in the area of philosophical lyrics, in prose they are conditioned on increase in psychologism and analytical principles. Despite some individual achievements drama is still the weakest branch.

Главную особенность мордовской литературы начала XXI в. можно определить как стремление к познанию не столько сути социальных явлений, сколько внутреннего мира человека и духовного опыта народа в целом. Именно этим обусловлены широта тематического репертуара, многообразие осваиваемых жанров и жанровых форм, эволюция творческого сознания художников слова, разнообразие используемых ими художественных приемов, специфическая образность, демонстрация способности к полноценному художественному видению прошлого и настоящего. В центре внимания писателей чаще всего оказываются философские и нравственные проблемы, для произведений характерны аналитическое начало и исследовательский пафос, что требует от читателя сотворчества и активизации ассоциативного мышления. Тенденция к усилению ассоциативности является своего рода реакцией художников слова на процесс усложнения современных связей человека и среды, личности и обстоятельств. В новейшей литературе популярными становятся символ, фантастика, парадокс и художественные открытия модернистского искусства, что в предыдущие годы встречалось крайне редко или отсутствовало вообще.

На современном этапе развития мордовской литературы наиболее значимые достижения отмечаются в области **поэзии**, характеризующейся стремлением к интеллектуальной насыщенности, лаконичности выражения мыслей и переживаний, лирической проникновенности и философичности, поисками в области жанра и стиля. Жанровый диапазон мордовской лирики достаточно обширен. На фоне широкого распространения пейзажной, любовной и философской лирики в последние годы получили дальнейшее развитие лирическая миниатюра, сонет и венок сонетов, элегия, романс, стал осваиваться жанр исповеди. Вместе с тем лироэпические жанры поэмы и баллады, ранее весьма популярные в мордовской литературе, в последние годы начали исчезать из репертуара большинства поэтов. В числе наиболее признанных поэтов начала XXI в. можно назвать Александра Арапова, Николая Ишуткина, Ивана Калинин, Сергея Кинякина, Владимира Нестерова, Раису Орлову, Людмилу Рябову и др.

Высказанные суждения о состоянии современной национальной поэзии проиллюстрируем на примере творчества двух именитых поэтов — А. Арапова и Р. Орловой. Наш выбор из многочисленного отряда мордовских мастеров художественного слова обусловлен несколькими причинами: существованием двух ветвей мордовской литературы (на мокшанском и эрзянском языках), многообразием представленных в поэтической копилке названных авторов (у каждого из них на сегодняшний день по пять опубликованных сборников) жанров и жанровых форм, их умением эмоционально ярко вживания в животрепещущие проблемы, наличием опыта переводческой деятельности и известностью в финно-угорском мире.

Итак, лирику недавно и рано ушедшего из жизни *А. Арапова*, заслуженного поэта Республики Мордовия, известного автора стихов на эрзянском и русском

языках, можно охарактеризовать как философскую поэзию боли души и печали. Поэта отличает неповторимый голос, самобытный авторский стиль, обусловленный во многом глубокой сосредоточенностью на осмыслении внутреннего мира. Его размышления о предназначении поэта и поэзии, жизни и смерти, дружбе и предательстве, добре и зле, животрепещущих проблемах современности свидетельствуют о несомненном мастерстве и гражданской активности автора. Своей искренностью, правдивостью, щемящей грустью и элегическим началом они способны волновать сердца читателей, заставляя думать о сложностях, противоречиях и несправедливостях жизни.

Характерным признаком лирического героя А. Арапова является умудренность жизненным опытом, способность ощутить себя частицей природы. Какие бы картины ни рисовал поэт, они значимы в силу передаваемых размышлений, чувств и переживаний, они как бы рождаются от соприкосновения с окружающей действительностью. Поэт прибегает к образам природы, часто используя психологический параллелизм, даже при создании стихов философской направленности:

Сэтьместэ ашти сёлтось менель ало,
 Сы тундо, ялатеке сэдь а салы,
 А покшкавтни, а снартни менемс оляс —
 Ашти... Вакссонзо чатьмони тополесь,
 Чевте сулейнеть сравтнить тарадонзо.
 Соды ансяк те тополесь ськамонзо,
 Кодамо ульнесь сон леекс икеле,
 Кода сон капшавтсь чилисема пелев
 Эсь ведензэ — ливтясь берёктнень велькска,
 Пирявкст яжась, кайсететсь зэртъ пертьпелькска...
 Вана истя содыть аванок минек,
 Мезес одксчистэ анокт минь ульнинек¹.

Спокойно стоит пруд под небом,
 Придет весна, тем не менее он мост не украдет,
 Не важничает, не пытается вырваться на волю —
 Стоит... Около него безмолвствует тополь,
 Мягкую тень раскидывают его ветви.
 Знает только этот тополь один,
 Какой он был раньше рекой,
 Как он торопил к восходу солнца
 Свои воды — выходил из берегов,
 Крушил изгороди, гремел на всю округу...
 Вот также знают наши мамы,
 К чему в ранней молодости мы были готовы*.

* Здесь и далее подстрочный перевод автора.

Лирика А. Арапова обладает важным свойством — она решает насущные проблемы бытия в полном соответствии с морально-этическими воззрениями мордовского народа — представлениями о чести, достоинстве, порядочности, добре и справедливости. Трансляции философского восприятия мира, нагнетанию эмоций и передаче глубины переживаний лирического героя способствуют используемые автором многочисленные метафоры, нередко становящиеся символами, а также сравнения и эпитеты. Поэту интересны человеческие характеры, в том числе те, которые идут вразрез с общечеловеческим представлением о гуманизме и нравственности, любопытно поведение людей в разных жизненных ситуациях, в зависимости от их социального статуса. Образец такого рода лирического персонажа представлен в стихотворении «Арась, эсь коронзо а янги...» («Нет, себе он не изменит...»):

Арась, эсь коронзо а янги.
Тон пштистэ лангозонзо вант:
Эсь прянзо лови ашо пангокс,
Лиятне тензэ карво пангт.

Нет, себе он не изменит.
Ты посмотри на него внимательнее:
Себя он считает белым грибом,
Другие же для него поганки.

Шкась ютась шалнозь — теке ведь...
Панизь «покш ломаненть» оймсеме.
Кармась ломанекс теевеме —
Исяк сон натой вентясь кедь.

Время прошло бурливо, словно вода...
Выгнали «большого человека» отдыхать.
Начал он превращаться в человека —
Вчера даже протянул руку.

[Арапов, с. 108]

Стихи А. Арапова — немногие из тех, которые способны в словесной формуле передать тончайшие нюансы душевных волнений. Этому содействует не только актуальность их тематики, умение автора видеть и выделять самые насущные и острые проблемы, но и мастерство стихотворца, проявляющееся в подборе метрики, ритмики и строфики, которые также имеют свою специфику. Проведенные нами статистические исследования свидетельствуют о преобладании стихов, созданных им в силлабической системе стихосложения (например, в сборнике стихов «Мейле» — «После» они занимают 93,5 %) преимущественно 10, 8 и 11-сложниками². Достаточно многообразен его строфический репертуар. Он обращается ко многим одиночным и повторяющимся, обособленным и цепным, а также к твердым (каноническим) строфам, различным не только по наименованию, но и по кратности (от 1 до 6), длине стихов, способам рифмовки, наличию и отсутствию цезуры. Излюбленной строфой А. Арапова является катрен, занимающий в общей системе строфически организованных стихов около 70 %, на втором месте по частотности стоит октава (17, 6 %), на третьем — сочетание строф разного объема (около 8 %). Способы рифмовки в этих стихах самые разнообразные, как традиционные (перекрестные, парные и охватные), так и оригинальные, с использованием холостых клаузул³.

Новым явлением в развитии современной мордовской поэзии является то, что в ней постепенно начинают приобретать популярность широко распространенные в западной литературе верлибры, или свободные стихи, для которых не характерно строгое ритмическое построение, свойственное количественно упорядоченным

системам стихосложения, вместе с тем присущи отсутствие рифмы и нарушение соразмерности основных единиц стиха (стихотворных строк). Верлибры, созданные А. Араповым («Эрзянь масторсо телетне рузоль...» — «В Мордовии зимы русские...»), «Штавы модась эсь прянтъ...» — «Обнажает земля свою голову...», «40 лет», «Туют мельганзо...» — «Пойдешь за ним...», «Вечкемс теште...» — «Любить звезду...», «Лейга, паксява...» — «По рекам, полям...» и др.), отличаются глубиной мысли, синтезом духовности и интеллекта, философичностью, выражают протест против душевного оскудения⁴. Выразительность в его стихах достигается частичным использованием рифмы, в том числе внутрисклочной, словесными повторами (рефренами), ассонансами и аллитерацией, однако доминантой текста остается система свободного стиха. Умение поэта владеть родным словом захватывает и завораживает, при чтении его стихов приоткрываются новые возможности соотношения слов и ритма. Верлибры звучат свободно, чувства передаются в движении, трепетно и вдохновенно. Их отличают зрелость мысли, выразительность образов и индивидуальность поэтики, в силу чего они не воспринимаются как нечто чужеродное мордовской поэзии. Скорее, наоборот, свободные стихи демонстрируют неограниченные возможности просодий в национальной версификации.

Хорошо освоила технику создания верлибров и мокшанская поэтесса *Р. Орлова*. Весьма занимательным и удачным в художественно-эстетическом плане представляется стихотворение «Кятне маштыхть корхтама» («Руки умеют говорить»). Произведение имеет трехчастную структуру, каждая часть несет особую смысловую нагрузку и вместе с тем составляет единое целое с остальными. Лирическое повествование сосредоточено на выражении любви к трем самым близким людям — матери, сыну и мужчине. Руки матери представлены как обладающие свойством не только говорить, но и понимать, исполнять желания, согревать душу, оберегать от колючих взглядов и всего дурного, к сожалению, неожиданно исчезнувшие. Не менее эмоционально лирическая героиня размышляет о руках сына, рано повзрослевшего, в которые она постаралась вложить настоящую любовь, красоту утренней зари, сказок мира и детских песен, веру в завтрашний день. Все это согревает ее в пасмурный день, отгоняет болезни, охраняет от темных сил и дарит красоту. Руки любимого мужчины говорят о том, как близко счастье, они легки и светлы. «Я счастлива, — заключает автор, — потому что понимаема и любима, а это на свете самая великая сила...» (« — Мон павазуван. / Шарьхкотьфан. / Келькфан. / И масторлангса аш сята оцю вий...»)⁵.

Большинство стихов *Р. Орловой* создано в традиционной силлабической и силлабо-тонической системах стихосложения, содержит проникновенные размышления о судьбе женщины-мордовки, ее печалях и радостях, буднях и праздниках, сокровенных сердечных тайнах, об уставшей душе лирической героини, переживающей не только за себя, но и за других. Ее тревожат нескончаемые битвы, сиротливые невспаханые поля, даже во сне видящие плуг, встречающиеся на городских улицах бездомные, не дает покоя вопрос о том, почему перестала летать «птица счастья». В отличие от поэзии предшественников, лирике *Р. Орловой*, так же, как произведениям *А. Арапова*, присуща элегичность, выражаемая путем передачи размышлений лирической героини над

сложностями бытия, обусловленными в том числе злободневными социальными проблемами. Ее стихи отличаются душевной откровенностью, экспрессивностью, чистотой помыслов и высокой нравственностью. Поэтесса постоянно находится в творческом поиске, пытается овладеть разными жанрами лирики. Например, ей одной из немногих в мордовской литературе удалось создать произведение в жанре венка сонетов («Тобой живу»). Написала она и любопытную поэму, посвященную современнице, действующей Олимпийской чемпионке по спортивной ходьбе Ольге Каниськиной. Особенно волнующими представляются строки, в которых автор повествует о детских годах спортсменки, рано оставшейся сиротой. Переживания лирического персонажа переданы на основе умелого творческого использования фольклорных традиций мордовского народа, художественных особенностей народных плачей и причитаний. Вместе с тем часть поэмы, в которой рассказывается о дороге героини в профессиональный спорт, представляется неудачной в художественном плане. Она не удивляет читателя ни изображенными событиями, ни выраженными мыслями и переживаниями.

Таким образом, мордовская поэзия, продолжающая активное развитие, имеет свой самобытный художественный мир, основанный на синтезе народной философии с индивидуально-авторским представлением о закономерностях бытия. Хотя она не вся одинаково высокого качества, имеются произведения, которые достойны занять место не только в общероссийском, но и в мировом литературном процессе.

Национальная проза по сравнению с поэзией в создании произведений менее активна, особенно в части освоения больших жанровых форм. К сожалению, за последнее десятилетие издано всего два романа Андрея Брыжинского, из них один — на эрзянском языке («Вечкемань тол потсо» — «В огне любви», 2004; в 2010 г. опубликован в авторском переводе на русский язык под названием «Костер души»), другой — на русском («У любви краски свои», 2007). В названных любовных романах на первом плане постижение человеческих взаимоотношений в этом непрестом мире.

Гораздо более весомым представляется вклад мордовских писателей в развитие средних и малых жанров эпоса — повести и рассказа, чутко реагирующих на изменения в общественном сознании. В этом плане произошли существенные сдвиги, обусловившие качественно новые свойства национальной прозы, с точки зрения как обогащения ее новыми жанровыми формами, так и усиления психологизма, условности и символичности, интеллектуально-философского и лирического начала в изображении человека во взаимоотношениях с окружающим миром, актуализации системы духовно-нравственных ценностей и представлений о сущности человека, сложившихся в недрах народных традиций.

Проиллюстрируем сказанное на примере творчества известных прозаиков — Михаила Брыжинского, Леонида Седойкина и Валентины Мишаниной, каждый из которых обладает несомненным талантом и творческой индивидуальностью. Основной вклад *М. Брыжинского* в развитие литературы последних лет заключается в создании ранее не получивших распространения в национальной прозе жанровых разновидностей — научно-фантастического рассказа и этнофантастической повести.

В середине 2000-х гг. автор приятно удивил мордовского читателя произведением «Идам ды Эва» («Адам и Ева», 2007), жанр которого определил как фантастический рассказ. В нем поставлены две очень важные проблемы — развитие естественных наук (генетики и биоинженерии) и сохранение планеты Земля. В качестве главных героев выступают студенты Академии биогенетики — Адам, которому поручено разработать экосистему для одной из необитаемых планет, и Ева, занимающаяся созданием двух биогенетических конструкций — особой мужского и женского пола, наделяемых небольшим интеллектом. В рассказе важное место занимают описания научных экспериментов, полетов в галактике на энерголетах, мыслей и переживаний героев. Несмотря на насыщенность текста неологизмами, научными терминами из области биологии, космонавтики и физики, произведение читается легко и с большим интересом. События в повести разворачиваются таким образом, что научный эксперимент обоих героев оказывается успешным, а их открытия, несмотря на прогноз, — долговременными. В качестве экспериментальной площадки, первоначально имеющей лишь цифровое обозначение, выступает планета Земля, а созданные Евой живые куклы, похожие во многом на нее и Адама, — люди, ее населяющие. При очередном посещении этой планеты герои убеждаются в том, что ей угрожает опасность исчезновения, обусловленная проводимыми испытаниями по созданию мощнейшей энергоустановки. Таким образом, в рассказе красной нитью проходит мысль об ответственности ученых за совершаемые ими открытия и за судьбу земного шара.

Произведение «Адам и Ева» обладает явно выраженными признаками и научной фантастики, и фэнтези. Изображение событий в условной реальности, в параллельном мире, отчасти похожем на наш, разворачивание действия в вымышленном мироздании, ином измерении, другой космической системе, использование и творческая переработка мифов о сотворении Земли, об Адаме и Еве — все это от фэнтези. Вместе с тем описание научных открытий, технических изобретений, в принципе не противоречащих существующим сегодня естественно-научным воззрениям — это от научной фантастики. С учетом образовательно-воспитательного и художественно-эстетического потенциала рассказ включен в новую школьную программу по родной литературе и учебную хрестоматию для восьмого класса.

Не меньший интерес вызывает этнофантастическая повесть М. Брыжинского «Кирдажт»⁶ («Ровесники», 2008), приоткрывающая одну из страниц древнейшей истории мордовского народа. При создании произведения писатель по крупицам собирал материал, сохранившийся в мифологии и фольклорных произведениях (особенно в волшебных сказках), этнографии и археологии. Автор представляет читателю сакральный ритуал инициации — превращения юноши во взрослого мужчину, при котором убивались многие чувства: радости и веселья, волнения, страха, боли, тяги ко сну, ощущения жары и холода. Инициация понималась как смерть и рождение заново, уже в новом качестве. Отсюда — все сложности и жестокость испытаний, которые приходилось преодолевать юношам, и некоторая увлеченность автором созданием натуралистических картин (например, описание того, как герой выживал в лесу, питаясь сырым мясом птиц, или как ему выжигали на голове волосы). Следует подчеркнуть, что повесть чита-

ется на одном дыхании, несмотря на использование писателем историзмов и диалектных слов, поэтому есть смысл говорить о ней как об успешном произведении, соответствующем критериям художественности. Повесть, несомненно, выдержит проверку временем и будет с интересом восприниматься читателями многих поколений.

В аспекте психологически аналитического изображения человеческих судеб и характеров, воссоздания психологии человека в разных жизненных ситуациях в произведениях о современности мордовский рассказ начал совершенствоваться в последние десятилетия. При этом основой оценки судеб и поступков литературных героев все чаще выступают народные морально-этические нормы, что можно считать качественным сдвигом и своего рода эстетической новизной литературы. Проиллюстрируем сказанное примерами из книги «Эрямо»⁷ Л. Седойкина, которая позволила мордовскому читателю в полной мере насладиться национальной новеллистикой. Автора можно смело отнести к числу наиболее одаренных мастеров эпических произведений малой формы. Ему удалось глубоко и полно изучить сельский уклад и все многообразие характеров людей, живущих в современной деревне. В творчестве писателя краткость и мастерство деталей — от А. П. Чехова, способность подмечать необычное в людях — от В. М. Шукшина. Из коротких произведений Л. Седойкина следует отметить уместившийся на одной странице рассказ «Авань моронзо» («Песни матери»), в котором он немногословно, но очень зримо, образно и оригинально передал любовь к матери. Из более крупных рассказов мастерством психологизма поражает «Меельце пиземеть» («Последние дожди»). Главный герой дед Палю болен раком, он понимает, что доживает последние дни, и его сокровенным желанием становится посещение леса, куда он любил ходить на охоту. Описания событий и действий в рассказе практически отсутствуют, вместо этого — передача психологического состояния человека, понимающего свою обреченность, и поведения близких ему людей.

Есть смысл отметить и обладающий художественной ценностью рассказ «Сокор веле»⁸ («Слепая деревня», 2005) В. Мишаниной. В произведении не только достоверно передана нравственная атмосфера современности, но и показано эмоционально-чувственное начало, свойственное человеку сегодняшнего дня. Мастерство писателя в достижении психологизма проявилось на разных содержательно-формальных уровнях произведения: постановки актуальных проблем; представления ярких, неоднозначных и колоритных образов; использования особых лексических пластов, живописных изобразительно-выразительных средств языка и символов; подбора значимых художественных деталей. При этом главным способом психологического изображения внутреннего мира персонажей является использование такой повествовательной формы, как несобственно-прямая внутренняя речь. Автор прибегает и к другим способам — психологическому анализу и самоанализу, внутреннему монологу. Познание внутренних пластов человеческого мироощущения достигается путем организации повествования преимущественно от третьего лица.

Таким образом, развитие мордовской прозы продолжается в основном в русле национальных реалистических традиций, вместе с тем в последние годы сделаны серьезные шаги в освоении научно-фантастической литературы и

фэнтези. Наряду с этим достаточно проблематичным представляется создание авторами произведений больших эпических форм.

Что касается национальной **драматургии**, то она развивается медленно, в первую очередь в силу того, что писателей-драматургов гораздо меньше, чем поэтов и прозаиков. Развитие драматургии в определенной мере стимулировало открытие национального театра, однако его репертуар мало обогатился произведениями мордовских писателей. Обращает на себя внимание и тот факт, что драматурги редко обозначают жанр создаваемого ими произведения. Чаще всего и одноактные произведения, и состоящие из нескольких действий и картин, авторы, независимо от характера конфликта, традиционно называют пьесами. Исключением стала публикация в литературно-художественном журнале «Сятко» (2011) трагедии М. Брыжинского «Монахиня», созданной на основе его повести об Алене Арзамаской «Ради братьев своих». Это первый опыт создания именитым писателем произведения драматического рода литературы, который, к сожалению, по ряду причин нельзя назвать успешным.

Из пьес мордовских драматургов, созданных в последние годы, наиболее удачной в художественном плане представляется сказка-пьеса «Ёронь юромста стирня»⁹ («Девочка из племени перепелок») В. Мишаниной. В качестве главной героини здесь выступает смышленная десятилетняя девочка Аню с сильно развитым воображением, которая растет без отца и страстно ждет его возвращения домой. Это полнокровный цельный образ, наделенный такими качествами, как целеустремленность, вера в собственные силы, умение преодолевать препятствия, развитая интуиция и др. Исключительно важным и глубоким представляется замысел произведения, заключающийся в том, что ребенок может быть до конца счастливым лишь в полноценной семье, рядом с любимыми родителями — отцом и матерью. Не менее значима и другая идея: если человек сильно во что-то верит, то мечта его обязательно сбудется. Для сказки-пьесы В. Мишаниной характерны волшебство и фантастика, которые присутствуют как бы отдельно, в воображаемом мире десятилетней девочки. В мордовской драматургии подобный прием («пьеса в пьесе») использован впервые. Несмотря на это, писательнице удалось достойно справиться с решением художественной задачи. У читателя не возникает ощущения того, что произведение состоит из разных частей. Перед нами целостный текст, и все в нем — ремарки, реплики героев, связанные с изображением жизненной правды и фантастических картин, — направлено на реализацию основной идеи. Хотя главными персонажами в пьесе выступают дети, она в большей степени предназначена для взрослых.

В заключение отметим, что мордовская литература, несмотря на все перипетии и трудности, обусловленные как объективными, так и субъективными причинами, активно развивается и своими наиболее яркими произведениями способна удовлетворить вкус самого взыскательного читателя. Сложившиеся национальные традиции продолжает новое поколение авторов, всеми силами стремящихся к покорению пока еще не достигнутых вершин.

Библиографические ссылки

¹ Арапов А. В. Мейле : стихи. Саранск, 2006. С. 127. Далее ссылки в тексте: [Арапов, с.].

² Об этом подробнее см.: **Каторова А. М.** К вопросу о самобытности культурного феномена мордовского стиха // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 2. С. 119 — 136.

³ Об этом подробнее см.: **Каторова А. М.** Строфический репертуар лирики А. Арапова: некоторые наблюдения // Бочкаревские чтения : материалы XXX Зонал. конф. литературоведов Поволжья, 6 — 8 апр. 2006 г. Самара, 2006. Т. 1. С. 273 — 283.

⁴ Об этом подробнее см.: **Каторова А. М.** Верлибр в метрическом репертуаре мордовской поэзии // Проблемы филологии народов Поволжья : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 135-летию МПГУ. М. ; Ярославль, 2008. Вып. 2. С. 90 — 93.

⁵ **Орлова Р. К.** Пацят : стихотворения, сонетэнь каштаз, поэмат, переводт. Саранск, 2011. С. 99.

⁶ См.: **Брыжинский М. И.** Кирдажт : повесть. Саранск, 2008. 228 с.

⁷ См.: **Седойкин Л. П.** Эрямо : ёвтнемат, новеллат, ёвкст, лирической миниатюрат. Саранск, 2008. 216 с.

⁸ См.: **Мишанина В. И.** Сокор веле // Мокша. 2005. № 1 — 2. С. 9 — 37.

⁹ См.: **Мишанина В. И.** Ёронь юромста стирня // Вальмафтома куд : повесть, азкст, пьесат. Саранск, 2002. С. 151 — 171.

Поступила 10.09.2012 г.

УДК 821.511.152:81`38

Н. В. Чушникова
N. V. Chushnikova

МОДЕЛЬ МИРА В КОНТЕКСТЕ СТИЛЕВЫХ ИСКАНИЙ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ МОРДОВИИ

MODEL OF THE WORLD IN THE CONTEXT OF STYLE SEARCHING OF MODERN WRITERS OF MORDOVIA

Ключевые слова: модель мира, проза, стилевые искания.

В статье на материале произведений А. И. Брыжинского, С. Н. Тремасовой и Н. С. Ружанкиной выявляются стилевые искания современных прозаиков Мордовии в конструировании пространственно-временной модели мира.

Key words: model of the world, prose, style searching.

Style searching of modern prose writers of Mordovia for constructing of a space-time model of the world is revealed in the article on the material of works by A. I. Bryzhinsky, S. N. Tremasova and N. S. Ruzankina.

«Пространство современной литературы очень пестрое. Сегодняшнюю литературу творят люди разных поколений: и те, кто существовал в недрах советской литературы, и те, кто работал в андеграунде литературы, и те, кто начал писать совсем недавно»¹, — так определяет особенности современной литературы М. А. Черняк. Это определение полностью отражает состояние современного

литературного процесса Мордовии. Неоднородный характер литературного процесса последних десятилетий подталкивает писателей к поиску новых стилевых решений, направленных на создание множества художественных миров, отразивших всю противоречивость социокультурной ситуации, называемой современной критикой «переходной».

Понятие «модель мира» относится к числу очень широких, активно функционирующих во многих областях гуманитарных наук. Синонимичными данной дефиниции являются термины «картина мира» и «образ мира». М. М. Бахтин рассматривал последние как синонимичные. «Мир художественного видения есть мир организованный, упорядоченный и завершённый помимо заданности и смысла вокруг данного человека как его ценностное окружение»². Понятие «модель мира» ученый употреблял более широко, чем понятие «образ мира». Он вкладывал в него значение целостного представления о реальности людей какой-либо эпохи и утверждал, что в основе литературного произведения лежит «модель последнего целого, модель мира. Эта модель мира перестраивается на протяжении столетий (а радикально — тысячелетий)»³.

Ю. М. Лотман соотносил понятие «модель мира» с «формами пространственного конструирования мира в сознании человека»⁴, поскольку «художественное пространство представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений»⁵. Контуры зависимы от характера модели, т. е. некоей схемы мира, существующей в сознании автора. Считая пространственные координаты художественной реальности наиболее значимым элементом структуры картины мира, ученый утверждал, что «пространственная картина мира многослойна: она включает в себя и мифологический универсум, и научное моделирование, и бытовой „здоровый смысл“»⁶. Таким образом, модель мира определяется Ю. М. Лотманом как некая «конструкция», представление о мире, существующее в сознании человека; а образ мира (как его синоним употребляется также термин «художественная картина мира») — это обобщенное представление о реальности, сформированное определенной культурной эпохой; картина мира же есть, скорее, видение мира писателя, воплощенное в словесной ткани конкретного произведения и закодированное при помощи языка искусства как некое сообщение.

Художественная картина мира, создаваемая современными прозаиками Мордовии, позволяет проследить, как смена культурной эпохи влияет на видение писателей, в частности А. И. Брыжинского, С. Н. Трёмасовой и Н. С. Рузанкиной.

Творческий метод А. И. Брыжинского сформировался в 80-е гг. XX в. В романе «У любви краски свои»⁷ (2007) писатель представил картину мира в традиционном для литературы Мордовии художественном пространстве.

В пространственно-временном континууме романа сосуществуют две модели мира, выстроенные автором под влиянием политических и культурных потрясений конца XX в. В тех частях романа, события которых развиваются в период застоя, модель мира базируется на характерных для творчества А. И. Брыжинского стилеобразующих факторах: отъезд молодежи в город, противостояние молодого председателя коррумпированному руководству района, поиск новых форм хозяйствования. На стабильную, годами не меняющуюся жизнь села указывает и темп повествования, отражающий скорее не социально-политическую жизнь

страны, а повседневный, может быть даже однообразный в своем постоянстве, труд колхозников. Автор словно стремился не упустить ни одной детали из недавнего деревенского быта, чтобы познакомить «молодых граждан России с их недавней подлинной историей — такой, какая она есть, во всех подробностях нелегкой повседневной жизни на селе»⁸.

Вместе с перестройкой в размеренный уклад жителей эрзянского села Лашмино врываются новые ритмы и идеи. Пространство и время произведения, обладающие большой пластичностью, выстраивают систему координат в соответствии с требованиями эпохи, сменившей социалистический строй: «И вот за короткое время разрушена в целом социалистическая система... Как можешь — так и выживай, устраивай свою жизнь. Как раньше, никто за тебя не беспокоится, ни у кого душа не болит о твоём благополучии... Нет за тобой присмотра: канула в Лету единственная руководящая и направляющая сила — партия, словно в тартарары куда-то провалились или их смыло огромной волной, обкомы, райкомы, райисполкомы. Демократия, свобода...»⁹.

Насыщенность последней части романа разноплановыми событиями (столкновение с рэкетирами, ранение главного героя и гибель его жены, возвращение народных обычаев, создание совместного предприятия) отражает реалии постперестроечного времени, наполненного головокружительными изменениями, часто обусловленными криминальной обстановкой в стране.

В духе того жестокого времени реализуется и детективная линия романа — гибнет человек, молодая женщина. Бессмысленное насилие не только поражает и ужасает жителей села, но и сплывает их в противостоянии криминалу. Введение в сюжет романа этой линии позволило А. И. Брыжинскому показать особенности переломного исторического момента и реализовать современные беллетристические установки, направленные на привлечение массового читателя. Кроме того, используя в произведении стилистические возможности детектива, автор придает художественной модели мира, созданной в заключительной части романа, оптимистическое звучание: рэкетеры, посягнувшие на установленный порядок вещей, понесли заслуженное наказание.

Система образов романа отражает представление писателя о назначении человека, о его месте в переменчивом мире. Не случайно герои романа — молодые люди, выпускники школ и вузов. Выбор этих героев определит не только их судьбу, но и судьбу всей страны, т. е. их ценностные ориентиры станут ценностными ориентирами того мира, который возникнет на осколках социалистического строя. Чувство долга, ответственность, преданность выбранной профессии — эти ценности доминируют в системе нравственных координат молодых героев романа, что в некоторой степени идеализирует созданную в повествовании художественную картину мира и вносит определенный пасторальный колорит, поэтизирующий мирную и простую сельскую жизнь.

Художественная картина мира, созданная А. И. Брыжинским, отражает авторскую модель мира, хотя и несколько идеализированную, но понятную и доступную большинству читателей.

Иная модель мира воплощается в творчестве С. Н. Трemasовой. Схема мира, существующая в сознании автора, отражает ежедневное противостояние «маленького человека» беспрестанно меняющемуся социуму. Творчество этой

писательницы можно отнести к постреализму, в основе которого лежит «универсально понимаемый принцип относительности, диалогического постижения непрерывно меняющегося мира и открытости авторской позиции по отношению к нему»¹⁰.

Художественное пространство многих рассказов С. Н. Тремасовой можно представить в форме диалога двух культур: современной и архаичной, связанной с языческими верованиями мордвы. Мир героини рассказа «Записки графа Сундукова»¹¹ (2006) представляет собой причудливое сочетание прошлого и настоящего, реального и ирреального, христианского и языческого. Безымянная героиня пытается создать свою модель мира, опираясь на те представления об окружающих предметах, явлениях, которые перешли к ней вместе с исторической памятью, памятью родной земли: «...и каждый день по ложке, по горсти, по кусочку этой земли, рассыпчатой, хрустящей на зубах, клала тебе в рот, чтобы земля, как опиум, обволакивала твою голову своей бедой, пьянила своим запахом и вкусом»¹². От бабушки она узнала о происхождении человека, а от матери — о сотворении мира. Героиня ощущает тяжесть и важность полученных сокровенных знаний, она оказалась единственной хранительницей наследия далеких предков, возникших из «белой солнечной пустоты». Но ее знания, сходные с ведовством, не востребованы в мире, где почти утрачена связь поколений, где компьютер заменяет живое общение. Теперь ей суждено одиночество «...они будто дружно вдруг взяли за руки и вместе, разом, перешагнули какую-то грань, а ты в это время училась вязать носки и читала книги, совсем ничего не подозревая, и так осталась в другой плоскости. Одна»¹³.

Созданный ею мир словно находится на стыке прошлого и настоящего, а сама она еще не в силах создать ту реальность, в которой ей будет уютно и спокойно, поэтому время в художественном пространстве романа то идет, то останавливается. Будущего нет, есть только прошлое и настоящее. Образ старых бабушкиных часов, которые «торопятся, спешат, из последних сил, но не могут уже тянуть свою ношу», подчеркивает обращенность героини к прошлому.

Чтобы не заблудиться в воспоминаниях и справиться с одиночеством, героиня придумывает себе помощника, хранителя тайных мыслей, проводника, объединяющего две культуры — графа Сундукова. Записки графа Сундукова открывают ей цикличность мироздания. Граф рассказывает историю баронессы Варвары Павловны, борющейся с язычеством и построившей в селе церковь. Через тридцать лет большевики сожгли ее церковь так же, как когда-то по ее приказу жгли дубовую рощу на языческом капище. Однако эта цикличность дарит героине надежду на будущее. Граф и богоискатель Савелий возвращаются на развалины сожженной церкви и выполняют наказ старухи, чей голос они услышали, стоя у родника: «...не голос даже, а звуки, похожие на шелест листьев, журчание воды, пение неведомых птиц»¹⁴. Этот голос подсказывает, как восстановить церковь: «На рассвете другого дня Савелий жег костер среди семи камней на пустыре у церковных развалин»¹⁵. Можно предположить, что голос старухи — это голос ушедшего язычества, открывающего тайны христианству и признающему за ним создание новой модели мира. Так, архаическая национальная мифология уступает место мифологии, упроченной в русле монотеизма.

Героиня как языческая богиня способна сотворить человека. Вот как автор описывает данный процесс: «Будто испив из родника, проглотил лягушку, и внутри барахтается и что-то растет: головастик — рыбка — птичка — девочка — мальчик. Девять месяцев творения мира, когда выбираешь из всего только то, что нужно»¹⁶. Она сотворила мальчика и путешествует с ним по миру как Богородица: «...женщина спустилась — прямо Божья мать с иконы... И куда же она делась? — А Бог ее знает, ходит где-нибудь по миру, как простая женщина»¹⁷. Такой простой женщиной оказалась героиня рассказа, способная пройти сквозь крышу вагона и подняться в небо: «Вы отрываетесь от пола, осторожно проходите сквозь крышу ползущего вагона и медленно поднимаетесь все выше над пасмурным утром, стелящимся по земле светом не погашенных еще фонарей»¹⁸. Языческая богиня перерождается в христианскую. Мифологические универсалии христианства и язычества вновь составили единый пространственно-временной континуум.

Пространственно-временная модель мира рассказа «Записки графа Сундукова» представляет собой наложение различных временных пластов. Прошлое и настоящее создают единое временное пространство, проявляющееся в гармоничном сосуществовании архаических и библейских мифов.

Основными составляющими модели мира другого рассказа С. Н. Тремасовой — «Птичка Божия» (2006) являются бесприютность, одиночество и тотальная неустроенность. Пространство, в котором существует безымянный герой, размыто и вместе с тем детально структурировано: герой называет вагон и место, национальность и кулинарные пристрастия своих попутчиков, но не указывает направление поезда; описывает свою одежду и ассортимент магазинов, но не указывает город, в котором находится. Именно яркие, объемные детали и размывают пространство: в эпоху безвременья эти приметы не определяющие, а скорее обобщающие, усиливающие атмосферу всеобщего несчастья.

«Птичка Божия» не может жить в рамках правил, навязанных городом. Город со стеариновыми фруктами, резиновыми сосисками и с бессмысленной гибелью людей от творения своих же рук отталкивает героя и приводит его в деревню, к истокам и природной силе, заключенной в земле. Непреодолимая неустроенность в городе может быть легко устранена в деревне. Здесь размытые пространственно-временные контуры обретают четкие очертания, дают надежду герою на обретение собственного дома с «мадонной эпохи безвременья» — слегка пьяной женщиной с ребенком: «Дом и вправду промерз до гвоздя. Они утеплили коляску с ребенком найденным здесь тулупом...

— Хочешь, я поставлю печь?

— А ты можешь?

— Могу.

— Поставь, — вздохнула она и, закопавшись в старые фуфайки, уснула»¹⁹.

Так пространственно-временной континуум, состоящий из ярких, но разрозненных образов, встреч и наблюдений, обретает основу, на которой героиня, ранее не имевшая обязательств, выстроит мир, фундаментом которого является ответственность.

Обращение писательницы к библейским и языческим мифам отражает стилевые искания современных авторов в попытке конструирования художественной

модели мира с опорой на религию. Интерес к ней можно объяснить переломным историческим моментом, повлиявшим на формирование творческого метода писательницы. Н. А. Бердяев, характеризуя революционную эпоху 1920-х гг., писал: «Наша эпоха будет признаваться эпохой небывалого обострения религиозного сознания... Мир развился до новых небывалых противоречий. Такую внутреннюю тревогу знала, быть может, лишь эпоха гибели античного мира и явления христианства в мир. Как и всегда, в такие эпохи нарождаются мистические искания и течения. Мистика всегда предшествует эпохе сильного религиозного света»²⁰. Художественная картина мира, сконструированная С. Н. Тремасовой, состоит из взаимосвязанных культурологических и религиозных ассоциаций, организованных с помощью вариативных пространственно-временных моделей, что в совокупности создает сложную, противоречивую, хрупкую реальность, в которой проявляется стремление приблизиться к высшему миру духовности, спасти и возродить человеческую душу.

Пространство, очерченное границами собственного дома, уютное, солнечное, светлое, наполненное запахами осеннего сада, противостоящее холоду и пустоте враждебного мира, — модель мира, доминирующая в творчестве Н. С. Рузанкиной. Центральным образом в системе пространственно-временных координат авторской модели мира является деревянный дом, окруженный садом, т. е. писательница, чье мировоззрение формировалось в период смены национально-культурных кодов, при конструировании собственной модели мира интуитивно обращается к образам и символам, которые являются неким фундаментом, залогом существования человеческой цивилизации независимо от соционравственных и социокультурных факторов.

В рассказе «Фотография» (2005) смерть, вечность и безвременье отступают перед теплом и любовью родного дома. Героиня рассказа, девушка по имени Вита, что в переводе с латинского языка означает «жизнь», не в силах противостоять смерти. Смерть, забрав у нее воплощение абсолютного добра — бабушку, пришла к ней в образе черной птицы, погружающей день в густой гудроновый мрак и зовущей во тьму и холод вечности. Со смертью бабушки реальность, в которой существовала Вита, утратила мирообразующую основу. Мир героини лишился целостности и стройная система координат рухнула.

Вита ищет спасения в мире ирреальном, в вечности, там, где в деревянном доме ждет ее бабушка. Мостиком, связывающим реальность и ирреальность в единую пространственно-временную модель, служит фотография: «Женщина стояла на пороге летнего сияющего дня, в начале крохотной улицы, которая высаженной в ряд раковой аллеей и юным розовым клевером на обочине уводила в Детство, Счастье, в Абсолютное Добро и была перекинута, как некий мост, через двадцатилетнюю бездну тоски и одиночества»²¹.

Пустоту вечности Вита наполняет приметами и деталями предметного мира: раковая аллея, заснеженная улица, сугроб шиповника в палисаднике. В единую пространственно-временную модель эти, казалось бы, разрозненные предметы объединяет образ бабушки, а бесконечное пространство вечности сжимается до границ ее дома.

Вновь очутившись в доме своего детства, Вита с радостью узнает предметы из счастливого прошлого: «...оглядываясь, припоминая любимые с детства

индийские шторы, старинные, в деревянном футляре, часы на стене, сизо-розовый бессмертник в вазе красного хрусталя»²². Вещественность этому миру, созданному на перекрестке мифологического и бытового, придают и запахи, также ассоциирующиеся у героини с детством и счастьем.

Тепло дома и любовь родного человека вернули Вите жизнь. Рухнувший мир вновь обрел цельность. В модели мира, созданной Н. С. Рузанкиной, пространство и время объединяет не предметный, бытовой мир, а мир чувств и эмоций. Любовь, сострадание, вера — эта та система координат, на которую автор опирается, конструируя модель мира.

Итак, многообразие пространственно-временных моделей мира, возникающее в художественном поле современного литературного процесса Мордовии, определяется особенностями творческого метода, ценностной системой восприятия современного мира и стилевыми исканиями автора.

Библиографические ссылки

- ¹ Черняк М. А. Современная русская литература. М., 2007. С. 9.
- ² Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 162.
- ³ Там же. С. 361.
- ⁴ Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. М., 1988. С. 239.
- ⁵ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996. С. 251.
- ⁶ Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. С. 296.
- ⁷ Брыжинский А. И. У любви краски свои. Саранск, 2007. 464 с.
- ⁸ Поелуева Л. А. Предисловие // Брыжинский А. И. Указ. соч. С. 7.
- ⁹ Брыжинский А. И. Указ. соч. С. 412.
- ¹⁰ Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Жизнь после смерти, или Новые сведения о реализме // Новый мир. 1993. № 7. С. 235.
- ¹¹ См.: Тремасова С. Н. Записки графа Сундукова // Колыбельная. Саранск, 2006. С. 55 — 89.
- ¹² Там же. С. 55.
- ¹³ Там же. С. 64.
- ¹⁴ Там же. С. 88.
- ¹⁵ Там же. С. 88.
- ¹⁶ Там же. С. 72.
- ¹⁷ Там же. С. 86.
- ¹⁸ Там же. С. 89.
- ¹⁹ Тремасова С. Н. Птичка Божия // Там же. С. 28.
- ²⁰ Бердяев Н. А. Философия свободы. М., 1997. С. 198.
- ²¹ Рузанкина Н. С. Фотография // Возраст, которого не было. Саранск, 2005. С. 139.
- ²² Там же. С. 141.

Поступила 26.10.2012 г.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 94(470):347.793-057.175

В. В. Широкова
V. V. Shirokova

ПРАВЫ РУССКОГО ОФИЦЕРСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

MORALS OF THE RUSSIAN OFFICER CORPS OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Ключевые слова: офицер, воинский этикет, нравственность, офицерская честь.

В статье рассматриваются вопросы нравственных ориентаций российского офицерства второй половины XIX в.

Key words: officer, officer etiquette, morality, officer honour.

The questions of moral orientations of the Russian officer corps of the second half of the XIX century are considered in the article.

Профессия офицера — это особый вид человеческой деятельности, связанный с необходимостью вооруженной защиты своей страны. Офицер всегда олицетворяет собой мужество, порядочность, честь, благородство и выправку.

Исторически сложилось, что офицерской личности было свойственно особое отношение к нравственности, добру и злу, чести и бесчестию, справедливости и несправедливости¹. Историк Н. М. Карамзин писал: «Нравственное совершенство есть дело личных усилий и личной совести отдельного человека, независимо от тех непонятных и трагических путей, которыми Провидение ведет народы, и, следовательно, совершаемое вне хода государственного развития»².

С одной стороны, нравственность — это часть культуры общества, а культура, в свою очередь, является определенной системой социальных норм и учреждений, посредством которых регулируются взаимоотношения между людьми; с другой — это единство нравственного сознания и поведения человека, определяющего его нравственный облик и культуру. Нравственные отношения выступают одним из исходных моментов в формировании нравов любого социального субъекта, в том числе нравов российского офицерства. Нравственная культура личности воина как целостное внутреннее образование находит свое внешнее проявление в воинском этикете.

Под воинским этикетом принято понимать свод негласных правил, определяющих поведение военнослужащего по отношению к сослуживцам, гражданским

лицам и ветеранам³. В плане влияния на морально-нравственную атмосферу воинский этикет представляет собой один из факторов, мобилизующих офицеров на успешное выполнение поставленных задач, повышение их служебной и боевой активности и адекватное поведение в обществе и семье. Воинский этикет во многом способствует поддержанию уставного порядка в войсках, воспитанию у офицеров верноподданнических чувств и дисциплинированности.

Рассматривая детерминанты, определяющие формирование и генезис нравов офицерства, прежде всего следует выделить общесоциальные: влияние экономического базиса на нравственность, внешняя и внутренняя, социальная и национальная политика государства по отношению к офицерству. Они преломляются через конкретные социокультурные детерминанты жизнедеятельности офицерского корпуса, к которым следует отнести его социальный состав и положение, подготовку и воспитание, организацию и прохождение военной службы, материально-бытовое обеспечение офицеров и членов их семей, брачно-семейные отношения в офицерской среде и др.

Можно сформулировать некоторые закономерности генезиса и функционирования нравов вообще, и офицерских в частности:

— содержание и практика нравов социального субъекта соответствуют социальным потребностям, упрочивающим и обеспечивающим его существование. Иначе говоря, нравы социального субъекта являются не только идеологическим и экономическим, но и духовным отражением общих жизненных интересов эпохи, дифференцированных специфическими интересами данного субъекта нравов;

— субъект нравов, прежде всего корпорация, провозглашает нравственным то, что является выражением его специфически частных (корпоративных) интересов;

— в нравах офицерства, как ни у какой другой социальной группы, велика роль традиций, воинских ритуалов и этикета, играющих неоднозначную роль.

Следует отметить, что основополагающим элементом модели структуры нравов выступает система моральных ценностных ориентаций субъекта нравов как наиболее общих его представлений о тех нравственных ценностях, которые определяют его повседневную жизнь и деятельность, наполняя ее смыслом, воплощая в себе реальный, конкретный идеал, реализуемый субъектом в практической деятельности.

В XIX в. русский офицер по сословно-социальному положению являлся дворянином со всеми вытекающими отсюда последствиями, обязанностями и привилегиями, что во многом превышало привлекательность офицерской службы, в первую очередь для выходцев из числа «неблагоприятных» сословий и «разных чинов». Офицер при всех издержках добровольно-недоброжелательного отношения к нему со стороны так называемых интеллигентных кругов пользовался значительным уважением и престижем в российском обществе. В то же время офицерская служба имела ряд отрицательно влияющих нравственных моментов. Прежде всего это крайне замедленное для абсолютного большинства офицеров чиновничество и продвижение по службе, что лишало многих интереса к добросовестному исполнению своих служебных обязанностей и порождало стремление уйти с военной службы.

Глубоко осознавая свой долг, офицеры с уважением относились к правилам офицерской этики. Например, в § 56 Свода правил воинского чинопочитания и отдания чести указывается: «Строевые штаб- и обер-офицеры не имеют права, без предварительного о том доклада своему командиру полка или отдельной части, обращаться с какими бы то ни было просьбами к особам императорской фамилии или высшим своим начальникам, начиная с бригадного командира» или в другом параграфе: «...не застав дома начальников и старших, должен расписаться в имеющейся на то книге, и на особом листе объяснить причину, по которой явился»⁴.

Для офицеров было важно поддержание репутации. Часто это порождало барство, высокомерие и показную бравату. Самым серьезным ущемлением чести офицера считалось оскорбление. Различались три его степени: к легким относились слово, намек или жест; к средним — грубое ругательство или издевательство; к тяжким — пощечина или нанесение побоев, а также надругательство над честью жены или сестры. Если офицер никак не отвечал на оскорбление, это признавалось бесчестьем.

Формами реакции на оскорбление чаще всего были требование извинения от обидчика, ответ на оскорбление оскорблением или обращение в суд офицерской чести; в крайних случаях — самоубийство или убийство обидчика. Существовал и еще один довольно распространенный вид реагирования на оскорбление — дуэль. Она появилась в конце XIV в. среди западноевропейского феодального дворянства. В российскую военную среду дуэли проникли при Петре I, который понимал, что без защиты офицерской чести армия не способна на исполнение своей функции, хотя и подвергал дуэлянтов жестоким наказаниям. Дуэль воспринималась не как месть или средство избавиться от соперника, а как готовность пожертвовать жизнью во имя самоуважения. Считалось, что не чужая кровь смывает пятно с чести, а собственная, или, по крайней мере, стремление ее пролить.

Долгое время дуэли были официально запрещены, существовали довольно строгие меры наказания за участие в поединках. Однако это не могло искоренить их в офицерской среде. Более того, начали получать распространение жесткие виды дуэли, больше похожие на самоубийства, например так называемая американская дуэль и ее разновидности: глотание таблеток, одна из которых отравлена; использование ядовитой змеи, которую впускали в темную комнату, где находились оба противника; поединок у обрыва и т. д. В них цена жизни или смерти определялась жребием. В связи с этим в мае 1894 г. были приняты Правила о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде, которыми фактически узаконивались дуэли среди офицеров, а решение об их уместности передавалось в компетенцию судов общества офицеров (судов чести), хотя эти решения не имели обязательной силы⁵.

Отказ офицера вызвать или принять дуэль считался проступком, избличавшим в нем отсутствие благородства: только трус и человек бесчестный мог отказаться от поединка. Уклонение от него влекло за собой немедленное удаление из части. Однако при этом запрещалось вызывать на поединок офицеров из-за ссор или конфликтов, касающихся службы.

Дуэли проводились по определенным правилам, основанным на французских обычаях. Вызов на дуэль посылался устно или письменно через картельщиков или секундантов в течение 24 ч со времени оскорбления, такой же срок полагался и

на ответ. Обычно поединок происходил при двух секундантах с каждой стороны. Они вели переговоры между собой, выясняя характер оскорбления и принимали меры к примирению четырех сторон, а также составляли протокол, где оговаривались эти вопросы и условия поединка. Дуэль проводилась на смертоносном «благородном» оружии, каковым являлись: из огнестрельного — пистолет (предпочтение отдавалось гладкоствольному из-за малой точности), а из холодного — сабля, шпага, палаш или шашка. Обычно производился только один обмен выстрелами, и даже при самых тяжелых оскорблениях не допускалось более трех обменов. Правильной дуэлью на пистолетах считалась дуэль на расстоянии 15 — 40 шагов. На место поединка противники должны были прибывать вовремя: промедление допускалось не более 15 — 25 мин. сверх назначенного срока. Встреча должна была быть вежливой и безмолвной.

За нарушение правил дуэли предусматривалось наказание. В случае, если поединок был честным и правильным, но в ходе него была нанесена тяжелая рана или наступила смерть, оставшийся в живых мог быть заключен в крепость на срок от 4,0 до 6,5 месяца без лишения дворянских прав. Секунданты, не принявшие меры по недопущению дуэли, могли получить до 8 месяцев содержания в крепости, а за подстрекательство к поединку — до 4 лет. Если поединок проходил не по правилам, то участники осуждались на каторжные работы.

История возникновения в русской армии суда чести восходит к временам Петра I. Создавая регулярную армию, он понимал, что армия только тогда будет на высоте своего призвания, когда ее руководители проникнутся чувством чести и осознанием высокого значения воина.

Учреждение военных судов чести в России относится к 1863 г.⁶ Именно тогда вышло Положение об охране воинской дисциплины и дисциплинарных взысканиях. Подобные суды утверждались лишь при отдельных воинских частях, а не при высших войсковых соединениях. Их компетенции были подвластны только обер-офицеры (ротмистр, есаул и старший лейтенант). Что же касается штаб-офицера (высший ранг), то считалось недопустимым, чтобы младшие критиковали старших. Самим офицерам предоставлялось право исключать из своей среды тех лиц, которые признавались ими недостойными принадлежать к офицерскому сословию. Суды строились на выборных началах и действовали обособленно от общей военно-судебной организации.

Суду чести подлежали не только штаб-офицеры, но и отставные офицеры, служившие раньше в полку и имевшие право носить мундир. Суд чести мог оправдать подсудимого или признать его виновным, сделать ему предостережение или постановить об увольнении его со службы, иногда даже поставить вопрос об исключении его из числа офицеров⁷.

С одной стороны, суды офицерской чести спланивали офицерство, поддерживали в нем определенный уровень нравственной культуры, с другой — выполнение этими социальными институтами своей благородной миссии во многом зависело от моральности, воспитанности и культурности офицерского коллектива, а также сложившихся полковых традиций. Однако не всегда и не везде они соответствовали нормативному идеалу.

Характер службы русского офицерства обязывал к высокой дисциплинированности, хотя долгое время в русской армии не было точно сформулировано это

понятие. Только вышеупомянутое Положение об охране воинской дисциплины..., по существу, явилось первым дисциплинарным уставом русской армии. 7 июля 1869 г. был утвержден новый проект этого документа, который решено было именовать «Устав дисциплинарный». Он требовал «строго соблюдать чинопочитание, точно и беспрекословно исполнять приказания начальства, сохранять во вверенной команде порядок, добросовестно исполнять обязанности службы и не оставлять проступков и упущений подчиненных без взысканий» (ст. 1)⁸.

Устав обязывал начальника в отношении к подчиненному «быть справедливым, отечески печясь о благосостоянии вверенной ему команды, входить в нужды своих подчиненных, быть в потребных случаях их советчиком и руководителем, избегать всякой неуместной строгости, не оправдываемой требованиями службы, а также развивать и поддерживать в каждом офицере и солдате сознание о высоком значении воина, призванного к защите престола и Отечества от врагов внешних и внутренних» (ст. 4)⁹.

Одними из важных требований, предъявлявшихся к офицерам, были строгое соблюдение воинской дисциплины и служение в том примером для своих подчиненных. Личная недисциплинированность офицера, халатность в исполнении служебных обязанностей предусматривали различные меры ответственности, при определении которых необходимо было учесть характер проступка, обстоятельства, которыми он сопровождался, и прежнее поведение виновного, а в делах, касающихся неисполнения службы, время нахождения на ней и степень знания ее порядка¹⁰.

На офицеров налагались разнообразные дисциплинарные взыскания: замечания и выговоры, объявлявшиеся словесно и в предписании, на собрании офицеров, а также в приказе; арест домашний и на гауптвахте на срок от 1 месяца; недопущение офицеров к производству на вакансии или за выслугу лет впредь до одобрительного засвидетельствования начальства; устранение от должности и командования частью¹¹.

Служебно-профессиональный облик русского офицера в целом был достоин уважения. Офицер не имел права стремиться к богатству, а также не мог располагать собой, потому что его «для пользы службы» переводили из одного конца России в другой. Офицер не имел права на беззаботный отдых после повседневного труда: в будни и праздники, в любой час дня и ночи его могли вызвать для несения наряда, спешной командировки, выступления с воинской частью в целях прекращения беспорядков, спасения пострадавших от стихийного бедствия и т. п.¹²

Одной из отличительных особенностей русского офицерства было уважение старших начальников. Это обязывало всех офицеров взаимно соблюдать внешние формы субординации и вежливости, установленные в армии. Заповедь офицера гласила: то, что недостойно для младшего начальника, возбраняется и старшему¹³. Офицеры всегда предосудительно относились к тем начальникам, которые позволяли себе оскорблять младших по чину, особенно перед строем или в обществе. Считалось, что только те офицеры служат и терпят такое обращение, которые незнакомы с чувством чести. Бестактное поведение начальника рассматривалось как подрыв офицерского авторитета.

В соответствии с приказами Военного министерства от 1 апреля и 27 декабря 1855 г. все офицеры при встрече должны были прикладывать руку к ко-

зырьку. В первом приказе предписывалось: «Штаб- и обер-офицерам разрешается для отдания чести становиться во фронт только при встрече особ императорской фамилии, главнокомандующих, своего корпусного командира и военного министра; при встрече же других начальников они прикладывают правую руку к козырьку. Это правило должно соблюдаться всеми генералами, штаб- и обер-офицерами вообще, когда они встречаются между собой». Во втором приказе отмечалось, что эти правила должны были исполняться в совершенной точности «под опасением строгой ответственности»¹⁴.

Правила воинского чинопочитания были обязательны для всех военнослужащих, в каком бы ведомстве или управлении они ни состояли на службе, а также для чинов запаса армии во время ношения ими военной формы. Отдание воинской чести при встрече младших со старшими должно было предшествовать любому другому роду приветствия, в каких бы личных отношениях ни находились встречавшиеся.

Устав гарнизонной службы 1890 г. требовал от начальников точного исполнения правил чинопочитания. Так, генералы по отношению ко всем штаб- и обер-офицерам в случае невыполнения этих правил делали младшему замечание и могли его арестовать. Всякое послабление в этом отношении составляло нарушение долга службы и делало начальников и старших такими же ответственными, как подчиненных и младших, нарушивших уставные правила. Все военнослужащие должны были соблюдать строгие правила: при приближении начальника или старшего — если офицер сидел или лежал — встать, застегнуться, отдать честь и не садиться, пока не получит на это разрешение; не курить при начальнике или старшем, не получив предварительного разрешения; если начальник начинал говорить с ним, то он должен был отвечать только на задававшиеся вопросы, коротко и ясно¹⁵.

Воинский этикет требовал от каждого офицера соблюдать все обязанности почтения и вежливости, быть всегда по форме одетым и т. д.¹⁶ При назначении в полк офицер был обязан представиться командиру полка и всем своим прямым начальникам, а остальным офицерам сделать визит¹⁷. При очном или заочном знакомстве использовались визитные карточки¹⁸. При первой личной встрече после слов представления новому знакомому передавали свою визитную карточку. В ходе деловой беседы и переговоров было принято класть перед собой визитные карточки — это помогало избежать ошибок в произнесении имен и должностей.

На службе офицеры обращались друг к другу по чинам, а вне службы — по имени и отчеству. Обращение на «ты» было очень редким явлением. При обращении по службе к начальнику и старшему офицеру назывался его титул: полных генералов титуловали «ваше высокопревосходительство», генерал-лейтенантов и генерал-майоров — «ваше превосходительство», всех генералов, имевших титул князя и графа, — «ваше сиятельство», а титул светлейшего князя — «ваша светлость». Штабс-капитанов и выше называли «ваше высокоблагородие», а всех прочих обер-офицеров и офицеров — «ваше благородие». Начальствующих лиц называли по чину, прибавляя перед ним слово «господин», например господин полковник, господин капитан и т. д.¹⁹

В среде офицерства всегда действовали не только нормативно-уставные, но и так называемые неписанные правила. Они почитались с неменьшим рвением.

Считалось необходимым, чтобы прибывший в часть новый офицер помимо представления командиру части (в парадной форме) представлялся также всем старшим по чину, со всеми равными по чину знакомился, а все младшие офицеры в свою очередь представлялись вновь прибывшему. Входившие в комнату, где уже находились офицеры, делали поклон и по возможности здоровались за руку. Младший офицер никогда первым не протягивал руку старшему: тот сам считал своим долгом сделать это. Если в комнате, где находилась группа офицеров, появлялся старший (командир полка или генерал), то первый заметивший его обращался к другим со словами: «Господа офицеры!» Все вставали и поворачивались лицом к вошедшему. Ни один офицер не садился до разрешения старшего. Последний здоровался со всеми за руку, при этом не он обходил всех присутствовавших, а офицеры, соблюдая старшинство, сами шли к командиру полка или генералу. Считалось также обязательным уступить старшему лучшее место, даже подать ему стул, но сделать все так, чтобы это не выглядело подобострастно. В офицерской среде величайшее презрение вызывали угодничество и доношительство. Уличенный в этом становился отвергнутым и мог рассчитывать лишь на презрительное отношение к себе.

В России еще до Петровских реформ существовали неукоснительные правила ношения форменной одежды. Впервые погоны в качестве знаков различия были приняты в русской армии в 1763 г. и носились первоначально на левом плече кафтана как знак, позволявший определять принадлежность к тому или иному полку, и как один из предметов снаряжения, удерживавший на плече ремень патронной сумки. Для парадной формы одежды служили эполеты. С 1807 г. были введены погоны и эполеты определенного цвета на оба плеча. Форма служила особым знаковым признаком сословной принадлежности.

Культ чести мундира был священен для офицеров, всегда выделявшихся в обществе безупречным и щеголеватым видом. Постоянная забота о чести мундира, показывавшего принадлежность к тому или иному роду войск, была неотделима от обязанностей свято блюсти его славные традиции, хранить честь знамени своего полка и его боевую репутацию. Мундир нужно было носить так, чтобы ничто не бросало тень на свой полк. Человек, надевший мундир офицера, подчинял свою жизнь точно регламентированному порядку. Генерал М. И. Драгомиров писал: «Военный мундир налагает на носящего его обязанность быть во всяком случае вежливее и выдержаннее тех, кто военного мундира не имеет»²⁰.

Каждый полк имел отличительные особенности и традиции, и многие предметы обмундирования были связаны с его военной историей. На погоны наносился номер полка. К военнослужащим предъявлялось требование строго соблюдать форму одежды, с достоинством и честью вести себя в общественных местах. Наиболее постыдным и тяжелым наказанием с точки зрения нравственности являлось позорное лишение воинской чести.

Старинное воинское изречение гласит: «Эполеты офицера сверкают всего ярче в блеске его обаяния». Обаяние лучших представителей русского офицерского корпуса складывалось прежде всего из справедливости, готовности отвечать за все и самодисциплины, умения командовать с достоинством и без чванства, сердечности без фамильярности, отсутствия мелочности и заносчивости, жизнерадостности и некоторой лихости, идеальной честности, истинно товарищеского

духа и привязанности к части, отваги и находчивости. Конечно, не все офицеры соответствовали этим требованиям. М. Е. Салтыков-Щедрин писал: «Когда я прохожу мимо берлинского офицера, меня всегда берет оторопь... Не потому жутко, чтоб я боялся, что офицер кликнет городского, а потому, что он всем своим складом, посадкой, устоем, выпяченной грудью, выбритым подбородком так и тычет в меня: я герой! Мне кажется, что если б, вместо этого, он сказал: я разбойник и сейчас начну тебя свежевать, — мне было бы легче. А то „герой“ — шутка сказать!.. Наш русский офицер никогда не производил на меня такого удручающего впечатления. Прежде всего, он в объеме тоньше, и грудей у него таких нет; во-вторых, он положительно никому не тычет в глаза: я герой! Русский человек способен быть действительным героем, но это не выпячивает ему груди и не заставляет тарашить глаза. Он смотрит на геройство без панибратства и очевидно понимает, что это совсем не такая заурядная вещь, которую можно всегда носить с собою, в числе прочей амуниции»²¹.

Начиная с кадетского корпуса офицеров готовили при строгой дисциплине к тому, что их поведение должно быть благоразумным и осторожным. Офицера подводили к мысли о том, что его жизнь в обществе не должна бросать тень не только на него, но и на честь его полка. Существовал целый свод (часто неписанных) правил поведения офицера на службе, в офицерском собрании, в быту, с товарищами, в кругу семьи и т. д.²² Он не имел права принимать участие в уличной ссоре, появляться на людях в нетрезвом виде. Благоразумным считалось уклониться от скандала в публичном месте. Однако, когда дело касалось нападения или публичного оскорбления, здесь вступал в силу кодекс чести и офицер был обязан защитить себя и честь своего мундира.

В семейном кругу офицеры руководствовались взаимными отношениями родственной дружбы и уважения. Почтительное отношение к женщине в офицерской среде воспринималось как одна из высших добродетелей. Любой намек на невежливое обращение к женщине всегда влек за собой самое резкое осуждение. Маршал Б. М. Шапошников вспоминал: «Однажды в столовой офицерского собрания поручик-сапер услышал нелестный отзыв о своей жене. Нелестные слова произнес поручик стрелкового полка, сидевший в компании офицеров и рассказывавший о своих победах у женщин. Поручик-сапер подошел к столу и попросил поручика-стрелка отойти с ним в сторону. Объяснение окончилось тем, что на следующий день они условились драться. Отослав денщиков под благовидным предлогом в город, оба офицера, встав посреди комнаты спиной к друг другу с револьверами в руках, разошлись в противоположные углы комнаты. Достигнув своего угла, каждый имел право повернуться и выпустить все семь патронов. Поручик-сапер, приближаясь к углу, вдруг услышал, что стрелок уже стоит к нему лицом и целится из револьвера. Поручик-сапер выстрелил навскидку и убил своего противника... Сапера судили за убийство, но смягчающими обстоятельствами служили показания товарищей убитого, подтвердивших, что он действительно оскорбил честь жены поручика-сапера. Поэтому для последнего дело закончилось только годичным заключением в крепость, а не ссылкой на каторжные работы»²³.

В культуру поведения офицеров непременно входила пунктуальность. По этому поводу М. И. Драгомиров писал: «Нужно в мирное время приучить никуда не

торопиться и никуда не опаздывать; в военное время поздно усваивать эту привычку»²⁴.

Таким образом, нравственный облик русского офицера второй половины XIX в. характеризовался высоким пониманием воинского долга, мужеством и героизмом в бою; честностью, любовью к славе, готовностью на подвиг и самопожертвование за веру, царя и Отечество; любовью к военной профессии, гордостью за принадлежность к офицерскому слою русского дворянства; верностью полковому знамени, уважением к воинским ритуалам и полковым праздникам; товариществом и взаимовыручкой в офицерской среде, готовностью прийти на помощь сослуживцу в бою и армейских буднях. Нравственно воспитанный, советливый офицер скромен, никогда не подчеркивает своих заслуг и достоинств, он всегда уважителен к командирам и сослуживцам.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Шадская М. В.** Нравственный облик русского офицера второй половины XIX века // Военно-ист. журн. 2006. № 8. С. 3.

² **Лотман Ю. М.** Колумб русской истории : сопроводит. ст. к репринт. воспроизведению изд. пятого «История государства Российского» Н. М. Карамзина. М., 1998. С. 14.

³ Воинский этикет [Электронный ресурс]. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/ Воинский этикет](http://ru.wikipedia.org/wiki/Воинский_этикет) (дата обращения 05.10.2012).

⁴ РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 449. Л. 18.

⁵ Там же. Л. 248.

⁶ Там же. Л. 8.

⁷ Там же. Л. 14.

⁸ Там же. Д. 505. Л. 43.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Свод военных постановлений. 1889 г. Пг., 1915. С. 114.

¹¹ См.: Свод военных постановлений. 1869 г. СПб., 1892. С. 11.

¹² См.: **Шадская М. В.** Указ. соч. С. 4 — 5.

¹³ См.: Традиции офицеров русской армии. М., 1996. С. 198.

¹⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 5241. Л. 90.

¹⁵ См.: Устав гарнизонной службы. СПб., 1890. С. 105.

¹⁶ См.: Свод правил воинского чинопочитания и отдания воинской чести / составлен согласно Воинскому уставу о гарнизонной службе. Изд. 1874 г. СПб., 1891. С. 2.

¹⁷ Там же. С. 3.

¹⁸ См.: **Буговский Н. Д.** Очерки современного офицерского быта. СПб., 1899. С. 11.

¹⁹ См.: Воинский устав о гарнизонной службе. СПб., 1884. С. 106.

²⁰ **Драгомиров М. И.** Вопросы воспитания и обучения войск. М., 1956. С. 613.

²¹ **Салтыков-Щедрин М. Е.** Собр. соч. : в 10 т. М., 1988. Т. 7. С. 56 — 57.

²² См.: **Галкин М. С.** Новый путь современного офицера. СПб., 1907. С. 22.

²³ **Шапошников Б. М.** Воспоминания : военно-науч. тр. М., 1982. С. 186 — 187.

²⁴ **Драгомиров М. И.** Указ. соч. С. 281.

Поступила 05.10.2012 г.

УДК 162.1(=511.152)

Е. В. Мочалов, И. В. Емелькина
E. V. Mochalov, I. V. Emelkina

МЕНТАЛИТЕТ МОРДОВСКОГО НАРОДА В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

MENTALITY OF THE MORDOVIAN PEOPLE IN THE SYSTEM OF RUSSIAN MENTALITY

Ключевые слова: менталитет, ментальность, мордовский этнос, российский менталитет, фольклор, фольклорная модель.

В статье раскрывается сущность менталитета мордовского этноса. Показано ценностно-иерархическое взаимоотношение российской и мордовской ментальности.

Key words: the mentality, Mordovian ethnos, the Russian mentality, folklore, folk model.

The essence of mentality of Mordovian ethnos is revealed in the article. The value and hierarchical relations between the Russian and Mordovian mentality are shown as well.

Обращаясь к изучению менталитета как социально-философской и культурологической категории, авторы ставят задачу не только качественно обновить сферу обществоведения, но и сделать попытку системного анализа взаимодействия российской и русской культур с культурами других народов и этносов, составляющих российскую цивилизацию, особенностей их бытия в реальной социальной жизни и культурном сотворчестве наций.

Необходимо заметить, что менталитет как явление действительности — сложный в фиксировании феномен, поскольку в своих сущностных компонентах он не представляет собой чего-то раз и навсегда данного, а отличается динамичностью. В историческом развитии этот феномен трансформируется. Более того, сами исследования могут определяться не собственно менталитетом, имеющим конкретную проявленность, а социальными обстоятельствами, идеологией и т. д.

Вопрос о менталитете мордовского народа требует специального рассмотрения, поскольку данное понятие не было ранее введено в научную парадигму. Отдельные аспекты представлений о мордовском менталитете можно вычленил в работах этнографов: А. И. Мельникова-Печерского, В. Н. Майнова, И. Н. Смирнова, М. Е. Евсевьева, М. Т. Маркелова, Н. Ф. Мокшина, Н. Ф. Беляевой; историков — В. А. Балашова, Н. В. Заварюхина, В. А. Юрченкова и др.; фольклористов — Л. С. Кавтаськина, А. И. Маскаева, В. К. Радаева, К.Т. Самородова, А. М. Шаронова, А. Д. Шуляева; искусствоведов — Н. И. Бояркина, В. С. Брыжинского; культурологов — А. Г. Бурнаева, М. И. Каргиной, Н. Г. Юрченковой и др. В конце XX в. появились работы по этноэтике. Вопросами нравственной культуры мордовского этноса занимается Е. Н. Ломшина.

Что касается современного состояния менталитета мордовского народа, то этот вопрос нуждается в специальном социально-философском анализе в связи с тем, что накоплен богатый теоретический материал, позволяющий постичь глубинные сущностные стороны феномена и оценить его роль в социально-историческом развитии мордвы.

Применяя понятие «менталитет» для специального анализа национальных ментальных черт, заметим, что одним из их структурных элементов, интеграторов, выступает традиция. С точки зрения методологии традиции подразделяются на внутrigенерационные, которые сложились и функционируют на протяжении длительного времени, и передающиеся как востребованные, т. е. актуально возобновляемые.

«Фольклорная модель» менталитета мордовского этноса показывает, что его культура с точки зрения хронологии развития делится на три периода: языческий, период после принятия христианства и современный. Корни менталитета мордовского этноса, его специфика, структура и содержание производны от мифологического сознания.

Фольклор мордовского народа и его история составляют основу как аксиологического, так и деятельностного аспектов феномена ментальности. В фольклоре запечатлены обычаи, формы бытового поведения, тесно связанные с культурой этноса и сферой народной поэзии. В фольклоре воплощены идеи и умонастроения различных времен, отражающие историю мордовского этноса.

Обращаясь к «фольклорной модели» ментальности мордвы, мы рассматриваем фольклор как литературное явление, включая его в парадигму «ментальность», так как «...фольклор — самое верное и самое чистое зеркало национального характера»¹. Более предметно в данной модели рассмотрены мордовские предания, легенды, народные песни, сказки, баллады, пословицы и поговорки.

Фольклор мордвы, так же как и менталитет, формировался под воздействием исторического пути русского народа, его религиозных, хозяйственно-экономических взглядов, представлений о добре и зле, о прекрасном и безобразном. На ранних стадиях развития органическое взаимодействие русского и мордовского народов выражалось в приурочивании мордовских праздников к русским, в заимствовании элементов костюма и использовании отдельных русских слов. В последующем мордва усваивала и бытовую культуру русских (язык, мировосприятие и стиль жизни), что было связано с формированием экономической общности, единой системой товарно-денежных отношений, отсутствием принципиального различия в уровне развития мордовского и русского хозяйства.

Характеризуя изменения в сознании мордовского этноса и связанную с ними новую ментальность, можно выделить несколько значимых моментов, присущих ей: во-первых, обобщенный характер, сочетание различных элементов, сводящихся к эклектичному соединению разных типов мышления и ценностей различных культур; во-вторых, фрагментарность, несмотря на некую определенность, отсутствие единого мировоззренческого пласта, что создает трудности в формировании ценностей, установок и ориентаций; в-третьих, конфликтность, возникающую из-за

наличия расслоения в обществе и разрыва социально-экономического уровня его граждан.

Мордовский край к началу XX в. уже не воспринимался как чисто национальный регион, что стало результатом его постепенной русификации и притока русского населения. Факторами, значительно ускорившими процесс обрусения, были разобщенность мордвы и проживание ее в смешанных поселениях. Этому же содействовали браки между представителями различных национальностей, общность религии, незавершенность процесса консолидации и слабые экономические и культурные связи между отдельными группами мордвы.

Вопрос о степени обрусения мордвы неоднозначный, но в процессе долгого совместного проживания на одной территории у групп людей формируются общее мирозерцание, единый стиль и образ жизни. Чтобы говорить о влиянии русской культуры на мордовскую, мы обратились к таким системным факторам, как семья, образование, экономическая, политическая и религиозная системы, социализация, система здоровья и отдыха. Оказалось, что практически нет разницы в том, как мордва и русские реализуют себя в них. В качестве единственного отличия здесь может быть указано овладение мордовским языком или использование его в системе социализации частью граждан. Полагаем, что в процессе общности исторической судьбы, территории, традиций и особенностей быта у представителей данных этносов выработалось сходство в восприятии событий, картины мира и системы значений внешней культуры.

Иногда исследователи приводят факты отрицательного влияния русских обычаев на мордву. В частности, священник Пензенской епархии Н. Барсов, сравнивая русский и мордовский народы, отмечал, что половая распущенность среди мордвы была менее распространена, чем среди русского простонародья. Наличие склонности лишаться невинности и рожать детей до вступления в брак он связывал с наличием «посиделок», существовавших ранее в исконно русской традиции и получивших распространение среди мордвы².

Следует отметить, что отношение русских к мордве характеризовалось терпимостью, уважительным отношением к ее образу жизни, традициям и привычкам. Идентифицируя себя как русских, в понятие «мы» русские включали не только этнически русских, но и соседей, в том числе мордву.

Вхождение в состав России принесло мордовскому народу политические и экономические выгоды в плане национальной безопасности, способствовало созданию письменности, формированию интеллигенции, становлению национального искусства и возрождению государственности. Символом сохранения традиций национальной культуры, единства многонационального народа Мордовии с Россией является государственный гимн республики:

Ты трудной дорогой, Мордовия, шла,
России держалась и голову гордо несла.
Давали силы вольные Мокша, Сура,
Ты духом была и осталась сильна и добра.

В августе 2012 г. состоялось широкомасштабное празднование 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства, указ о котором был подписан 13 января 2009 г. Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым.

Этносоциальные процессы, происходящие сегодня в Республике Мордовия, включают как тенденции дальнейшей интеграции мордвы с народами России, так и ее консолидацию с финно-угорскими этносами, в целях сохранения лучших традиций своего исторического опыта. Обсуждаются и перспективы формирования структур этнонациональной государственности. При этом в них нет противопоставления многовекового опыта этноса и приобретенного в составе российской цивилизации. Важным направлением во взаимоотношениях России и Мордовии остается диалоговая модель, что позволит обеспечить дальнейшее повышение роли республики как субъекта Российской Федерации.

Сегодня в условиях изменения менталитета (его видимой и мобильной части) под влиянием реформ 1990-х гг. наблюдается воспроизведение в общественных отношениях характеристик, не свойственных традиционному российскому менталитету. Это ориентация на материальные интересы, резкая социальная дифференциация и др. Речь идет о моделях поведения, слабо совместимых между собой. Кроме несоответствия традиционному российскому образу жизни, они характеризуют стили поведения разных исторических систем и культур. В связи с этим становится актуальной задача поиска новой парадигмы общественного развития. Исследователи отмечают, что многие трудности в ходе реформ возникают в связи с тем, что слабо учитываются традиции жизни народов — их образ и стиль. Одним из факторов, влияющих на протекание реформ, является менталитет страны и ее этносов. Это объясняется тем, что менталитет, формируясь исторически, представляет собой «...совокупность социально-психологических качеств и черт, сумму детерминируемых ими поведенческих реакций, выступает как определенная целостность, проявляющаяся во всех сторонах жизнедеятельности данной человеческой общности и составляющих ее индивидов»³.

Российскому государству, на наш взгляд, необходимы идеи, способные интегрировать разные интересы людей и социальных групп. Приоритетными в связи с этим становятся исследования, выявляющие культурный и духовный потенциал этносов применительно к современной ситуации в России. В соответствии с нашим глубоким убеждением основой существования должно быть сочетание прогрессивных социальных нововведений и уважения к культурному наследию каждого этноса. Мы наблюдаем, как с утверждением Концепции государственной национальной политики Российской Федерации⁴ в регионах активизировалась этнокультурная деятельность.

Актуальным сегодня становится и вопрос о формировании этнической идентичности и сохранении личностью себя как представителя того или иного этноса, особенно в полиэтническом регионе, каковым является Россия. Многонациональность России, ее территориальная необъятность сформировали исключительное многообразие в духовной сфере, создав особенные дух и душу, которые стали надэтническими национальными символами, позволяющими этносам, объединя-

ясь, сохранять свое тождество. На обострение кризиса идентичности оказывает влияние целый ряд процессов глобализации.

Менталитет представляет собой константный элемент культуры, определяет стабильность идентичности. Он является формой реализации некоего накопленного исторического опыта на уровне обыденного сознания. Посредством менталитета обеспечивается механизм передачи от поколения к поколению знаний, навыков, норм поведения, способов производства и представлений.

С менталитетом непосредственно связан процесс социализации личности в обществе. Менталитет определяет содержание и структуру «социально-генетического кода» личности и общества. Он непосредственно является объектом социального наследования.

Этносы и нации являются важной конструктивной силой, имеющей деятельное начало, иначе выражаясь, субъектом. В связи с этим менталитет должен изучаться в философии. Именно ей принадлежит важная мировоззренческая и методологическая роль в его исследовании. Менталитет оказывает глубокое воздействие на процесс становления человеческой личности и на развитие культуры. Специфика социально-философского взгляда состоит в анализе социальных явлений сквозь призму вычленения в них объективного и субъективного, материального и духовного. Необходимость обращения к изучению менталитета в контексте философского подхода была обусловлена и тем, что глубокое понимание какой-либо культуры предполагает обязательный анализ социально-организованных стереотипов группового опыта, который аккумулируется, а затем воспроизводится в обществе.

В мире в настоящее время происходит становление глобального коммуникационного пространства, которое оказывает существенное влияние на все стороны жизни. Начинают господствовать «интегративные суперкультуры», стремящиеся поглотить разнообразие локальных культур. В этом коммуникационном поле господствующими становятся «...стереотипы, общие оценки, общие параметры требуемого поведения, его общедоступные, то есть наиболее простые, компоненты»⁵. В такой ситуации диалог между культурами лишается всякого смысла. Типичным продуктом глобального информационного пространства является поп-культура, которая принципиально отстранена от фундаментальных этнических и религиозных оснований и традиций.

На фоне глобализации и интеграции современного мира, унификации духовной и материальной культуры у многих народов произошел заметный «взрыв» в защиту своей самобытности. Сегодняшняя ситуация настоятельно ставит перед социально-гуманитарными науками проблему обращения к осмыслению национальных особенностей и ментальных черт народов. В связи с этим наблюдается массовый всплеск этничности и роста этнического самосознания, в том числе в Мордовии. Необходимость сохранения национальной культуры и ее оригинальности возникла в связи с тем, что национальная картина мира своеобразна. Хотя наряду с данной позицией отдельные авторы задаются вопросом о том, способны ли народы сохранять свое культурное своеобразие. В то же время в течение продолжительного периода национальные взаимоотношения трактовались упрощенно: недостатки игнорировались или иначе интерпретировались, многое умалчивалось. Такой подход освобождал от необходимости

основательного осознания современных национальных процессов, тенденций их развития и приводил к недооценке их значимости в государственной и общественной жизни.

Весьма негативное воздействие на изучение современных этнических процессов у мордвы оказало мнение о якобы полном завершении национальной консолидации мордвы⁶. Данное мнение затормозило решение ряда важных практических вопросов, связанных с этнокультурным развитием мордовского народа и стало препоной на пути многих исследователей.

Теория менталитета позволяет понять гуманизацию исторического процесса, преодолеть крайности подходов к истории, поскольку развитие исторического процесса обусловлено воздействием менталитета социальных групп, в том числе национальных. В контексте социальной философии ментальная составляющая является важной, поскольку философия занимается изучением человека и его отношения к внешнему миру.

Наша позиция состоит в стремлении обосновать самостоятельный цивилизационный статус России, что позволяет увидеть фундаментальный источник самобытности российского (русского) национального менталитета. При этом цивилизации, на наш взгляд, не должны противопоставляться. Процесс усвоения ценностей демократического общества не должен сопровождаться нигилистическим отношением к российским цивилизационным ценностям. Концептуальная идея, которой мы руководствуемся, состоит в том, что ментальными различиями определяются цивилизационные различия, а также мировосприятие научных, эстетических и религиозных ценностей.

Изучение российского менталитета дает нам возможность обозначить более рельефно ментальную составляющую истории России и учитывать ее в социально-философских исследованиях, посвященных изучению цивилизаций. Это способствует прояснению глубинных внутренних основ и специфики российского менталитета. С точки зрения социальной философии, его исследование как единичного явления позволяет проникнуть в суть всеобщего, т. е. раскрыть влияние менталитета российской цивилизации на этнические образования, формирующиеся в его рамках. Так, нами проанализированы сущность и облик менталитета мордовского народа. Он исследуется как диалектическое единство этнических коллективных представлений о мире, доминирующих у мордовского народа и их отражение в продуктах материальной и духовной культуры. Такое понимание позволяет интерпретировать проблему с иных позиций, чем это делалось раньше, т. е. рассматривать ее как органическое единство субъективной и объективной сторон жизнедеятельности мордовской нации. Сущность менталитета мордовского этноса раскрывается через национальную психологию, объективирующуюся в деятельности народа. Для этого мы обратились к изучению внешних форм проявления менталитета — обычаям, фольклору, коллективным представлениям, поведению людей. Диалектический принцип движения мысли от явления к сущности в процессе познания позволяет приблизиться к пониманию скрытого внутреннего смысла мордовского национального менталитета.

Мы полагаем, что феномен российского менталитета станет более освещенным понятием лишь при учете множественности факторов, в том числе менталь-

ного характера. Основная задача — дать интегральную картину сущностных качеств российской ментальности, анализ которых содержится в философии. В содержательном плане значимым стало выделение онтологических и аксиологических оснований менталитета как социально-культурного образования, постоянно меняющегося во времени. Исследование российского менталитета обогащает арсенал познавательных возможностей социальной философии и средств объяснения социальной действительности.

Менталитет мордовского этноса зависит от социальной, религиозно-духовной жизни и природной среды. Это те причины, которые позволяют воспроизводить его специфическую сущность. Таким образом, методологическими принципами социальной философии в детерминации национального менталитета стали натурализм, теоцентризм, социоцентризм и антропоцентризм как основные способы философствования.

Сущностными качествами мордовского народа являются доблесть, толерантность, почтительность, ценностное отношение к символам и восприятие природы, антропоэтикоцентристская ориентация и синкретизм. В комплексном сочетании указанных качеств менталитет мордовского народа еще не исследовался. Эти основные качества в их целостной совокупности представляют своеобразную «внутреннюю картину мира» менталитета мордовского этноса. Они составляют структурную основу подсознания и мышления. Все они находятся в глубокой диалектической взаимосвязи. Этническое самосознание мордовского народа концентрирует в себе представления об общности исторической судьбы с русским народом, в нем ярко проявляются межпоколенная связь и устойчивость этнической составляющей.

Менталитет мордовского этноса опирается на характеристики российского. Отсюда ценностно-иерархическое отношение последнего как культурной доминанты к менталитету мордовского этноса.

Итак, российский менталитет выступает в качестве некоего внутреннего кода менталитета мордовского этноса, его составляющей, которая обеспечивает преемственность развития этноса в контексте российской действительности и отчасти программирует специфику культурного развития. Характеризуя перспективы развития нового сознания мордовского этноса, заметим, что основная его линия связана с органическим сплетением российской и мордовской ментальности, что представляется благоприятным для дальнейшего интегрирования мордовского этноса в мировую цивилизацию.

Библиографические ссылки

¹ Ефимова М. Ф. Песня – душа народа // Народные песни. Саранск, 1996. С. 22.

² См.: Клипикова А. А. Мордовский и русский народы глазами православных священников // Центр и периферия. 2010. № 1. С. 16.

³ Ткаченко В. В. Изменение менталитета человека на рубеже XX — XXI веков // Человек и культура в культурно-историческом пространстве России: опыт региональных и краеведческих исследований : материалы Междунар. науч. конф., 22 — 24 мая 2002 г. Кострома, 2002. С. 167 — 169.

⁴ Концепция государственной национальной политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/27.html> (дата обращения 20.06.2012).

⁵ **Мионов В. В.** Постмодернизм как мостик к культуре // Экон. и филос. газ. 2005. Авг. № 32 — 33.

⁶ См.: Мордва : очерки по истории, этнографии и культуре мордов. народа. Саранск, 2004. 992 с.

Поступила 05.11.2012 г.

УДК 811:162.1

И. А. Мухамедзянова

I. A. Mukhamedzyanova

ЯЗЫК В КАРТИНЕ МИРА КАК ОТОБРАЖЕНИЕ МЕНТАЛИТЕТА НАРОДА

LANGUAGE IN THE PICTURE OF THE WORLD AS THE REPRESENTATION OF THE PEOPLE'S MENTALITY

Ключевые слова: картина мира, язык, менталитет, мировоззрение, познание мира.

В статье рассматривается феномен языковой картины мира, как отражения национально-го мировоззрения; определяется роль языка при изучении менталитета народа.

Key words: picture of the world, language, mentality, world view, knowledge of the world.

The phenomenon of linguistic picture of the world as representation of the national world view is considered in the article, the role of the language in the study of the mentality of the people is determined as well.

В настоящее время термин «картина мира» является достаточно популярным в различных научных направлениях (философия, психология, лингвистика и культурология). Часто картина мира конкретизируется такими определениями, как «научная», «историческая», «биологическая», «языковая», «религиозная», «художественная» и пр. Исследованием данного феномена активно занимались Г. Д. Гачев, А. Я. Гуревич, Б. А. Серебrenников, Е. С. Яковлева и др. Впервые понятие «картина мира» было сформулировано Р. Редфилдом. По его убеждению, картина мира — это «видение мироздания, характерное для того или иного народа: картина мира подразумевает интерпретацию культуры, выявление ее специфики посредством эмпатии»¹.

В основе картины мира лежат представления человека о мире. Данное понятие отражает специфику человека, его бытия и мировоззрения. В процессе познания мира человек формирует собственное представление о нем, и в его сознании появляется определенная картина мира. В. А. Маслова отмечает: «Если мир — это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира — результат переработки информации о среде и человеке»². Под картиной мира ученый

понимает «определенное видение и конструирование мира в соответствии с логикой миропонимания»³. По определению Г. В. Колшанского, картина мира — это «то или иное представление человека о каких-либо явлениях жизни, которые сформировались у него в результате его жизненного опыта»⁴. Однако ученый не считает это определение научным. По его мнению, такое понимание картины мира является «одним из бесчисленных житейских выражений, отражающих индивидуальное понимание, представления того или иного человека по поводу какого-либо явления природы, обстоятельств, условий, эстетических ценностей и т. д.»⁵. Е. С. Кубрякова считает, что картина мира это сумма «значений и представлений о мире, упорядоченных в голове человека по самым разным основаниям и объединенных в известную интегральную систему»⁶. В интерпретации А. Я. Гуревича картина мира предстает как сетка «координат, при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий вне их сознания»⁷. И. В. Рябова полагает, что «наличие специфических картин мира в сознании разных этносов... необходимо принимать во внимание в процессе межкультурных исследований лексических единиц, т. к. семантика слова оказывается „чувствительной“ по отношению к различным компонентам картины мира»⁸.

Как уже было отмечено выше, существует несколько видов картин мира, каждая из которых рассматривает характерные для нее проблемы. Часто эти проблемы пересекаются. Прежде чем говорить о языковой картине мира (ЯКМ), следует дать краткий обзор проблемы научной картины мира (НКМ). Некоторые ученые отмечают необходимость соотносить эти два явления, несмотря на то, что они принципиально отличаются друг от друга. По убеждению О. А. Корнилова, общий у них лишь «объект отражения, т. е. реальный материальный мир»⁹. Ученый понимает под НКМ «способ моделирования реальности, который существует помимо отдельных научных дисциплин (но на их основе) и характеризуется универсальностью, глобальностью охвата всех областей знания о мире, человеке и обществе»¹⁰. При этом он полагает, что НКМ постоянно эволюционирует. Таким образом, можно утверждать, что современная НКМ — одна из ступеней познания человеком мира и его закономерностей. Наука не стоит на месте, она постоянно развивается. Возникают новые термины, а старые наполняются новым содержанием. Важным является тот факт, что язык науки, как правило, состоит из двух национальных языков: «национального языка, на котором формировалась первоначальная база этой науки или на котором осуществлены приоритетные разработки в данной области (что обычно совпадает), и собственного национального языка той или иной нации»¹¹.

А. Ю. Ивлева при рассмотрении НКМ акцентирует внимание на том, что она «одновременно выступает как результат научного познания и как фундамент его дальнейшего развития, а также как источник возможных интерпретаций новых предметов науки и исследовательская программа»¹². Подобная мысль прослеживается в трудах В. С. Степина. Ученый утверждает, что НКМ «может быть рассмотрена как форма теоретического знания, репрезентирующая предмет исследования соответственно определенному историческому этапу развития науки, форма, посредством которой интегрируются и система-

тизируются конкретные знания, полученные в различных областях научного поиска»¹³.

Некоторые исследователи (Г. В. Колшанский, И. А. Стернин и А. А. Уфимцева) убеждены, что картина мира в человеческом сознании воспроизводится в виде когнитивной и языковой моделей. Под когнитивной картиной мира З. Д. Попова и И. А. Стернин понимают «ментальный образ действительности, сформированный когнитивным сознанием человека или народом в целом и являющийся результатом как прямого эмпирического отражения действительности органами чувств, так и сознательного рефлексивного отражения действительности в процессе мышления»¹⁴. Ученые дают следующее определение ЯКМ: это «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе его развития, представление о действительности, отраженное в значениях языковых знаков — языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений»¹⁵. Таким образом, по убеждению исследователей, ЯКМ — это «своеобразное представление действительности в языке»¹⁶.

Исследованием проблемы ЯКМ занимались как зарубежные ученые (В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, И. Трир и Б. Уорф), так и отечественные (Г. В. Елизарова, Г. В. Колшанский, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, В. В. Ощепкова, С. Г. Тер-Минасова и др.). Важно отметить, что основателем теории ЯКМ принято считать В. фон Гумбольдта, который одним из первых начал рассматривать картину мира как языковое мировидение. По убеждению ученого, «язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное». В. фон Гумбольдт утверждал, что «язык — это объединенная духовная энергия народа, чудесным образом запечатленная в определенных звуках, в этом облике и через взаимосвязь своих звуков понятная всем говорящим и возбуждающая в них примерно одинаковую энергию»¹⁷. В трудах ученого прослеживается мысль о том, что язык — это самый важный способ передачи ментальности, несущий отпечаток ментальности своего народа. В. фон Гумбольдт писал: «Так как языки неразрывно сращены со внутреннею природою человека и скорее самодеятельно вытекают из нее, чем произвольно создаются ею, то на таких же основаниях можно было бы назвать духовную особенность народов действием языков (как и наоборот). Истина — и в том, и в другом вместе: характер народа и особенности его языка вместе и во взаимном согласии вытекают из неисследимой глубины духа»¹⁸.

О неразрывной связи языка с внутренней природой человека упоминает в своих работах Г. В. Колшанский. Он подчеркивает мысль о том, что язык является неотъемлемой частью практической и теоретической деятельности человека, охватывая все сферы его индивидуальной и общественной жизни, раскрывая его внутренний мир. Согласно концепции ученого, «исследование языка, как бы оно ни было нацелено на собственно человека, рассматриваемого в сфере его духовной деятельности, не может дать основание для разграничения двух миров — оно может лишь открыть в языке человека — со всеми его индивидуальными и родовыми качествами — сам мир»¹⁹. Г. В. Колшанский называет язык «звуковой книгой», отражающей все пути познания человеком мира и условия, в которых человек добывает знания о мире (особенности природы, общественный

уклад, исторические моменты и т. п.). Ученый убежден, что язык «передает одновременно и ограниченность познания, ошибки, заблуждения, фантазии и т. д., национальную самобытность, особенности жизни племен, народов, наций и т. д.»²⁰. В итоге ученый делает вывод о том, что язык является формой овладения миром. Исследуя ЯКМ, Г. В. Колшанский определяет ее как «языковое воплощение понимаемого мира, именно объективного мира, включающего и самого человека как часть мира»²¹. Интересной является мысль ученого о том, что человек постоянно носит «языковые очки», через которые в зависимости от их характера воспринимает окружающий его мир. Иными словами, язык соотносится с единым для всех объективным миром, а расхождения «проистекают из различного опыта людей по освоению одного и того же мира»²². Подобной точки зрения придерживается и В. А. Маслова, которая пишет: «В силу специфики языка в сознании его носителей возникает определенная языковая картина мира, сквозь призму которой человек видит мир»²³. По убеждению ученого, ЯКМ «формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как элементу мира). Она задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру»²⁴.

Несомненно, язык каждого народа уникален. Но нельзя не отметить, что для всех языков существует единая логико-понятийная база. Она является составной частью целой языковой картины мира. Все, что находится за пределами единой логико-понятийной базы, составляет национальную ЯКМ. «Национальная языковая картина мира является результатом отражения коллективным сознанием этноса внешнего мира в процессе своего исторического развития, включающего познание этого мира»²⁵. Каждый народ наполняет единую базу собственным содержанием. «Неповторимость мироосмысления, мироощущения и мирооценки конкретным этносом предопределена прежде всего сферой внелогического восприятия действительности: эмоции и оценки, их характер и глубина, факторы, их определяющие, — все это своеобразно, неповторимо, и все это отражено в языке»²⁶. Это и объясняет тот факт, что языки отличаются друг от друга. Однако «разные языки это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а разные видения ее»²⁷. Главное различие выражается в особенностях обозначения предмета или понятия.

Интересную и наиболее полную, на наш взгляд, трактовку данного термина представила Н. Ю. Шведова. По ее определению, ЯКМ — это «выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и в осмысляемых языком связях, представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все то, что его окружает, среду и условия его существования: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум. Такая картина мира предстает как полотно с изображенной на нем вершиной и обращенными к ней участками, компоненты которых располагаются по принципу ступенчатого сужения. В вершине этого изображения стоит человек; к этой вершине обращены две главенствующие ветви „сам человек, его жизнедеятельность и ее плоды“ и „его окружение, сфера его существования“; именно такое первичное членение

соответствует восприятию человеком самого себя и того, что существует вокруг него и „для него“»²⁸.

О. А. Корнилов рассматривает ЯКМ как кладовую различного материала для подтверждения или опровержения каких-либо черт национального характера, это источник знания о менталитете народа и его национальном характере. В ЯКМ отражен национальный способ видения мира, формирующий национальный характер. Без ее знания трудно понять, что составляет национальную культуру, какие этические, нравственные и ценностные приоритеты ей свойственны. Согласно концепции О. А. Корнилова исследовать культуру народа без знания ЯКМ «все равно, что пытаться прочесть слова и предложения на незнакомом языке, не удусужившись предварительно выучить алфавит этого языка»²⁹. По мнению ученого, ЯКМ — это языковое содержание того или иного языка. Так, он полагает, что лексический состав языка является не только словарем данного языка, но и словарным воплощением модели мира народа. Что касается других разделов языка (синтаксис, морфология, фонетика), то, несомненно, они также выступают в роли источника информации о национальном характере и складе мышления. Однако при этом лексический состав языка остается самой важной составляющей при исследовании ЯКМ, поскольку «под языковой картиной мира мы все-таки понимаем лексическую, а точнее — лексико-фразеологическую систему языка, сознательно выводя за ее пределы все остальные разделы»³⁰.

ЯКМ может претерпевать изменения, происходящие под воздействием многих факторов, среди них — «условия повседневной жизни, появление новых реалий, требующих своей вербализации и, тем самым, включения в ЯКМ»³¹. Однако в целом она является стабильной и в этом ее смысл: передавать из поколения в поколение языковое мышление носителей языка. Осваивая ЯКМ, человек получает целостное представление о мире, присущее носителям этого языка. Важно отметить, что язык изначально выступает не как набор отдельно взятых языковых единиц, а как одна из возможностей отображения языковой картины мира как определенного народа в целом, так и отдельно взятого индивида. Человек живет в языковом пространстве так же, как и в культурном. При этом язык способствует ориентации в культурном пространстве. Все вышесказанное позволяет сделать вывод: чтобы понять культуру народа, необходимо понять содержание языка этого народа, что, в свою очередь, «предполагает овладение языковой картиной мира именно этого национального языка как системой его видения мира»³². О. А. Корнилов также акцентирует внимание на том, что при рассмотрении ЯКМ другого народа важно абстрагироваться от способа видения мира своего народа. При анализе же родного языка необходимо посмотреть на него со стороны и рассматривать его как один из способов мировидения. Таким образом, можно утверждать, что основная функция ЯКМ — это фиксация национального видения мира.

ЯКМ взаимосвязана с этнокультурной картиной мира. Она включает в себя как восприятие окружающего мира, так и определенный образ жизни народа, а потому является отображением его менталитета. Термин «менталитет» был введен в науку в 1867 г. американским философом Р. Эмерсоном. Существует мнение, что данный термин впервые был упомянут в 1922 г. в этнологическом тру-

де Л. Леви-Брюля «Первобытное мышление». обстоятельный анализ данного явления представлен в работе И. Г. Дубова, где ученый дал следующие определения менталитета:

— это «особый психологический уклад общества, влияющий на исторические и социальные процессы»;

— это некая интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него;

— это характерная для конкретной культуры (субкультуры) специфика психической жизни представляющих данную культуру (субкультуру) людей, детерминированная экономическими и политическими условиями жизни в историческом аспекте³³.

По убеждению А. А. Королева, менталитет не нужно рассматривать как некую духовную субстанцию в пространстве, поскольку он «локализуется, функционирует в рамках конкретного отдельного этноса»³⁴.

Каждый народ имеет определенные особенности, как в социальном, так и в трудовом опыте. В этом и проявляется его менталитет. Он формируется под влиянием конкретных социальных и культурных условий в ходе длительного исторического развития этноса и определяет национальную модель поведения. В языках различных народов из-за нетождественных условий жизни действительность отражается по-разному. Кроме того, нельзя не отметить тот факт, что отсутствие каких-либо объектов в конкретном социуме объясняет отсутствие языкового обозначения данных объектов. Таким образом, язык не может создавать предметный мир, он лишь отображает опыт определенного народа по освоению этого мира. В языке закреплены результаты разнообразной познавательной деятельности человека, как социальной, так и индивидуальной. Суть этой деятельности состоит в выборе одного из множества свойств предметов, явлений и последующем его закреплении в языке. Часто люди говорят об одном и том же, однако при этом в их сознании возникают объекты, весьма отличающиеся друг от друга. Человек порой забывает, что «пейзаж везде выглядит по-разному. Не все люди знакомы с морем или снегом, земля не везде коричневая (во многих местах она может быть по преимуществу красная, желтая или черная) и даже зелень травы зависит от количества в ней влаги и от расположения на открытом солнце (например, в Австралии местность, покрытая травой, скорее желтоватая или коричневая, чем зеленая)»³⁵.

Бесспорным является тот факт, что каждый народ обладает определенной культурой, и каждой культуре присущи свои идеи и понятия, ценности и представления, на формирование которых оказали влияние такие факторы, как особенности географической среды, ландшафта и культурные традиции. Каждая культура обладает своим языком. Его состав определяется в основном языковым сознанием народа. Язык реализует этнокультурную картину мира и передает ее из поколения в поколение. В языке находят отражение все тонкости культуры народа. Анализ лексики конкретного народа позволяет судить об основных особенностях его культуры. Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что ЯКМ всегда культурно обусловлена.

ЯКМ — это система ценностных ориентаций, закодированная в языковых единицах и восстанавливаемая путем обращения к обусловившим их знакам и концептам культуры³⁶. Существует несколько определений термина «концепт». Ю. С. Степанов утверждает, что концепт является «основной ячейкой культуры в ментальном мире человека»³⁷. К синонимам данного термина относятся такие понятия, как «архетип», «символ» и «образ».

Концепты подразделяются на группы, основными из которых являются: представления (тепло, холод, яблоко и др.); схема (схематический образ дома, дерева и т. п.); понятие, или концепт, состоящий из определенных признаков какого-либо предмета или явления (радуга — явление природы, окрашенное семью цветами и т. п.); фрейм — объемное представление чего-либо, многокомпонентный концепт (школа, аэропорт, вокзал и др.). Концепты могут обладать национальной спецификой и принадлежать только одному этносу. Однако при этом существуют концепты, сохраняющие свою природу, например кислый, сладкий, яма и др.

Нельзя не отметить и тот факт, что в лингвистике существует два подхода к изучению ЯКМ: интегральный, при котором под ЯКМ понимается все языковое содержание, и дифференциальный, где для изучения ЯКМ выделяются «специфические черты семантики данного языка, дифференцирующие его от всех других языков»³⁸.

Итак, язык каждого народа уникален. В нем отображены особенности народа и тонкости его культуры. Язык является важным способом передачи менталитета, воплощением своеобразия целого народа. Исследуя лексику конкретного этноса, можно выявить основные особенности его культуры. Понять содержание языка народа — значит овладеть языковой картиной мира. В ней отражен национальный способ видения мира. Языковая картина мира является источником знания о национальном характере народа и служит отображением его менталитета.

Библиографические ссылки

¹ Цит. по.: Кузина О. А. Семантические и ассоциативные поля туризма как отражение фрагментов языкового сознания и картин мира русских, немцев и американцев : дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Барнаул, 2006. С. 43.

² Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2001. С. 64.

³ Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск, 2004. 256 с.

⁴ Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 2005. С. 20.

⁵ Там же.

⁶ Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988. С. 170 — 171.

⁷ Гуревич А. Я. Категория средневековой культуры. М., 1972. С. 15.

⁸ Рябова И. В. Национально-культурная специфика заимствованной лексики (на материале экономической лексики русского языка) : дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1996. С. 34.

⁹ Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003. С. 21.

¹⁰ Там же. С. 6.

¹¹ Там же. С. 46.

- ¹² **Ивлева А. Ю.** Культурное пространство художественного текста. Саранск, 2008. С. 118.
- ¹³ **Степин В. С.** Теоретическое знание. М., 2000. С. 122.
- ¹⁴ **Попова З. Д., Стернин И. А.** Когнитивная лингвистика. М., 2007. С. 52.
- ¹⁵ Там же. С. 54.
- ¹⁶ Там же. С. 59.
- ¹⁷ **Гумбольдт В. фон.** Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 349.
- ¹⁸ Там же. С. 63.
- ¹⁹ **Колшанский Г. В.** Указ. соч. С. 17.
- ²⁰ Там же. С. 26 — 27.
- ²¹ Там же. С. 27.
- ²² Там же. С. 29.
- ²³ **Маслова В. А.** Когнитивная лингвистика. С. 65 — 66.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ **Корнилов О. А.** Указ. соч. С. 144.
- ²⁶ Там же. С. 122.
- ²⁷ **Гумбольдт В. фон.** Указ. соч. С. 312.
- ²⁸ **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка. М., 2005. С. 439 — 440.
- ²⁹ **Корнилов О. А.** Указ. соч. С. 80.
- ³⁰ Там же. С. 106.
- ³¹ Там же. С. 38.
- ³² Там же. С. 78.
- ³³ См.: **Дубов И. Г.** Феномен менталитета: психологический анализ // Вопр. философии. 1993. № 5. С. 20.
- ³⁴ **Королев А. А.** Этноменталитет: сущность, структура, проблемы формирования. М., 2011. С. 16.
- ³⁵ Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 233 — 234.
- ³⁶ См.: Язык и культура : сб. обзоров / под ред. О. Е. Опаринной. М., 1999. С. 32.
- ³⁷ **Степанов Ю. С.** Константы : Слов. рус. культуры. М., 2004. С. 43.
- ³⁸ **Корнилов О. А.** Указ. соч. С. 92.

Поступила 28.03.2012 г.

УДК 27-1-41:338.2

Д. И. Исаев

D. I. Isaev

**ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
НА РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОТВЕТСТВЕННОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(На примере христианской традиции)**

**INFLUENCE OF RELIGIOUS VALUES ON THE DEVELOPMENT
OF IDEA OF RESPONSIBLE ECONOMIC ACTIVITY
(On the example of Christian tradition)**

Ключевые слова: религиозные ценности, ответственность, бизнес, христианство.

В статье рассматривается влияние христианских религиозных традиций на этику хозяйства в контексте характерных для современной России двух тенденций понимания социальной ответственности бизнеса — концепции корпоративной социальной ответственности, восходящей к протестантским идеям, и этики общественного служения, основанной на православных культурных ценностях.

Key words: religious values, responsibility, business, Christianity.

The influence of Christian religious traditions on ethics of economy in the context of two tendencies of understanding of social responsibility of business characterized for present-day Russia — the concept of corporate social responsibility, which goes back to the Protestant ideas, and the ethics of public service, based on the Orthodox cultural values, is considered in the paper.

Первые представления об ответственном бизнесе в Европе сформировались в рамках религиозной христианской традиции в период Реформации (XVI — начало XVII в.). Влияние религиозных идей на теорию хозяйственной этики и на практику филантропической деятельности является значительным и в условиях современного бизнеса.

В различных традициях христианства (католицизм, протестантизм, православие и русское старообрядчество) представления об ответственном поведении предпринимателя, а также о самом предпринимательстве часто существенно различаются. В статье в общих чертах намечены подходы к рассмотрению влияния христианских религиозных традиций на этику хозяйства. При этом особое внимание уделено *протестантской этике* как основному источнику идей о социальной ответственности бизнеса и православной философии хозяйства, оказывающей важное влияние на современное понимание ответственного бизнеса в России.

Ведущий теоретик истории общества и культуры Европы М. Вебер утверждал, что «требования ответственности... на Западе связаны с христианством»¹, имея в виду, что основы понимания ответственности в целом, и ответственности бизнеса в частности, были заложены в религиозной христианской этике, прежде всего в эпохи Реформации и Нового времени.

Ответственность предпринимателя в понимании М. Вебера соотносится с *протестантской этикой*, основополагающие доктрины которой (если говорить о сфере экономической деятельности) были ориентированы более на результат поступка, чем на его мотив. Именно нацеленность на успех является основной характеристикой протестантской «этики ответственности». В 1905 г. вышла книга «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебера, где впервые было сформулировано понятие «протестантская этика». Под ним автор понимал совокупность религиозно обоснованных представлений о добродетельном характере труда, которые предполагали необходимость усердия, профессионализма, честности и ответственности². В отличие от подходов, характерных для более традиционных конфессий, предшествовавших появлению протестантизма (прежде всего для средневекового католицизма) и для античной философской мысли (особенно для Аристотеля), материальный успех у протестантов служил основным критерием добросовестности трудовой деятельности и показателем избранности человека Богом.

Смена отношения к экономической деятельности от парадигмы, представленной средневековыми ценностями, к парадигме протестантской этики являлась частным случаем более глобального перехода от традиционного общества к обществу современного типа. В экономике это был переход от аграрной феодальной экономики к экономике индустриальной, а в духовной жизни — от религиозных ценностей Средневековья к культуре модерна, обоснование которой предложила философия Нового времени.

В традиционной для отечественной социальной философии парадигме экономического детерминизма культурные трансформации понимались как следствие экономических изменений. Новые экономические условия вызвали к жизни новые моральные и религиозные ценности. Если для аграрной экономики первостепенным являлся вопрос выживания, то для экономики индустриального общества с ее высокой эффективностью и разделением труда первоочередная цель — получение материальной выгоды. Изменение способов хозяйствования привело, таким образом, к изменению ценностей, религиозных и моральных представлений. Однако М. Вебер на примере протестантизма показал процесс обратной направленности, когда духовная сфера (религия и мораль) оказывается определяющей по отношению к экономике. По его мнению, именно протестантская этика как сложный религиозно-этический комплекс идей, доктрин, рекомендаций и предписаний явилась решающим фактором, который обеспечил протестантизму экономический успех. Такое умозаключение ученый сделал, опираясь на эмпирические данные о высоких экономических успехах протестантов, по сравнению с католиками в Германии, а также на основании анализа бурного промышленного роста в преимущественно протестантских странах (США, Великобритания и т. д.)³.

Поскольку именно религия и мораль стали главными факторами, отличающими протестантов от католиков (все прочие условия были равны), М. Вебер пришел к выводу, что упорный труд, профессионализм и рациональная организация труда, характерные для образа предпринимателя и хода хозяйственной деятельности в протестантской среде, предопределили эффективность их экономической деятельности⁴.

По мнению М. Вебера, объективные условия для зарождения капитализма имелись в разное время и в разных культурах, однако духовные (религиозно-нравственные) предпосылки для этого появились только вместе с протестантизмом. Именно в рамках представлений данной конфессии ценностное обоснование и оправдание получило то поведение (нацеленность на материальный успех), которое морально осуждалось в традиционном обществе — в Средневековье и Античности⁵.

Несколько иные представления о должном складывались в *православной философии хозяйства*. Прежде всего необходимо отметить, что православие не знает автономной этики. С одной стороны, понимание нравственного долга, присущее православному учению, значительно разнится с личностно ориентированной направленностью на выделение собственного достоинства и чувства долга в протестантизме, с другой — православие отвергает практицизм католического представления о должном и сверхдолжном на пути к спасению и совершенству. Процесс духовного созидания личности в православии мыслится как преображение (обожение) в результате действия Божественной благодати, вне зависимости от каких-либо внешних ранее исполненных сверхдолжных заслуг.

В связи с этим нравственная ответственность, по определению архимандрита Платона (Игумнова), есть «внутренняя отчетность человека за все то, что происходит в области его влечений, выборов и конкретных поступков. Нравственная ответственность является одной из важнейших форм нравственного сознания и представляет весьма специфичный и сложный аспект нравственной феноменологии личности»⁶.

В истории русской философской мысли С. Н. Булгаков довольно продолжительное время оставался практически единственным, кто исследовал тему православной этики хозяйства. По его мнению, «хозяйственная деятельность может быть общественным служением и исполнением нравственного долга, и только при таком к ней отношении и при воспитании общества в таком ее понимании создается наиболее благоприятная духовная атмосфера как для развития производства, так и для реформ в области распределения, для прогресса экономического и социального»⁷.

Отметим, что в православии сложился особый тип хозяйственной этики, в основе которого можно выделить группу идей, акцентирующих внимание на «любви к ближнему», «безвозмездном труде», «сочетании труда и молитвы», «служении и послушании». В сокровищницу христианской экономической мысли вошли святоотеческие сочинения, относящиеся к периоду семи Вселенских соборов, на которых регулировались нормы собственности и хозяйственного быта, трактовались некоторые хозяйственно-правовые проблемы. В качестве конкретного примера можно привести некоторые рассуждения христианского мыслителя IV в. Иоанна Златоуста, чьи религиозно-этические взгляды явились одним из источников формирования «русского мировидения», национального менталитета, идеала «святой Руси». Стоит заметить, что напряженный поиск современными исследователями рациональных экономических моделей их размышления в данном направлении во многом созвучны тем суждениям о совершенствовании социально-экономических механизмов общественной жизни, которые были высказаны им. Иоанн Златоуст отвергал всякое неравенство, считая эту установку основой иде-

ального общества, в котором не должно быть никакого бессмысленного накопления богатства⁸. Основными этическими добродетелями, или ценностями, имеющими непосредственное отношение к «земным благам», по его мнению, являются нестяжание, бескорыстие, благотворение и милосердие⁹.

Богатство, по учению Иоанна Златоуста, существует лишь как поприще добродетели. Отсюда «использование имущества для пользы ближних и для „служения Богу“ на земле постоянно заповедуется в Библии, в святоотеческих творениях и в церковных преданиях. Милостыня, как естественная обязанность, на которую имеет право нуждающийся, личная и общественная, всегда считалась одним из основных требований „христианского делания“. Благотворительность и милостыня — действительная сила, противостоящая эгоизму и социальному неравенству, воплощение искренней любви, заповеданной в законе: „возлюби ближнего“»¹⁰.

Евангельское отношение к богатству остается достаточно консервативным и независимым от какого-либо определенного социально-экономического строя и его научно-технических достижений. Это отношение «должно оставаться одинаковым, независимо от того, какое внешнее юридическое положение по отношению к этому имуществу (с точки зрения государства) он занимает (является ли частным собственником имущества или участником в государственно-общественной собственности)»¹¹.

Необходимо отметить, что система ценностей, непосредственно связанная с православием, во многом определила поведение представителей торгово-промышленного сословия России и легла в основу внутрикупеческих взаимоотношений. Поэтому обращение к опыту прошедших эпох, выявление как специфических для того времени основополагающих философских и этических идей, так и универсальных тенденций развития и взаимопроникновения культур являются не только необходимыми предпосылками анализа нравственной жизни современного общества, но и возможным материалом для разработки альтернативных систем экономической этики, которые могли бы дополнить идеи корпоративной ответственности бизнеса. В качестве конкретного примера можно привести православные принципы хозяйственной деятельности, в частности рыночной экономики (приоритет насущных потребностей населения; принцип нестрогой прибыльности рыночного обмена, вытекающий из основ православного вероучения; соборность как добровольное объединение людей для общего действия, которые носят универсальный характер и вполне могут быть использованы при формировании нравственных оснований экономических систем).

Исходя из того, что хозяйственная этика есть важная и определяющая часть социальной этики, ее необходимо рассматривать через призму деятельности тех социальных институтов, которыми она фактически опосредована¹². Такой институциональной этикой является *этика корпоративной социальной ответственности*: здесь протестантская мысль выстраивает своеобразный мост от христианских теологических идей об этике и философии хозяйства к современной бизнес-этике социальных институтов. Говоря о необходимости модернизации российской хозяйственной культуры, следует иметь в виду, что православное религиозно-нравственное учение, лежащее в основе традиционного русского мировосприятия, способно сформировать принципиально другой, в отличие

от западного, тип гражданского общества, содержащий в своем основании этико-центристскую модель, обладающую более высоким социально-политическим потенциалом, благодаря ориентации на идеал общественного служения, объединяющего в себе ответственность и убеждения.

Библиографические ссылки

- ¹ Вебер М. Избр. произведения. М., 1990. С. 329.
- ² Там же. С. 73 — 74.
- ³ Там же. С. 69.
- ⁴ Там же. С. 73 — 74.
- ⁵ Там же. С. 48 — 49.
- ⁶ Платон (Игумнов), архимандрит. Православное нравственное богословие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. С. 90.
- ⁷ Булгаков С. Н. Сочинения : в 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 114.
- ⁸ См.: Сычев А. А. Этико-экологические измерения социальной ответственности бизнеса // История управленческой мысли и бизнеса: социальная ответственность бизнеса и этика менеджмента. М., 2011. С. 100 — 105.
- ⁹ Там же. С. 120.
- ¹⁰ Грыжанкова М. Ю. Иоанн Златоуст в социуме ранней Византии и России. Саранск, 2002. С. 39.
- ¹¹ Фиолетов Н. Н. Очерки христианской апологетики. М., 1992. С. 160.
- ¹² См.: Сычев А. А. Указ. соч. С. 245 — 257.

Поступила 09.01.2013 г.

УДК94(470.345):37

А. В. Ломшин
A. V. Lomshin

СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В МОРДОВСКОМ КРАЕ В 1910 — 1920 гг.

THE SYSTEM OF EDUCATION IN THE MORDOVIAN REGION DURING THE 1910s — THE 1920s

Ключевые слова: учебное заведение, учитель, школа, единая трудовая школа, земская школа, высшее начальное училище.

В статье рассматривается процесс становления системы образования в мордовском крае в начале XX в.

Key words: educational institutions, teacher, school, single labour school, school of zemstvo, higher primary school.

The process of formation of the educational system in the Mordovian land in the early XX century is considered in the article.

Организации системы образования среди «инородцев», в том числе мордвы, отводилась в царской России второстепенная роль. Однако сама жизнь требовала грамотных людей. Поэтому нужно было строить школы и готовить учителей.

К началу XX в. в мордовском крае на 2 тыс. населенных пунктов приходилось всего 391 школа, т. е. 80 % сел и деревень не имели школ¹. Из общего числа детей школьного возраста обучалось лишь около 40 %, подавляющее большинство оставалось вне школы. Так, по данным подворной переписи 1910 — 1911 гг. в Ардатовском уезде Симбирской губернии в 1911 г. дети из 86,8 % семей не посещали школу; 47,9 % семей были безграмотными².

На начало 1914/15 уч. г. в мордовском крае числилось 787 учебных заведений, из которых 56 находились в городах, а 731 — в сельской местности³. Из общего числа школ было 9 семилетних и столько же со средним образованием, расположенных в городах и поселках городского типа. В сельской местности преобладали начальные школы. В основном это были низшие учебные заведения (769, или 97,7 %, от всех начальных школ)⁴.

В общеобразовательных учебных заведениях в мордовском крае обучалось 48 % учеников⁵. Детей школьного возраста было около 120 тыс., в школах из них обучалось примерно 58 тыс.

Согласно данным земского обследования 1909 — 1910 гг., в мордовских селениях на территории Пензенской губернии было 8 министерских школ, 48 — земских, 39 — церковно-приходских и 1 школа грамоты. Всего 96 школ на 250 тыс. чел. мордовского населения губернии. Следовательно, на 1 школу приходилось более 2 600 чел. Во всех указанных школах обучалось 5 234 учащихся, из них 4 700 (89,8 %) мальчиков и 534 (10,2 %) девочек. Если рассматривать процентное соотношение учащихся и общего числа мордовского населения губернии, то получится мальчиков — 3,7 % от мужского населения и девочек — 0,4 % от женского населения, всего 2,0 % от общего числа мордвы⁶.

Первый этап в развитии школьного образования в мордовском крае охватывал период 1918 — 1921 гг. Н. В. Саратовцева называла его организационным этапом, «когда происходило разрушение старой и началось строительство новой системы школьного образования»⁷. На смену министерским, земским и церковно-приходским школам пришли школы I и II ступеней по принципу единой трудовой школы.

В первые годы советской власти были приняты важные решения по вопросам народного образования, в частности декрет СНК «Об организации дела народного образования в Российской Республике» от 26 июня 1918 г.⁸, декрет ВЦИК «О единой трудовой школе РСФСР» от 16 октября 1918 г.⁹, постановление НКП «О школах национальных меньшинств» от 31 октября 1918 г.¹⁰ и постановление СНК «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» от 26 декабря 1918 г.¹¹

Руководствуясь директивами советского правительства, органы власти на местах развернули работу по организации школьной сети, укомплектованию ее учительскими кадрами, охвату обучением наибольшего количества детей и привлечению населения к участию в строительстве и финансировании школ. Так, 7 июля 1918 г. граждане Козловского общества Базарно-Дубровской волости обратились

с просьбой к комиссии по народному образованию при Краснослободском Совете крестьянских депутатов об открытии в с. Никольском, составлявшем с с. Козловка одно селение, высшего начального училища¹². 6 ноября того же года комитет Кученяевской деревенской бедноты Алатырского уезда Симбирской губернии ходатайствовал перед уездным комиссариатом народного просвещения об открытии в с. Кученяеве вместо земской школы высшего начального училища. Для этой цели комитет предлагал использовать средства, собранные контрибуционно на содержание комбедов в сумме 16 425 руб.¹³

Активность населения по открытию школ наблюдалась во всех уездах мордовского края. Так, 10 февраля 1919 г. Саранский уездный отдел народного образования принял решение об открытии школы в д. Новотягловке Воеводской волости, где крестьяне предоставили под школу готовое помещение с мебелью, одновременно учителем был направлен выпускник реального училища Виктор Семин¹⁴. 29 мая того же года крестьяне д. Алексеевки Кочелаевской волости обратились в уездный отдел народного образования по вопросу открытия школы в доме учителя И. Г. Парфенова¹⁵. По этому же вопросу в уездный отдел народного образования поступили ходатайства от жителей д. Акаевки Саловской волости, Ефимовки Пушкинской волости и Ханенеевки Еремеевской волости¹⁶. Их просьбы были удовлетворены.

Из отчета Саранского уездного отдела народного образования о количестве школ, учителей и учащихся на 1 января 1920 г., представленного в НКП РСФСР, видно, что в уезде действовали 184 школы I ступени, в которых работало 556 учителей и обучалось 21 725 учащихся. С сентября 1919 г. было открыто 6 школ и планировалось в течение 1920 г. открыть еще 7¹⁷. Наряду с этим в уезде функционировало 10 школ II ступени, в которых насчитывалось 1 324 ученика и 72 школьных работника. В течение 1919 г. было открыто 4 школы II ступени¹⁸.

В Темниковском уезде на 30 декабря 1920 г. действовали 179 школ I ступени и 9 школ II ступени, в которых обучалось 25 730 учащихся, в том числе 15 894 мальчика и 9 836 девочек. Учителей в школах I ступени насчитывалось 364 чел., II ступени — 12¹⁹.

Несколько иначе складывалось дело с организацией народного образования в Ардатовском уезде Симбирской губернии. В частности, в отчете уездного отдела народного образования о работе за 1920 г. отмечалось, что в течение года часто менялись работники уездного отдела народного образования, это стало причиной медленного роста народного образования в уезде, уровень которого упал по сравнению с дореволюционным временем²⁰. Так, из существовавших на начало 1920 г. 185 школ I ступени до конца учебного года функционировало только 106, остальные закрывались «по мере разрушения школьных зданий, истребления топлива, учебных пособий, а также эпидемий, болезней»²¹. Несколько школ было закрыто в связи с передачей школьных зданий другим учреждениям (например, органам здравоохранения или военным организациям). В функционировавших 106 школах отмечались недостатки, в основном теснота из-за наплыва учащихся закрытых школ, отсутствие наглядных пособий и школьных учебников. Из-за отсутствия учителей из 11 школ II ступени, числившихся к началу 1920 г., 8 были закрыты: 4 — в городе и 4 — в сельской местности²².

В Спасском уезде Тамбовской губернии советские органы народного образования были организованы в августе 1918 г. Как отмечалось в докладе губернского отдела народного образования «О состоянии народного образования в уезде» от 22 мая 1919 г., они работали неэффективно, так как в течение года их кадровый состав обновлялся несколько раз. Что касается волостных отделов, то из 22, имевшихся в уезде, ведение дел было поручено одному из членов волостного исполкома, не всегда «сообразуясь с его общеобразовательным цензом». Кроме того, он ведал этим делом фактически бесплатно. Большую помощь оказывали учителя, которые привлекались к исполнению разных работ в волостном отделе народного образования.

Что касается всеобщего обязательного обучения, то, как следует из отчета, оно не было «в полной мере... проведено в жизнь». Причинами такого положения являлись отсутствие школьных работников, недостаток школьных зданий и их плохое экономическое, бытовое и санитарно-гигиеническое состояние²³.

В школах Спасского уезда числилось 453 учителя, из них 419 работали в школах I ступени и 34 — в школах II ступени. 20 учителей было с высшим образованием, 210 — со средним (гимназия, реальное училище и духовная семинария), 98 окончили только второклассную школу, 107 — городское училище и высшее начальное, при этом сдали специальный экзамен на звание народного учителя, 7 — учительский институт и 11 — учительскую семинарию. Естественно, образовательный уровень учительского состава был не так высок, чтобы можно было говорить о качественной стороне педагогической работы. Только 157 учителей, или 34,7 %, имели стаж работы свыше 5 лет. Слабой была и материальная база школ. Из 216 школьных зданий 66 были земскими, 59 — бывшими церковно-приходскими. При этом 84 школы размещались в наемных крестьянских избах и 7 — в бывших помещичьих домах. Большинство школьных зданий не соответствовали санитарно-гигиеническим нормам²⁴.

Из отчета уездного отдела народного образования следует, что школ в Спасском уезде на 29 января 1921 г. было 250. В течение года было закрыто 3 школы в городе и 29 — в сельской местности. Одна из причин закрытия школ — отсутствие школьных работников, а в городе — отсутствие помещений для занятий²⁵. Количество учащихся уезда составляло 12 186 чел.²⁶

Вопросы школьного строительства занимали важное место и в деятельности Инсарского уезда Пензенской губернии. Они были предметом обсуждения I, III и IV уездных съездов Советов²⁷. На I съезде рассматривался вопрос «О мерах по укреплению народного образования в уезде». По нему съезд принял решение все расходы на отопление, освещение, содержание школьных помещений и наем сторожа, а также расходы на приобретение учебников и учебных пособий возложить на население. Однако оно не в силах было выполнить принятую резолюцию, т. е. финансировать школьное образование. Об этом говорилось на IV съезде Советов, хотя определенная сумма в виде налога была собрана, чтобы в какой-то степени обеспечить школы учебниками и учебными пособиями.

Положение о единой трудовой школе в ходе школьной реформы ставило двуединую задачу — создать материальную базу и подготовить педагогический персонал для реформирования школы. Однако в Инсарском уезде обеспечение школ достаточными помещениями находилось в плачевном состоянии.

Согласно Положению о единой трудовой школе, предусматривавшему пятилетний курс обучения для всех школ I ступени, в среднем на школу приходилось от 30 до 40 учащихся. Имеющаяся материальная база школ не способна была разместить по отдельным классам такое число учащихся, следовательно, выполнение реформы ставилось под сомнение.

Не хватало и педагогических кадров, «подготовленных к работе в школе на новых началах». Чтобы решить эту проблему, необходимо было открыть педагогические курсы по подготовке кадров учителей для школ I ступени.

Строительство новой советской школы, как отмечала Т. И. Сандина, проходило в невероятно трудных условиях²⁸. Эти трудности были связаны, во-первых, с ликвидацией массовой неграмотности и повышением культурного уровня населения; во-вторых, с коренным изменением содержания образования; в-третьих, с подготовкой новых специалистов педагогического образования, способных наладить работу новой школы. Кроме того, нужны были средства для строительства новых школьных помещений и подготовки кадров, особенно мордовской национальности. Одновременно необходимо было вести работу по перевоспитанию учителей, не желавших сотрудничать с советской властью, привлечь их в систему народного просвещения.

Большая часть дореволюционных педагогов активно сотрудничала с советской властью в создании новой школы, среди них З. Ф. Дорофеев, М. Е. Евсевьев, Ф. И. Завалишин, Ф. А. Лазарев, Ф. И. Петербургский, И. М. Петаев, Е. В. Скобелев, Ф. Ф. Советкин, М. И. Наумкин и многие другие.

В сложных условиях Гражданской войны и переустройства народного хозяйства в мордовском крае медленно, но неуклонно росло количество школ и учащихся в них. Если в 1913/14 уч. г. в Инсарском, Краснослободском, Рузаевском и Саранском уездах Пензенской губернии и Ардатовском уезде Симбирской губернии была 461 начальная и 5 средних и семилетних школ, то в 1921/22 уч. г. их стало уже соответственно 680 и 25²⁹. Изменился и состав учащихся, среди них стало больше девочек.

Таким образом, в 1910 — 1920 гг. в мордовском крае шла работа по организации образования, происходили качественные изменения в развитии школ, находящихся в ведении земств, прослеживалась тенденция к переходу к среднему образованию.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Талдин Н.** Очерки истории мордовской школы. Саранск, 1956. С. 18.

² См.: **Киселев А. Л.** Социалистическая культура Мордовии. Саранск, 1959. С. 51.

³ См.: Народное хозяйство Мордовской АССР : стат. сб. Саранск, 1958. С. 110 — 112.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ См.: **Талдин Н. В.** Указ. соч. С. 23.

⁷ **Саратовцева Н. В.** Основные этапы развития единой трудовой школы в мордовском крае в 1917 — 1930 гг. // Страницы истории образования в мордовском крае: постреволюционный период. Саранск, 2003. С. 5.

⁸ См.: Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны : док. и материалы. Саранск, 1959. С. 13 — 18.

- ⁹ Там же. С. 19 — 25.
¹⁰ Там же. С. 25 — 26.
¹¹ Там же. С. 26 — 27.
¹² См.: Народное образование Мордовской АССР. 1918 — 1928 гг. : док. и материалы. Саранск, 1962. Т. 1. С. 176.
¹³ См.: Мордовия в период упрочения Советской власти... С. 48 — 49.
¹⁴ ЦГА РМ. Ф. Р-40. Оп. 1. Д. 32. Л. 7.
¹⁵ Там же. Д. 30. Л. 101.
¹⁶ Там же. Д. 32. Л. 81.
¹⁷ Там же. Д. 47. Л. 234.
¹⁸ Там же.
¹⁹ Там же. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 189. Л. 25 — 26.
²⁰ ГА УО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 520. Л. 20 — 21.
²¹ Там же.
²² См.: Народное образование Мордовской АССР. 1918 — 1928 гг. С. 274.
²³ Там же. С. 275.
²⁴ Там же. С. 280 — 281.
²⁵ Там же.
²⁶ Там же. С. 283 — 284.
²⁷ ЦГА РМ. Ф. Р-364. Оп. 1. Д. 12. Л. 28 об., 29, 53 — 54, 115 — 122.
²⁸ См.: **Сандина Т. И.** Развитие народного образования в Мордовии. Саранск. 1969. С. 13.
²⁹ См.: **Киселев А. Л.** Указ. соч. С. 64.

Поступила 03.09.2012 г.

НАШИ ПРОЕКТЫ

МИФОЛОГИЯ МОРДВЫ*

Энциклопедия

К

КАВТАСЬКИН Лука Семёнович (7.2.1911, с. Б. Толкай ныне Похвистневского р-на Самарской обл. — 21.6.1977, г. Саранск), фольклорист, переводчик, литературовед, критик. Канд. филол. наук (1953). Засл. работник культуры МАССР (1971). Член СП СССР (1948). Участник Вел. Отеч. войны. Мордвин (эрзя). Род. в крест. семье. Окончил фин.-угор. отделение Ленингр. ист.-лингв. ин-та (1931), МГПИ им. А.И. Полежаева (1939). С 1936 с перерывами работал в НИИЯЛИЭ: в 1951 — 74 — младший, старший науч. сотрудник сектора мордов. фольклора.

Творч. путь К. как фольклориста определился под влиянием богатых устно-поэтич. традиций родного села, матери Елизаветы Матвеевны, знатока и талантливой исполнительницы произв. фольклора. Первым вкладом К. в фольклористику были ст. о творчестве мордов. сказительниц Е. П. Кривошеевой и Ф. И. Беззубовой. Регулярную работу по сбору мордов. фольклора он начал в 1934, приняв участие в 1-й фольк. эксп. НИИ мордов. нац. куль-

туры. Собр. материалы вошли в опубл. в 1939 сб. «Эрзянь фольклор» («Эрзянский фольклор»; сост. — К.), ставший одним из ценных изд. устного нар. творчества мордвы. Мн. представл. в нём произв. сейчас широко изв., вошли в школьные учебники, хрестоматии, послужили основой для науч. работ исследователей. В канд. дис., посвящ. мордов. необрядовой поэзии, К. решил ряд науч. проблем, связ. с жанровым составом, идейно-тематич. содержанием и поэтикой традиц. и совр. нар. песен. В качестве одного из важнейших композиц. приёмов традиц. поэтики мокш. и эрз. необрядовых песен он выделил синонимич. параллелизм. Исследуя мордов. необрядовую поэзию, К. выделил, проанализировал и систематизировал по тематике и худож. особенностям песни мифол. содержания, песни-сказки, баллады, ист., лирико-эпич., семейно-бытовые, солдатские и дет. песни. С появлением магнитофонных средств звукозаписи он первый начал фиксировать нар. песню с её звучанием. Особенно большое число магнитофонных звукозаписей было сделано им в 1953 — 56, часть их вошла в нотациях Г. И. Сураева-

* Начало в № 2, 2011 — 3, 2012.

Королёва в сб. по мордовской частушке и свадьбе.

В 1955 вышел сб. «Мордовские народные песни» (сост. — К.), ставший первой попыткой публикации мордов. устных нар. песен на рус. яз. в худож. пер. До этого мордов. фольк. песни печатались или только на нац. (эрзя и мокша) яз., или с параллельным подстрочным пер., к-рый (до рев.) был рассчитан на узкий круг специалистов, фольклористов, краеведов, на любознательность незначительной части интеллигенции. При подготовке сб. сост. руководствовался худож. и общекультурными интересами читателей, ставил перед собой цель познакомить массового читателя немордов. национальности с лучшими в идейно-худож. отношении образцами песенного творчества мордов. народа, собр. в различные годы. Для подбора текстов были привлечены почти все вышедшие до рев. и в сов. время фольклорно-песенные сб., рукописный фонд М. Е. Евсевьева, хранящийся в ЦГА РМ, личные песенные записи самого К. и НА НИИГН.

К. внёс значительный вклад в текстологич. подготовку «Избранных трудов» Евсевьева, создание и публикацию многотомной серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа». Литературоведч. деятельность К. связана с исследованием общих процессов развития мордов. лит-ры и сказительской поэзии.

Соч.: Творчество современных мордовских сказителей // Литературная Мордовия. Саранск, 1951. № 4 (8); К вопросу об изучении мордовского устного народного творчества // Зап. / НИИЯЛИ. Саранск, 1951. № 12; К вопросу истории собирания, публикации и изучения мордовской необрядовой поэзии // Там же. 1953. № 14; Макара Евсевьевич Евсевьев // Сов.

этнография. 1965. № 1; Мордовские обряды и причитания при похоронах девушки // Проблемы изучения финно-угорского фольклора. Саранск, 1972; Об устно-поэтических и фольклорно-музыкальных истоках мордовского народного эпоса // Вопросы финно-угорского фольклора. Саранск, 1974. (Тр. / НИИЯЛИЭ; вып. 50) (в соавт.).

Лит.: **Васильев Л. Г.** Всегда вместе: Лит. портреты, ст., заметки. Саранск, 1985; **Инжеватов И. К.** Учёный, педагог // Сов. Мордовия. 1981. 3 марта; Писатели Советской Мордовии: библиогр. справ. Саранск, 1970; Центр гуманитарных наук: история и современность / сост.: А. В. Чернов, Е. В. Глазкова. Саранск, 2008; Мордовия, XX век: культурная элита: энц. справ.: в 2 ч. Саранск, 2010. Ч. 1; **Шаронов А. М.** Лука Семёнович Кавтаскин (1911 — 1977) // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. № 2.

Н. И. Бояркин.

КАЗАКИ (м., э. **Казакт**), участники «Дома девичьего пива», наделяемые апотропейными характеристиками; персонажи мордов. фольклора.

В осеннем празднике мордвы «Дом девичьего пива» одними из гл. действующих лиц являлись «К.», в роли к-рых выступали переодетые соотв. образом девушки: в муж. костюме, дополнявшемся казачьей фуражкой, папахой, кнутом, иногда плёткой и саблей. Во время праздника они исполняли все индивидуальные плясовые номера. «К.» наз. также мужчин, охранявших «Дом девичьего пива» и не пускавших в него пришедших с др. улиц. Присутствие на празднике «военных», имеющих «сабли», обладавшие по представлениям мордвы защитными функциями, а также плётки, ногойки, вероятно, должно было

оберегать весь процесс от вредоносного колдовства.

Выполнение «К.» защитных функций просматривается и в их участии в первом выгоне стада, обрядово-игровые элементы к-рого отражали защиту скота от воздействия злых сил. У мордвы этот обряд обычно сопровождался различными магич. предохранительными действиями (напр., прогон через яму с огнём). Не было исключением, вероятно, и наличие здесь переодетых девушек в казачьих фуражках набекрень, к-рые, по наблюдениям фольклориста М. И. Чувашева, лихо, с песнями и плясками, провожали стадо за околицу, к ним присоединялись женщины и подростки, выводившие скот со своих дворов. Свообразным воплощением идеи плодородия являлось исполнение «К.» песен, в к-рых воспевался рогатый скот: «Азё паксяв, скалушка, / Пурнак ловсо ваканшка, / Потявсынек лембестэ, / Чапавсынек чакшкесэ, / Кельме вецэ човаснэ, / Пиянь таркас симсыне» — «Иди-ка в поле коровушка, / Собери молока миску, / Тёплое молоко мы подоим, / В горшке заквасим, / Холодной водой разбавим, / Вместо пива выпьем» (Духовное наследие народов Поволжья, Самара, 2001, с. 27 — 28).

В мордов. фольклоре образ К. закрепился в осн. в трансформировавшихся сюжетах песен о ногайском полоне, где есть мотив умыкания девушки в свою страну. Здесь К. предстают искусными создателями идиллич. картины жизни за пределами мордов. земли (см. *Казачья земля*).

Тексты: НА НИИГН. Ф. Л-397, № 3 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1, кн. 2 : Исторические песни XVI — XVIII веков. Саранск, 1977 ; Духовное наследие народов Поволжья : Живые истоки. Самара, 2001.

Лит.: Маскаев А. И. Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964 ; Брыжинский В. С. Народный театр мордвы. Саранск, 1985 ; Его же. Мордовская народная драма : История. Проблемы реконструкции. Драматургия. Режиссура. Театр песни. Саранск, 2003 ; Корнишина Г. А. Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования. Саранск, 2000.

Д. Ф. Ильин, И. В. Зубов.

КАЗАЦКАЯ ЗЕМЛЯ (с т р а н а ; э. **Казак мастор**), в устно-поэтич. творчестве мордов. народа собирательный образ, страна, насел. многочисл. степными кочевниками — ногайскими, кубанскими, казанскими и азовскими татарами, башкирами или киргизами, к-рые постоянно совершали набеги на рус. и мордов. земли. Набеги и рассказы о них, а также об уходе населения в неволю стали основой для создания цикла песен о пленении и побеге из плена или жизни в неволе людей, порабоц. иноземцами. Мордов. эпич. песни о ногайском полоне отражают подлинные ист. события, в то же время это их худож. обобщение. Вольные казаки, так же как и люди из степи, представляли угрозу для населения, поэтому в данном цикле есть песни, объедин. под назв. «Казак обманывает девушку», к-рые возникли в результате трансформации сюжета «Ногайские парни обманывают девушку». Ногайца заменил казак с Яика или Дона. Так, в одной из песен говорится: «Дарянь манчесы казаконь цёра, / Дарянь кончасы яикень цёра: / — Адя, ох, Даря, казак масторов, / Тон адя, Даря, Яик уездэв» — «Дарью обманывает парень-казак, / Дарью заманивает яицкий парень: / — Идём, ох, Дарья, в казацкую страну, / Ты идём,

Дарья, в Яицкий уезд» (УПТМН, т. 1, кн. 2, с. 193). При этом казак хвалит житьё в своей стране: «Там... не ткут, не прядут — ходят в шелку, / Не сеют, не пашут — калачи едят» (Там же, с. 194).

В данных сюжетах пленения как такового нет. Ситуации, изображ. в этих песнях, показывают прежде всего отношение мордвы к полону и как он отражается на судьбе целой семьи, частных лиц.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1, кн. 2 : Исторические песни XVI — XVIII веков. Саранск, 1977.

Лит.: Маскаев А. И. Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964 ; Ватанина М. Ф. Поэтический язык мордовских исторических песен. Саранск, 1968 ; Ефимова М. Ф. Мордовские исторические песни. Саранск, 1980 ; Её же. История в песнях. Саранск, 1991.

Т. М. Гусева.

КА́ЛДАЗАВА́ (м. К а л д а з о н ь к и р д и), **КАРДАЗАВА** (м., э. К а р д а з о н ь к и р д и; м. калдаз «хлев», м., э. кардаз «двор, хлев», м., э. ава «женщина, мать»), божество, покровитель двора и хлева. Оберегает живущих в *доме* людей и *животных* от зла (см. *Добро и зло*); сохраняет мир и согласие в семьях и заботится об изобилии в охраняемом доме. Представляется преим. в муж. образе, но есть мнение, что раньше это божество имело жен. облик. Местом обитания К. считался двор (хлев), особенно его правый угол. Полагали, что иногда К. показывается людям.

По поверью, если К. нравится скот, то божество проявляет заботу

о нём. Так, любимым его занятием являлось заплетание лошадиной гривы в косы, к-рые нельзя было расплести — божество может рассердиться и умертвить животное. Если скот не нравится (обычно масть), то К. изведёт его: будет всю ночь ездить на нём. К К. обращались с молитвами о здоровье скота; устраивали в его честь *жертвоприношение*. Этот обряд наз. «Кардаз озкс» (моление о дворе). Кроме специальных молений в честь К. проводили моления в случае падежа скота. На первый и второй дни Крещения принято было кататься на лошадях (см. *Конь*), чтобы К. не щекотал их, т. к. от этого они становились тощими.

В Темниковском и Кочкуровском р-нах Мордовии не знают специального божества двора и в его роли выступает Юрхтава (м.), Юртава (э.); в с. Б. Пермиево Никольского р-на Пензенской обл. — гигерь пря гуй (э.; «уж»). Иногда это божество наз. **Кардаз сярхка** (м.), **Кардаз сярко** (э.). Этимология слов «сярхка» (м.), «сярко» (э.) не совсем ясна: возможно, «гнида», однако, вероятно, это трансформиров. слова «сятко» (э.), «цятка» (м.) «искра», т. к. считалось, что божество К. с. возникло из искры, высеч. *Анге Патяй* из кремней посредством небесного огня. Местом пребывания этого божества являлась вырытая среди двора на специальном месте (м. ару васта, э. ванькс тарка «чистое место») яма, куда сливали кровь жертв. животных, яму прикрывал камень, к-рый наз. по имени божества, — карда-сярхка (м.), кардо-сярко (э.).

К. с. представляли в виде белого зайчика или змея с блестящим венком на голове. Его появление предвещало несчастье: пожар, мор скота

или смерть человека. Если человек заболел, то перед принесением искупительной жертвы к божеству обращались со следующей молитвой: «Хранительница двора, Кардас-сярко-матушка. Может быть, он упал на твои недра или на твоего ребёнка, на твоё исчадие. Может быть, твои дети обижены, пусть не сердятся и они. Смотрите, на ваше имя убиваю я лучшую овцу. Смотрите ещё, вот пуд серебра, вот пуд меди. Сделайте только моего (...) здоровым, поставьте его опять на обе ноги» (цит. по: Смирнов И. Н., Мордва, Саранск, 2002, с. 189). К. с. считался другом хозяина дома. Если хозяин умирал, божество оплакивало его. Тёплое отношение К. с. к умершему рисуется в следующих строках причитания, запис. Фитинговым в с. Кузоватове Сенгилеевского у. Симбирской губ.: «Кардас-сярко воет, / Юрт-авинесь плачет. / Кардас-сярко что воет? / Юрт-ава что плачет? / — Как нам не плакать — / Любимый человек выходит со двора» (Там же).

Реконструкция мифол. образа К. с. осуществлена Н. Г. Юрчёнковой.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981.

Лит.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981 ; Смирнов И. Н. Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; Евсевьев М. Е. Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; Мокшин Н. Ф. Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; Девяткина Т. П. Мифология мордвы : энциклопедия. Саранск, 2006 ; Юрчёнкова Н. Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009.

И. И. Шеянова.

КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ, произв. устно-поэтич. нар. творчества, связ. с календарными обрядами и отраж. события в природе (времена года) и в общественно-бытовой жизни (охота, сев, сбор урожая и т. д.). По происхождению и бытованию К.-о. п. обусловлена материальной деятельностью людей. Вместе с тем в ней получили отражение представления человека родового строя, находившегося в полной зависимости от природы и бессильного перед её непонятными и страшными силами и явлениями. По воззрениям древней мордвы, все предметы и явления имели своих духов-хозяев, к-рых она старалась подчинить или расположить к себе особыми магич. приёмами — действиями или словами. Повторение, по необходимости, этих магич. действий и слов формировало определённый обряд, сопровождаемый различными ритмико-словесными пояснениями в песнях, т. е. создавало К.-о. п.

Календарные обряды мордвы делятся на четыре цикла: зимний, весенний, летний и осенний. С каждым из них связаны свои песни и заклинания. Наиболее богатыми в поэтич. отношении являются зимний и весенний циклы. Зимние обрядовые игры (с 24 дек./ 6 янв. до 6/19 янв.) сопровождались исполнением колядок (см. *День коляды*) и подблюдных песен. Промежуточное положение между зимним и весенним циклами занимала Масленица с её драматизиров. проходами зимы, сжиганием Масленицы, катанием, приготовлением блинов и исполнением масленичных песен. Весенние обряды приурочивались к пасхальной и т. н. семицкой (седьмой после Пасхи) неделям, а также к Троице. Они начинались 1/14 марта, в день св. Евдокии (м. Алдакеень шиня, э. Олдоки-

янь чиня) и продолжались до Петрова дня; сопровождалась поэтич. заклинаниями *весны*, заговорами при выгоне скота, хороводами, *играми*, *гаданием*. Осенний цикл связан с аграрным календарём мордвы, в основе к-рого лежат земледельч. обряды, обусловл. стремлением путём магич. действий и заклинаний достичь урожая, хоз. благополучия. Данный цикл начинался в авг. и продолжался до дек. Каждому из этих моментов обряда соотв. определённые песни (калядки, тавунсяи, вийаны, поэзьяры, ивавы и др.), в к-рых ярко звучали мотивы культа растительности, а также любовные и брачные мотивы.

Для аграрного календаря мордвы характерны краткость осеннего цикла и почти полное отсутствие летних праздничных обрядов. В жанровом плане в зимнем цикле преобладали заклинательные, величальные и гадальные песни; в весенне-летнем — игровые, развлекательно-любовные и хороводные; в осеннем — только молельно-заклинательные (пазморот, озномат), очень древние и неизменно связ. с определёнными дохрист. праздниками.

Календарные обряды реализуют единый набор ритуальных форм (обходы, обряды с зеленью, трапезы и угощения, возжигание огней, ряженье, изготовление и уничтожение ритуальных предметов, пение и т. п.), из к-рых в каждом комплексе и каждом конкретном обряде в зависимости от содержания фигурируют лишь нек-рые. Напр., ритуалы продуцирующие и инициации (см. *Инициация и миф*) приурочены гл. обр. к рождественскому и весеннему комплексам, очистительные — к весеннему, отгонные и защитные — к троицкому и купальскому; обходы и костры встречаются во всех комплексах.

Каждый календарный праздник любого сезона совершался мордвой прежде всего для того, чтобы повлиять на природу, обеспечить хороший урожай, приплод скота, а также достаток и благополучие семьи. Этой цели служили определённые магич. обряды и песни, повторяющиеся в каждом цикле праздников: обряды встречи, *еды ритуальной*, почитания умерших и др.

Единство календарных обрядов проявляется на уровне их мифол. содержания. Основополагающими для календарной мифологии следует считать представления о необходимости ритуального «подкрепления» и магич. стимулирования природного порядка (наступление весеннего тепла, начало вегетации, сохранение плодородия земли после снятия урожая и в конечном счете — само движение времени) и соблюдения требуемого равновесия в отношениях с *загробным миром*, от к-рого зависит земное благополучие. Отсюда исключительное значение продуцирующей магии, поминальных ритуалов, а также особая мифоритуальная роль периодов, когда, по нар. поверьям, души предков ходят по земле (Святки, Масленица, пасхальная неделя). Наконец, важным компонентом календарных верований является демонологич., определяющий появление, активизацию и исчезновение мифол. персонажей и роль охранительных ритуалов и отгонных мотивов в нар. календаре (см. *Демонология*).

Дошедшие до нас праздничная обрядность и песни в различных календарных циклах во многом утратили прежнюю языч. чистоту, переходя от одного поколения к др. Нек-рые осложнялись элементами культуры новой ист. эпохи, а также христ. религии; отд.,

наоборот, сокращались и окончательно забылись.

К.-о. п. мордвы родового строя несущественно изменилась под воздействием христианизации. Народ берёг, сохранял её как элемент своего быта и даже противопоставлял христ. праздникам. Из церк. календарных обрядов и праздников мордва заимствовала в осн. только назв., под их влиянием была изменена последовательность дохрист. земледельч. ритуала.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1939. Bd. 2.

Лит.: Толстая С. М. Календарь народный // Славянская мифология : энц. слов. М., 2002 ; Имайкина В. Л. Обрядовый календарь зимнего сезона у мордвы // Уч. зап. / Мордов. гос. ун-т. Саранск, 1968. № 64 ; Мордовское народное устно-поэтическое творчество : очерки. Саранск, 1975 ; Самородов К. Т. Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980 ; Корнишина Г. А. Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования. Саранск, 2000.

И. И. Шеянова.

КАЛИНАТ (м.), **СПУЖАЛАТ** (э.), ряженые, олицетворяющие собой *Весну* в обрядах её проводов. В нар. театрализов. действиях мордвы Зубово-Полянского, Рузаевского и Старошайговского р-нов Мордовии в 20 в. бытовало образное воспроизведение Весны как духа растительности. Весна выступает здесь как коллективный образ леса, представляемый в виде неких странных существ, с ног до головы покрытых зелёной растительностью. Данные персонажи,

связ. с мордов. мифологией, несомненно, представляют собой лесных божеств, в частности *вирьват* («лесные женщины»). Эти существа (в их роли выступали мальчики и девочки) под плясовую музыку выскакивали друг за другом из кустов и, кружась и постукивая суковатыми палками, шли через импровизиров. хлебное поле в село. Время от времени они бросали в хлеба цветы и небольшие ветви деревьев, что символизировало весенний рост хлебов и древние нар. представления о защитных функциях зелени деревьев.

В молодёжных театрализов. действиях Весна предстаёт как коллективный образ любви природы. В тайне от всех девушки рядились в мужчин, юноши — в женщин. Переодевались во всё рваное. На одежду подвешивали металлич. предметы, к-рые во время движения и плясок гремели и звенели. Лица ряженые закрывали специальной маской, изображающей лесное существо, головы опутывали зеленью. На костюм сверху донизу пришивали ветки папоротника (карёлкс). Этим участников ряженья наз. К. (по песне «Калина-малина», исполняемой во время шествия) или С. (от рус. слова «пугало»). Подмена пола (травестия) в ряжение предполагала более «смелые» действия со стороны девушек, переодетых в мужчин. Представлениям К., С. характерны таинственность и эротичность. Содержание любовных сценок и танцев должно было способствовать увеличению семьи и рода, росту поголовья скота, повышению урожайности полей. С забвением подлинного смысла эротич. игр, они стали считаться греховными и участники действ, в частности исполнители роли К., С., тщательно хранили тайну своего участия в представлениях. Непристойные в

совр. понимании игровые действия К., С. сохранились.

В драматизиров. представлениях ряженные разыгрывали также различные эпизоды, в к-рых высмеивались общеизв. неблагоприятные поступки отд. людей (без называния имён): ухаживание за чужой женой, разоблачение супругой недостойного поведения мужа, хищение обществ. и личного имущества и др. Отсюда понятна неприязнь к К., С. со стороны «пострадавших» лиц. Вместе с тем здесь с лёгким юмором изображались чистые любовные взаимоотношения между молодыми супругами. Подобные сцены, отмеч. незаурядной наблюдательностью и яркой театральностью, вызывали искреннее чувство радости. Настроению всеобщего веселья способствовали озорные пляски, сопровождаемые задорными песнями типа «Калина-малина».

Лит.: **Брыжинский В. С.** Народный театр мордвы. Саранск, 1985 ; **Его же.** Мордовская народная драма : История. Проблемы реконструкции. Драматургия. Режиссура. Театр песни. Саранск, 2003.

И. И. Шеянова.

КАЛМА́ВА (м. К а л м а з е р а в а, э. К а л м а з о р а в а, м., э. К а л м о н ь к и р д и; м. калма, э. калмо «могила», м., э. ава «женщина, мать»), божество жен. рода, покровительница *кладбища*. В похоронных причитаниях мордва наз. её «держательница всех могил», «хозяйка кладбища-матушка» (УПТМН, т. 7, ч. 2, с. 68). Поклонение К. связано с мифол. представлениями мордвы о смерти, посмертном существовании (см. *Загробный мир*) и с развитым культом предков. Иногда отождествлялась с *Калмазыренть покшозо*.

Предполагается, что наиболее древними были поклонения жен. божеству кладбища, т. к. в представлениях мордвы-мокши зафиксирован антропоморфный образ К. в виде женщины в белом мокш. одеянии. А. Зайцев воспроизводит предание о том, что «Калмавой могла стать только вдова погибшего в бою воина, которая добровольно отрекалась от мирского и оставшуюся жизнь должна была провести в одиночестве в маленькой избушке при кладбище» (Странник, 2011, № 6, с. 181).

К К. обращались в ходе похорон, причитая по умершему, при приближении к кладбищу, его посещении и проведении поминок на могилах предков. При этом наз. имена духов — хранителей кладбища, к-рых поминали вместе с покойными. Аналогично действовали в случае *болезни к.-л.* из близких родственников. Полагая, что болезнь вызвана неприязнью умершего, К. просили о помощи в исцелении больного: «Хозяйка кладбища, старая Маре, ты хозяйка, ты покровительница над всеми покойными, сжался над Петром, кто-то из покойных причинил ему болезнь» (цит. по: Harva U., *Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen*, Helsinki, 1952, S. 116). К покровительству К. апеллировали в случае бесплодия женщины. При этом последняя и знахарка шли не на кладбище, а на т. н. чистое место — перекрёсток дорог или на берег реки. Знахарка использовала при этом капустный лист, соль и, скобля по монете, произносила молитву. Женщина в это время, стоя на коленях, высоко держала голову. Хорошим предзнаменованием считалось к.-л. ужасное видение, возникающее у неё в это время.

В худож. лит-ре к образу К. обращался А. Зайцев в повести «Тайны горы Калма-Кужа».

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 1 : Эрзянские причитания. Саранск, 1979 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 2 : Мокшанские причитания. Саранск, 1979.

Лит.: Смирнов И. Н. Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; Зайцев А. Тайны горы Калма-Кужа // Странник. [Саранск]. 2011. № 2 — 6 ; 2012. № 1 — 2 ; Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Н. Г. Юрчёнкова.

КАЛМА́ЗЫРЕНТЬ ПО́КШОЗО

(К а л м о н ь к и р д и, К а л м о н ь п р я в т, К а л м о н ь п о к ш; э. калмо «могила», покш «большой, старший»), старший, или хранитель, *кладбища*. Мифол. образ, связ. с представлениями о смерти и *загробном мире*. Иногда отождествлялся с *Калмавой*.

Статус К. п. получали захорон. первыми на кладбище женщина или мужчина. Их имена упоминались при захоронении, поминании умерших (см. *День поминания умерших*) и т. п. В отд. местностях (с. Шугурово Городищенского у. Пензенской губ.) при основании кладбища первыми хоронили изображения мужчины и женщины, вырез. из различных пород деревьев: женщины — из *берёзы*, мужчины — из сосны или дуба, и наз. их условными именами. Порода дерева при этом символизировала жен. или муж. начало. Иногда первого покойного — основателя кладбища хоронили в положении стоя с посохом в руках (д. М. Кармала Буинского у. Симбирской губ.). В один из летних поминальных дней для К. п. устраивали *жертвоприношение*.

В мордов. фольклоре К. п. стоит у ворот кладбища и ждёт похоронную процессию, приоткрывает ей ворота и

пропускает умершее тело. Затем ждёт умершего посреди кладбища: «...На серебряном чурбаке сидит, / На медном чурбаке стоит. / Перед ним престол, / Шёлковая скатерть покрыта...» (УПТМН, т. 7, ч. 1, с. 55). К. п. фиксирует прибывших, вычёркивая их из числа живущих и записывая в число умерших. При этом кол-во прибывших он сверяет с общим числом умерших и родившихся: «Пальцами держит ручку свою, / Письмо из сената перед ним, / Сегодня семьдесят семь родилось на земле, / Семьдесят семь успели умереть» (Там же, с. 140).

Обращаясь к К. п. в причитаниях, просили встретить умершего на кладбище приветливо, желая добра, дать ему хорошее свободное место, не пугать.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 1 : Эрзянские причитания. Саранск, 1979 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 2 : Мокшанские причитания. Саранск, 1979.

Лит.: Смирнов И. Н. Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Н. Г. Юрчёнкова.

«КА́ЛЯДАНЬ ТО́ЛНЯТ» (м.), «КА́ЛЛЯДАНЬ ТО́ЛНЭТЬ» (э.; м., э. каляда «коляда», м. толнят, э. толнэть «огоньки» — «Огоньки коляды»), игра-хоровод, проводимая в «Рождественском доме». В период Святков (от Рождества до Крещения) мордва ходила по улицам с фонарями. По поверьям, святочные фонари представляли собой искорки звездочек Каргонь Ки (см. *Астральные мифы*), посылаемые *богами* для поддержания тепла в крест. избах и освещения дороги

заблудившимся в холодную зимнюю ночь путникам. Для молодёжи фонари служили одновременно и освещением места святочного действа, и, главное, элементом зрелищности. Использовались фонари разного вида: бытовые самодельные из дерева и стёкол с фитилём внутри; типа «летучая мышь»; специально изготовл. святочные лампы в виде звезды или месяца с восковыми свечами внутри. Наибольший интерес представляли фонари из тыквы, изображавшие антропоморфные существа с горящими глазами, зубами, с большими носами и ушами. При изготовлении таких фонарей вычищали внутренность тыквы, вырезали в ней отверстия для глаз, рта, ушей и вставляли внутрь свечу, а чтобы её не задувало ветром, отверстия закрывали обычными или разноцветными стёклышками.

После того как молодёжь, исполняя колядки, с фонарями обходила все дома, она собиралась на заранее подготовл. площадке, где проводила игру-хоровод «К. т.». Игра начиналась в 7 — 8 ч вечера. В ней принимало участие неогранич. число молодёжи. Фигуры хоровода сопровождалась пением колядок, таусеней и плясовых песен «Рождественского дома». Игра проходила следующим образом: все участники вставляли в круг, при этом фонари они прикрывали полами шуб. В центр площадки выходила девушка с фонарём-звездой на шесте. К фонарю снизу прикреплялись разноцветные широкие ленты. Как только начинали петь колядку, все дружно открывали фонари и в такт песне направлялись к центру площадки, образуя звезду. Когда ведущие каждого «луча» звезды доходили до девушки в центре, все поднимали фонари над головой, а «лучи» звезды начинали движение вокруг неё сначала в одну сторону, потом в др. После это-

го они делали два-три зигзагообразных прохода между друг другом, выстраиваясь в один круг, к-рый двигался сначала в одну сторону, потом в др., волнообразно опуская и поднимая фонари. Двигаясь по кругу, участники выстраивались парами, держа фонари во внутр. ряду над головой, во внеш. — на уровне пояса. Затем фонари плавно опускали или поднимали. Пары расходились, и из одного круга образовывалось два движущихся и соприкасающихся круга. При соприкосновении пар оба фонаря поднимались вверх, при отходе друг от друга — опускались. После этого участники выстраивались в две колонны — одна шла навстречу др., поднимая и опуская фонари. Пройдя мимо друг друга, колонны поворачивались кругом и шли в обратном направлении. Это повторялось два-три раза. Затем образовывали круг, а из круга — звезду, с чего начинались все фигуры хоровода. Находящиеся в центре звезды ведущие «лучей» брались за ленты, свисающие с центр. фонаря-звезды. В это время к-л. из участников «К. т.» запевал песню, сопровождая её приплясыванием и движением фонарей вверх-вниз и в стороны. Песню подхватывали зрители.

В совр. условиях святочную игру «К. т.» можно проводить как на сцене, так и в фойе клубного учреждения.

Лит.: **Брыжинский В. С.** Мордовская народная драма : История. Проблемы реконструкции. Драматургия. Режиссура. Театр песни. Саранск, 2003.

И. И. Шеянова.

КАМЕНЬ (м., э. **Кев**), один из первоэлементов мира (наряду с *землёй* и *водой*), к-рый упоминается в теогонич. и космогонич. мифах мордвы; символ

твёрдости, понимаемый как основание, опора, стержень, что сближает представление о К. с центром, осью мира; объект и элемент обрядового поклонения и практики, связ. со здоровьем людей и благополучием крест. семьи.

По мнению П. И. Мельникова, у эрзян Нижегородской губ. получили распространение представления о теогонии, связ. с К. Богиня *Анге Патяй* создавала добрых божеств, высекая искры из кремня. Подобное действие совершал и *Идемевсь*, чтобы стать творцом, отождествлять себя с Верховным богом. Однако из искр, высекаемых Идемевсем, появлялись только злые божества, способные причинить вред людям. Сходные мифы творения божеств существовали и у мокшан, однако в них наблюдается заметное влияние христианизации и не упоминается Анге Патяй: «Господь „духом святым“ обернулся и сам из воды вынул „ямпол“ — камень (гранит), вытащил Господь и благословил из него архангелов (ангольхнень) делать (всех ангелов на земле сперва творил Господь). Господь ударит камнем по камню „ямпол“ — сколько-то ангелов выйдет... А шайтан ударит — трижды больше выйдет нечистых: чертей, дьяволов и прочих» (НА НИИГН, ф. Л-915, л. 12).

Мотив появления К. связан в мордов. мифологии с творением мира, земли и в последующем становится причиной объяснения явлений природы. Согласно космогонич. мифам, антипод Бога — Идемевсь, выплёвывает спрят. первичную землю, из к-рой и получают К. и *горы*: «И Господь сказал: Беги (достигни) края земли — кругосветное путешествие — и плюй, и плюй, а то совсем пропадёшь! И тот побежал, и куда плюнет — туда гора и

гора делается из утаённой земли. Поэтому кругом света — всё горы и горы (Со всех сторон вроде бы горы у земли). Где море — там по краю горы. Земля такая: кругом земли — горы. Это Шайтан кругом земли бежал, вдоль воды (моря) и плевал, и окружил землю горами» (Там же, л. 7 — 8а).

С К. связаны представления мордвы о заботе Верховного бога о людях — из К., созд. Идемевсем, он сделал жернова для обмолота муки, а в каменные горы вложил полезные ископаемые и драгоценные К., в чём прослеживается сходство с мифами др. фин.-угор. народов. Здесь же находит продолжение тема обмана и возмездия за него — этич. основа мордов. мифа. Так, по представлениям мордвы, человек может стать сказочно богатым, получив доступ к несметным сокровищам (см. «*Денежный камень*»), но взамен он должен отдать душу Шайтану.

Обман и попытка нечистого «смесить» или заменить Бога на его месте привела, согласно мифам, к войне божеств. сил, в результате к-рой на землю падали убитые *ангелы* и *шайтаны*. При этом убитые «шайтанские помощники» падали на землю К., поскольку были не только низвергнуты, но и прокляты. Размеры таких К. зависели от того, какой силы был нечистый.

Согласно мифам мордвы-мокши Zubovo-Полянского р-на Мордовии, Верховный бог *Верьдя Шкай* сотворил *звёзды*, закинув на небо К. с земли, поэтому семиотич. поле восприятия К. охватывает также группу некогда существовавших у мордвы солярных и лунарных мифов.

Наиболее обширные сведения о функцион. предназначении К. как объекта обрядового культа мордвы были собраны исследователями в ходе

этногр. эксп., имевших целью изучение быта крест. сельской семьи. Здесь мифол. представления связаны прежде всего с дворовым К. (м. карда-сярха, э. кардо-сярко, кудо юртонь кев, кудокев), к-рый воспринимался в осн. как сакральный центр родового поселения, место *жертвоприношения* божествам-покровителям *дома* Кудаवे, Кудате и двора *Калдазаве, Кардазаве*. В связи с этим и сам дворовый К. стал восприниматься как одно из мест их обитания, что зафиксировано в мордов. молитвах, песнях и причитаниях. Так, перед совершением обряда, посвящ. покровительнице дома и двора Юртаве, мордва-эрзя с. Оркина Саратовского у. Саратовской губ. резала на свящ. дворецком К. жертв. петуха, произнося при этом следующую молитву: «Содержащая корень дома Юртавушка моя, богиня срезанного отрубка, кормилица моя, в твоё имя я зарезал, будь на всяком месте за птицу, на дворе за скотину, чтобы она плодилась и тучнела» (Мордовский этнографический сборник, СПб., 1910, с. 94). В соотв. со свойствами и предназначением такого К. сакрализовалось и пространство вокруг него. Сам К. или углубление в нём использовались только для спуска крови жертв. животного, к-рое резали на мясо, однако позднее такой К. стали применять для др. хоз. нужд, в частности при стр-ве. Хозяева особо следили, чтобы место вокруг К. не было осквернено даже случайно, напр. упавшим мусором, поскольку считалось, что это могло вызвать гнев божеств-покровителей двора и дома и как следствие — *падёж скота* или *болезнь и бедность* семьи.

Свящ. К. у мордвы и др. финно-угров связан со святилищем или проведением на конкретном месте моления, обряда жертвоприношения и т. д.

Несмотря на то что полностью достоверных данных об обязательном нахождении в таких местах у мордвы каменных изваяний (см. *Идолы*) нет, сохранились фолькл. материалы о специфич. памятниках — медведе-К. и обычных валунах, располож. в местах моления, о чём писал, в частности, исследователь фольклора народов Нижегородского Поволжья Н. В. Морохин.

Особое место в обрядовой практике мордвы занимал, по данным В. Н. Майнова, специальный нож из К. (м. озкс-пеель), зафиксиров. им в д. М. Кармала Буинского у. Симбирской губ. Этот нож использовался для отрезания жертв. пищи и лечения больных, он всегда находился у ведущего моление (озафт).

В изобразит. иск-ве культ К. у мордвы отразил в картине «Моление о голубом камне» (2004) Н. В. Рябов.

Тексты: НА НИИГН. Ф. Л-915 ; Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910.

Лит.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981 ; Морохин Н. В. Фольклор в традиционной региональной экологической культуре Нижегородского Поволжья. Киев, 1997 ; Егоров Е. Гусиная дорога. Киев, 2003 ; Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М., 2003 ; Рябов Н. В. Этносимволические формы мордовской культуры: генезис и эволюция. М., 2010 ; Mainof W. Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissä, 1889. Vol. 5.

И. В. Зубов.

КА́НЬШИР, персонаж топонимич. преданий, запис. в Ельниковском р-не РМ. Князь, имевший земли, лес и богатства. На землях возделывали ко-

ноплю. К. содержал войско, «...а потом соорудил себе и крепость, чтобы никого не бояться» (УПТМН, т. 10, с. 103). Со временем стал воровать людей, угонять целые сёла. Тогда жители с. Вертелим (ныне Старошаёвского р-на РМ) и Синдрово (ныне Ст. Синдрово Краснослободского р-на РМ) задумали убить князя и обосноваться на его месте. В открытом столкновении К. победил и крестьяне решили вступить в переговоры с ним. Однако переговоры тоже не имели успеха, тогда крестьяне самовольно поселились на его земле. С годами число потомков первопоселенцев увеличилось, и они изгнали князя. Имя же К. сохранилось в назв. с. Каньгуши Ельниковского р-на РМ. В преданиях о К. есть элементы мифа.

Тексты.: НА НИИГН. Ф. Л-123. Л. 322 — 323 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983.

В. А. Юрчёнков.

КАРПИНИ Джованни де Плано (1182 или 1220, вблизи Ассизи, Италия — 1252, место смерти неизв.), рук. миссии папы Иннокентия IV к монголам в 1245 — 47, автор «Истории монголов». Свидетельства К. о мордве отражают итоги монгольских завоеваний и характеризуют место мордов. земель в системе Золотой Орды. Сообщает о том, что мордва «суть язычники» и монголы «победили их войной».

Тексты.: Карпини И. де П. История монголов. В. де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911 ; Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрика. М., 1957.

Лит.: Райт Дж. К. Географические представления в эпоху крестовых походов.

М., 1988 ; Клина Л. Поволжские финно-угры в письменных источниках I — II тыс. н. э. // Сов. финно-угроведение. 1989. № 1 ; Юрчёнков В. А. Взгляд со стороны : Мордов. народ и край в соч. западно-европ. авторов VI — XVIII столетий. Саранск, 1995.

В. А. Юрчёнков.

КА́СТАРГО, старшая дочь Верховного бога Нишкепаза. Упоминается в одном из вариантов мифа о сотворении *земли*, в к-ром Нишкепаз посылает своих дочерей К. и *Везорго* с приглашением к Пурьгинепазу и к св. Николаю. Как старшая дочь К. накрывает стол для отца и его гостей.

К. имеет антропоморфный образ девушки. О её достоинствах упоминает Норовава в мифе о сватовстве Пурьгинепазу к дочери Нишкепаза: «У... великого бога есть две дочери, старшую звать Кастарго, младшую — Везорго. Кастарго красива и умна...» (Harva U., Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen, Helsinki, 1952, S. 161). Она носит белое одеяние. Способна превращаться в птицу — белого луня, с золотыми перьями, острыми когтями и необыкнов. силой. Людям представлялось, что К. живёт вместе с Нишкепазом на небесах в большом прекрасном дворце. У его ворот лежит снежный ком больше земли, выше неба, а К. может разбить его за минуту; перед лестницей стоит серебряный столб больше земли, выше неба, и его К. может убрать за минуту. В середине двора растёт кривая ольха, а под ней родник с волшебной целительной водой, словно золото бьёт, словно серебро течёт. Водой из этого родника К. лечит разные *болезни*. Кому выпить даст этой воды, кого умоет, кого просто обрызгает, кому раны промоет.

К. считалась лучшей целительницей болезней, и прежде всего глазных (см. *Заговоры лечебные*), поэтому к ней обращались за помощью и упоминали её имя в соотв. *заклинаниях*. Так, измуч. болезнью обращались к К. со словами: «Я лечу больной глаз от катаракты, я лечу от чёрной катаракты. Кастарго, старшая дочь Нишкепаза, великого бога. <...> Она изгонит катаракту, она уничтожит её своим правым крылом, высушит своими золотыми перьями, она раздерёт её своими когтями, она раздробит и уничтожит её своим дыханием» (Ibid., S. 146). Люди верили, что, услышав такое заклинание, К. обязательно им поможет. Если болезнь не отступала, думали, что К. не услышала обращ. к ней слова.

В заговоре от осуды, запис. Х. Паасоненом в 1898 в эрз. селе Козловка Бугульминского у. Самарской губ., К. выступает в роли целительницы от сглаза: «...Сырнень тинге лангсо Нишкенъ тейтеръ Кастарго, / Кшнинъ грабля кедьсэнзэ, / Кшнинъ граблясонзо тулкадъсазо, / Кшнинъ коймсэ нардасазо, / Кшнинъ тенстьсэнзэ тенсесазо / Сянгорды осудонь, лажноты осудонь, / Шлясазо-нардасазо те ломанентъ теластонзо...» — «...На золотом току дочь бога Нишке Кастарго, / Железные грабли у неё в руках, / Железными граблями она столкнёт, / Железной лопатой счистит, / Железным венником сметёт / Болезненный сглаз, ноющий сглаз, / Смоет-сотрёт с тела этого человека...» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 234 — 235).

Реконструкция мифол. образа К. осуществлена Н. Г. Юрчёнковой.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki, 1941. Bd. 3.

Лит.: Юрчёнкова Н. Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; Её же. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Н. Г. Юрчёнкова.

КАРЯЗ (м., э.), семиглавый змей-волшебник, обладатель несметных богатств; антропоморфное существо муж. пола, надел. качествами человека и змея. Живёт в великолепном дворце, боится огня и гнева Пурьгинепаза, жаждет власти и богатства, хочет съесть зятя Царя Грома Дамая и жениться на его невесте. Обладает даром перевоплощения, способен возрождаться из пепла, вступать в брачную связь с *женщиной* и зачать ребёнка. К. — персонаж волшебного-фантастич. сказки «Красавец Дамай». Типологически сопоставим со Змеем Горынычем, Тугарином Змеевичем, Змеем в былинах «Волх Всеславьевич» и др. образами змеев, олицетворяющими богатство, власть, жестокость и их связь с тёмными силами.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3, ч. 2 : Эрзянские сказки. Саранск, 1967 ; Мордовские народные сказки / собрал и обработал К. Т. Самородов. Саранск, 1985.

Лит.: Аникин С. В. Плодная осень. Саранск, 1989 ; Маскаев А. И. Мордовская народная сказка. Саранск, 1947 ; Масторава. Саранск, 1994 ; 2001 ; 2003 ; Шаронов А. М. Масторава. Саранск, 2010.

Е. А. Шаронова.

КАЧÉЛИ, качаться на качелях (м. Нурям, нюрсемс, э. Нурям, нурямс), первонач. обряд, позднее средство и форма досуга, к-рым в

нар. культуре приписываются магич. функции (прежде всего продуцирующая и апотропейная). Качание на К. воспринималось как магич. способ «подвигнуть» девушку или юношу к супружеству. Не случайно в обрядах качания особая роль отводилась девушкам и юношам, достигшим брачного возраста. Т. В. Муравьёва считает, что «качание на качелях у многих народов было в древности не забавой, а ритуальным действием, символизирующим общение с богами „верхнего мира“» (Муравьёва Т. В., Мифы славян и народов Севера, М., 2005, с. 197).

У мордвы мотив качания на К. содержится в мифах о похищении земной девушки (Литова, Стирява, *Азравка*, *Васальге*, Сиямка, Люкшамка) на небо *богами* в качестве будущей жены или снохи. В сюжете мифа о Васальге девушка садится на К. и её раскачивают братья. Стиряву подруги обманом приводят к К. Они раскачивают девушку так высоко, что К. достаёт «до неба». Высокое раскачивание К. символизирует приближение к небу. Бог забирает Стиряву на небо в снохи. Впоследствии для посещения родственников на земле девушка использует К. в виде зыбки, повеш. на проволоке. В др. варианте мифа Верховный бог Нишкепаз поднимает Литову или Азравку на небо на К. в виде серебряной зыбки (люльки) на медной цепочке.

Вероятно, одна из разновидностей традиц. К. у древней мордвы имела форму лодки. На это указывает сюжет мифа о Сиямке и Люкшамке, в к-ром Бог спускает с неба за девушками «серебряную зыбку» с кольцами и шнурами из медных цепочек, по форме напоминающую лодку. В данном варианте поднятие на небо зыбки осуще-

ствляется с помощью раскачивания: «...Один толчок на высоту дерева, / В другой раз толчок на высоту двух деревьев, / Третий — к богу» (Саратовский этнографический сборник, Саратов, 1922, вып. 1, с. 187). Подобный сюжет встречается в мар. легенде о небесной деве, где с помощью К. спускается на землю дочь Верховного бога Юмо — посредница между небом и землёй. Традиц. мар. К. имели форму лодки. Ижемские коми сравнивали К. с «люлькой о четырёх углах» (Шарапов В. Э., Несанелис Д. А., Мотив «раскачивания» в традиционном мировоззрении коми и обских угров // Кунсткамера, СПб., 1995, вып. 8 — 9, с. 305).

В период христианизации мордвы качание на К. в числе прочих развлечений считалось запрещ. занятием. Так, в Уставной грамоте 1652 патриарха Иосифа протоиерею собора г. Темникова содержалось требование, чтобы «...на качелях, бы никаких мужеска полу и женска, и малые робята, не качались...» (Юрчёнков В. А., Начертание мордовской истории, Саранск, 2012, с. 162). В 19 в. качание на К. в отличие от др. развлечений (хороводы, пение и т. п.) разрешалось во время *Великого поста* (кроме Страстной недели) и на Пасху, в течение всей Светлой недели, последним днём, когда могли качаться на К., было Петровское заговенье (восьмое воскресенье по Пасхе). У вост. славян качание на К. разрешалось в день Сорока мучеников и на Пасху, у юж. — на Масленицу или в Юрьев день.

У мордвы пасхальные обществ. К. устраивали юноши, обычно в конце деревенской улицы или на возвышенности, откуда уже сошёл снег. Место ок. К. становилось центром

праздничного веселья. На К. сидели или стояли девушки, к-рых раскачивали молодые люди. В благодарность последние получали от девушек крашенные яйца.

Подобные традиции были характерны и для др. фин.-угор. народов. Так, у коми молодёжным пасхальным развлечением считалось катание на К. «дюттян». В один из дней Страстной недели девушки собирались с горстями льна и прялками, чтобы приготовить верёвку для К., т. к. на них использовали только новую верёвку. По традиции пасхальные К. сооружали неженатые молодые люди накануне Светлого воскресенья до рассвета, чтобы никто не видел. Место для К. выбирали в центре селения — ок. церкви либо за ним — на лугу. Часто в одном селении устанавливали до десяти К. У ижемских и интинских коми качались на К. парами — юноша и девушка, к-рые должны были, поднявшись как можно выше над землёй, поцеловаться. У летских коми К. сооружали возле стога сена, куда и прыгали с них. К. ставили даже в тундре. На больших пасхальных К. разрешалось качаться только неженатой молодёжи старше 16 лет, причём лишь с полудня и до наступления сумерек. У вычегодских коми К. ставили к началу ледохода, когда на берегу поминали всех умерших в течение года. Вечером Светлого воскресенья К. разбирали. У марийцев также к пасхальной неделе юноши сооружали К., а рядом с ними устраивали молодёжные игры, песни и танцы. Такие места наз. «Кугече курык», «Когечы нер» (Гора Великого дня), т. к. место для К. выбирали на оттаивших от снега холмах.

Раскачивание девушек на К., а также танцы и *игры*, характерные для

весенней обрядности (в т. ч. на Пасху), судя по всему, были связаны с древними ритуалами, проводившимися во время обрядов инициации (см. *Инициация и миф*). Они были направлены на переход девушек в статус сексуальных партнёров и потенциальных матерей. Перемещение по вертикали относительно сакрального центра в результате раскачивания на К. (в частности у мордвы с земли на небо), очевидно, связывалось с магич. превращением девушек в женщин. Так, мордов. девушки, поднятые на небо Верховным богом, достигли брачного возраста и готовы к замужеству: за Литовой ходят богатые сваты, но она не хочет идти в семью богача; у Стиржавы уже готово приданое и она ждёт женихов; Азравка не может найти жениха, поэтому предлагает себя в снохи Нишкепазу.

Чтобы обеспечить себе здоровье на весь предстоящий год, обычно для К. выбирали зелёное, крепкое и молодое дерево, полагая, что качание на сухом или старом дереве может привести к *болезни* и неудачам в течение года.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 2 : Лирические песни. Саранск, 1965.

Лит.: **Маркелов М. Т.** Саратовская мордва // Саратовский этнографический сборник. Саратов, 1922. Вып. 1 ; **Шарапов В. Э., Несанелис Д. А.** Мотив «раскачивания» в традиционном мировоззрении коми и обских угров // Кунсткамера : этногр. тетр. СПб., 1995. Вып. 8 — 9 ; **Муравьёва Т. В.** Мифы славян и народов Севера. М., 2005 ; **Юрчёнков В. А.** Начертание мордовской истории. Саранск, 2012.

Н. Г. Юрчёнкова.

КАША (м. Ям, э. *Каша*), обязат. атрибут практически всех обществ., родовых, семейных обрядов и молений, праздников с элементами магич. действий. С развитием земледелия обрядовое значение К. возрастало. Ритуал поедания К. (см. *Еда ритуальная*) отмечается на всех этапах жизн. цикла мордвы.

К. являлась символом плодородия в семейной обрядности мокши и эрзи. Так, свадьба на всём её протяжении — от подготовки и сватовства до завершения и переезда невесты в дом *женуха* — сопровождалась употреблением К. и обрядовых блюд, в состав к-рых она входила. Накануне свадьбы у нижегородской эрзи было принято приглашать к невесте гостей и угощать их К. Большое распространение получила традиция включения К. в отд. блюда, без к-рых не мыслилась сама свадьба. Так, в гл. пироге (лувонь кши) одним из слоёв, наряду с яйцами и курицей — символами плодородия, обязательно была К. Молодой жене гости желали здоровья, увеличения благосостояния и большого кол-ва детей, к-рое часто сравнивалось с числом крупинок в поедаемой К. Отсюда, вероятно, исходит традиция осыпать молодых хмелем, *зерном* или крупами. На крестины варили молочную пшённую К., к-рую каждый участник должен был попробовать, после чего поздравлял родителей с прибавлением в семье и выражал пожелание новорождённому прожить столько лет, сколько крупинок К. в горшке.

Уникальный обряд свадьбы умершей девушки, не вышедшей при жизни замуж, сопровождался обязат. приготовлением К., к-рую должны были съесть приглаш. родственники и подруги, частично воспроизводя наст. свадебные традиции. Устраиваемые мор-

двой поминки (см. *День поминания умерших*), на к-рые приглашали также ранее умерших предков рода и родственников, сопровождалась символич. угощением К. и др. едой прибывших из *загробного мира*, чтобы умилостивить их, попросить о заботе и покровительстве над живыми.

Широкое распространение получило представление о воспроизводящей силе крупы и зерна в календарной праздничной обрядности мордвы. В весенне-летний и зимний сезоны применялись различные символы плодородия, и прежде всего зерно, хлеб и изобилие мучного. Сытная еда с набором ритуальных блюд, важное место среди к-рых занимала К., должна была иметь воздействие на весь последующий период. Желая богатого урожая, равного кол-ву крупы в К., к-рую необходимо было съесть во время моления, обращались с просьбами к покровительнице полей Паксяве (Нороваве) перед началом пахоты или сева. Во время семейных обрядов по окончании уборочных работ старшие в доме представители рода, ведущие моление, в молитв. формулах желали урожая, достатка и здоровья, также сравнивавшихся с размерами и числом крупинок в К., после чего все присутствующие приступали к обязат. общей трапезе, в к-рую входили К., мучные блюда, а также напитки, приготвл. на основе ржаного солода (*брага*, пиво). В совм. поедании К. виделось равномерное распределение искомым благ среди участвовавших в молении.

Предположение о мощной магич. силе К., способной передаваться людям, находит подтверждение и в празднично-обрядовых действиях, в к-рых ведущая роль принадлежала к.-л. половозрастной группе, распре-

делявшей блага путём совм. поедания К.: «атянь озкс», «бабань каша», «авань поза» (см. *Бабья брага*), «тей-терень пия кудо» (см. «*Дом девичьего пива*») и др.

Считалось, что обрядовую К. очень любил Куйгорож, причём так сильно, что ему, по мнению мордвы, удавалось съесть её даже в тех случаях, когда её прятали. В мордов. традиции существовал также обычай прикармливать домового, охранявшего дом и семью от напущенных домовых и всяких бед. К. для него оставляли на загнилке печи.

В легендах и преданиях о мордов. царе-предводителе Тюште часто встречается упоминание К. как пищи, к-рую стремилась съесть перед дальней дорогой часть его народа, в результате чего она не смогла перебраться на новое место жительства.

Тексты: Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki; Turku, 1938. Bd. 1; 1977. Bd. 5.

Лит.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981; Смирнов И. Н. Мордва: ист.-этногр. очерк. [2-е изд]. Саранск, 2002; Юрчёнкова Н. Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002; Мокшин Н. Ф. Мифология мордвы: этногр. справ. Саранск, 2004; Мордва: Очерки по истории, этнографии и культуре мордов. народа. Саранск, 2004.

И. В. Зубов.

КАШТОМАВА (э. К а ш т о м о н ь кирди, У ш т о м а н ь кирди), **ПЯНАКУДАВА** (м. П я н а к у д а з о р а в а, П я т н а г о д а в а; э. каштом, м. пянакуд, пятнагод «печь», э., м. ава «женщина, мать»),

божество печи, покровительница домашнего очага, а также *женщин*. Пользовалась у мордвы особым уважением, т. к. являлась хранительницей в *доме* объекта, к-рый был источником тепла и ежедневной пищи. Антропоморфный образ К., П. не зафиксирован, однако в молитвах её наз. «глиняная старуха», а также «жёлтая глина» (Harva U., Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen, Helsinki, 1952, S. 267).

В судьбоносные моменты жизни мордва подчёркивала своё уважение К., П. Так, во время свадьбы молодую в доме *жениха* сразу подводили к печи, к к-рой она обращалась с просьбой признать её в качестве нового члена семьи. При изготовлении свадебных пирогов, имевших особое символич. значение, обязательно старались умиловить К., П. Ставя в печь свадебные пироги, употребляли по отношению к К., П. эпитет «серебряная» и обычно говорили: «... испеки наши пироги хорошо, пусть они удадутся на славу» (Ibid.).

В праздники первый лакомый кусок бросали в печь и просили К., П. принять подарок с благодарностью. На Пасху на плиту лили жертв. напиток, а на раскалённые угли бросали небольшие куски хлеба и мяса, пока они горели и от них шёл дым, хозяйка благодарила божество печи и высказывала пожелание, чтобы печь долго служила своим хозяевам. В др. случаях жертв. дары для К., П. клали в то место в печи, где была самая высокая температура.

Считалось, что К., П. обладает способностью исцелять от болезни, якобы получ. человеком при выполнении повседневной работы у печи. В подобных случаях обращались к К., П. с молитвой о прощении.

Бездетные женщины обращались к К., П. за помощью в предстоящих родах, просили, чтобы они были лёгкими, ребёнок родился здоровым и был защищён от разных невзгод.

К., П. имеет сходство с мар. божеством печи Конга ава.

Реконструкцию мифол. образа божества печи осуществила Н. Г. Юрчёнкова. Образ К., П. нашёл отражение в лит. сказке «Кто в доме хозяин» В. А. Юрчёнкова, где она наряду с др. покровителями дома оспаривает своё первенство в домашнем пространстве. Зрительные образы К., П. созданы худ. А. С. Алёшкиным, В. В. Митиной и С. В. Нестеровой.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981.

Лит.: Юрчёнкова Н. Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; **Её же.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; Тойдыбекова Л. С. Марийская мифология : этногр. справ. Йошкар-Ола, 2007 ; Юрчёнков В. А. Сказки Норовавы. Саранск, 2012 ; Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Н. Г. Юрчёнкова.

КЕ́ЛЬМЕ А́ТЯ, МО́РОЗ А́ТЯ (м., э. кельме «холод», атя «старик, отец»), божество муж. рода, олицетворение холода, мороза. По мнению фин. этнолога У. Харвы, позднее поддерж. Н. Ф. Мокшиным, в мордов. мифол. системе этот образ возник сравнительно поздно и не без влияния рус. персонажа сказочного и обрядового фольклора Деда Мороза. К. а., М. а. живёт в холодной стране в ледяном до-

ме: «Стены ледяные, крыша ледяная и окна ледяные. <...> ... Там лавки ледяные, печка ледяная, в ней ледяные дрова лежат. <...> ... Мороз в снежной шубе и снежной шапке за ледяным столом сидит и сосульки грызёт» (Мордовские народные сказки, Саранск, 1985, с. 88 — 89). В нек-рых песнях местом обитания К. а., М. а. является один из семи амбаров Верховного бога Нишкепаза на небесах. Так, героиня одной из песен *Азравка* открывает первый амбар, «... а в амбаре том дед Мороз» (УПТМН, т. 1, с. 63).

К. а., М. а. выступает как повелитель снегов. В эрз. песне говорится: «Мороз-старик, мой друг, прошёл; до колен, мой друг, он снегу навалил» (Harva U., Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen, Helsinki, 1952, S. 181). От удара К. а., М. а. по углу избы трескается бревно.

К. а., М. а. поклонялись в связи с зависимостью посевов, садов, огородов, скота и т. п. от мороза. В мокш. сказке приводится типичный случай: «Старик со старухой весной посеяли горох. Взшёл он густо, дружно. Родовались старик со старухой: быть богатому урожаю. Да недолгой была их радость — ночью ударил мороз, побил горох. Пришёл старик в поле и заплакал: был сокóл, стал гол» (Мордовские народные сказки, с. 88). К. а., М. а. приносили жертвы, делалось это перед Троицей в Зелёный (Святой) четверг, когда в каждом доме варили кисель. На подоконник клали полную ложку киселя и приглашали К. а., М. а. угоститься, прося одновременно защитить посевы: «Мы кланяемся тебе, Мороз, мы сварили в твою честь кисель, защити посевы» (Harva U., Op. cit., S. 182).

К. а., М. а. обычно обращался самый пожилой из членов семьи. Имен-

но он совершал ритуал кормления божества. Так, перед Пасхой он с ложкой овсяной каши в руке, просунув голову в дымоход, угощал К. а., М. а.: «Мороз, мороз, иди есть!». В тот же Зелёный четверг, по свидетельству И. Чигина, самый уважаемый член семьи открывал печную задвижку и обращался к божеству: «Мороз, мороз, не побей наш овёс, не ходи по полям, а ходи по песку и мху. Приходи, мы угощаем тебя, вот блюда, приготовленные из урожая этого года!» (Ibid.). Часто в обращении перечислялись растения и злаки, к-рые не должны были погибнуть. Угостив К. а., М. а. таким образом, через нек-рое время его «выгоняли» из дымохода кочергой.

Помимо Зелёного четверга К. а., М. а. почитали ранней *весной*, осенью и на Рождество. Осенью после принесения жертв просили сохранить озимые, уйти в леса и горы, но только не на посевы. На Рождество в с. Сухой Карбулак Саратовского у. Саратовской губ. для К. а., М. а. варили молочный суп и часть его ставили на порог со словами: «Мороз, мороз, не бей овёс, бей лён и коноплю, ударь их о землю» (Мордовский этнографический сборник, СПб., 1910, с. 138). Затем вся семья ела приготвл. молочный суп.

К. а., М. а. одаривает пришедшего к нему с просьбой. Так, в мокш. сказке он дарит старику волшебный красный мешочек, напоминающий скатерть-самобранку из рус. сказок: «Старик потрянул красным мешочком, появился столик, покрытый скатертью, а на столе всякая еда и питьё, только птичьего молока нет» (УПТМН, т. 3, ч. 1, с. 229). Однако божество и наказывает старика и старуху, продавших его подарок.

К. а., М. а. функционально близки к мар. мифич. персонажам Йёштё

кува и кугыза (бабушка и дедушка Мороз).

Реконструкция мифол. образа К. а. осуществлена Н. Г. Юрчёнковой. Мордов. нар. представления о К. а., М. а. получили лит. обработку в сказке «Кельме атя и Велява» В. А. Юрчёнкова. Зрительный образ К. а. создан худ. А. С. Алёшкиным и С. В. Несеровой.

Тексты: Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1: Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3, ч. 1: Мокшанские сказки. Саранск, 1966; Мордовские народные сказки / собрал и обработал К. Т. Самородов. Саранск, 1985.

Лит.: Смирнов И. Н. Мордва: ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002; Тойдыбекова Л. С. Марийская мифология: этногр. справ. Йошкар-Ола, 2007; Юрчёнкова Н. Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009; Юрчёнков В. А. Сказки Норовавы. Саранск, 2012; Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Н. Г. Юрчёнкова.

КЕМАЛЯ, персонаж балладной песни о мнимой смерти девушки перед замужеством. Красавица К. отвергает ухаживание тат. юноши (не для него вырастили её родители), разбивает сердца купцам и боярам (дворянам), но находит общий язык с ними. В то же время просит отца не выдавать её замуж за купца или дворянина, т. к. умрёт в Петров день. Гроб велит покрыть серебром, изголовье обить золотом и похоронить её, повесив гроб на дереве у перекрёстка дорог, идущих на Москву, Казань и

Яик. В обознач. день К. «умирает». Её хоронят указ. образом в указ. месте. Светящийся гроб К. замечают проезжающие на тройке отец и сын. Отец принимает его за казну, сын — за К. Сын открывает крышку гроба и находит в нём К. Привозит девушку в Казань и женится на ней.

Сюжет о К. напоминает обряд свадьба-похороны, существовавший в реальной жизни и отраж. в мордов. фольклоре. Прежде чем выйти замуж, девушка «умирает», прощается с девической жизнью в родительском доме, затем «воскресает», чтобы начать др. жизнь в новом качестве. А. И. Маскаев в мнимой смерти девушки видит её нежелание выходить замуж за малолетнего, поэтому просит похоронить себя на перекрёстке дорог, чтобы «проезжий молодой купец нашел её, привёз домой, а там бы и женился на ней, — ведь Кемельте не мертва, а только притворяется умершей» (Маскаев А. И., Мордовская народная эпическая песня, Саранск, 1964, с. 278).

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963.

Лит.: Маскаев А. И. Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964.

Е. А. Шаронова.

КЭ́НКШАВА И КЭ́НКШАТЯ (м., э. кенкш «дверь», ава «женщина, мать»), жен. и муж. божества двери. Антропоморфный образ не зафиксирован. Обычно их имена упоминались вместе в молитвах во время семейных обрядов *жертвоприношения*, а также поминальных. Стоя на коленях лицом к двери, мордва при этом говорила: «Дверь, дай нам здоровья, хлеба и скот во дворе!» (Harva U., Die religiösen

Vorstellungen der Mordwinen, Helsinki, 1952, S. 265). Чтобы умиловать К. и К., на порог или рядом клали всевозможные жертв. дары: хлеб, соль, яйца, мясо. Традиц. жертвоприношением являлась *каша*. Так, в начале весенних полевых работ на празднике в честь хранителя *дома* старейшина укреплял одну из свечей на дверном косяке, а др. — на горшке с кашей. Обойдя с горшком каши вокруг стола, он клал немного каши на порог и сюда же выливал пуре для К. и К. Мордва Саратовской губ. во время семейных обрядов расстилала на пороге холст, на к-рый клала жертв. пищу: корку хлеба со свиной, яйцами и солью, а также стакан пуре или водки.

Люди верили, что божества двери могут помочь исцелить больного. Для этого сажали его под дверные петли, а рядом размещали подарки, молились и просили здоровья: «Кенкшата, кенкшава, сколько через вас приходят и уходят, идут и двигаются, открывают и закрывают, пусть столько будет от вас добра...» (Ibid., S. 264).

Реконструкцию мифол. образа божеств двери осуществила Н. Г. Юрчёнкова. Худож. осмысление образ Кенкшавы получил в сказке «Кто в доме хозяин» В. А. Юрчёнкова. Зрительный образ божеств двери представлен А. С. Алёшкиным в сер. «Куда ушли боги мордвы» и С. В. Несеровой.

Лит.: Юрчёнкова Н. Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; **Её же.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; Юрчёнов В. А. Сказки Норовавы. Саранск, 2012 ; Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Н. Г. Юрчёнкова.

КÉРЕНЬ ЧО́ЧКОНЬ ПАЗ (К е р е н ь ш о ч к о н ь п а з; э. керь «лубок, кора», чочко «бревно», паз «бог»), божество лубка и дерева — материалов, из к-рых строила и к-рыми крыла дом мордва; покровитель стр-ва, оберегает выстроенный дом и его обитателей. По нар. поверьям, живёт под «лубковой крышей» — в доме, куда его приглашают во время стр-ва хозяева.

Под именем К. ч. п. мордва понимала гл. обр. божество — хранителя дома. Поэтому в молитвах и *заклинаниях* нередко ставила его в один ряд с богом дома Кудонь чампазом или отождествляла с Кудавой (Юртавой): «Кудонь кирпичи, / Кудонь Юртава, матушка, / Керень-чочконь паз, корьминец!» — «Хранительница дома, / Богиня Юртава, матушка, / Богиня лубка и бревна, кормилица!» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 195).

Отсутствие чётких границ функциональной составляющей образа К. ч. п. и др. домашних божеств отразилось и в фолькл. практике, где встречались случаи одновр. обращения к ним за помощью. Этому способствовали и редкие наблюдения исследователей кон. 19 — нач. 20 в., фиксировавших в связи с недостаточным знанием языка и обычаев народа лишь приблизительное значение либо дословный перевод назв. божеств безотносительно к духовной культуре этноса. В частности, «Кяринь-шочконь-Паз» или «Каринь Паз» интерпретировался в них как бог — хранитель леса, особенно липы и лыка для лаптей.

К К. ч. п. обращались с просьбой защитить от чертей и *колдунов*, дать здоровье детям, благословить дочь, выходящую замуж. К. ч. п. упоминается в импровизов. молитвах и за-

клинаниях при закладке нового дома или двора, произносимых обычно пожилой женщиной или к.-л. из знающих традиции.

При обращении к К. ч. п. на столбы, вкапываемые в землю — «студья», клали деньги либо шерсть *коровы*, овцы, козы или др. домашнего животного, имеющегося у домохозяина. В нек-рых селениях на первый венец строящегося дома, в угол, где ставят *иконы*, укладывали завёрнутые в платок пшено и соль как залог богатого урожая, а также кусок воска и уголь для защиты от колдуна и огня. Это приношение должно было задобрить К. ч. п. и тем самым гарантировать дому или двору долговечность, благосостояние и счастливую жизнь в них.

Тесная взаимосвязь между божеством и жилым помещением прослеживается в текстах молений. В плаче невесты, прощающей с родным домом, обращение к метафорич. лубку и дереву подразумевает само жилое помещение, тем самым происходит его одушевление. В процессе *жертвоприношения* также наблюдаются отголоски *антропоморфизма* — деньги, приносимые К. ч. п., могли, по представлениям мордвы, переходить по наследству потомкам божества.

Тексты: Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910; Саратовский этнографический сборник. Саратов, 1922. Вып. 1; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 6, ч. 1: Эрзянская свадебная поэзия. Саранск, 1972; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3: Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki, 1977. Bd. 6.

Лит.: Смирнов И. Н. Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

И. В. Зубов.

КИБИТКА СВАДЕБНАЯ (Он ава; от тат. хан «хан», м., э. ава «женщина»), повозка, в к-рой перевозили невесту с приданным в дом *жениха*. В Самарской губ. наз. «улема кудо». К. с. изготовляли провожающие (э. урвалют) и подруги невесты, для чего сгибали две-три ивовые или дубовые дуги, к-рые связывали между собой верёвкой либо переплетали прутьями. Концы дуг укрепляли на боковине саней или телеги. К. с. накрывали белым покрывалом, концы к-рого припускали, чтобы не было видно невесту. Переднюю часть повозки наряжали шалью с кистями и цветными платками. В Карсунском у. Симбирской губ. (с. Сабаево и др.) К. с. сверху накрывали шушпанамы невесты и разноцветными кушаками, в Симбирском у. (с. Бессоновка и др.) — белой простынёй с пришитыми к ней кистями из разноцветной шерсти. Внутр. убранство повозки не отличалось излишествами, здесь стелили кошму, клали постель невесты, на стенки вешали небольшое *зеркало*, гребень, нательные кресты на гайтанах, а также разного рода украшения. «Как в лавке, нарядно в ней изнутри», — поётся в одной из песен о К. с. Следует отметить, что у тат. слова «кибэт» есть значение «лавка» — повозка, с к-рой производится торговля товарами.

К. с., являясь важной частью объектного мира свадьбы, становилась источником большого числа свадебных песен, исполняемых невестой. В

содержательном плане это были прежде всего величальные песни, адресов. К. с., обладавшей, по представлениям невесты, сакральными свойствами. В этих песнях воспевалась К. с., этапы её изготовления, красота и др. После прощания с предками и домашними божествами невеста, к-рую иносказательно звали «вещень ава», становилась перед К. с. в окружении родственников и начинала исполнять величальную песню в честь К. с. В эрз. селениях Карсунского у. Симбирской губ. можно было наблюдать обычай, типологически близкий к мокш., во время к-рого невеста исполняла такую песню: «Он-авинем — мазыйнем, / Кибиткине-тройкинем, / Покш боярынь кибиткам, / Исправникень повозкам, / Губернаторонь шатёром, / Поповичень перинам. / Монь он авинем-мазыйнем, / Сиясо валовт лангоза, / Сырнесэ олашказь потмоза...» — «Матушка-красавица, / Кибиточка-троечка, / Знатного боярина кибитка, / Исправника повозка, / Губернатора шатёр, / Попова перина. / Моя кибитка матушка-красавица, / Серебром покрыта сверху, / Золотом сверкает внутри...» (ЦГА РМ, ф. Р-267, оп. 1, арх. № 32 об.). Преобладание в песнях сравнений К. с. с «губернаторским шатром», «поповой периной» и др. связано с её важностью в представлениях крестьян. Вера в особую роль объекта усиливалась ответственностью момента в жизни невесты — делались первые шаги в новую для неё семейную жизнь.

Во время фольк. эксп. М. Е. *Евсевьев* собрал в мокш. сёлах Выша, Кадьшово, Киртели, Кильдюшово Симбирского у. Симбирской губ. многочисл. варианты причитаний, посвящ. К. с. Они наполнены горечью, тревожными ожиданиями и размышлениями невесты о своей жен. судьбе: «Акша

он-ава, мазыши, / Акша он-ава, цебярьши, / Кувать учень — курок сать. / Быди улян талану, / Быди улян счастливай, / Сэринь пяли сэрийгат, / Кэлинь пяли кэлилгат, / Тюсонь пяли мазылгат. / Быди улянь бесчастной, / Сэрень пяли алкалгат, / Келень пяли тьянлгат, / Тюсонь пяли олашкатт...» — «Белая повозка, краса, / Белая повозка, сокровище, / Долго ждала — быстро приехала. / Если буду я удачлива, / Если буду я счастлива, / В вышину стань выше, / В ширину раздайся, / Красками стань ярче. / Если буду я несчастная, / Высотой стань ниже, / Шириной стань уже, / Пусть цвета твои поблекнут...» (Там же, оп. 1, д. 235, л. 17 — 18).

К. с. бытовала и у др. народов Поволжья. В таком качестве она использовалась татарами. В похожей кибитке на свадьбе у татар-мишарей Мордовии отвозили невесту и постель. По их поверьям постель невесты необходимо было везти на той же подводе, на к-рой ехали молодые. При этом их сажали на постель, разостл. внутри кибитки.

Торжеств. строй песен, посвящ. К. с., соотв. важности момента и в ряду др. поэтич. произв. озвучивал эпизод отъезда невесты из родного дома в дом жениха.

Тексты: ЦГА РМ. Ф. Р-267. Оп. 1. Д. 235. Л. 15 — 18.

Лит.: **Евсевьев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; **Мухамедова Р. Г.** Татары-мишари. М., 1972.

В. И. Рогачёв.

КИЗЭ АТЯ (э. кизэ «лето», атя «старик, отец»), божество муж. рода, олицетворение лета. Управляет природными процессами, происходящими в это время года. Антропоморфное существ-

во в образе старика. Упоминается в мифе о девушке *Азравке*, к-рая находит его в одном из амбаров Верховного бога Нишкепаза: «...Котоць утомсонть Кизатя, котоце утомсонть сонсь Кизэсь» — «...В шестом-то амбаре — хозяин Лета...» (УПТМН, т. 1, с. 60, 63). Лит. воплощение образ К. а. получил в произв. «Масторава» А. М. Шаронова.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963 ; *Mordwinische Volksdichtung.* Helsinki ; Turku, 1938. Bd. 1.

Лит.: **Маскаев А. И.** Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964 ; **Масторава.** Саранск, 1994 ; 2003 ; **Шаронов А. М.** Масторава. Саранск, 2010 ; **Его же.** Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. Саранск, 2001.

А. М. Шаронов.

КИЛЯ, героиня эрз. предания о борьбе с внеш. врагами. По преданию, сирота, «...жила... одна, кто были её родители — никто об этом... не знал» (УПТМН, т. 10, с. 52). Обладала недюжинной силой: «...на молотье одним ударом цепа сноп пополам разрезала» (Там же); «свалит в лесу дерево и несёт его на плече, будто лёгонькую тростиночку» (Легенды и предания, Саранск, 1996, с. 132). В то же время могла соткать такой тонкий холст, как бумага.

К. была очень красивой: «Лицо белое, косы соломенные, в руку толщиной, ноги стройные, как две берёзки на лесной опушке» (Там же). Попав в плен к степнякам (ногайцам, в др. версии — татарам), была доставлена к хану, к-рый решил сделать её своей наложницей. Однако К. задушила хана, а затем стала рубить спящее ногайское

войско. Проснувшиеся ногайцы ужаснулись и попытались захватить её. Предание повествует о бое с эпич. размахом: «И лезут, напирают на женщину, будто взбесившиеся собаки. Но та рубит день, другой, где взмахнёт — будто снопы валятся ногайцы. <...> Пуще прежнего страх охватил ногайцев, начали пускать в неё стрелы. Попадёт стрела, Киля вытащит, бросит, опять саблей рубит» (УПТМН, т. 10, с. 53). Др. вариант: «Махнёт Киля саблей — и падают татарские воины, словно колосья под косой. В неё стрелы летят, а Киля вытаскивает их из своего белого тела, отбрасывает прочь и саблей рубить продолжает. Вдруг сломалась сабля. Кинулись на девушку воины: вот теперь, мол, живую её возьмём!.. А Киля вырвала с корнем дуб, что рос у ханского шатра, и тем дубом сражаться стала, как дубиной. Ещё больше воинов побила» (Легенды и предания, с. 137).

Страх заставил врагов сравнить К. с эрз. богиней, к-рая спустилась с неба, чтобы отплатить им за сотвор. зло. Страх же обратил их в бегство. Увидев большое кол-во поверж. людей, К. пришла в ужас, воткнула саблю в землю и пошла в родное село на Суре, но не дошла — умерла от получ. ран. На могиле К. выросло неизв. дерево: «...белое, зелёно-кудрое, высокое, красивое, как сама Киля» (УПТМН, т. 10, с. 53). Его наз. в честь погибшей — «килей» (*берёза*). Последнее связало предание о девушке-богатыре с мифами о происхождении растений и *животных*.

Предание очень поэтично. Записавшая его в 1972 в г. Самаре Л. В. Седова отмечала, что его фиксация произошла от человека, имевшего непосредств. отношение к лит. труду, — работника газеты М. А. Втулкина.

Тексты: НА НИИГН. Ф. Л-494. Тетр. 3. Л. 4 — 6 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983 ; Легенды и предания / сост. Л. В. Седова. Саранск, 1996. (Сказание о мордве ; т. 1) ; Из глубины веков : легенды, предания, былички и устные рассказы мордов. края / [сост. Л. В. Седова]. Саранск, 2011.

Н. Г. Юрчёнкова.

КЛАД (м. **Казна**, э. **Казна**, **Кекшезь сюпавчи**, **Питней ули-паро**), скрытое от людских глаз материальное благо, наделяемое в нар. представлении магич. свойствами. В мордов. фольклоре наиболее распространены легенды и предания о К.-казне, к-рый тайно прятали и закапывали разбойники.

Для овладения К. необходимо было знать условия, на к-рых он зарыт. Для этого нужно было подслушать произносимое при сокрытии К. заклятие или узнать его от сведущего человека либо *колдуна*. Незнание условий добычи К. или их неточное выполнение приводило, по представлениям саратовской мордвы, к тому, что К. «исчезнет — уйдёт в землю, или метнётся в сторону» (Минх А. Н., Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии, Саратов, 1994, с. 31). Большинство предпринимаемых раскопок К., к-рые согласно легендам должны были находиться в определённых местах, не давали результата, что приписывалось влиянию колдовских сил или зорока, без к-рого К. невозможно было обнаружить. У крещёной мордвы Саратовской губ. есть легенда, запись А. Н. Минхом, к-рая гласит, что раз в году, на Пасху, между заутреней и обедней К. является в разбойничьих зем-

лянках, где по углам лежат горы *золота*, серебра и разных вещей. В это время якобы туда можно заходить и забирать хранящееся богатство до трёх раз. Тот, кто рискнёт войти ещё раз, окажется заперт, и к нему явится охранник этих сокровищ, требуя взамен *душу* или самое дорогое для рискнувшего. Однако народ считал, что и добытый К. не приносит счастье — побывавший в разбойничьих землянках кладоискатель мог онеметь от испуга и вскоре умереть, взятые деньги оказывались неразменными, а за растрату золота взявший его расплачивался ущербом в хоз-ве и смертью близких или нередко сам заболел и умирал. Встречающиеся в легендах о К. тайные охранники чаще всего предстают как проклятые Богом души разбойников, к-рые бродят по земле и охраняют награбл. сокровища.

К. бывает положен «на чью-либо голову» (напр. человек., гусиную, собачью, бычью). Это означает, что забрать его может только тот, кто убьёт конкретного человека или животное на месте нахождения К. Оригинальный сюжет, в к-ром подслушивающий смог изменить условия заклатья К., воспроизводится А. А. Шахматовым. В нём услышавший заклятие подсказывает более простой вариант добычи К.: «„Сто кольев“. — „Сто человеческих голов“. — „Сто кольев!“. Спорили, спорили, — закапывающий и говорит: „Сто кольев так сто кольев“. Завалил и ушёл» (Мордовский этнографический сборник, СПб., 1910, с. 176).

«Нечистость» способа добычи нечестно нажитого богатства в виде К. подчёркивает легенда о К. Стеньки Разина, запис. в с. Оркино Саратовского у. Саратовской губ., где кладоискателю, нашедшему место зарытого К., якобы нужно было взять пистолет, ос-

тавл. самим Разиным, и прострелить «в сердце» икону Божьей Матери, находящуюся на одном из чанов с деньгами. Сходный мотив надругательства над иконами существует в представлениях коми, когда человек, окончательно переходящий на сторону зла и желающий стать колдуном, должен был расстрелять из ружья причастие. Согласно мордов. легенде, тот, кто т. о. получит К. Разина, обретёт одновременно и соотв. Божье наказание — после смерти он приговорён к вечным мукам, поскольку его тело не примет земля, а душу — Бог.

В фольклоре распространён мотив признания разбойника, состарившегося или сидящего в темнице, к.-л. человеку (мордвину, земляку и т. д.) о К., содержащий описание местонахождения и способ добычи К., если есть на него заклятие. Обычно такие рассказы о зарытых К. и людях, пытавшихся добыть их, воспринимались как быль и становились широко изв. на локальных терр. недалеко от предполагаемого места нахождения К. либо от места его поиска.

Индикатором изменения нар. представлений о магич. свойствах К. служит то, что иногда в его описании есть христ. атрибутика — крест, Евангелие, *икона*, что свидетельствует о большой распространённости легенд и преданий о К. в период христианизации. Как знак нового осмысления поведенч. стереотипов кладоискателей и «владельцев» К., заложивших их, появляется «очистительный элемент» процесса изъятия К. — кладоискатель молится на икону либо целует крест или Евангелие. В то же время в легендах есть описание духовной слабости кладоискателя, поддавшегося соблазну. Так, согласно записям, сдел. у мордвы-мокши Зубово-Полянского р-на Мордовии, пастух,

к-рому в *Иванов день* показался К., вошёл в кладовую и увидел там медь, серебро, золото, а также крест, Евангелие и водку. Решив, что праздник необходимо отметить, он «напился водки, запьянел и вышел на свежий воздух, и лёг там спать. Встал после обеда, что это такое? — Ни денег, ни водки, ни стада — ничего и никого, а лежит он голый на траве, на вольном воздухе» (НА НИИГН, ф. Л-415, л.166 — 167). Дальнейшие поиски К. показали, что этому человеку он не даётся, о чём свидетельствуют магич. знаки — налёки: «Вдруг идёт на них медведь — весь кругом в огне (огненный медведь) и сильно кричит. Остановились мужики по обе стороны — путь освободили — и ушёл медведь в Парьцу и пропал! ...Стали копать дальше и попался камень. Стукнули, а от камня огонь идёт — до неба поднялся вверх. Опять стали по 2 стороны — путь освободили — и огонь прошёл в Парьцу! Как в третий раз начали копать, поднялась буря и такая, что бросили копать и удрали домой — не даётся мол казна» (Там же, л. 168).

К. имеет свойство появляться и исчезать. Появляется он неожиданно, по стечению обстоятельств, когда даже не ищущий его оказывается в нужное время в нужном месте, как повествуется в легенде о К. в с. Сухой Карбулак Саратовского у. Саратовской губ.: «Одна женщина пошла на луг за щавелем, нашла кучку угольев и начала рыть. Рыла, рыла, нашла угол сундука, покрытый берёзовой корой. Она завалила опять яму, ушла домой, взяла заступ и опять пришла на то место. Искала женщина, искала то место, не нашла его» (Мордовский этнографический сборник, с. 178).

Мордва верила, что К. может представляться предметом или чаще

животным (жеребёнок, свинья, утка и т. д.), показываясь людям. По нар. представлениям, чтобы добыть такой К., необходимо было ударить его наотмашь, после чего животное должно было превратиться в К., к-рый можно забрать. Именно эти представления легли в основу нар. сказок о К., где юноша, убив животное, к-рое превращается в К., становится богатым. Вариант этого сюжета повествует о продаже телёнка *берёзе*: не получив от неё оплаты, гл. персонаж срубает её и обнаруживает под ней К. Трансформацией бытовых представлений о добыче К. является сюжет «Сказки о нужде», запис. М. Е. *Евсевьевым*, где Нужда, окончательно разорившая бедняка, помогает ему найти и достать К.

Тексты: НА НИИГН. Ф. Л-415, Л-914 ; **Минх А. Н.** Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии : Собраны в 1861 — 1888 гг. Репр. изд. 1890 г. Саратов, 1994 ; Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910 ; **Евсевьев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1964. Т. 3 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983.

Лит.: **Маскаев А. И.** Мордовская народная сказка. Саранск, 1947 ; Мифология коми. М. ; Сыктывкар, 1999.

И. В. Зубов.

КЛАДБИЩЕ (м. **Калмоланга**, э. **Калмоланго**, **Калмазырь**), место захоронения умерших, обычно недалеко от насел. пункта. Располагалось в лесу, на опушке (отсюда такие назв., как калмо кужо «кладбищенская поляна»), на пригорке возле селения, ок. реки. Велика вероятность того, что лесные К. появились как следствие т. н. воз-

душных захоронений в дуплах и на деревьях, широко практиковавшихся мордвой в дохрист. времена. В отд. случаях родоплем. К. могло располагаться за 30 — 40 и даже 100 км от насел. пункта. Таким древним К. является обнаруж. археологами могильник возле с. Мордов. Парки Краснослободского р-на РМ, где хоронили умерших с 11 до 17 в. Ещё в 19 в. мордва из с. Вертелим (ныне Старошайговский р-н РМ) приезжала сюда в родительские дни (см. *День поминания умерших*) за 100 км. У нижегородской мордвы-терюхан существовало одно волостное К. Такие большие К. располагались на терр. Краснослободского у. (с. Мордов. Парки, Рыбкино) Пензенской губ. и Лукояновского у. Нижегородской губ. Большие захоронения — мары найдены также у с. Пшенево (ныне Ковылкинский р-н РМ). Фин. археолог А. М. Тальгрэн обнаружил родовые могильники по ниж. течению Оки в местах локализации крупных мордов. поселений. С принятием христианства К. могло располагаться в центре насел. пункта, рядом с церковью; т. н. церк. К. существовало рядом с Никольским храмом в с. Косогоры (ныне Большеберезниковский р-н РМ). В старину мордва отмечала места захоронения дерев. мавзолеем в виде сруба в 5 — 6 дубовых или сосновых венцов, покрытых лубом или тёсом. Такое сооружение сохранилось в д. Мордов. Каратай Камско-Устьинского р-на Респ. Татарстан на могиле местнотимого св. Михаила Убиенного. В старинном эрзя-мордов. назв. креста «сюруй чувто» есть указание на то, что раньше на могилы устанавливали стволы деревьев с необрубл. крупными сучьями.

В причитаниях К. предстаёт местом последнего пристанища человека,

«вечным местом», «вечным домом», к к-рому ведёт «холодная могильная дорога», «холодная могильная тропа» и где имеются «холодные могилы» в «сырой земле», «холодной земле» (УПТМН, т. 7, ч. 1, с. 135, 140).

К. считалось свящ. культовым местом мольбищ (озксов), здесь запрещалось разрушать и убирать старые памятники, рубить деревья, косить траву, собирать ягоды и т. д. Неслучайно разорение мордов. К. под рук. епископа Нижегородского и Алатырского Дмитрия (Сеченова) 18.5.1743 послужило одной из причин *восстания мордвы Терюшевской волости 1743 — 45*.

Реконструкция мифол. воззрений мордвы на К. осуществлена Н. Г. Юрчёнковой. В изобразит. иск-ве мордов. К. представлено на картине «Из прошлого. День памяти» (1967 — 71) В. А. Беднова. Родовые знаки на крестах на К. в с. Подлесная Тавла Кочкуровского р-на Мордовии показаны в док. фильме «Древо жизни — знаки Творца» (2001; реж. И. Ф. Кузьмин).

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 1 : Эрзянские причитания. Саранск, 1979 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 2 : Мокшанские причитания. Саранск, 1979.

Лит.: Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968 ; 1998 ; Юрчёнкова Н. Г. Плачи восточных финно-угорских народов (Сравнительно-типологическое изучение) : автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. филол. наук. Минск, 1990 ; Её же. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; Волкова М. С. Религиозно-магические действия в похоронном обряде мордвы // Актуальные проблемы социально-экономического, историко-культурного и правового развития народов Поволжья : межвуз. сб.

науч. тр. Саранск, 2005 ; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

В. И. Рогачёв.

КОВА́ВА (О д г о у (к о в) а в а; м., э. ков «луна, месяц», ава «женщина, мать»), божество жен. рода, хозяйка луны. Имеет антропоморфный облик. В *заговорах* к К. обращались: «матушка-хозяйка», «кормилица». Поклонение К. у мордвы, как и у мн. др. народов (напр. у славян), связано с использованием лунного времени — традиц. системы счёта времени по фазам луны. Неслучайно в мордов. яз. слово «ков» наряду с обозначением небесного светила — луны, служит измерением отрезка времени — месяца.

Особое значение придавалось новолунию. При виде нарождающегося месяца было принято кланяться и просить счастья, здоровья, а ему желать ясного света и быть круглым как каравай. Обычай показывать народившемуся месяцу каравай хлеба и просить за это у него благополучия и здоровья, зафиксиров. исследователями в 20 в., предполагает бытование в прошлом частных ежемесячных *жертвоприношений* в честь К.

Период растущего месяца считался благоприятным для всего развивающегося, для начала любого дела. К новолунию приурочивали новоселья. Полнолуние ассоциировалось с удачным временем для посева или посадки овощных культур, т. к. полная луна предвещала богатый урожай. Фаза убывающей луны и безлунье, предшествующее началу зарождения новой луны, как любая пространств. или врем. граница, считались неблагоприятными для начала с.-х. работ и др.

начинаний (напр. зачатия у человека и *животных*). Этот период рассматривали как удачный для лечебной магии, поскольку считалось, что убывающая луна якобы уносит с собой *болезнь*. Опасными для людей, по представлениям мордвы, являлись периодич. *затмения* луны.

В молитвах, обращ. к К., к-рые превратились в своего рода волшебные формулы, просят спасения и защиты. В них она наз. посланницей Верховного бога, к-рая может, общаясь с ним, попросить здоровья и благополучия для конкретного человека. В подобных обращениях к небесным телам солнце и луна часто стоят в одном ряду. В фольк. источниках метафорич. заменой девушки выступает солнце, а юноши — луна.

С расположением луны на небе связывали различные приметы, касающиеся погоды и атмосферных явлений, а также приметы, предвещающие удачу или неудачу. Лунный свет привлекателен для *Ведявы*, к-рая в лунные ночи выходит из воды и расчёсывает на берегу свои длинные волосы. Волшебное влияние лунного света на окружающее прослеживается в одном из преданий о Тюште. Божеств. сущность инязора подчёркивает его сверхъестеств. способность к периодич. сменяемости внешности: при народившемся месяце он юн, во время полнолуния — мужает, а на исходе месяца становится маститым старцем.

Наряду с К. в молитвах наз. муж. божество Ковпаваз (м.), Ковпаз (э.), однако его развёрнутого образа или к.-л. доп. характеристик в них не содержится.

Реконструкция мифол. образа К. осуществлена Н. Г. Юрчёнковой; лит. интерпретация дана В. А. Юрчёнковым в сказке «Нишке паз и Ковава».

С. В. Нестерова создала зрительные образы К. и Ковати.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; Легенды и предания мордвы / сост. Л. В. Седова. Саранск, 1982 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983.

Лит.: Смирнов И. Н. Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; Юрчёнкова Н. Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; Юрчёнков В. А. Сказки Норовавы. Саранск, 2012 ; Narva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Н. Г. Юрчёнкова.

КОЛДУН (м. Ведун, Колдун, э. Муница, Орожия, Ведун, Ведунломань, Апаро оймень кандыця, Колдун), по поверьям мордвы, реальный человек с демонич. свойствами, получ. с рождения, от чёрта (см. *Атпаро*, *Афпар*) или в результате договора с нечистой силой. Одним из способов овладения магич. знанием является получение его по наследству от умирающего К., к-рый перед смертью передаёт свою власть над подчин. ему нечистой силой др. лицу, чаще всего родственнику.

Функции К. универсальны: ему приписывается возможность творить *добро и зло* с помощью магич. действий и средств, воздействуя на атмосферные явления, урожай, здоровье людей, брак, плодovitость скота и др. сферы жизни. К. обладает умением обращаться в *животных* и различные предметы. Чаще всего он принимает образ чёрной кошки, собаки, лебедя,

гуся и пр. Предполагалось, что нек-рые К. понимали язык змей и в магически-колдовских целях могли превращаться в огненных змей.

Мордва опасалась К., но в то же время относилась к ним с уважением и в экстр. случаях обращалась за помощью. К. делятся на сильных, или крепких, и слабых. Первые обладают неогранич. способностями, они могут делать зло и исправлять содеянное. Вторые сильны лишь в отд. сферах (напр. могут приворожить юношу к девушке или наслать порчу на скот) и не могут исправить причинённое зло. К. враждуют между собой, и это часто используется в борьбе с порчей, от к-рой избавляются с помощью др., более сильного К.

По поверью, не все могут освоить колдовство, т. к. не выдерживают испытаний, связ. с нечистой силой. Однако иного пути нет. Они начинают «сохнуть», страдать и вскоре умирают, так и не постигнув этого знания (т. е. душа не может предаться нечистой силе). Чтобы люди не догадались, что этот человек — К., он любыми способами старается скрыть себя (присутствует на праздниках, заходит в церковь и др.).

В колдовской магии К. использует определённые числа (обычно 3 и 9): стручок с девятью горошинами, брош. перед повозкой с молодыми, якобы останавливал коней (счастья не будет). До сих пор число 7 используется в проклятиях, напр.: м. «Тук сисем сельхть модава» («Провались на семь сажений в землю»). Распростран. пожеланием недругу считался чирей — м. «сисем пряса, баяронь кудряса» («с семью головами, боярскими кудрями», т. е. очень большой). В *заговорах-присушках* вызывают на помощь семь чертей.

К. насыляет *болезнь* и смерть на людей, прибегает к порче. Он «портит» людей взглядом. По поверью, если К. хотя бы раз в неделю к.-л. «не испортит», он теряет свою силу, может заболеть и умереть. Считается, что у К. накапливается много «чёрной» энергии, поэтому он находится в сильной тоске. Если в это время поблизости нет человека, то К. избавляется от неё, «выпуская» на «ветер» или на перекрёсток дорог. Тех, кто получает такую порчу, вылечить практически невозможно.

Происхождение мн. болезней мордва связывала с наговорами К. Он может наговаривать на хлеб и на напитки. Однако если на них дунуть, то наговор теряет силу. По нар. представлениям, если наговор. вещи держать долго, то они превращаются в кровь. К. напускает порчу на человека по воздуху, через поцелуй, пищу и даже через табак. По поверью, бельё, унес. ветром, особенно вихрем (м. шары давол), получало магически-колдовское воздействие, поэтому его портили или закапывали. Во время сильного ветра можно было заболеть «трясучей болезнью» или начать испытывать головокружение (м. шары или трнай прякс арамс). Это связано с тем, что вихрь считался игрой К. Для её остановки в вихрь бросали нож или произносили три раза: м. «Цюр, цюр, цимбиркась еявонзот» («Чур, чур, пусть тебя сибирская язва возьмёт»). Неожиданный порыв ветра в окно предвещает скорую недобрую весть (обычно о смерти).

Самый большой вред К. наносит во время свадьбы, где может испортить даже собств. детей. Наиболее уязвимы для нечистой силы молодожёны. К. может наслать на молодую бесплодие, лишить молодого муж. силы,

поссорить их. Как правило, К. наводит порчу при встрече (в дверях, *воротах*), ударяя человека рукой по плечу (контагиозная магия). Чтобы К. не причинил вред молодым, его обязательно приглашали на свадьбу и хорошо угощали. В обязанности К. входило обеспечение благоприятного хода всей свадьбы, защита молодых от порчи др. К. Считалось, что *волосы* невесты во время свадьбы подвергаются колдовству, поэтому их тщательно берегли (если К. удавалось состричь прядь волос невесты — её век «пропадал»). К. совершали колдовство обычно с распущ. волосами. Отрез. волосы было принято сжигать.

Определённый вред К. может нанести ребёнку. Согласно нар. верованиям, К. мог «испортить» ребёнка как во время его внутриутробного развития, так и после рождения. Обычно рождение неполноценных, с явными физич. недостатками детей, а также отставание в физич. и умств. развитии объясняли действиями К. Большое внимание на первом году жизни уделялось оберегам детей. По представлениям мордвы, вешать пелёнки считалось опасным, т. к. с ними может поиграть чёрт или К. и ребёнок будет плохо спать или болеет. К. мог и исцелить ребёнка от болезни. Так, в с. Вечканово Бугурусланского у. Самарской губ. испуг у детей лечили, используя тень. При лунном свете К. облизывал его лицо, затем плевал на его тень, произнося заговор о том, что тень безродная (у неё нет братьев, сестёр, близкого человека) и просил её взять испуг. На тень человека нельзя было наступать, запрещалось перешагивать через неё (заболеешь).

Поведение и быт К. имеют особые приметы. Живёт он, как правило,

уединённо; предпочитает днём спать, а ночью гулять, ходить в лес. Обычно в его доме имеются множество трав, высуш. змеиная голова, камешки и т. д. При разговоре с человеком старается не смотреть прямо в глаза, а отводит взгляд в сторону или в землю; иногда говорит с людьми через дверь, не показываясь. К. отличают тихий голос, молчаливость, нелюдимость, манера говорить с самим собой; глаза обычно карие, чёрные, иногда разного цвета. К. проницателен, читает чужие мысли, знает прошлое, настоящее и будущее; может найти потер. вещь, назвать вора, показать его изображение в *воде* и т. д.

Средством против К. считаются *заговоры от ведунов*. Наиболее распростран. предохранительными средствами являются *игла*, булавка, крест, молитва, крапива, к-рые всегда следует носить при себе; в этих же целях пришивают разные пуговицы. Мимо К. полагается проходить молча, сомкнув большой и безымянный пальцы в кольцо-оберег; не следует отвечать на его вопросы, а при разговоре с ним нужно сжимать руку в кулак, просунув большой палец между указательным и средним. После похвал К. надо предотвратить сглаз, сплюнув трижды через левое плечо. Чтобы избавиться от порчи, к К. необходимо обратиться с бранью, назвать или стукнуть в ответ по плечу более сильно, чем он сам. Чтобы лишить сил, его одежду протыкали иглой; на свадьбе стреляли из ружья, били в заслонки.

У мордов. народа существовало множество магич. действий, имеющих функцию оберега *дома* от беды, чёрта, К.: в подпол с корнем закапывали куст рябины; в доме переворачивали вверх ногами *веник*, кочергу, ухваты; втыкали в дверь нож; на стену вешали

пучок трав, сорв. перед *Ивановым днём*; перед Крещением рисовали углем кресты на окнах и дверях; оставляли открытой в чугуне кипячёную воду для отваживания К. Чтобы не было беды, хозяин должен был прикоснуться кочергой к входящему в дом в первый понедельник после Масленицы. Ритуально-магич. функцию имела обувь, в частности лапти. В целях защиты дома от нечистой силы, К. их вешали на кол забора.

Особое отношение у мордвы было к печи. В ней совершали магич. действия, направл. против К. (сжигали «испорченную» им одежду), т. к., по поверью, огонь пожирал всё плохое. Особую роль играла печная труба. Мордва считала, что через неё в дом проникает смертельная опасность: влетают и вылетают черти, К., душа покойника в виде огненного змея. В целях оберега от них во время совершения свадебных обрядов и родов принято было закрывать трубу.

Охранительные функции мордва приписывала медведю. На эрз. свадьбе сваха в образе медведя хлестала веником всех входящих в дом. По нар. представлениям, его боятся нечистая сила и К., поэтому, чтобы злые духи (см. *Духи*) не могли проникнуть в конюшню, хлев и вредить скоту, мордва в старину держала в них черепа медведей. У кого таковых не было — заводили на двор и в конюшню живых зверей, когда в селе появлялись поводыри с медведями.

Мордов. население с целью защиты от К. совершало моления в честь нек-рых божеств. Так, мордва-мокша в Городищенском у. Нижегородской губ. на *Ильин день* устраивала праздник в честь покровительницы пасеки. В молитве её заклинали умножить ульи, защитить их от К., недоброжелателей,

порчи. Эрзяне при крещении новорождённых совершали моление Верховному богу Нишкепазу, прося для ребёнка здоровья, счастья, оберега от дурного глаза и К.

Особое моление проводили в честь призрака умершего, привидения (м. шопача, э. чопача). Считали, что К. продаёт ему свою душу за то, что тот помогает ему в колдовстве. Говорили, якобы когда К. произносит заговор, чопача никого не боится, его никто не может убить. Именем Бога подземного царства, покровителя покойных Масторати К. мог проклясть человека.

Смерть К. тяжела и мучительна, т. к. за его душой якобы приходят черти. Для облегчения смерти К. совершали нек-рые действия магич. характера: расстёгивали его одежду; открывали окно, дверь; поднимали матицу, чтобы душа могла выйти; соблюдали тишину, чтобы не спугнуть её. По нар. представлениям, в момент смерти с неба падала или гасла звезда. Умиравшему К. эрзяне смазывали губы мёдом, полагая, что у него в это время горько во рту. Важно было вовремя покрыть лицо умирающего платком, т. к. считали, что тот, на кого он бросит последний взгляд, умрёт в текущем году. Кроме того, по традиции сразу же после смерти К. отрезали курице голову и бросали её на улицу со словами: «Вот тебе курица для загробной жизни». Могила К. легко узнаваема, поскольку земля на ней проваливается. В народе принято в такую могилу вбивать осиновый кол. До сих пор считается, что земля не принимает прах К. три года и всё это время его душа в тоске бродит по свету, не зная покоя. Как считает мордва, в *загробном мире* К. по горло горит в огне и варится в горшке со смолой.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 1 : Эрзянские причитания-плачи. Саранск, 1972 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 2 : Мокшанские причитания. Саранск, 1979 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983.

Лит.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981 ; Маскаев А. И. Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964 ; Девяткина Т. П. Мокшанские свадебные обряды и песни. Саранск, 1992 ; Её же. Народные приметы мордвы (мокши и эрзи). Саранск, 1994 ; Её же. Мифология мордвы : [энциклопедия]. Саранск, 1998 ; Мокшин Н. Ф. Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; Никонова Л. И., Кандрин И. А. Как лечились народы Поволжья и Приуралья. Саранск, 2005.

Л. И. Никонова, Ж. В. Шерстобитова.

КОЛО́ДЕЦ (м. Эши, э. Лисьма), хозяйственно-бытовой объект, предназначен для добывания *воды*; в представлениях мордвы выступает как канал связи с иным миром, играет важную роль в ритуально-обрядовой деятельности. Полисемантичность образа К. и его функций вытекает из свойств воды, к-рая рубежна как по горизонтали — образует ландшафт, освоенное и неосвоенное пространство, так и по вертикали — разделяет этот и иной, хтонич., миры. Богом — покровителем К. считается Лисьмава.

К. является одним из значимых объектов свадебной обрядности. Перед свадьбой в глухую полночь после пения петухов невеста выходила к задним воротам, затем шла к К., обходи-

ла его три раза и после каждого обхода делала ему земной поклон, потом в причитании обращалась к его боже-ству. В др. эпизоде свадьбы — прощания с *девичеством* — невеста просила прощения у хранительницы К. в выражениях, к-рые можно рассмат-ривать как магич. формулу: «Простя-мак сэрьга, рунгова, / Простямак кедьга, пильгева» — «Прости меня по росту и стану, / Прости по рукам и ногам» (Евсевьев М. Е., Избр. тр., Саранск, 1966, т. 5, с. 169). На второй день свадьбы после представления молодой предкам и хранителю двора «...подводят её к колодцу и объявляют, что взяли сноху, которая будет приходить к колодцу и утром рано и вечером поздно, чтобы хранительница колодца полюбила её» (Там же, с. 302). Данное представление молодой покровительнице К. являет собой редуциров. вариант представления молодой водному источнику, максим. удалённому от дома, что в целом ассоциируется с идеей плодородия.

В фольк. сюжетах, связ. с инициацией (см. *Инициация и миф*), К. выступает как канал взаимодействия миров, через него начинается отделение и происходит включение в пространство. В сюжетах с образом существа из К. и К., к-рый нужно почистить, а потом испить из него, подобные действия совершает девушка, чаще всего сирота. Это, очевидно, может быть связано, с одной стороны, с брачными инициациями, с др. — с культом воды и соотв. идеей плодородия (показ К. молодой на второй день свадьбы; обращение к *Ведяве* в случаях бесплодия супругов).

В мордов. фольклоре нет сюжета о девушке, попавшей в К. и вернувшейся из него с добытым богатством (типа сказки «Матушка-Метелица»). Мо-

тив попадания в К. против воли героя как эпизод есть в эрз. сказке «Уроскеть» («Сиротки»), когда мачеха толкает девушку в К., а её брат, лизнувший жира Яги-бабы и превратившийся в барашка, вытаскивает её рогами только тогда, когда над ним нависает угроза быть зарез. по приказу той же мачехи. Для девушки К. ассоциируется с символич. смертью и возвращением в земной мир.

Испытания детей, связ. с К., представлены в сказочных сюжетах о детях-сиротах. Так, в сказке «Мачеха» девочка, к-рую отправляют отстирывать чёрные онучи добела, по пути чистит К., затем пьёт из него. Вероятно, питьё из чистого К. для девочки является символом будущего деторождения, своего рода элементом продуцирующей магии.

К. в фольклоре мордвы становится местом узнавания забытой невесты. Так, в эрз. сказке «Ведява» герой, не выполнив условия, забывает привез. с собой невесту — чудесную помощницу, и в день своей свадьбы на др. он сам вынужден пойти к К. за водой. «Варштась лисьмантень, неизе тейтеренть сулеензэ ды содызе. Тейтересь валгсь лисьманть вельксстэ, кундасть кедте-кедсь цёранть марто ды совасть кудос» — «Глянул он в колодец, увидел отражение девушки и узнал её. Девушка слезла с журавля, взялись они за руки и вместе с парнем вошли в дом» (УПТМН, т. 3, ч. 2, с. 42, 50). Мотив отражения девушки в К. усиливает его связь с потусторонними силами, где удвоение реальности служит средством возвращения к ней — восстановления памяти, узнавания забытого.

Будучи границей между мирами — природным и освоенным человеком, К. нередко таит в себе опас-

ность: его богиня-покровительница, разгневавшись, может наказать бесплодием в браке; у К. может произойти встреча со злой старухой-волшебницей, подпитывающей человек. страсти и слабости и помогающей девушке избавиться от брата, как, например, в сказке «Сыре скал» («Старая корова»).

Одно из важных значений К. — связь с подземным миром и подземными водами. Так, К. являлся местом моления во время затяжной засухи: «...на месте прежнего моляна стоит часовня и вырыт колодезь, на него ходит мордва во время бездождия с образами» (Иванцев С., Из быта мордвы деревни Дюрки Паранеевской волости Алатырского уезда Симбирской губернии // Изв. ОАИЭ, 1893, т. 11, вып. 6, с. 574). С К. может быть связана встреча с хтонич. силами, не всегда располож. благосклонно к героям. Они способны, с одной стороны, вызвать дождь в окказиональной обрядности, с др. — желать смерти героя. В мокш. сказке «Вирьбаба» («Лесная старуха») они выступают в образе змея — любовника сестры героя, желающего избавиться от последнего и придумывающего сложные задачи. Сестра героя, пойдя в очередной раз за водой, видит в К. змея, к-рый просит вытащить его: « — Таргамак, аляце-аваце улян. <...> — Таргамак, васяце-полаце улян... Стирсь сонь таргазе, кандозе куду...» — « — Вытащи меня, родителем тебе буду. <...> Вытащи меня, суженым твоим буду... Девушка вытащила его, принесла домой...» (УПТМН, т. 3, ч. 1, с. 143, 148).

Негативную семантику страданий, *болезни* имеет образ К. с цветущей или ржавой водой. Так, в игре «Тундонь тердема» («Зазыв весны») в ответ на

вопрос о том, где находятся и чем питаются птицы, *жаворонки* говорят о своих бедствиях в чужих краях: «Минь ярстано ташто эшинь тюжа песокт, минь симтяно ташто эшинь чемынь ведьте» — «Мы питаемся жёлтым песком старого родника, мы пьём ржавую воду из старого колодца» (Брыжинский В. С., Серебряные цепочки, Саранск, 2002, с. 215, 216).

Образ К. как канала связи с иными мирами проявляется в *гаданиях*. Архим. Макарий отмечал, что «эрзяне ходят слушать к воде, будь то река, ручей или колодец» (цит по: Mainof W., Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissä, 1889, vol. 5, p. 96). До сих пор, по словам жительницы с. Нов. Жабино Большеигнатовского р-на Мордовии Т. С. Дёровой, при гадании на женихов девушки складывают палочки в виде К. и укладывают под подушку, в увид. сне должен явиться суженый, к-рый напоит водой. В страшных гаданиях К. изоморфен проруби.

В паремиологии образ К. связан с идеей получения благ за чужой счёт, без собств. усилий: «Варака лисьманть чувизе, панжизе, мольць, пулунза тонжай меря монь» — «Ворона вырыла колодец, пришёл канюк, всунул свой хвост и говорит: мой» (Мордовский этнографический сборник, СПб., 1910, с. 398).

Рисунок «Причитание у колодца» вошёл в сер. «Мордовская свадьба» И. С. Ефимова.

Тексты: ПМА: Дёрова Татьяна Семёновна, 1930 г. р., с. Нов. Жабино Большеигнатовского р-на РМ, записи 2012; Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3, ч. 1: Мокшанские сказки. Саранск,

1966 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3, ч. 2. Эрзянские сказки. Саранск, 1967.

Лит.: **Иванцев С.** Из быта мордвы деревни Дюрки Паранеевской волости Алатырского уезда Симбирской губернии // Изв. ОАИЭ. 1893. Т. 11, вып. 6 ; **Евсевьев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; **Брыжинский В. С.** Серебряные цепочки = Сиянь рисьминеть : Эрз. и мокш. нар. игры и хороводы в авторском изложении. Саранск, 2002 ; **Мокшин Н. Ф.** Материальная культура мордвы : этногр. справ. Саранск, 2002 ; **Mainof W.** Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissä, 1889. Vol. 5.

В. С. Святогорова.

КОЛЬЦО́ (м., э. **Суркс**), широко распростран. у мордвы украшение, имеющее символич. значение. Данные археологии свидетельствуют о давней традиции ношения К. В погребальных комплексах как женщин, так и мужчин, встречаются разнообразные виды перстней и К. — простые гладкие, спиральные и с разнообразными привесками. В альбоме «Древности мордовского народа» помещены рисунки К. с лапчатыми и бутылчатыми привесками из Борковского и Кузьминского могильников (с. 43, 46 — 47), гладкие, спиральные и с бумбоновыми привесками на длинных цепочках из Максимовского могильника (с. 49 — 51), перстни из Муромского могильника (с. 53 — 54). К сожалению, нет отд. ст. археологов о К. в погребениях, т. к. они настолько типичны, что не являются датирующим признаком. И. М. Петербургский, напр., отмечая широкую распространённость у мордвы как украшений для рук вообще, так и К. и перстней пишет: «...перстни и браслеты из бронзы и серебра

носили женщины всех возрастов и социальных групп. В VII — X вв. их носили и мужчины» (Мордва, Саранск, 2004, с. 786). Ношение К. с привесками было характерно и для 18 в. Так, И. И. Лепёхин отмечал в своих наблюдениях: «Пальцы эрзянки украшают перстнями, и богатые такие на них щеголихи, что ни одного пальца без перстня не оставляют, из которых на лучших перстнях прикрепляют цепочки с серебряными деньгами, а убогие с медными» (Лепёхин И. И., Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году, СПб., 1771, с. 158). И. Георги и П. С. Паллас также отмечали распространённость практики ношения К. и перстней.

Ношение К. мужчинами подтверждается данными фольклора. Так, в эрз. сказке «Алёшка ды Ванюшка» старик, воспитавший попавших в лес братьев, даёт каждому из них по богатырскому К., к-рые находятся в магич. связи со своим хозяином и друг с другом: если погибает один из братьев, то чернеет К. у др.

В свадебном обряде мордвы К. является символом *девичества*. Во время такого эпизода эрз. свадьбы, как приготовление дома для бегства (урьвалянь кудонь варчамо), невеста обращается к хозяйке *дома* с просьбой скрыть её от «ногайцев» и «башкирцев» (стороны *жениха*): «Пижень сурксокс теимак, / Покш сурзот тонгомак» — «Преврати меня в медное кольцо, / На большой палец надень меня» (Евсевьев М. Е., Избр. тр., Саранск, 1966, т. 5, с. 124). В др. эпизоде свадьбы — расставания с девичеством (тейтерьксчинь нолдамо) К. с прядью своих *волос* невеста

передавала либо младшей сестре, либо любимой подруге. Здесь семантика К. как символа *женщины* усиливается семантикой волос по принципу парциальной магии, где часть заменяет собой целое (прядь волос заменяет девушку).

К. выступает также символич. мостом, по к-рому проходит невеста во время уже упоминавшегося эпизода приготовления дома для бегства. Войдя в дом родственника, девушка катила по полу К. со словами «...вить кеднесэнь сиянь суркс... / ...Вить кединень рукштядян — / Сиянь балясат мон чаван» — «...в правой рученьке у меня серебряное кольцо... / ...Правую рученьку размахну — / Серебряные перила прибью» (Там же, с. 120).

В ходе свадебного обряда было распространено дарение К. как невестой, так и гостями. М. Е. Евсевьев отмечал, что каждая родственница, пришедшая с *кашей* в дом невесты, после слов благодарности дарила ей медное К., за к-рое та благодарила причитаниями. Можно предположить, что К. здесь имеет защитную функцию, основ. на магии *круга*. Невеста дарила К. подругам во время совершения обрядов *баня девичества* и расставания с девичеством, а также родственницам жениха. Она приносила в дар К. *Баняве*, после того как «смывала» своё девичество, и в первую субботу после свадьбы (см. *Баня молодушки*). К. оставляли в качестве подарка *Ведяве* на берегу реки, ручья, к к-рым приводили молодую на второй день свадьбы, а за показ дороги она дарила К. девочке. Медное К. невеста клала на землю в середине двора, оно предназначалось *Калдазаве*, *Кардазаве*. Евсевьев сообщал о бытовавшем в Бугурусланском у. Самарской губ. обычае при-

готовления матерью *короба невесты*. В ответ на любое обращение, адресов. ей, она молча вынимала К. из короба и дарила обратившемуся к ней. Подобное ритуальное молчание типично для обряда перехода, К. выступает здесь как заместитель невесты — теперь уже в чужом для неё пространстве, а дарение К. является механизмом установления коммуникации с группой пока ещё чужих для неё людей.

К., будучи символом единения жениха и невесты, в момент сватовства служило также своеобразной «меткой» девушки будущей свекровью: «...Сурозот тонган сырнень суркс — / Кедь челькевне ультя...» — «На палец твой надеваю золотое кольцо — / Будь рукодельницей...» (Там же, с. 13). Сходное значение имело надевание свахой К. невесте перед тем как забрать её из дома дяди: «Сурозот тонган сырнень суркс — / Сур виешев ультя» — «На пальцы твои надеваю золотое кольцо, / Будь сильна пальцами» (Там же, с. 227).

К. как элемент продуцирующей магии либо заместитель жениха предстаёт в действиях свахи в доме дяди, когда она клала на свой курник медное К. и пела при этом «столенть вельтия прякасо, / Пряканть вельтия курниксэ, / Пряканть вельтия пижесэ...» — «стол покрыла я пирогом, / Пирог покрыла курником, / Курник покрыла медью...» (Там же, с. 222). Перед разрезанием курника это К. вместе с украш. коркой возвращали свахе. Подтверждением идеи продуцирующей магии является и тот факт, что позднее подруги невесты в благодарность уредеву за разрезание курника не просто отдавали ему К., а «...каждая девица на черен его ножа надевает по медному кольцу» (Там же, с. 223).

Эти К. тоже передавали свахе. Такой же смысл, очевидно, имеет свадебный ритуал, совершаемый в наст. время в Большеигнатовском р-не Мордовии (с. Чукалы, Ташто Кшуманця), когда К. кладут на свадебный пирог, с к-рым уредев идёт за невестой. При этом, по сообщениям информаторов, К. кладётся на пирог вертикально, чтобы его хорошо было видно (ПМА: Шунейкина).

К. как символ жен. начала фигурирует в сказках. Так, в эрз. сказке «Сыре скал» («Старая корова») старуха-волшебница подула в золотое К. и появилась красивая девушка. Таково же значение именных К. в упоминавшейся выше сказке «Алёшка и Ванюшка». Они были даны Алёшке, убившему последовательно трёх змеев, спасшему трёх царских дочерей, каждая из к-рых отдала ему своё К., что послужило одним из доказательств совершения подвига именно им. Взяв К., герой как бы обязуется жениться, чаще всего на младшей из спас. девушек, что подчёркивает инициаци. характер испытаний для них (см. *Инициация и миф*). Прикосновение к жен. К. означало притязания мужчины, именно такой смысл имели причитания невесты при отъезде свадебного поезда в дом жениха, когда он брал её за руку под платком: «Лома ломань, ят ломань... / ...Суркске ланга кундымим — / Сурксонь пачк сурон нолдызе... / Хоть виздевить тон, ято...» — «Чужой человек, чужак... / ...Схватил меня по колечку — / Вонзились кольца в пальцы мои... / Хоть постыдился бы ты, чужой...» (Евсевьев М. Е., Указ. соч., с. 267).

К. как символ супружества используется в мотиве узнавания героя, действительно совершившего

подвиг и убившего змеев («Алёшка и Ванюшка», «Лошадиная шкура»). С К. связан мотив доп. испытания героя, забывшего свою чудесную помощницу. Так, в эрз. сказке «Сураля» Пандай идёт на гумно за К. девушки, обещавшей во время осенних посиделок выйти замуж за того, кто в полночь достанет её К. из овинной ямы. В момент нападения на Пандая невидимых сил он внезапно вспоминает девушку: «Сестэ арсезевсь: „Улевельгак ней се тейтересь, конань марто оргодинек...“. Ансяк истя мерсь, сеск нолаштсь лангстонзо сталмось, ды саизе сурксонть» — «И вдруг подумал: „Была бы теперь рядом та девушка, с которой мы убежали...“. Только он так подумал, тут же сошла с него тяжесть, и он взял кольцо» (УПТМН, т. 3, ч. 2, с. 58, 66).

Венчальное К. использовалось во вредоносной магии. Так, И. Н. Смирнов описал способ, в соотв. с к-рым в с. Шадым Инсарского у. Пензенской губ. один из супругов мог избавиться от др.: «Соседки явились с советами: „Возьми венчальное кольцо мужа, ступай на кладбище через ворота к валу и вколоти кольцо на осиновом колышке в землю“. Баба проделала всё, что ей посоветовали... но она перемешала кольца и умерла сама» (Смирнов И. Н., Мордва, Саранск, 2002, с. 174).

К. выступало как инструмент в лечебной магии. Так, по сообщениям А. А. Шахматова, в с. Сухой Карбулак Саратовского у. Саратовской губ. если у ребёнка болело ухо, «...найдут венчальное кольцо и заставят в верх растущего ребёнка... плевать через кольцо, прямо в больное ухо... двенадцать дней утром и вечером» (Мордовский этнографический сборник, СПб., 1910, с.159). Кроме того, К. могло

служить подарком, напр., Ведяве при лечении от падения в *воду*, когда от имени больного знахарка дарила ей серьги и ленты, последовательно опуская их в воду.

К. как символ солнца, а также единения мужчины и женщины фигурировало в молодёжных играх (см. *Игры*) в ходе зимних календарных обрядов. Так, у эрзян в «Рождественском доме» была традиц. игра «Сурксон микшнема» (продажа колец, сдел. из соломы или тонких прутьев). Она носила ярко выраж. эротич. характер, при этом магич. символика действий заключалась в том, что репродуктивная сила человека передаётся солнцу после зимнего солнцестояния. Все действия имели целью обеспечить достаток и изобилие как в доме, где проводились игры, так и всем участникам. Способность репродуктивной силы человека воздействовать на ход природных процессов часто использовалась в аграрной магии. Так, скатывание молодой с горы в первую Масленицу после замужества предполагало воздействие на движение солнца, усиление его активности, и К., к-рое женщина дарила скатившему её юноше, имело семантику солнца.

К. использовалось в молодёжных свадебных играх и хороводах. Так, «Сурксесэ» («В колечко») — изв. игра, к-рой надо угадать у кого в руке К. Игра «Свадьбань казнетъ» («Свадебное приданое») заключалась в том, что «девушка-продащица» прятала под платком на коленях К. на ленте, к-рое в конце игры вешали на шею не сумевшей найти его «невесте». В «Рождественском доме» традиц. была игра, основ. на *гадании* — «Уцяскань суркске» («Кольцо на счастье»). В ходе неё персонаж «идемевсь» («нечистый») прятал неск. К., висящих на лен-

тах, к-рые затем отдавал их хозяйкам за поцелуй. Здесь К. имеет семантику девичества и используется в предсказании судьбы.

В гаданиях К. чаще всего символизирует скорое замужество, реже богатство и достаток (ПМА: Дёрова). В с. Сухой Карбулак во время гадания перед Новым годом девушке, выбравшей шапку, под к-рой было спрятаано К., гарантировалось замужество в наступающем году. В др. местностях девушки ходили в *баню* смотреть «через кольцо». Венчальное К. опускали в стакан с водой, поставл. перед зеркалом: «Кто появится в зеркале — тот и будет мужем» (УПТМН, т. 12, с. 288).

Согласно нар. приметам, К., увид. во сне, предвещает добро. У эрзи К., снятое во сне с пальца, означает перемену в жизни, у мокши такой же смысл имеет сновидение с треснувшим К. *Венчание*, понимаемое прежде всего как обмен К., также рассматривается как перемена в жизни.

Мокшане воспринимали К. как способ определения мастерства ткачихи и черт её характера: «Стирть иляназонь кодаф котфоц тьялги суркс варява, стирсь ежу и сявомань рьяня» — «Сотканное льняное полотно можно вдеть через кольцо — девушка хитрая и с хорошей репутацией» (Там же, с. 215).

Тексты: ПМА: Дёрова Нина Яковлевна, 1937 г. р. с. Нов. Жабино Большеигнатовского р-на РМ, записи 2012 ; ПМА: Шунейкина Валентина Афанасьевна, 1944 г. р., с. Чукалы Большеигнатовского р-на РМ, записи 2012 ; Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3, ч. 2 : Эрзянские сказки. Саранск, 1967 ; Устно-поэтическое творчество мордовского на-

рода. Т. 12 : Народные приметы мордвы. Саранск, 2003.

Лит.: **Лепёхин И. И.** Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1771 ; **Смирнов И. Н.** Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; **Маркелов М. Т.** Саратовская мордва // Саратовский этнографический сборник. Саратов, 1922. Вып. 1 ; **Евсевьев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; Древности мордовского народа : альбом. Саранск, 1941 ; **Брыжинский В. С.** Серебряные цепочки = Сиянь рисьминеть : Эрз. и мокш. нар. игры и хороводы в авторском изложении. Саранск, 2002 ; Мордва : Очерки по истории, этнографии и культуре мордов. народа. Саранск, 2004.

В. С. Святогорова.

КОМЛЯ́ВА (м. К о м л я н ь а в а), **КОМОЛЯ́ВА** (э.) (м. комля, э. комоля «хмель», ава «женщина, мать»), божество хмеля. В мордов. песнях воссоздан образ К., отражающий реалии самого растения: «Каленть перька тарадонзо, / Чеенть перька рашкондавсть коренонзо, / Рукшн्यानь-рукшн्यानь лопинензэ, / Мокшн्यानь-мокшн्यानь шишкинензэ» — «Вокруг ивы (её) ветки, / Вокруг осоки завилась (её) корни, / В лист лопуха (её) листочки, / По кулаку (её) шишечки» (УПТМН, т. 9, с. 32, 33) или в др. песне: «Лепень сэрсьэ... Комлянь пазось касокшность. / Калень-лепень прява сон сравтокшность, / Каленть-лептнень пряваст рашкондавкшность» — «С ольху... богиня хмеля вырастала. / Вокруг ивы-ольхи она раскинулась, / По вершине ивы-ольхи разрослась» (Там же, с. 30, 31). Антропоморфный образ К. имеет внеш. сходство с обычной мордов. женщиной. Её одежда со-

стоит из элементов мокш. костюма: «жёлтый халат», «зелёная рубашка» (Там же, с. 31), на ногах лапти, на голове «панга» (головной убор мордов. женщины).

К. является олицетворением буйства, веселья и неукротимой энергии. Сила её воздействия на человека сравнима со стихией ветра, при котором невозможно удержаться на ногах. Формированию весёлого характера К. способствует место, где она «родилась» и «вырастала»: «...на склоне горы, в низине... / Под ночными звёздами, под утренней зарёй, / Рядом с птичьими гнёздами, рядом с песнями...» (Там же, с. 33).

В песнях К. чаще всего фигурирует вместе с богиней урожая Норовавой. Сюжеты песен построены на символич. противостоянии этих двух божеств, на споре о первенстве. Однако в этих спорах не бывает победителя, т. к. своей цели всех напоить и опьянить и тем самым принести людям радость К. и Норовава достигают только совм. усилиями.

Хмель использовали при изготовлении мордов. ритуального напитка, для придания ему крепости, поэтому К., являясь покровительницей хмеля, в песнях изображалась любительницей спиртного. Была частой гостьей питейного дома, за столом среди пирующих. Она была желанной гостьей в любом доме в праздничные дни, на свадьбе, создавая бесшабашное настроение. Поэтому К. воспевалась в свадебной поэзии. При изображении её внеш. вида подчёркивалась хмельная небрежность: «Покачиваясь-пошатываясь Комлянь ава ходила, / Заломленная у Комлянь авы шапочка...» (Там же, с. 31).

Как символ плодovitости хмель использовали на свадьбе, им обсыпали

молодожёнов. При этом произносили традиц. пожелания: иметь молодым столько детей, сколько шишек на хмеле; быть молодой такой же лёгкой в работе, как хмель.

Реконструкция мифол. образа К. осуществлена Н. Г. Юрчёнковой. Лит. интерпретация образа божества хмеля дана В. К. *Абрамовым* в поэме «Легенда о серебряном всаднике» и А. М. Шароновым в кн. «Масторава». Комлянь ава является одним из персонажей сказки «Нишке паз и Ковава» В. А. Юрчёнкова. К образу божества хмеля обращались худ. Н. С. Макушкин, М. С. Шанин, В. В. Митина и С. В. Нестерова.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 9 : Мордовские народные песни Заволжья и Сибири. Саранск, 1982.

Лит.: **Смирнов И. Н.** Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; **Евсеев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; **Абрамов В. К.** Легенда о серебряном всаднике. Саранск, 1996 ; **Масторава.** Саранск, 1994 ; 2001 ; 2003 ; **Шаронов А. М.** Масторава. Саранск, 2010 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; **Её же.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; **Юрчёнков В. А.** Сказки Вириявы. Саранск, 2012 ; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Н. Г. Юрчёнкова.

КО́НЬ (м. *Лишме*, м., э. *Алаша*), самое мифологизиров. и особо почитаемое животное в мордов. традиц. культуре. Истоки почитания К. восходят к культу *животных*. Археол. памят-

ники зафиксировали бытование культа К. у мордвы в 1-м — начале 2-го тыс. н. э. В кон. 9 — 10 вв. он стал преобладающим, вытеснив культ водоплавающей птицы.

С К. связан целый комплекс представлений, обычаев и обрядов. Наиболее архаичен зооморфный образ К., ярко воплотившийся в многочисл. украшениях. Зооморфные подвески из бронзы и рога — излюбл. жен. украшения мордвы. Они выполняли не столько утилитарные, сколько охранительные функции, служили в качестве оберега, обеспечивая их владельцу защиту и благополучие. Широкое распространение имели коньковые подвески; подвески-гребни с конскими головами; арочные шумящие подвески с изображением коней; коньки-подвески наборные, литые с прорезной основой; стилизов. пряжки с круглым ажурным щитком с разносмотрящими конскими головами. Их прикрепляли к одежде на груди, создавая своеобразный сюжет: «человек между двумя конями», или подвешивали к поясу. Обычай ношения свидетельствует о связи культа К. с магией плодородия. Изображение конских голов встречается в *вышивке*, особенно у мордвы-мокши. По форме они напоминают коньковые изображения на шумящих подвесках.

Археол., этногр. и фольк. материалы сохранили представления о мифол. связи К. с *водой*. В сказках, легендах и эпич. песнях К. спускается на дно моря, озера, переправляется через водные преграды и т. д. Бытовал обычай жертвования К. во время ледохода: жертв. животное предварительно украшали лентами, вешали на шею два мельничных жёрнова и топили. Бронзовые коньковые подвески с шумящими привесками в виде утиных лапок также подчёркивает связь К. с

водной стихией. На ассоциации этой связи возникли приметы, напр. К. катается по земле, вздрагивает и фыркает — к дождю.

В религ. представлениях мордвы К. — посредник между двумя сферами, он проводник в *загробный мир*. Англ. путешественник Д. Флетчер в 16 в. писал о мордов. обычае жертвоприношения К. умершему, на к-ром «он мог бы доехать до неба». Ряд исследователей ритуальные захоронения человека с К. или одного К. также связывают с посреднич. ролью К., с его путешествием в загробный мир. Ритуальные захоронения К. у мордвы встречаются вплоть до 14 в. Иногда К. заменяли клавшиися вместе с умершим узда, стремяна и удила. Согласно первобытной магии данные предметы символизировали реального К. У нижегородской мордвы обычай хоронить мужчин с уздой бытовал ещё в 19 в. *Жертвоприношение* К. над могилой умершего совершали и в др. регионах проживания мордвы. В Городищенском у. Пензенской губ., напр., данный обряд проводился при устройстве поминального пира в сороковой день. По поверьям, после этого срока тело умершего полностью освобождается от *души*, и он отправляется на тот свет. Традиционно жертвовали животное, обещ. покойнику. Считалось, что умерший всё равно «возьмёт его», если семья решит заколоть к поминкам др., купл. До сорока дней К. откармливали; в день поминок на нём ехали на *кладбище*, где и совершался ритуал. Кожу заколотого животного, изрез. на куски, расстлали на могиле. Существуют также устные рассказы, в к-рых подтверждается семантич. связь К. с потусторонним миром и смертью. Широкое распространение имеет мотив, когда К. предвещает смерть хозяину.

По поверью, в ночь под Новый год он обладает даром прорицания и предсказывает будущее, может разговаривать на человеч. яз. Эти представления породили обычай подслушивания «разговора животных», к-рый бытовал вплоть до нач. 20 в. Считается, что увидеть во сне К., особенно чёрной масти, к несчастью, смерти.

К. выступает также как символ света, огня, солнца. Разнообразные материалы сохранили представления о «солнечных» и «огненных» К. В эпосе бог грома Пурьгинепаз ездит по небу на двух огненных жеребцах или на трёх огненных К. Мокша и эрзя ассоциировали Пасху — «великий, большой день», «великое, большое солнце» с образом всадника на солнечном или белом К. На бело-сером К. (жеребце) ездит эпич. герой Тюштя, мифич. Нишкепаз; на таком К. приезжает *женних* к невесте. Как персонификация образа солнца фигура К. занимает центр. место во всех календарных праздниках, приуроч. к периодам смены сезонных циклов, возобновления природы и солнца.

Связь К. с культом солнца очевидна в композиции бронзовых подвесок: кольца над головами К. в арочных шумящих подвесках являются солярными символами, а спиральные завитки вместо копыт и знак в виде креста перед первым в ряду К. свидетельствуют о небесных К. На нек-рых коньковых подвесках помещены изображения солнечного диска с лучами. Мотив двойных конских голов трактуется как проявление бинарной оппозиции: солнечный К. — подземный К.

В нар. традициях К. олицетворяется с образом вихря, бури, ветра. В эпич. и лирич. песнях, сказках К. наз. «сказочно быстрым» и сравнивается с птицей и ветром. Нередко сама жизнь

отождествляется с образом К. На таких ассоциациях сложились мокш. выражения «Вармакс лии алаша» («Летящий как ветер конь»), «Алашань табунц, кода давол ётась» («Лошадиный табун пролетел, как буря»), «Лишмокс ётасть кизотне» («Как кони пролетели годы»), «Эряфсь вишке айгоркс ардсь» («Жизнь пронеслась, как быстрые кони») и др.

С развитием пашенного земледелия образ К. трансформировался, он начал выступать в роли новой культурной традиции: «как хозяин земли» («масторонь кирде»), «кормилец народа» («народонь анды»). В мифич. и героич. песнях это право К. приобретает в состязании с соколом, являющимся символом охоты. К. выигрывает данное состязание, он первым приходит к эпич. столбу плодородия и становится покровителем земледелия и земледельца. В фольклоре изв. многочисл. сюжеты, где земледелие не мыслится без лошади. В цикле песен о змее и охотнике К. активно борется за утверждение господствующей роли земледелия: он сам пашет и боронует поле, стыдит охотника за то, что тот пренебрегает крест. работой. Эти новые функции достаточно полно отражены в былинах, балладных песнях и эпосе. В них К. (лошадь) идеализируется, наделяется чудесными свойствами, сверхъестеств. силой, является спутником, наставником, защитником, спасителем человека и т. д. В песнях о солдатчине К. служит хозяину до конца его дней, даже хоронит его, после чего убегает в далёкую степь, не желая себе др. хозяина. К. как символ земледелия фигурирует в песнях об избрании родового вождя — Тюшти: он со своими сыновьями и снохами пашет землю на двенадцати К.

Образ К. является центр. в календарной обрядности мордвы. Всадник (всадница) на К., ряженье К., маски К. были составной частью ритуалов в «Рождественском доме», на Пасху, Троицу, а также во время проводов *зимы и весны*: К. (или его имитацию) водили в дом, угощали пуре и блинами, оказывали разные почести и т. д. В этих обрядах особенно ярко проявлялась связь К. с культом плодородия и солнца. Катание на К. занимало большое место на Масленицу. Оно совершалось с магич. целью очиститься от злых духов (см. *Духи*) и отпугнуть их с помощью шума колокольчиков и бубенчиков, весёлых песен и смеха. Кроме того, катание на К. вокруг селения по ходу солнца выполняло функцию ускорения прихода весны, тепла, а также было своеобразным смотром лошадей и конской упряжи. Ритуально-магич. действия, связ. с К., совершались на родовых молениях. Так, при шествии во время *братчины* женщины скакали верхом на палках, имитируя конское ржание. Скачки на палках сопровождали обряд перенесения родовой свечи (штатол) из одного дома в др.

К. играет важную роль в свадебном обряде. Так, во время вынимания из печи гл. свадебного пирога (лувонь кши)стряпухи топали ногами, звенели колокольчиками, имитируя мифич. К. Самих женщин наз. сивыми. Аналогичный обряд совершала симбирская мордва при переносе свадебных пирогов: на одну из женщин накидывали узду, на грудь вешали колокольчик, др. топали ногами и кричали «иго-го». В ряде селений невеста вместе с подругами в сопровождении урваля (брат или близкий родственник, участвующий в проводах невесты под венец) катались по селу на зап-

ряж. паре лошадей, украш. лентами и бубенцами.

Многофункцион. образ К. превратил его в одно из самых почитаемых домашних животных, требующее особой заботы и защиты. В честь К. устраивали моления, совершали обряды. В день моления пекли специальный хлеб, напоминающий по форме К., к-рый относили в конюшню. В ряде мордов. селений Симбирской губ. ритуальный хлеб в форме конской головы клали в сосуд с овсом и отдавали лошадям. Составной частью таких молений было катание на К. Традиц. являлось праздничное обрядовое кормление К. накануне Нового года, имевшее символич. значение: хорошо покормл. в этот день скот не будет голодать и в остальное время года.

Повсеместно в Чистый четверг совершали ритуальное очищение К. родниковой или проточной водой. Широкое распространение имел обычай очищения К. огнём, зажжённым от «живого огня». Для совершения обряда за селением строили из досок и брёвен «ворота» так, чтобы между ними могла пройти лошадь. Верх. концы брёвен соединяли перекладной, на к-рую клали хворост и дрова. Путём трения получали «новый, живой огонь» и разводили костёр. Через эти «ворота» прогоняли К., а после них проходили сами участники. Огонь и ворота играли магич. роль оберега. Эта традиция у самарской мордвы сохранялась до сер. 20 в. С христианством связан обычай кропить К. святой водой, а св. мученики Флор и Лавр стали считаться их покровителями. Ко дню их памяти приурочивалось одно из молений о лошадях. Для защиты К. от сглаза и порчи использовали различные обереги. Широкое распространение имел обычай держать в конюшне под коло-

дой медвежьей когти, шерсть или целую голову.

Образ К. сохранился в нар. сознании и нашёл отражение в материальной культуре. Изображение К. получило воплощение в скульптурной резьбе. Фигура К. или конская голова украшали лавку у входа, отчего она и получила назв. «коник», а также лопасти прялок, ковши и братины; парные скульптурные коньки — фронтоны, верх. часть наличников. Они имели как утилитарное, так и охранительное значение. Реликтом мифол. мироощущения зооморфного образа К. является вера в подковы: найти подкову считается к удаче, прибыли и счастью. Исходя из этого, её подвешивали над дверью, *воротами* и т. п.

Реконструкция мифол. образа К. осуществлена Н. Г. Юрчёнковой. Образ К. получил распространение в изобразит. иск-ве. Широко изв. фигурки К. резчиков из с. Подлесная Тавла Кочкуровского р-на Мордовии. МРОКМ обладает резной братиной «Кони» В. Т. Суняйкина. Обряд моления о лошадях изображён на картине «Моление о лошадях» (1989) В. А. Попкова. При её создании художник нашёл такую систему построения пространства, к-рая позволила дать свободу воображению и сохранила при этом правдивость в изображении обряда. Этнографически точно переданы атрибуты моления К. в рисунке «Поклонение коню» (1996) А. И. Коровина, выполн. в качестве иллюстрации к кн. «Как узнавали о мордве» В. А. Юрчёнкова. Образно-символич. восприятие К., а также посвящ. ему моления свойственно работам совр. худ. Л. Н. Колчановой-Нарбековой («Моление о лошадях», 2001) и Н. В. Рябова («Красный конь», 2001).

Лит.: **Смирнов И. Н.** Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; **Евсеев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; **Худяков М. Г.** Культ коня в Прикамье // Из истории докапиталистических формаций : сб. ст. к 45-летию науч. деятельности Н. Я. Марра. Л., 1933 ; **Мачинский А. П.** Конское погребение Кельгининского могильника // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Саранск, 1970. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 39) ; **Соколова З. П.** Культ животных в религиях. М., 1972 ; **Беленицкий А. М.** Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье // КСИА. М., 1978. Вып. 154 ; **Голубева Л. А.** Зооморфные украшения финно-угров. М., 1979. (Археология СССР : Свод археол. источников ; Е 1-59) ; **Брыжинский В. С.** Народный театр мордвы. Саранск, 1985 ; **Мартьянов В. Н.** Захоронения коней в могильниках мордвы левобережья р. Теши в конце I — начале II тысячелетия н. э. // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Саранск, 1992. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 107) ; **Вихляев В. И.** Возникновение обычая конских погребений у средневековой мордвы // Гуманитарные науки и образование: проблемы и перспективы : материалы I Сафаргалиев. науч. чтений. Саранск, 1997 ; **Беляева Н. Ф.** Община как носитель производственно-бытовой обрядности мордвы // Исторические и политические науки в контексте современной культурной традиции : материалы IV Сафаргалиев. науч. чтений. Саранск, 1999 ; **Бейлекчи В. В.** Культ коня у муромы // Уваровские чтения. Муром, 2003 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; **Пронин А. С.** Мордовские конские погребения первой половины II тыс. н. э.: классификация // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. [Саранск]. 2012. № 1.

Н. Ф. Беляева.

КОРНИШИНА Галина Альбертовна (2.10.1959, с. Атяшево Атяшевского р-на РМ), этнограф. Д-р ист. наук (2001), проф. (2006). Мордовка (эрзя). Окончила Мордов. гос. ун-т (1981), аспирантуру НИИЯЛИЭ (1987). В 1981 — 86 — учитель истории ср. школы № 21 г. Саранска. В 1987 — 96 — науч. сотрудник, зав. отделом археологии и этнографии НИИЯЛИЭ. В 1996 — 2001 — старший преподаватель, доцент, зав. кафедрой истории мировой и нац. (мордов.) культуры, в 2002 — 03 зав. кафедрой истории, политологии и права МГПИ им. М. Е. Евсеева. С 2003 — проф. кафедры новейшей истории народов России Мордов. ун-та. Автор более 130 науч. и уч.-метод. работ, в т. ч. 3 монографий, 2 учебников и 5 уч. пособий.

В исследованиях, посвящ. в осн. традиц. обрядности мордвы, К. рассматривает также религ. воззрения, являющиеся неотъемлемым элементом ритуальных комплексов. Она подчёркивает, что в нар. церемониях до последнего времени большое значение имело почитание дохрист. божеств — покровителей различных природных стихий, поселений, жилых и хоз. построек и т. п. Чтобы обеспечить благожелательное отношение этих божеств к себе, люди устраивали моления в их честь, к-рые были компонентами обрядовых циклов, как семейных, так и связ. с хоз. занятиями.

К. отмечает, что в обрядовой культуре мордвы прослеживается такой элемент архаичных верований, как тотемизм, т. е. вера в тесную связь между определёнными группами людей и видами *животных*, растений. Он проявлялся в почитании отд. растений и животных, служивших символами плодородия, здоровья, благополучия, а также нередко выполнявших роль оберега.

Существ. значение в обрядности этноса, по мнению исследователя, имел культ плодородия в широком смысле этого слова, под к-рым подразумевалось не только обеспечение высокого урожая, плодovitости скота, но и рождение большого кол-ва детей и благосостояние людей. Как пишет К., различным ист. периодам соотв. определённые проявления этого культа — от простейших магич. заклинаний и действий до почитания божеств плодородия (Норовава, Паксява, Масторава), к-рых постепенно сменили христ. святые. В ритуальных циклах нашли отражение различные формы обеспечения плодородия: *гадание*, почитание стихий (*вода, земля, солнце, огонь, ветер, дождь*), поклонение духам предков, также выступавшим в качестве подателей плодородия.

К. рассмотрела роль нар. костюма мордвы в обрядовой культуре этноса, его место и значение в отд. церемониях. В частности, она описала функции ритуальной одежды, а также изделий из холста (платки, полотенца), употреблявшихся во время молений. Исследователь отмечала, что у мордвы, как и у др. народов Урало-Поволжья, имелась специальная одежда, к-рую надевали только во время озксов. Так, их рук. (озатя, озкс баба, ин атя, ин баба) надевали белую длинную домотканую рубаху из холста (панар) с поясом яркой расцветки. По окончании обряда эту рубаху передавали человеку, к-рый в следующий раз должен был руководить молением. В нек-рых местах ритуальный панар шили из холста, освящ. в ходе моления путём прикладывания его к почитаемому дереву. Во время молений предметы одежды, а также изделия из текстиля могли применяться и в магич. целях. Напр.,

очень часто они использовались в качестве даров божествам и умершим предкам, их вешали на свящ. деревья, ими украшали жертв. животных и т. п. Предметы, применявшиеся на молениях, считались надел. особой магич. силой, в т. ч. лечебными свойствами. Поэтому с их помощью пытались исцелять больных людей.

Значительное внимание К. уделила такому важному элементу обрядовой культуры мордов. народа, как маски и ряженье, связ. с его тотемистич. воззрениями. Она раскрыла связь отд. обрядовых персонажей с мифол. представлениями мордвы. Подобная связь прослеживается, напр., с образом медведя, с давних пор считавшегося носителем доброго начала. Широко распространено было среди мордвы почитание *коня*. В нек-рых мордов. селениях в образе Пасхи выступал молодой мужчина на лошади светлой масти, олицетворявший солнце. Мордва полагала, что лошадей, как и медведей, опасаются *колдуны* и злые силы. У мордвы встречались и т. н. устрашающие маски, фигурировавшие преим. во время Святков. Осн. их деталями являлись рога или большой нос, к-рые делали из луба или бумаги, при этом лица ряженных обычно были вымазаны или прикрыты личиной (чамакс), также окраш. в чёрный цвет. Обряжаясь подобным образом, люди как бы сближались с потусторонними силами, в частности с умершими предками, к-рые должны были обеспечить их благополучие. Кроме того, «сливаясь» с духами, человек надеялся оградить себя от их дурного влияния.

К. охарактеризовала осн. аспекты обрядовой культуры мордов. народа, тесно связ. с его мифол. представлениями; проанализировала различные структурные элементы обычаев

и обрядов мордвы, таких как магич. действия, дары и жертвы, приметы и гадания, при этом раскрыв их глубинную мифол. семантику. Напр., практически в каждом ритуале, по мнению К., наблюдается «общение» людей со сверхъестеств. существами (божества, предки), к к-рым обращались с различными просьбами, подкрепляя их дарами и *жертвоприношением*. В качестве даров часто фигурировали пищевые продукты и блюда, являвшиеся символами плодородия, достатка и здоровья: хлеб и др. мучные изделия, блюда из злаков и яиц, а также напитки на основе ржаного солода. Исследователь также дала представление о субъектах (носителях) традиц. культуры, в т. ч. её элементах, тесно связ. с религ. воззрениями мордвы. Имеются в виду общинный и семейный коллективы, а также половозрастные группы крест. сообщества. В зависимости от степени участия того или иного субъекта в ритуальном цикле, напр. молении, К. определила их как общинные (велень озкс, кереть озкс), семейные (кардаз озкс, од кудонь озкс) или моления отд. общинной группы (атянь озкс, бабань каша).

К. обратилась к проблеме пространств. функционирования обрядности и аргументированно указала, что в связи с проживанием мордвы преим. в сельской местности её обществ. моления и праздники проходили обычно на природе (лесная поляна, луг, возвышенность, у водного источника). Местами различных церемоний служили также улицы селений, жилые и хоз. постройки. До наст. времени важным сакральным центром мордов. селений является *кладбище*, где не только проводят семейные и обществ. поминания умерших родственников, но и в случае засухи

молятся о дожде, знахари исцеляют больных людей.

Соч.: Сезонные обряды мордвы: исторические корни и традиционные формы бытования : уч. пособие. Саранск, 1999 ; Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования. Саранск, 2000 ; Знаковые функции народной одежды мордвы : уч. пособие. Саранск, 2002 ; 2008 ; Традиционно-обрядовая культура мордвы : уч. пособие. Саранск, 2005 ; 2007 ; Экологическое воззрение мордвы (религиозно-обрядовый аспект). Саранск, 2008 ; Традиционно-обрядовая культура в системе мордовского этноса: структура, субъекты, составные компоненты. Саарбрюккен, 2011.

Лит.: Центр гуманитарных наук: история и современность / сост.: Е. В. Глазкова, А. В. Чернов. Саранск, 2008 ; Мордовия, XX век: культурная элита : энц. справ. : в 2 ч. Саранск, 2010. Ч. 1.

С. Г. Винтина.

КО́РОБ НЕВЕ́СТЫ (э. *Кель парго* «короб-язык»), шкатулка, в к-рой хранятся ювелир. изделия (кольца, перстни, браслеты, серьги и др.), используемые невестой на свадьбе в качестве даров. Вручается ей родственницами (подругами) в момент расставания с родительским домом, когда она садится с приданым в повозку *жениха*.

Обряд передачи К. н. невесте зафиксирован М. Е. *Евсевьевым* в нек-рых селениях Бугурусланского у. Самарской губ. (с. Алексеевка, Алёшкино и др.). В самый последний момент отправления, когда невеста, потеряв всякую надежду на «спасение», вырывала из головы прядь *волос* и вместе с платком, а в ряде селений — с приготвл. для этого оборями бросала их через голову свахи подругам для передачи своей матери.

Подруги, войдя в дом, отдавали ей эти предметы. В ответ она передавала им для дочери К. н. Поплавав над предметами, получ. от дочери, мать завёртывала волосы в платок и клала в сундук, где хранила их до конца своей жизни как память о дочери и самую дорогую вещь.

Во время свадьбы в доме жениха невеста держала К. н. в руках и каждый раз, когда к ней обращались с вопросами, просьбами, вместо ответа вынимала *кольцо* из этой шкатулки и передавала обратившемуся к ней. Использование в ходе свадебного обряда К. н. объясняется табу — религ. запретом, налагаемым на к.-л. предмет, действие, слово и т. д., нарушение к-рого, по суеверным представлениям, наказывается сверхъестеств. силами. Считалось, что К. н. позволяет сохранять магич. обряд умолчания и уберечься от колдовства, порчи.

После завершения свадьбы невеста клала К. н. с оставшимися украшениями в свой сундук и хранила до конца жизни. Сами молодые наз. К. н. также «уцяскань парго» (короб судьбы, счастья) или насмешливо — «кеж парго» (короб злобы). Отголоски обряда (обет молчания в момент вывоза невесты из родительского дома) сохранялись на мокш. сельских свадьбах до 80-х гг. 20 в.

Лит.: Евсевьев М. Е. Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5.

В. И. Рогачёв.

КОРОВА́ (м. **Тракс**, э. **Скал**), наиболее почитаемое мордвой домашнее животное (см. *Животные*). Покровительницей К. считалась преподобномученица Феодосея, а у хозяина во дворе от нечистой силы, способной

отобрать молоко, К. оберегало божество Кардаз сярко (см. *Калдазава*, *Кардазава*). Чтобы вымолить у этого божества удачу в разведении скота, перед Новым годом забивали чёрную К., голову к-рой приносили в коровник. К. никогда не резали на мясо. В случае болезни или старости её продавали, только для обществ. праздников и *жертвоприношения* (на Петров день и Троицу) делали исключение.

В *Вербное воскресенье* и перед весенним выгоном скота животных, в т. ч. К., хлестали вербой и заклинали: «Тракская, лофца андыняй! / <...> / Эрь тялоня вазыяк, / Кафтонь-кафтонь скалнят. / Эрь кизоня лофцыяк...» — «Коровушка, молоком кормящая! / <...> / Каждую зиму телись, / Приноси по два телёнка. / Каждое лето будь молочной...» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 27).

Чтобы «очистить» и уберечь скот от нечистой силы, после весеннего сева крестьяне прогоняли скот сквозь «новый огонь». Одними из первых через импровизиров. ворота проходили К. Осн. магич. средством, применявшимся для повышения молочности К., была *вода*. При первом выгоне в стадо К. обливали водой, окропляли святой водой.

К. и *бык* в нар. культуре связаны также «небесной водой» (облака, осадки). По их поведению, когда они поднимают голову к небу, бьются рогами или подпрыгивают, можно предугадать дождливую погоду. О характере погоды судили и по масти К., возглавлявшей стадо при возвращении с пастбища: к ясной погоде впереди шла белая К., к переменной — пёстрая, к дождливой — чёрная.

Любой хозяин при покупке К. руководствовался нар. приметам: «На лбу у коровы большая ямка — корова

молочная», «Чёрная корова всегда молочная», «Сколько колец на рогах у коровы — столько раз она отелилась» (Народные приметы мордвы-мокши, Саранск, 1992, с. 38 — 39). В загадках о К. говорится: «В середине двора копна, впереди её вилы, позади её метла», «У меня есть повар, ухват свой носит на голове» (Пословицы, поговорки и загадки, Саранск, 1997, с. 172).

Во время рождественских гаданий на развилке трёх дорог услыш. звук мычащей К. означал эпидемию скота, а звуки, издаваемые при бодании К., — удачный год.

В сказках К. не только кормит, но и оберегает человека. Брату с сестрой она помогает убежать от мачехи, спасает от чудесного противника, проданного *Ведяве* человека увозит тайно домой.

Колыбельные песни, убаюкивающие ребёнка, с любовью рассказывают о коровушке, её пользе для семьи и достоинствах. Чаще всего героями этих песен являются сами дети и К., к-рую они спасают: «Была у бабушки бурёнушка, / Пошла пить, в реке утонула. / Тащила, тащила (бабушка) — не вытащила, / Пошёл Васенька — вытащил. / За рога взял, / К иве привёл...» (УПТМН, т. 8, с. 35).

Даже в *играх* народ не забывал о своей любимице. Подрастая, дети играли в «Коровку».

Реконструкция мифол. образа К. осуществлена Н. Г. Юрчёнковой.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3, ч. 2 : Эрзянские сказки. Саранск, 1967 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 4, ч. 2 : Мордовские загадки. Саранск, 1968 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 8 : Детский фольклор. Саранск, 1978 ; Устно-поэтическое творчество

мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; Мордовские народные сказки / собрал и обработал К. Т. Самородов. Саранск, 1985 ; Народные приметы мордвы-мокши / сост. Т. П. Девяткина. Саранск, 1992 ; Пословицы, поговорки и загадки / ред.-сост. Т. С. Баргова. Саранск, 1997. (Сказание о мордве ; т. 6) ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 12 : Народные приметы мордвы. Саранск, 2003.

Лит.: Маскаев А. И. Мордовская народная сказка. Саранск, 1947 ; Юрчёнкова Н. Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009.

Н. Г. Юрчёнкова.

КОРОВИН Александр Иванович (25.7.1924, г. Суздаль ныне Владимирской обл. — 21.3.2003, г. Саранск), график, живописец, педагог. Нар. художник РМ (1999). Засл. деятель иск-в (1980), засл. работник культуры (1974) МАССР. Член СХ России (1967). Участник Вел. Отеч. войны. Окончил Ивановское худож. уч-ще (1942), Ленингр. филиал Моск. полиграф. ин-та (1961). С 1961 жил в Саранске. В 1962 — 77 — гл. художник Мордов. кн. изд-ва. В 1977 — 2000 преподавал в Саранском худож. уч-ще. Пред. правления СХ Мордовии (1975 — 77). Внёс вклад в развитие графич. иск-ва Мордовии. Автор рисунков и живописных картин, отражающих мифол. воззрения мордов. народа.

К. является иллюстратором кн. «Пенза и Сура» (1971) и «Сияжар» (1975) В. К. Радаева, «Хронограф, или Повествование о мордовском народе и его истории» (1991) и «Как узнавали о мордве» (1996) В. А. Юрчёнкова. Воссоздал зрительные образы мифопич. героев и сюжетные сцены этногр. характера. В картине «Разго-

вор с предками» (1972) изобразил моление, посвящ. предкам. Автор сконцентрировал внимание на участниках, ритуальных моментах и атрибутах этого обряда. Им подчёркнута неразрывная связь между живущими и умершими. Предки незримо присутствуют в свящ. роще и то там, то здесь высоко среди деревьев проглядывают едва уловимые очертания их лиц, внимательно наблюдающих за происходящим на земле. Художнику удалось не только передать обрядовые моменты, но и зримо представить мировоззренч. установку молений: от того, как почитают живые своих предков, какие *жертвоприношения* устраивают в их честь, зависит покровительство последних. В рисунках-иллюстрациях этногр. тематики нет ярко выраж. трагичности, в них преобладает живое и свободное игровое действие. Так, изображая мордов. свадьбу при иллюстрировании кн. «Как узнавали о мордвее» в отличие от своих предшественников К. не ставил цель показать к.-л. отд. эпизод свадьбы, он стремился детально предста-

вить сам обряд, исполняемый в переломный момент жизни мордов. семьи. Этнографически точно переданы атрибуты молений в рисунке «Поклонение коню»: котёл, в к-ром варится жертв. мясо, бочка с пуре и др. приношения, разлож. на земле; фигуры людей, стоящих на коленях и согнутых в поклоне до самой земли; старейшина, произносящий слова молитвы; чучело *козня*, поднятое на вершину дерева и почитаемое как солнце.

Альбомы: Александр Коровин. Книжная графика : каталог выставки. Саранск, 1984 ; 70 лет Союзу художников Республики Мордовия : альбом. Саранск, 2007.

Лит.: Юрчёнкова Н. Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; **Её же.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; Мордовия, XX век: культурная элита : энц. справ. : в 2 т. Саранск, 2010. Ч. 1.

Н. Г. Юрчёнкова.

Продолжение следует

СОКРАЩЕНИЯ*

абс. — абсолютный
авг. — август
авт. — автор (в библиографии)
автореф. — автореферат (в библиографии)
акад. — академик (при имени)
алт. — алтайский
альм. — альманах (в библиографии)
АН — Академия наук
англ. — английский
анс. — ансамбль (муз.)

антропол. — антропологический
апр. — апрель
араб. — арабский
арм. — армянский
арх. — архив (в библиографии)
археол. — археологический
архим. — архимандрит (в библиографии)
АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
астрон. — астрономический

* В именах прилагательных и причастиях допускается отсечение окончаний, включая суффиксы «-анный», «-енный», «-еский».

- кл. — класс
 к.-л. — кто-либо; какой-либо
 км — километр
 кн. — книга; книжный
 кн. — князь; княгиня (при имени)
 кол-во — количество
 комм. — комментарий (в библиографии)
 кон. — конец (в датах)
 крест. — крестьянский
 к-рый — который
 КСИА — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР» (М., 1939 —)
 к-т — комитет
 лат. — латинский язык
 ленингр. — ленинградский
 лингв. — лингвистический
 лит. — литературный
 лит-ра — литература
 М. — Малый (в топонимических названиях)
 М. — Москва (в библиографии)
 м — метр
 м. — мокшанское (слово)
 макс. — максимальный
 манс. — мансийский
 мар. — марийский
 МАССР — Мордовская Автономная Советская Социалистическая Республика
 матем. — математический
 МГПИ — Мордовский государственный педагогический институт
 метод. — методический
 мин-во — министерство
 мифол. — мифологический
 мн. — многие
 мокш. — мокшанский
 Мордкиз — Мордовское книжное издательство
 мордов. — мордовский
 моск. — московский
 МРМИИ — Мордовский республиканский музей изобразительных искусств
 МРОКМ — Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей
 муз. — музыкальный
 муж. — мужской
 Н. — Нижний (в топонимических названиях)
 наз. — называет; называется; называемый
 назв. — название
 НА НИИГН — Научный архив НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия
 напр. — например
 нар. — народный
 нариц. — нарицательное (имя)
 наст. — настоящий
 науч. — научный
 нац. — национальный
 нач. — начало (в датах)
 нач. — начальный
 нек-рый — некоторый
 неск. — несколько
 НИИЯЛИЭ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров МАССР
 ниж. — нижний
 Нов. — Новый (в топонимических названиях)
 нояб. — ноябрь
 н. э. — нашей эры
 ОАИЭ — Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете
 об-во — общество
 обл. — область (в названии)
 обзор. — обозрение (в библиографии)
 ОК — областной комитет
 ок. — около
 окр. — округ; окружной
 окт. — октябрь; октябрьский
 опубл. — опубликован; опубликованный
 осн. — основной
 отв. — ответственный
 отд. — отдельный
 отеч. — отечественный
 офиц. — официальный
 п. — перевод
 пед. — педагогический
 пенз. — пензенский (в библиографии)
 пер. — перевод (в библиографии)
 первонач. — первоначально; первоначальный
 петерб. — петербургский
 ПМА — Полевой материал автора
 подгот. — подготовка (в библиографии)
 под рук. — под руководством
 пол. — половина (в датах)
 полит. — политический
 пом. — помощник
 поч. — почётный
 пр. — премия
 правосл. — православный
 пр-во — правительство
 пред. — председатель
 предисл. — предисловие

- предположит. — предположительный, предположительно
- през. — президент
- преим. — преимущественно
- произв. — произведение
- произ-во — производство
- просветит. — просветительский
- проф. — профессиональный
- проф. — профессор
- прп. — преподобный (при имени)
- психол. — психологический
- публиц. — публицистический
- р. — река (при названии)
- РАЕ — Российская академия естествознания
- РАО — Российская академия образования
- РГО — Русское географическое общество
- рев. — революция; революционный
- регион. — региональный
- ред. — редактор
- реж. — режиссёр; режиссёрский
- религ. — религиозный
- репр. — репринтный (в библиографии)
- респ. — республиканский
- рец. — рецензия (в библиографии)
- рим. — римский
- РМ — Республика Мордовия
- р-н — район (в названии)
- род. — родился
- рос. — российский
- РПЦ — Русская Православная Церковь
- рук. — руководитель
- рус. — русский
- РФ — Российская Федерация
- с. — село (при названии)
- с. — страница (в библиографии)
- самостоят. — самостоятельный
- сб. — сборник
- сб-ки — сборники
- св. — святой (при имени)
- свт. — святитель (при имени)
- сев. — северный
- сент. — сентябрь
- сер. — середина (в датах)
- сер. — серия
- СЖ — Союз журналистов
- сиб. — сибирский
- СК — Союз композиторов
- скульп. — скульптор (при имени)
- слав. — славянский; славянские языки
- слов. — словарь (в библиографии)
- см — сантиметр
- см. — смотри
- соавт. — соавтор; соавторство
- сов. — советский
- совм. — совместный; совместно
- совр. — современный
- соотв. — соответствует; соответствующее
- сост. — составитель; составление
- сотр. — сотрудник
- соч. — сочинение
- СП — Союз писателей
- СПб. — Санкт-Петербург (в библиографии)
- С.-Петерб. — Санкт-Петербургский
- спорт. — спортивный
- справ. — справочник (в библиографии)
- Ср. — Средний (в топонимических названиях)
- ср. — сравни
- ср.-век. — средневековый
- СССР — Союз Советских Социалистических Республик
- Ст. — Старый (в топонимических названиях)
- ст. — станция (при названии)
- ст. — статья
- стат. — статистический
- СТД — Союз театральных деятелей
- стихотв. — стихотворный
- стр-во — строительство
- СХ — Союз художников
- с. х. — сельское хозяйство
- с.-х. — сельскохозяйственный
- т. — текст
- т. — том (в библиографии)
- танц. — танцевальный
- тат. — татарский
- т. е. — то есть
- театр. — театральный
- терр. — территория; территориальный
- тетр. — тетрадь (в библиографии)
- техн. — технический
- т. к. — так как
- т. н. — так называемый
- т. о. — таким образом
- тр. — труды (в библиографии)
- традиц. — традиционный
- трансп. — транспортный
- тыс. — тысяча
- тыс. — тысячелетие
- тюрк. — тюркский; тюркские языки
- у. — уезд (в названии)
- уг. — уголовный
- удм. — удмуртский
- указ. — указатель (в библиографии)

- ун-т — университет
 УПТМН — «Устно-поэтическое творчество
 мордовского народа»
 уч. — учебный
 уч-ще — училище
 февр. — февраль
 филол. — филологический
 филос. — философский
 фин. — финский
 фин.-угор. — финно-угорский
 фольк. — фольклорный
 франц. — французский
 ф-т — факультет
 хант. — хантыйский
 хоз. — хозяйственный
 хоз-во — хозяйство
 христ. — христианский
 худ. — художник (при имени)
 худож. — художественный
 центр. — центральный
 церк. — церковный
 цит. — цитируется
 ч — час
 ч. — часть (в библиографии)
 чел. — человек
 четв. — четверть (при датах)
 чл. — член
- чл.-корр. — член-корреспондент
 что-л. — что-либо
 чуваш. — чувашский
 шк. — школа
 э. — эрзянское (слово)
 экон. — экономический
 эксп. — экспедиция
 энц. — энциклопедический (в библиографии)
 эрз. — эрзянский
 эст. — эстонский
 этим. — этимологический
 этногр. — этнографический
 ювелир. — ювелирный
 юж. — южный
 ЮНЕСКО — Организация Объединённых Наций
 по вопросам образования, науки и
 культуры
 яз. — язык; языки
 янв. — январь
 Bd. — Band (в библиографии)
 Н. — Heft (в библиографии)
 S. — Seite (в библиографии)
 Ibid. — Ibidem
 j. — journal (в библиографии)
 p. — page (в библиографии)
 vol. — volume (в библиографии)

СОБЫТИЯ. ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НИИГН В 2012 г.

В 2012 г. в НИИГН работали 64 сотрудника, из которых 45 — научные сотрудники, в том числе 10 докторов (22 %) и 22 кандидата (49 %) наук. Общая доля научных кадров, имеющих ученую степень, составляет 71 %. Действовала аспирантура. Осуществлялась образовательная деятельность по 9 специальностям послевузовского образования: отечественная история; археология; этнография, этнология и антропология; литература народов Российской Федерации (финно-угорская); фольклористика; языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки); экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика); политические институты, процессы и технологии; теория и история культуры.

Институт осуществлял работу по трем направлениям: социально-экономическое развитие республики, развитие культурных связей диаспоры и информатизации общества, изучение исторического прошлого и настоящего региона.

В 2012 г. была продолжена работа над проектом «Мордва России», посвященным исследованию богатства национальной культуры мордвы, проживающей на территории России, особенностей ее расселения и повседневной жизни (хозяйство, промыслы, поселения, жилые и хозяйственные постройки, пища, утварь, обычаи и обряды, праздники, этномедицина). Проект основывается на архивных, статистических и полевых материалах, собираемых в результате этнографических экспедиций в различные регионы России.

В отчетном году была начата работа над проектом «Энциклопедия „Мордва“». Данный проект является продолжением энциклопедических изданий института (в 2003 — 2004 гг. вышла в свет двухтомная энциклопедия «Мордовия»; в 2012 г. энциклопедия «Мордовские языки»; на завершающем этапе находится подготовка энциклопедии «Мордовская мифология»). В настоящее время в республике произошли существенные изменения: Мордовия стала центром финно-угорского мира. В связи с этим возникла необходимость в новом осмыслении произошедших событий. В энциклопедии будет объединен большой материал, собранный институтом, который отражает различные стороны жизни мордовского народа (типы жилища, хозяйственные постройки, орудия труда, убранство дома, утварь, костюм и т. д.), а также этнокультурные процессы в мордовской диаспоре.

Для проекта «Экономика Мордовии 1991 — 2000 гг.», посвященного исследованию одного из самых сложных этапов в жизни мордовского края в разрезе общероссийских особенностей трансформационного процесса социально-экономи-

ческой системы, 2012 г. стал завершающим. В проекте рассмотрены особенности экономических проблем, вставших перед страной, альтернативные варианты их решения, причины выбора вариантов и последствия их реализации; анализ предпосылок формирования и реализации национальных проектов в региональном разрезе, социально-экономических тенденций в развитии Республики Мордовия.

Проект «Динамика развития мордовских (мокшанского и эрзянского) языков в XX веке» представляет собой комплексное исследование истории языкового строительства в мордовском крае в прошедшем столетии. Данный период имеет большое значение для развития мордовских языков. Первая половина XX в. связана со становлением лингвистических исследований, началом создания мокшанского и эрзянского литературных языков, а также систематизацией работ по языковому нормированию; вторая половина XX в. отмечена возобновлением нормотворческой деятельности и принятием современных норм мордовских литературных языков, появлением закона о языке и приданием мордовским (мокшанскому и эрзянскому) языкам статуса государственного. Результатом проекта станет подготовка сборников материалов, связанных с историей языкового строительства в Мордовии, и прежде всего материалов всех языковых конференций, прошедших в регионе. За период 2011 — 2012 гг. осуществлена систематизация и обработка материалов мордовских языковых научных конференций 1933, 1934, 1935 и 1938 гг., связанных с обсуждением литературных норм мордовских языков и вопросов языкового строительства в крае.

В отчетном году завершена работа над проектом «Орфоэпические словари мордовских (мокшанского и эрзянских) языков», который предусматривал создание словарей-справочников норм мокшанского и эрзянского произношения. Вопросы орфографии, пунктуации и терминологии мордовских (мокшанского и эрзянского) языков ставились и решались на всех языковых конференциях, проходивших в Мордовии, начиная с 1933 г. Однако вопросы орфоэпии впервые стали предметом обсуждения только на Республиканской научно-практической языковой конференции в 1993 г. В мордовской лексикографии это первый опыт составления подобного рода словарей. Орфоэпические словари созданы на основе принятых в 1993 г. произносительных норм мокшанского и эрзянского литературных языков с учетом обновленных орфографических норм, обсуждение которых состоялось в 2008 г.

В 2012 г. была продолжена работа по подготовке к изданию проекта «Мордовский народный эпос. Академическая версия». Вопрос о создании мордовского народного эпоса был поставлен в начале 1930-х гг. Однако в силу целого ряда обстоятельств объективного и субъективного характера комплексная разработка мордовского народного эпоса была начата только в 1960-е гг. В настоящее время издан литературный вариант эпоса. Академическое издание не подготовлено.

Проект «Мордовия в условиях реформ (1953 — 1964 гг.)» (серия «Мордовия XX век») представляет собой коллективную монографию, в которую предполагается включить следующие темы: региональные проявления общественно-политической жизни, основные проблемы и тенденции развития экономики, социальная структура и социально-демографическое развитие, развитие образования и науки, социокультурная сфера и повседневная жизнь.

Проект «Свод документов и материалов по истории и культуре мордовского края» (т. 5, 6) разрабатывается в связи с празднованием 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства. В сборники включены документы по истории и культуре Мордовии с древности до современности.

Проект «Культура Мордовии. XX век» посвящен исследованию развития регионального социокультурного пространства мордовского края в XX в. Предпринята попытка объективно взглянуть на культурные процессы, протекавшие в регионе в истекшем столетии.

Общий объем выполненной институтом в 2012 г. работы по исследовательским проектам составил 86 авт. л.

В 2012 г. вышли в свет 4 номера научного журнала «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия». С 2011 г. журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации. Тираж журнала — 300 экз. Общий объем номеров составил 80,3 усл. печ. л. Изданы 3 номера научно-публицистического журнала «Центр и периферия». Его тираж — 300 экз. Общий объем номеров составил 54 усл. печ. л.

В 2012 г. вышла в свет книга «Реквием», посвященная уроженцам Республики Мордовия, погибшим во время боевых действий на Северном Кавказе (1994 — 2008). Издана монография «Начертание мордовской истории» В. А. Юрченкова. В ней дана характеристика основных этапов истории мордовского народа и края; показаны переломные этапы в развитии этноса и региона. В серии «Мордовия. XX век» увидела свет коллективная монография «Мордовия в послевоенный период 1945 — 1953 гг.» (т. 1). В книге показаны положение республики, ее общественно-политическая жизнь и политическая система, а также народно-хозяйственный комплекс в рассматриваемые годы. Издана энциклопедия «Мордовские языки», содержащая разностороннюю информацию о мокшанском и эрзянском языках, их диалектах, нормах, графике, орфографии, пунктуации, стилистике и образных средствах выражения, а также об отечественных и зарубежных исследователях языков. Подготовлен оригинал-макет книги «Российская провинция первой четверти XIX в. Мордовский край глазами участников и современников Отечественной войны 1812 г.» (серия «Свод документов и материалов по истории и культуре мордовского края»; т. 3).

Кроме плановых издательских проектов были осуществлены следующие:

— в рамках празднования 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства подготовлена и издана коллективная монография «Народы Мордовии. Историко-этнографическое исследование». Данная книга является первой работой, в которой комплексно рассмотрены хозяйство и промыслы, материальная (поселения, жилища, одежда, пища и утварь) и духовная (праздники, обряды и народные знания) культура народов Мордовии. Работа основана на материалах, собранных во время этнографических экспедиций по районам республики, и на опубликованных источниках;

— совместно с Общероссийским общественным движением «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» в рамках научного проекта «Фин-

но-угорский мир» издано учебное пособие «Финно-угорские народы России: аксиология культуры». В нем представлены материалы, раскрывающие проблемы мировоззрения, религии и верований, литературы и искусства, а также семьи российских финно-угров;

— издаваемую институтом серию «Мордва России»полнила вышедшая в свет монография «Мордва Урала и Зауралья» (авторы — Л. И. Никонова, Т. В. Аксенова, Т. Н. Охотина, В. П. Савка и М. М. Фадеева). В книге на основе полевого материала, собранного авторами во время этнографических экспедиций 2010 — 2011 гг. в Свердловскую, Челябинскую, Курганскую и Пермскую области, представлен историко-этнографический материал, раскрывающий традиционную культуру мордвы названных регионов России.

В рамках академического сотрудничества института с образовательными учреждениями высшего профессионального образования и общественными организациями были выполнены следующие два издательских проекта:

— совместно с Пензенским государственным педагогическим университетом им. В. Г. Белинского осуществлен выпуск сборника статей «Новейшие исследования отечественных и зарубежных историков». Издание по проблемам аграрной истории России и других стран отечественных и зарубежных историков посвящено 60-летию известного российского ученого-аграрника, доктора исторических наук, профессора Тамбовского государственного технического университета С. А. Есикова;

— совместно с некоммерческим партнерством «Содружество пензенских землячеств» была издана монография «Люди во времени: записки историка». В книге на общероссийских и региональных материалах анализируются такие ключевые события в истории России, как Отечественная война 1812 г., Первая русская революция, революция 1917 г., Гражданская война, коллективизация, голод 1932 — 1933 гг. и Великая Отечественная война.

Кроме того, в отчетном году в издательстве LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co (Германия) вышли в свет:

— монография «Народы Среднего Поволжья в западноевропейской историографии в XVI — XVIII вв.» Н. О. Шкердиной. В работе рассматриваются вопросы политики Российского государства в области христианизации, аккультурации и ассимиляции народов Среднего Поволжья, нашедшие освещение в западноевропейских исторических источниках XVI — XVIII вв. Книга включает фрагменты дипломатической переписки, мемуаров и научных исследований того времени, содержащие уникальные исторические, этнографические, антропологические, религиоведческие и другие сведения;

— монография «Магия и заговоры у мордвы: штрихи из жизни» Л. И. Никоновой, обобщающая этнографический материал, касающийся магии и заговоров в некоторых народных обычаях (возведение дома, свадьба, рождение ребенка, лечение заболеваний) мордвы, проживающей в Поволжье, на Урале в Сибири и на Дальнем Востоке. В основе работы лежат архивные, статистические и полевые материалы автора, собранные во время научных этнографических экспедиций за последние 20 лет;

— монография «Будь крепким как дуб, нежным как береза... Традиционные способы сохранения здоровья у мордвы (историко-этнографический

аспект)» Л. И. Никоновой. В работе проанализированы некоторые традиционные способы сохранения здоровья у мордвы; показана роль семьи, труда, а также материальной культуры в формировании здорового образа жизни;

— монография «Сельское хозяйство в условиях аграрных модернизаций 1950 — 80-х гг. По материалам Марийской, Мордовской и Чувашской АССР» Е. Н. Бикейкина. В ней рассматриваются становление и эволюция особой аграрной модели, реализованной в СССР во второй половине 1950 — 80-х гг. На примере автономных республик Среднего Поволжья обосновывается объективность направленности данной модели на модернизацию аграрной сферы с целью создания адекватного индустриальной стадии развития агропромышленного комплекса; освещаются направления, основные этапы, темпы и особенности развития сельского хозяйства.

Общий объем произведенной институтом в 2012 г. плановой и дополнительной издательской продукции составил 533,1 усл. печ. л.

Помимо выполнения плановой тематической работы в отчетном году сотрудники института принимали участие в международных, всероссийских и республиканских научных мероприятиях; осуществляли экспедиционную работу; выполняли научные исследования в рамках проектов — победителей различных научных конкурсов; реализовали академические связи; публиковали научные статьи в международных, российских и региональных научных журналах и сборниках статей, а также осуществляли оппонирование и рецензирование диссертационных исследований и других научных работ.

НИИГН выступал в качестве ведущей научной организации на защите докторских и кандидатских диссертаций. Научные отделы института подготовили 38 отзывов и рецензий на диссертационные исследования, другие научные, учебные и учебно-методические работы.

В августе 2012 г. сотрудники отдела этнографии и этнологии под руководством главного научного сотрудника — заведующего этим отделом доктора исторических наук, профессора Л. И. Никоновой при поддержке РГНФ провели этнографическую экспедицию в г. Москву и Московскую область; сотрудники отдела истории и археологии совместно с сотрудниками Института археологии РАН приняли участие в археологической экспедиции на Вербовский (Подболотьевский) могильник и селище в Муромском районе Владимирской области.

В отчетном году сотрудники и аспиранты института выполнили научные исследования по 4 проектам регионального конкурса РГНФ «Волжские земли в истории и культуре России»:

— Особенности языкового строительства в Мордовии во второй половине XX века (руководитель проекта — доцент А. В. Чернов);

— Культура села Мордовии: достижения и просчеты (1945 г. — первая половина 1980-х гг.) (руководитель проекта — доцент В. А. Ломшин);

— Власть и общество: образование в российской провинции в 20-е годы XX в. (руководитель проекта — доцент Г. А. Куршева);

— Переселенческое движение мордвы в Зауралье и в Центральную часть России (Ивановская и Московская области) в XIX — XX вв. (историко-этнографический аспект) (руководитель проекта — профессор Л. И. Никонова).

В 2012 г. в сотрудничестве с творческим объединением «Куйгорож» в рамках подготовки к празднованию 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства при участии сотрудников отдела визуальной антропологии института были созданы 3 документальных научно-популярных фильма. Первый — «От Бородина до Парижа» повествует об участии народов мордовского края в Отечественной войне 1812 г. и о заграничном походе против наполеоновской Франции (1812 — 1815 гг.); второй — «Саранск — юго-восточный форпост Московского государства. 1641 — 1717 гг.» рассказывает о том, как по указу московского государя была построена новая засечная линия и ряд крепостей, в том числе Саранск; третий — «Мордовия: рождение республики. Возникновение государственности» показывает процесс становления автономии Мордовии. Авторы сценариев — В. А. Каланов и В. А. Юрчёнков. Режиссер — В. А. Каланов.

В отчетном году сотрудники института выполняли научно-экспертную работу в составе Регионального экспертного совета РГНФ и Научно-технического совета при Правительстве Республики Мордовия. Кроме того, на протяжении года сотрудники института участвовали в работе Совета исполкома межрегионального общественного движения мордовского (мокшанского и эрзянского) народа, Координационного совета Поволжского центра культур финно-угорских народов, Ассоциации финно-угорских народов Российской Федерации, Общественной палаты Республики Мордовия, Общественной палаты Российской Федерации. В рамках сотрудничества с Общественной палатой Республики Мордовия на базе института осуществлялся мониторинг состояния институтов гражданского общества в Мордовии, проводились слушания Комиссии по вопросам развития гражданского общества, местного самоуправления.

ОТЧЕТ О РАБОТЕ АСПИРАНТУРЫ НИИГН ЗА 2012 г.

Одним из важных направлений работы института традиционно является подготовка научных и научно-педагогических кадров. В 2012 г. осуществлялась подготовка аспирантов и соискателей по 9 специальностям научных работников:

- 07.00.02 — Отечественная история;
- 07.00.06 — Археология;
- 07.00.07 — Этнография, этнология и антропология;
- 10.01.02 — Литература народов Российской Федерации (финно-угорская);
- 10.01.09 — Фольклористика;
- 10.02.02 — Языки народов Российской Федерации (финно-угорские, самодийские);
- 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика);
- 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии;
- 24.00.01 — Теория и история культуры.

Численность аспирантов к концу 2012 г. составила 79 чел., в том числе 43 чел. по очной форме обучения. 21 чел. проходит обучение по специальности «Отечественная история», 2 — «Археология», 1 — «Этнография, этнология и антропология», 1 — «Литература народов Российской Федерации (финно-угорская)», 5 — «Фольклористика», 2 — «Языки народов Российской Федерации (финно-угорские, самодийские)», 26 — «Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика)», 3 — «Политические институты, процессы и технологии», 18 — «Теория и история культуры». К аспирантуре института прикреплен 31 соискатель ученой степени кандидата наук.

Руководство аспирантами и соискателями осуществляют доктора наук, о чем свидетельствует высокое качество представляемых к защите кандидатских диссертаций.

По результатам приемной кампании 2012 г. в аспирантуру института было принято 25 чел., в том числе 14 чел. на очную форму обучения. Среди поступивших 3 чел. зачислены в аспирантуру на основе договора. Для подготовки и сдачи кандидатских экзаменов и завершения работы над диссертациями к институту были прикреплены 7 соискателей.

Ежегодно в институте работает аттестационная комиссия. По результатам ее работы 76 аспирантов аттестованы как полностью выполнившие индивидуальный план и переведены на следующий год обучения, 1 аспирант был отчислен из аспирантуры за невыполнение индивидуального плана.

В 2012 г. завершили обучение 18 аспирантов, в том числе 10 — по очной форме обучения.

В отчетном году докторские диссертации защитили:

Гусева Татьяна Михайловна (тема «Городские сословия и формирование социокультурной среды уездных городов Среднего Поволжья во второй половине XIX — начале XX века», научный консультант — доктор исторических наук, профессор В. А. Юрченков);

Козина Татьяна Николаевна (тема «Христианские архетипы в русской ментальности (на материале художественно-литературной практики рубежа 1990 — 2000-х годов)», научный консультант — доктор философских наук, профессор Н. Г. Юрчёнкова);

Шевцова Анна Александровна (тема «Народы Закавказья в поликультурном пространстве Республики Мордовия», научный консультант — доктор исторических наук, профессор Л. И. Никонова).

В отчетном году кандидатские диссертации защитили следующие аспиранты и соискатели:

Айзатова Лиана Фяритовна (тема «Трансформация этнических систем в условиях модернизации регионального социума», научный руководитель — доктор исторических наук, доцент О. Б. Кевбрина);

Богданов Анвар Равильевич (тема «Организация контроллинга на предприятиях промышленного производства», научный руководитель — доктор экономических наук, профессор Е. Г. Коваленко);

Попова Светлана Васильевна (тема «Традиционная культура питания русского населения Мордовии (конец XIX — начало XX вв.)», научный руководитель — доктор исторических наук, профессор Л. И. Никонова);

Пиксайкин Вячеслав Кузьмич (тема «Становление и развитие топливной промышленности Мордовской АССР (1934 — 1931 гг.): опыт анализа государственного управления отраслью», научный руководитель — доктор исторических наук, профессор Н. В. Заварюхин).

В течение года обсуждено и рекомендовано к защите 7 диссертационных исследований аспирантов и соискателей института.

В 2012 г. в Федеральную службу по надзору в сфере образования и науки были представлены документы на проведение государственной аккредитации отдельных программ послевузовского профессионального образования (аспирантуры) института.

МНОГООБРАЗИЕ КУЛЬТУР В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ МОРДОВИИ

27 февраля 2013 г. состоялась презентация коллективной монографии «Народы Мордовии. Историко-этнографическое исследование» (под редакцией доктора исторических наук, профессора Л. И. Никоновой и доктора исторических наук, профессора В. А. Юрчёнкова), изданной НИИГН в 2012 г. Предлагаем вниманию читателей отзывы об этой работе.

В. А. Тишков, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор Института этнологии и антропологии РАН, заместитель академика-секретаря ОИФН РАН.

Выход в свет коллективной монографии «Народы Мордовии» является заметным событием, достойным внимания как представителей современной науки, так и простых граждан, интересующихся историей и культурой своего народа. Данная работа — серьезное и интересное научное исследование, актуальность которого не вызывает сомнения, поскольку до последнего времени сведения о народах Мордовии были фрагментарными. В монографии впервые исторически последовательно, целостно и комплексно показана эволюция различных элементов традиционной культуры этносов, степень их сохранения или, наоборот, утраты.

В настоящее время значимость таких работ все больше возрастает, поскольку этнокультурные процессы постоянно деформируются под влиянием активно идущих урбанизационных и интеграционных процессов, многие элементы национальных культур находятся на грани исчезновения, сокращается число их носителей. Поэтому сегодня стоит задача — изучить и сохранить богатейшее культурное наследие, оставленное предками. Отношение к прошлой истории и культуре во многом определяет наше будущее.

Данное исследование базируется на историко-этнографическом материале, извлеченном из достаточно широкого круга источников и литературы. Это архивные и опубликованные источники, данные этнографических исследований, опубликованные и неопубликованные материалы массовой статистики народонаселения. Среди них особое место занимают полевые материалы, собранные авторами во время этнографических экспедиций в районы Мордовии под руководством доктора исторических наук, профессора, главного научного сотрудника — заведующего отделом этнографии и этнологии НИИГН Л. И. Никоновой.

Монография состоит из предисловия, пяти глав, заключения, библиографического списка и полевого материала авторов. В первой главе представлена историография традиционного уклада жизни народов, проживающих на территории Мордовии; рассматриваются географическое положение, природа и население республики. Последующие главы посвящены народам, населяющим Мордовию, — русским, мордве, татарам-мишарям, а также украинцам, чувашам, народам Закавказья и Центральной Азии. Большая часть материала, написанного сотрудниками НИИГН, апробирована на научных конференциях и в ранее опубликованных книгах. В работе представлена подробная историческая динамика численности каждого из рассматриваемых народов Мордовии, а также

осуществлено ее сравнение с данными по другим этносам. Авторы исследования акцентируют внимание на самобытной истории и культуре каждого народа, давая подробный анализ их хозяйственной и промысловой деятельности, поселений, жилища и одежды, подкрепленный собственными полевыми материалами.

В рецензируемой работе на конкретных примерах показано, что и в настоящее время в жизнеобеспечении народов Мордовии существенное место занимают традиционные праздники. Подробно рассматривая обряды и обычаи описываемых народов, авторы отмечают, что сегодня часть традиционных праздников, обрядов и обычаев под влиянием новых условий постепенно забывается; другие — сохраняются, но преимущественно в модифицированном виде; вместе с тем появляются новые благодаря постоянно возрастающим контактам с соседними народами. Одновременно полевые наблюдения авторов, касающиеся особенностей бытования обрядовой культуры, свидетельствуют о достаточно интенсивном их вытеснении из этой сферы.

В условиях активного развития средств массовой коммуникации, усиления миграции населения, увеличения числа межнациональных браков особенно возрастает возможность обмена культурной информацией, в частности в сфере пищи. Авторы справедливо отмечают, что это способствует расширению ассортимента блюд, обогащению пищевого рациона народов, развитию процесса взаимозаимствований в питании контактирующих народов. Изменения в пище и утвари были тесным образом связаны с социально-экономическими и культурными преобразованиями в жизни этносов.

В монографии выявлена и достаточно подробно раскрыта роль народных знаний в жизни этносов, которые широко применяют народные средства сохранения здоровья, исходя из традиционных способов лечения. Ученые доказывают, что определенный комплекс средств и методов лечения использовался почти в каждой семье.

Отдельно стоит отметить, что книга богато иллюстрирована. Это существенно повышает ее информативность и значимость как историко-этнографического исследования.

В заключение следует сказать, что коллективная монография «Народы Мордовии» выполнена на высоком научном уровне и содержит выводы, представляющие практический интерес. Данный материал можно применять на занятиях в вузовском обучении, а также при подготовке учебных пособий для студентов средних специальных и высших учебных заведений.

М. Ю. Мартынова, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заместитель директора по науке Института этнологии и антропологии РАН.

Увидевшее свет в 2012 г. коллективное монографическое исследование «Народы Мордовии», подготовленное в основном сотрудниками отдела этнографии и этнологии НИИГН под руководством заведующего отделом доктора исторических наук, профессора Л. И. Никоновой, — яркое свидетельство того, что институт целенаправленно продолжает работу по изучению сохранения и трансформации этнической культуры народов, проживающих в многонациональном регионе. Активно занимаясь актуальными проблемами прикладной и региональной

этнографии, ученые как НИИГН, так и Республики Мордовия в целом вновь подтвердили свой мощный научный потенциал.

В книге впервые представлен историко-этнографический материал по традиционной культуре издавна проживающих в Мордовии народов — русских, мордвы, татар, украинцев, чувашей и др., а также выходцев из государств Закавказья и Центральной Азии, мигрировавших в Урало-Поволжский регион, в т. ч. в многонациональную Республику Мордовия, после распада СССР.

Монография включает предисловие, пять глав, заключение, библиографический список и полевой материал авторов. Иллюстративный материал существенно расширяет и дополняет сведения, собранные и изложенные авторами книги. Первая глава посвящена истории изучения традиционного уклада жизни народов, проживающих в Мордовии. В ней также рассматриваются географическое положение, природа и население республики.

В каждой последующей главе приводится динамика численности конкретного народа Мордовии (русские, мордва, татары-мишари и др.), после чего излагаются сведения об их истории, быте и культуре, включающее хозяйственную и промысловую деятельность, поселения, жилище, одежду, обрядовые традиции, праздники, народные знания и т. д.

Культура и национальные традиции (уважение к наследию предков, открытость и уважение к культуре и взглядам других; забота о культуре общения, чистоте русского языка и других языков «Русского мира») названы в числе базисных ценностей общенациональной идентичности, принятых на XV Всемирном Русском Народном Соборе 26 мая 2011 г. При этом каждый этнос может поделиться своими культурными достижениями и ценностями. Этнокультурные исследования свидетельствуют, что характер и содержание межэтнических взаимоотношений во многом зависят от способности их участников достигать согласия, которое во многом определяется этнической культурой каждой из взаимодействующих сторон, этнической психологией. Специфика межэтнических отношений заключается, прежде всего, в их комплексном многоаспектном характере, а этнические элементы в разной степени подвижны и изменчивы. В книге отражены миграция как неизбежный современный процесс в этнокультурном пространстве регионов и факторы адаптации народов Закавказья и Центральной Азии в социокультурной среде Республики Мордовия. Авторы поставили и успешно выполнили задачу — проследить сохранившуюся материальную и духовную культуру в регионе, а шире — осветить атмосферу межкультурного диалога, согласия и взаимопонимания между всеми народами, проживающими в многонациональной Мордовии.

Как отмечают авторы, контакты между народами всегда были мощным стимулом исторического процесса. Необходимо обеспечить оптимальное взаимодействие народов и культур в интересах каждой из его сторон, а также общества, государства и мирового сообщества. В современном мире одной из основных сил, определяющих облик XXI в., является миграция. Прямым следствием масштабных перемещений мигрантов в соответствии с потребностями быстро развивающейся экономики стало всевозрастающее этнокультурное разнообразие социумов. Единение же в целом имело прогрессивное значение. Оно создало более благоприятные условия для социально-экономического, политического и культурного

развития народов. Разнообразие культур и впитывание ценностей тех, с кем непосредственно постоянно связан, может придать новые краски самобытности народов, сделать их богаче в этническом и интеллектуальном плане. Чем многообразнее культура каждого, пусть самого малочисленного народа, тем более значителен его вклад в сокровищницу мировой цивилизации. Все это и обусловило возникновение проекта «Народы Мордовии», в рамках которого и вышла эта фундаментальная монография. Вне сомнения, она станет настольной книгой для историков, этнографов, этнологов, культурологов и других специалистов, занимающихся соответствующими проблемами.

В. М. Шаклеин, доктор филологических наук, профессор, академик РАН, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов, ответственный секретарь РОПРЯЛ.

Работа «Народы Мордовии» представляет собой серьезное научное исследование, актуальность которого не вызывает сомнения, поскольку до последнего времени сведения о народах, проживающих в Мордовии, были фрагментарными. Большинство материала, вошедшего в книгу, апробировалось в опубликованных монографиях сотрудников отдела этнографии и этнологии НИИГН в серии «Народы Мордовии»: «Этнокультурная адаптация мигрантов Закавказья в Республике Мордовия (на примере азербайджанской диаспоры)» (Саранск, 2007), «Диалог культур в процессе адаптации мигрантов из Центральной Азии в Республике Мордовия» (Саранск, 2007), «Традиционная культура армян в поликультурном пространстве Республики Мордовия» (Саранск, 2011), «Зёрна граната: о традиционной культуре азербайджанских и грузинских мигрантов в полиэтническом пространстве Республики Мордовия» (Саранск, 2011) и др.

Данная работа является первым в отечественной историографии комплексным исследованием народов, проживающих в Республике Мордовия. В настоящее время значимость таких работ все больше возрастает в связи с постепенной деформацией этнокультурных процессов, утратой многих элементов национальных культур, а также сокращением числа их носителей. Поэтому перед учеными стоит задача изучения и сохранения богатейшего культурного наследия не только отдельных народов, издавна проживающих в том или ином регионе, но и всей этнокультурной специфики.

Данное исследование основано на детальном анализе историко-этнографического материала, извлеченного из архивов, опубликованных и полевых материалов, собранных в разные годы во время экспедиций в населенные пункты Республики Мордовия, о расселении народов, их традиционном жилище, пище, обрядах, праздниках и др. Особое внимание в книге уделено современным этнокультурным процессам, происходящим в Мордовии.

Представляется, что данное исследование является определенным вкладом в укрепление межэтнического диалога в России, на территории которой проживает более 180 этносов и этнических групп, говорящих на более чем 230 языках. Повседневная практика межэтнических и кросс-культурных контактов актуализирует вопросы этнокультурной самобытности, этнической и общегражданской идентичности представителей различных этнических групп. Характер и содержа-

ние межэтнических взаимоотношений во многом зависят от способности их участников достигать согласия, которое во многом определяется этнической культурой каждой из сторон, этнопсихологией, этнокультурными ценностными нормами и знанием большинства населения об этих особенностях.

Практическая значимость работы неоспорима и состоит в возможности использования ее материалов широким кругом специалистов, а также при разработке курсов и спецкурсов по этнологии (этнографии), истории, культурологии, политологии и другим учебным дисциплинам. Кроме того, это модель локального исследования мигрантских общин, которая может быть применена в других регионах страны.

РЕЦЕНЗИИ

Винничек В. А. Торговля в Верхнем Посурье и Примокшанье в XI — XIV вв. / В. А. Винничек, К. М. Киреева. — Пенза : ГАОУ ДПО ПИРО, 2012. — 149 с.

Выход в свет данной книги стал заметным событием для средневековой археологии Поволжья. Монография написана на материалах 29 селищ, большая часть которых представлена подъемными сборами, 4 городищ и 4 могильников.

В первой, небольшой по объему, главе рассматриваются вопросы историографии. При этом отмечается, что изучение вопросов торговли прошло длительный путь, в результате которого во второй половине XX в. была создана научная основа, позволяющая ориентироваться в многообразии торговых отношений и денежно-весовых системах. Наряду со специальными исследованиями по истории торговли, в главе анализируются работы общего характера А. П. Смирнова, Р. Г. Фахрутдинова и М. Г. Сафаргалиева, не имеющие прямого отношения к данной теме, что вряд ли оправданно. В то же время вне поля зрения авторов оказались монографии А. В. Циркина¹, И. М. Петербургского и В. Н. Аксенова², в которых вопросам торгово-экономических связей населения данного региона уделено значительное внимание.

Вторая глава посвящена рассмотрению торгового инструментария и средств платежа в домонгольский и золотоордынский периоды. По мнению В. А. Винничека и К. М. Киреевой, уже в начале XI в. в Верхнем Посурье появилась весовая система, которая была ориентирована на болгарские весовые стандарты (иракский ратль, мискаль и дирхем). Значительно реже здесь встречались гирьки, сопоставимые по весу с древнерусской ногатой. Авторы отмечают, что средствами платежа в домонгольский период выступали слитки цветных металлов и меха, а разменной монетой могли служить шиферные пряслица. Сами монеты в это время в Посурье встречались очень редко и их обычно использовали для украшения костюма.

Безмонетный период в истории региона, по мнению В. А. Винничека и К. М. Киреевой, закончился после вхождения данных земель в состав Золотой Орды, а именно: в последнее десятилетие XIII в. Население Верхнего Посурья вело торговлю с Укеком и Бельджаменом, а связи жителей г. Мохши в большей степени

¹ См.: Циркин А. В. Русско-мордовские отношения в X — XIV вв. Саранск, 1968. 112 с.

² См.: Петербургский И. М., Аксенов В. Н. Вадская мордва в VIII — XI вв. Саранск, 2006. 148 с.

были ориентированы на Булгар. Максимум денежного обращения приходился на середину XIV в., но после 1365 г. наблюдался резкий спад, который авторы связывают с эпидемией чумы. С этим предположением, видимо, следует согласиться, поскольку существенная деформация богатой и разнообразной материальной культуры XIII — начала XIV в. у населения Примокшанья фиксируется и на материалах мордовских могильников. К сожалению, в монографии нет анализа монет чеканки г. Мохши, найденных за пределами верховой Суры и Мокши, впрочем, как и других, произведенных местным населением товаров, что могло бы дополнительно пролить свет на проблему торговых контактов.

В третьей главе на материалах бытовой культуры, украшений, орудий труда и вооружения рассмотрены вопросы развития торговли с населением Волго-Камья, Древней Руси, стран Востока XI — начала XIII в. и регионов Золотой Орды XIII — XIV вв. В силу неоднозначности интерпретационных построений, основанных на археологических артефактах, данная глава носит наиболее дискуссионный характер. Прежде всего это касается выводов о связях местного населения с булгарами и средневековой мордвой. Авторы монографии априори считают, что с XI в. территория, которую они фактически рассматривают в границах современной Пензенской области, стала объектом колонизации волжских булгар. Вначале здесь возникали их торговые фактории, затем в результате военной экспансии булгары частично вытеснили из Посурья местное мордовское население, другая часть которого продолжала сосуществовать с булгарами чересполосно. По существу точка зрения о булгарской экспансии до сих пор никем из археологов не обоснована и относится к разряду гипотез. Письменных упоминаний об этих событиях нет, поэтому данная точка зрения опирается только на определенное сходство материальной культуры Волжской Булгарии и пензенских памятников с красноглиняной гончарной керамикой. Однако, несмотря на сходство, технология изготовления данной посуды в этих культурах не идентична. Разница заключается в использовании иных примесей в глиняном тесте, в наличии местных форм сосудов, часть которых имеет прототипы в материалах Армиевского курганно-грунтового могильника IX — XI вв. Указанное сходство вполне могло стать результатом значительного экономического влияния, которое исходило из таких мощных ремесленных центров, каковыми являлись города Волжской Булгарии. Более аргументированным является мнение Е. П. Казакова, который связывает распространение в Верхнем Посурье памятников булгарского типа со второй волной миграции булгар, шедших на Среднюю Волгу из южных районов лесостепной и степной зоны, поскольку на пензенских памятниках нет образцов круглодонной (урало-угорской) керамики, которая бытовала вместе с плоскодонной на территории Волжской Булгарии³. О том, что волжские булгары не принимали участие в колонизации пензенских земель, свидетельствует и отсутствие здесь мусульманских могильников, которые неизбежно должны были бы появиться, поскольку с X в. Волжская Булгария была мусульманской страной и ее правители проводи-

³ См.: **Казаков Е. П.** К вопросу о взаимодействии волжских булгар с мордвой // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья: (проблемы хронологии и этнической истории) : тез. докл. Всерос. науч. конф. (2 — 3 февр. 2000 г.). Саранск, 2000. С. 15 — 16.

ли энергичную политику по распространению ислама среди язычников. Тезису о болгарской колонизации края противоречит и сделанный в монографии вывод о том, что в количественном отношении серпы русских типов превосходят здесь находки изделий Волжской Булгарии.

Опираясь на находки «этнических маркеров», к которым авторы монографии в основном относят украшения, они приходят к заключению, что в XI в. на Верхней Суре сохранилось мордовское население. Однако находки мордовских украшений здесь не столь многочисленны, и они могли попасть сюда в результате контактов с мордвой Примокшанья. Между тем В. А. Винничек и К. М. Киреева вообще не рассматривают эти контакты, хотя, судя по распространению в Среднем и Нижнем Примокшанье красноглиняной гончарной керамики и украшений болгарского типа, они были достаточно интенсивными. Более надежными «маркерами» являются мордовские могильники, где в конце VII — начале VIII в. прекратили совершать захоронения, что свидетельствует об оттоке местного населения из Верхнего Посурья задолго до второй волны болгарской миграции.

Весьма дискуссионной также является точка зрения об отсутствии в верховьях Суры и Мокши собственного очага железоделательного производства, которая опирается на материалы раскопок железоплавильного горна на Садовском селище. Небольшие размеры этого горна, по мнению авторов, свидетельствуют о малом производстве железа в данном регионе, поэтому оно и не имело промышленного значения. Кроме того, они ссылаются на отсутствие в регионе необходимой рудной базы. Считая данное положение своей работы полностью доказанным, В. А. Винничек и К. М. Киреева относят к предметам болгарского импорта большую часть местных железных изделий и выдвигают тезис о ввозе из Волжской Булгарии кричного железа, с чем нельзя согласиться по целому ряду причин. Во-первых, необходимо отметить, что первоначально данное сооружение было отнесено М. Р. Полесских к гончарным горнам⁴, и, видимо, это было сделано небезосновательно, поскольку данной точки зрения до сих пор придерживается Г. Н. Белорыбкин⁵. Во-вторых, в Верхнем Посурье и Примокшанье имеются значительные запасы болотных железистых руд, добыча которых позволяла производить промышленную плавку железа еще в XVIII — XIX вв. на Рябкинском и Авгорском чугунолитейных заводах. В более раннее, добулгарское, время добыча и переработка этих руд позволяла обеспечивать в необходимом количестве население региона железными орудиями и оружием, которые во множестве встречаются в раннесредневековых мордовских могильниках, а следы железоделательного производства — на поселениях. В-третьих, находки железных шлаков, следов плавки железа, отмечены М. Р. Полесских практически на всех городищах Верхнего Посурья с керамикой болгарского типа. Поэтому не было никакой необходимости в импорте кричного железа, доставка которого из Волжской Булгарии сухопутным путем с использованием вьючных животных увеличивала его цену в несколько раз. Следовательно, большая часть железных изделий была сдела-

⁴ См.: Ставицкий В. В. Археологические изыскания М. Р. Полесских. Пенза, 2008. С. 152.

⁵ См.: Белорыбкин Г. Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза, 2003. С. 65.

на местными мастерами, возможно, по древнерусским и болгарским образцам и не являлась предметом внешней торговли, масштабы которой представляются преувеличенными. Данный вывод вполне согласуется с отмеченным в монографии положением, что доминирующее значение для Булгарии имел Великий волжский торговый путь. Сухопутный маршрут из Булгара в Киев, который, по мнению ряда авторов, проходил через территорию Верхнего Посурья, мог играть только вспомогательную роль, что подтверждается преобладанием в Посурье русских изделий, связанных своим происхождением не с юго-западными, а с северо-восточными областями Древней Руси. Справедливым, на наш взгляд, является и высказанное в монографии предположение, что восточный импорт поступал к местному населению при посредничестве болгарских купцов, а уникальность и ценность восточных изделий свидетельствует об их принадлежности феодальной верхушке.

В золотоордынское время, по мнению В. А. Винничека и К. М. Киреевой, население Верхнего Посурья и Примокшанья в основном сохраняло прежнюю систему связей, хотя прокладывались новые торговые пути, появление которых было обусловлено интеграцией внутри единого государства с другими регионами Золотой Орды. В частности, на первые роли выходили торговые связи с городами Нижнего Поволжья и отчасти с Волго-Камьем, которые сохраняли свое значение вплоть до последней трети XIV в., когда произошли катастрофические события, связанные с эпидемией чумы.

В заключение следует отметить, что, несмотря на дискуссионность ряда положений, данная работа, несомненно, выводит проблему изучения торговых контактов населения Верхнего Посурья и Примокшанья на новый уровень научного осмысления. Авторами монографии собраны и проанализированы практически все известные материалы по средневековой торговле данного региона, которым подобраны многочисленные и доброкачественные аналогии, детально проработана их хронология и периодизация, что позволило им достаточно успешно решить поставленные в работе задачи.

В. В. Ставицкий.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Артемяева Светлана Степановна — доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: art.s13@mail.ru

Бахлова Ольга Владимировна — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: olga.bahlova@gmail.com

Беляева Надежда Федоровна — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, e-mail: general_history@mordgpi.ru

Бикейкин Евгений Николаевич — кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом истории и археологии НИИГН, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Бояркин Николай Иванович — доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой народной музыки Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: bojarkin_ni@mail.ru

Винтина Светлана Геннадьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела информационно-аналитического обеспечения исследований НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Гусева Татьяна Михайловна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник — заведующий отделом теории и истории культуры НИИГН, e-mail: tatiana.guseva@mail.ru

Емелькина Ирина Владимировна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии для гуманитарных специальностей Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: mochalov_ev@mail.ru

Зарубина Ольга Владимировна — главный научный сотрудник — заведующий отделом периодических изданий НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Зубов Игорь Васильевич — кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Ильин Дмитрий Федорович — кандидат философских наук, e-mail: ili-dmitrii@yandex.ru

Исаев Дмитрий Иванович — аспирант кафедры философии для гуманитарных специальностей Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: 8dimid8@mail.ru

Каторова Александра Михайловна — доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Коваль Екатерина Сергеевна — аспирант кафедры коми и финно-угорской филологии Сыктывкарского государственного университета, e-mail: katcha@bk.ru

Кузьмичева Ольга Валентиновна — старший научный сотрудник отдела хранения Костромского государственного историко-культурного и художественного музея-заповедника, e-mail: aericola@rambler.ru

Курлевский Иван Владимирович — аспирант кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: kurlevskij@yandex.ru

Куршева Галина Александровна — доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Ломшин Александр Владимирович — соискатель отдела истории и археологии НИИГН, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Минева Ирина Николаевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Саранского кооперативного института (филиала) АНО ВПО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации», e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Мочалов Евгений Владимирович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии для гуманитарных специальностей Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: mochalov_ev@mail.ru

Мухамедзянова Ирина Александровна — аспирант кафедры лингвистики и межкультурных коммуникаций Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: irina-muhamedzyanova@mail.ru

Никонова Людмила Ивановна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник — заведующий отделом этнографии и этнологии НИИГН, e-mail: congress7@list.ru

Ногманов Айдар Ильсурович — кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора Института Татарской энциклопедии Академии наук Республики Татарстан, e-mail: nogmanov_a@mail.ru

Пузаков Александр Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: pusakov@list.ru

Рогачев Владимир Ильич — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, e-mail: rogachev-v@bk.ru

Рожкин Евгений Николаевич — кандидат экономических наук, ученый секретарь Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга факультета управления Сыктывкарского государственного университета, e-mail: erojkin@gmail.com

Сарайкина Юлия Викторовна — студент экономического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: guniign@list.ru

Святогорова Варвара Сергеевна — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: mikardina@mail.ru

Скворцова Марина Александровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры статистики Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: skvorcova_ma@mail.ru

Ставицкий Владимир Вячеславович — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории и археологии НИИГН, e-mail: stawiczky.v@yandex.ru

Тиньгаев Андрей Михайлович — аспирант кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: tingaev@e-mordovia.ru

Чушникова Наталья Викторовна — кандидат филологических наук, докторант кафедры финно-угорских литератур Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: natali421@gmail.ru

Шапошников Евгений Львович — доцент кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России, e-mail: shapa52@yandex.ru

Шаронов Александр Маркович — доктор филологических наук, профессор, e-mail: sharon.ov@mail.ru

Шаронова Елена Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: sharon.ov@mail.ru

Шерстобитова Жанна Викторовна — соискатель отдела этнографии и этнологии НИИГН, e-mail: congress7@list.ru

Шеянова Ирина Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Широкова Вера Валерьевна — преподаватель кафедры уголовного права и процесса Средневолжского филиала Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, e-mail: vera-selezneva@mail.ru

Щербakov Анатолий Владимирович — аспирант отдела современного регионального развития НИИГН, e-mail: anatoliischerbakov@yandex.ru

Юрчёнков Валерий Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, директор НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Юрчёнкова Нина Георгиевна — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Artemyeva Svetlana Stepanovna — Doctor of Economics, Professor of Department of Finances and Credit, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: art.s13@mail.ru

Бахлова Ольга Владимировна — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of Department of General History and World Political Process, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: olga.bahlova@gmail.com

Belyaeva Nadezhda Fedorovna — Doctor of History, Professor, Head of Department of General History, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev, e-mail: general_history@mordgpi.ru

Bikeykin Evgeny Nikolayevich — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Principal Researcher — Head of Department of History and Archaeology, NIIGN, e-mail: otдел_istorii@mail.ru

Boyarkin Nikolay Ivanovich — Doctor of Arts, Professor, Head of Department of Folk Music, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: bojarkin_ni@mail.ru

Vintina Svetlana Gennadyevna — Candidate of History, Senior Researcher of Department of Informational and Analytical Support of Studies, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Guseva Tatyana Mikhaylovna — Doctor of History, Principal Researcher — Head of Department of Theory and History of Culture, NIIGN, e-mail: tatiana.guseva@mail.ru

Emelkina Irina Vladimirovna — Candidate of Philosophy, Assistant Professor of Department of Philosophy for Humanitarian Specialties, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: mochalov_ev@mail.ru

Zarubina Olga Vladimirovna — Principal Researcher — Head of Department of Periodicals, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Zubov Igor Vasilyevich — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Principal Researcher — Head of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Ilyin Dmitry Fedorovich — Candidate of Philosophy, e-mail: ilidmitrii@yandex.ru

Isaev Dmitry Ivanovich — Postgraduate Student of Department of Philosophy for Humanitarian Specialties, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: 8dimid8@mail.ru

Katorova Aleksandra Mikhaylovna — Doctor of Pedagogics, Professor, Leading Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Koval Ekaterina Sergeevna — Postgraduate Student of Department of Komi and Finno-Ugrian Philology, Syktyvkar State University, e-mail: katcha@bk.ru

Kuzmicheva Olga Valentinivna — Senior Researcher of Department of Storage, Kostroma State Museum-Reserve of History, Culture and Art, e-mail: aericola@rambler.ru

Kurlevsky Ivan Vladimirovich — Postgraduate Student of Department of General History and World Political Process, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: kurlevskij@yandex.ru

Kursheva Galina Aleksandrovna — Doctor of History, Associate Professor, Deputy Director on Scientific Work, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Lomshin Aleksandr Vladimirovich — Competitor of Department of History and Archaeology, NIIGN, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Mineeva Irina Nikolaevna — Candidate of History, Senior Teacher of Department of Civil and Law Disciplines, Saransk Cooperative Institute (Affiliate Branch) of Russian University of Cooperation, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Mochalov Evgeny Vladimirovich — Candidate of Philosophy, Professor, Head of Department of Philosophy for Humanitarian Specialties, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: mochalov_ev@mail.ru

Mukhamedzyanova Irina Aleksandrovna — Postgraduate Student of Department of Linguistics and Intercultural Communications, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: irina-mukhamedzyanova@mail.ru

Nikonova Lyudmila Ivanovna — Doctor of History, Professor, Principal Researcher — Head of Department of Ethnography and Ethnology, NIIGN, e-mail: congress7@list.ru

Nogmanov Aydar Ilurovich — Candidate of History, Associate Professor, Deputy Director, Institute of Tatarian Encyclopedia of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, e-mail: nogmanov_a@mail.ru

Puzakov Aleksandr Vladimirovich — Candidate of History, Associate Professor, Doctoral Student of Department of General History and World Political Process, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: pusakov@list.ru

Rogachev Vladimir Ilyich — Doctor of Philology, Professor of Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev, e-mail: rogachev-v@bk.ru

Rozhkin Evgeny Nikolaevich — Candidate of Economics, Academic Secretary, Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of Uralic Department of Russian Academy of Sciences, Assistant Professor of Department of Management and Marketing, Faculty of Management of Syktyvkar State University, e-mail: erojkin@gmail.com

Saraykina Yulia Viktorovna — Student of Faculty of Economics, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: guniign@list.ru

Svyatogorova Varvara Sergeevna — Candidate of Culture, Assistant Professor of Department of Culture Studies, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: mikardina@mail.ru

Skvortsova Marina Aleksandrovna — Candidate of Economics, Assistant Professor of Department of Statistics, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: skvorcova_ma@mail.ru

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich — Doctor of History, Associate Professor, Leading Researcher of Department of History and Archaeology, NIIGN, e-mail: stawiczky.v@yandex.ru

Tingaev Andrey Mikhaylovich — Postgraduate Student of Department of Finances and Credit, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: tingaev@e-mordovia.ru

Chushnikova Natalya Viktorovna — Candidate of Philology, Doctoral Student of Department of Finno-Ugrian Literatures, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: natali421@gmail.ru

Shaposhnikov Evgeny Lvovich — Assistant Professor of Department of Criminology, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, e-mail: shapa52@yandex.ru

Sharonov Aleksandr Markovich — Doctor of Philology, Professor, e-mail: sharon.ov@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna — Doctor of Philology, Professor of Department of Russian and Foreign Literature, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: sharon.ov@mail.ru

Sherstobitova Zhanna Viktorovna — Competitor of Department of Ethnography and Ethnology, NIIGN, e-mail: congress7@list.ru

Sheyanova Irina Ivanovna — Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Shirokova Vera Valeryevna — Teacher of Department of Criminal Law and Procedure, Middle Volga Branch of the Russian Academy of Law of the Ministry of Justice of the Russian Federation, e-mail: vera-selezneva@mail.ru

Scherbakov Anatoly Vladimirovich — Postgraduate Student of Department of Modern Regional Development, NIIGN, e-mail: anatoliischerbakov@yandex.ru

Yurchenkov Valery Anatolyevich — Doctor of History, Professor, Director, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Yurchenkova Nina Georgievna — Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

СОКРАЩЕНИЯ

ГАСИ ЧР — Государственный архив современной истории Чувашской Республики

ГА УО — Государственный архив Ульяновской области

ГИА ЧР — Государственный исторический архив Чувашской Республики

НА НИИГН — Научный архив НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия

НА ЧГИГН — Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук

ОИФН РАН — Отделение историко-филологических наук Российской академии наук

РГВИА — Российский государственный военный исторический архив

РОПРЯЛ — Российское общество преподавателей русского языка и литературы

ЦГА РМ — Центральный государственный архив Республики Мордовия

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» основан в 2006 г. и является регулярным научным изданием, выпускаемым НИИГН с целью оповещения научной общественности о результатах деятельности отделов института и введения в оборот материалов региональной гуманитарной науки. В связи с этим были определены направления, освещаемые в журнале: региональная экономика; отечественная история; политология; археология; этнография; языкознание; литературоведение; фольклористика; теория и история культуры.

Журнал выходит 4 раза в год как в печатном, так и в электронном виде. Электронная версия журнала размещается на сайте НИИГН: <http://www.niign.ru/>

Редакция журнала приглашает к сотрудничеству ученых, занимающихся проблемами развития региональной гуманитарной науки, и просит авторов при оформлении статьи придерживаться следующих правил и рекомендаций:

1. К статье, направляемой в редакцию, должны прилагаться *две рецензии*, подписанные специалистом и заверенные печатью учреждения.

2. Статья представляется в печатном (1 экз.) и электронном виде.

3. *Объем основного текста* должен составлять 0,5 — 1,0 печатного листа (12 — 24 страницы).

4. *Текст статьи* набирается в программе Microsoft Office Word 2003 шрифтом Times New Roman, размер кегля 14 через 1,5 интервала. Формат бумаги А 4, поля: слева — 3 см, справа и сверху — 2 см, снизу — 2,5 см, абзац — 1,25 см.

Статья оформляется следующим образом:

- 1) УДК (в левом верхнем углу);
- 2) инициалы и фамилия автора на русском языке (под УДК);
- 3) инициалы и фамилия автора на английском языке;
- 4) название статьи на русском языке;
- 5) название статьи на английском языке;
- 6) ключевые слова на русском языке;
- 7) ключевые слова на английском языке;
- 8) аннотация на русском языке;
- 9) аннотация на английском языке;
- 10) текст статьи;
- 11) литература (литература и источники; для этнографов — литература и полевой материал авторов);
- 12) сведения об авторах.

5. *Иллюстрации:*

внедряются в электронную версию статьи в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подрисовочные подписи выполняются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12 и вставляются в иллюстрацию в режиме Вставка;

иллюстрации не должны превышать размеры текстового поля;

обязательно должны упоминаться в тексте.

6. *Формулы и буквенные обозначения по тексту:*

набираются в среде редактора формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв — Symbol, для остальных — Times New Roman, основной размер кегля 14;

буквы латинского и греческого алфавитов набираются курсивом, кириллицы — прямым шрифтом;

при выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

7. *Таблицы:*

выполняются в режиме Таблица шрифтом Times New Roman, размер кегля 12; могут быть с заголовками и без них. Заголовок набирается строчными буквами полужирным шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

располагаются после ссылки в тексте.

8. *Библиографические ссылки:*

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12; фамилия и инициалы авторов выделяются полужирным шрифтом;

располагаются в конце статьи и имеют сплошную нумерацию;

оформляются согласно ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», например:

ссылки на произведения одного, двух и трех авторов:

Первичная

Юрченков В. А. Взгляд со стороны : Мордов. народ и край в соч. западноевроп. авторов VI — XVIII столетий. Саранск, 1995. 286 с.

Повторная

Юрченков В. А. Взгляд со стороны. С. 25.

Первичная

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры (на примере народов Закавказья, проживающих в Республике Мордовия) // Этнокультурное и этноконфессиональное образование: проблемы и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (9 — 11 дек. 2008 г.). Саранск, 2008. С. 89 — 93.

Повторная

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры... С. 90.

Первичная

Юрченков В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка и государственной безопасности // Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. : в 2 т. Саранск, 2005. Т. 2. С. 97 — 110.

П о в т о р н а я
Юрченков В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы право-
 порядка... Т. 2. С. 100.

ссылки на произведения четырех и более авторов:

П е р в и ч н а я
 Власть и общество в XX в.: региональный аспект (историографический обзор) / В. А. Юрченков [и др.] // Власть и общество: XX век. Саранск, 2002. С. 7 — 33. (Науч. тр. / НИИГН; т. 1 (118)).

П о в т о р н а я
 Власть и общество в XX в. ... С. 30.

П е р в и ч н а я
 Мордва юга Сибири / Л. И. Никонова [и др.]; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2007. 312 с. (сер. «Мордва России»).

П о в т о р н а я
 Мордва юга Сибири. С. 126 — 127.

При последовательном расположении первичной и повторной ссылок текст повторной ссылки заменяют словами «Там же», или «Ibid.» (Ibidem):

П е р в и ч н а я
⁵ **Келина А. Н.** Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Саранск, 1996. С. 10.

П о в т о р н а я
⁶ Там же. или ⁶ Там же. С. 15.

П е р в и ч н а я
³ **Mainof W.** Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissa, 1889. Vol. 5. P. 50 — 52.

П о в т о р н а я
⁴ Ibid. или ⁴ Ibid. P. 60.

В повторных ссылках на одно и то же произведение, созданное одним, двумя и тремя авторами, не следующих за первичной ссылкой, употребляются словосочетания «Указ. соч.», «Цит. соч.», или «Op. cit.», при условии, что ссылки делаются только на одно произведение данного автора (авторов):

П е р в и ч н а я
¹ **Чернов А. В.** Языковое строительство и процесс коренизации в Мордовии в середине 1920-х — 1930-е гг. // Центр и периферия. [Саранск]. 2008. № 2. С. 86.

П о в т о р н а я
⁵ **Чернов А. В.** Указ. соч. или ⁵ **Чернов А. В.** Указ. соч. С. 90.

П е р в и ч н а я
² **Paasonen H.** Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, 1992. Bd. 2. S. 590.

П о в т о р н а я
⁶ **Paasonen H.** Op. cit. или ⁶ **Paasonen H.** Op. cit. Bd. 2. S. 600.

Если ссылки делаются на разные произведения одного автора (авторов), то указывается фамилия автора (авторов) и полное или сокращенное название произведения (см. оформление произведения одного, двух и трех авторов).

Если текст цитируется не по первоисточнику, а по другой работе, то в начале ссылки приводятся слова «Цит. по:», например:

В т е к с т е

В ноябре 1919 г. А. Г. Шляпников открыто писал в газете «Экономическая жизнь»: «Фабричные и заводские комитеты... свели на нет последние остатки дисциплины и, кроме того, разграбили заводской инвентарь»¹⁴².

В с с ы л к е

¹⁴² Цит. по: Гражданская война в России, 1917 — 1922 гг. М., 2006. С. 269.

Комплексная ссылка содержит несколько ссылок, которые отделяются друг от друга знаком «>» с пробелами до и после него. Каждая из ссылок в составе комплексной ссылки оформляется по общим правилам.

Если в комплексную ссылку включено несколько ссылок на произведения одного и того же автора (авторов), то его фамилия во второй и последующих ссылках заменяется словами «Его же», «Ее же», «Их же», или «Idem», «Eadem», «Iidem», например:

²⁰ Юрченков В. А. Новый мир — новые традиции // Блокнот агитатора. Саранск, 1983. № 20. С. 19 — 21 ; Его же. Рост общественно-политической активности трудящегося крестьянства Мордовии в первые годы Советской власти (1917 — 1920 гг.) // Общественно-политическая жизнь села Советской Мордовии. Саранск, 1987. С. 26 — 43. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 87).

Ссылки на электронные ресурсы, например:

П е р в и ч н а я

Литчфорд Е. У. С Белой армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт армии генерала А. В. Колчака : сайт. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/lachford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

П о в т о р н а я

Литчфорд Е. У. Указ. соч.

П е р в и ч н а я

Жизнь прекрасна, жизнь трагична... [Электронный ресурс] : 1917 год в письмах А. В. Луначарского А. А. Луначарской /отв. сост. Л. Роговая ; сост. Н. Антонова ; Ин-т «Открытое о-во». М., 2001. URL: <http://www.audisium.ru/looks/473> (дата обращения 20.09.2010).

П о в т о р н а я

Жизнь прекрасна...

П е р в и ч н а я

Уральская семья народов : крат. информ. справ. о финно-угор. и самод. народах [Электронный ресурс] / сост. П. Симпелев, О. Лапшина. Сыктывкар, 2008. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

П о в т о р н а я
Уральская семья народов.

Ссылки на архивные документы, например:

ЦГА РМ. Ф. Р-40. Оп. 1. Д. 32. Л. 12, 13, 15.

РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1042. Л. 66, 121, 123 ; Д. 1043. Л. 141 ; Д. 1124.
Л. 60.

Прокаев И. Ф. Предисловие и история Петровского мордовского педагогического техникума // НА НИИГН. И-579. Л. 1 — 2, 13 — 15.

9. *Сведения об авторах:*

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

содержат фамилию, имя и отчество каждого из авторов, ученую степень, занимаемую должность, место работы (наименование учреждения) и адрес электронной почты; приводятся на русском и английском языках.

10. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

11. С аспирантов плата за публикацию рукописей не взимается.

В Е С Т Н И К
НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

№ 1 (25) 2013

Редакторы: *Е. В. Глазкова, О. Б. Гнатовская, Т. В. Шугаева*
Макет *Л. А. Челкановой*

Перевод на английский язык *А. В. Чернова*

Подписано в печать 13.03.2013. Формат 70 x 100 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 20,8. Тираж 300 экз. Заказ №

ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия».
430005 г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3.

ГУП РМ «Республиканская типография „Красный Октябрь“».
430000 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а.